

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

ОРДENA Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2017

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии

Приокские Зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2017 — 4(49)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Словесное золото сельбы: истоки одиночества

(К юбилею выхода в свет романа-эпопеи Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»)..... 3

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление..... 15

Сергей Лебедев. Революция. Октябрь. Есенин..... 46

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес. Бородатые боги (киноповесть)..... 53

Юрий Клеванец. Калка (киноповесть)..... 88

Яков Шафран. Гришино детство (главы из повести)..... 107

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Леонид Иванов. Прогулка под трибунал..... 122

Елена Аверьянова. Сказочная прогулка..... 128

Федор Ошевнев. У каждого — свое..... 133

Олеся Янгол. Сначала будет небо..... 137

Николай Макаров. Почетный сапер ВДВ..... 144

Йосси Кински. Сэндвич для поэтов..... 153

Михаил Смирнов. С возвращением, Федька..... 156

Петр Любостовский. Счастье из-за моря..... 162

Игорь Белкин-Ханадеев. Нимфа..... 167

Константин Емельянов. Почти как люди..... 175

Дмитрий Шарабарин. Рассказы..... 179

Кира Крестьянкина. Сказки..... 182

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Юрий Токарь. Разорванная вера..... 186

Сергей Лебедев. Деревянная родина..... 193

Роман Круглов. Стихотворения..... 197

Марк Польковский. О, как же эта сказка хороша (эротический венок сонетов)..... 199

Екатерина Володина. Русь..... 206

Александр Савостьянов. Рябина красная..... 209

Алекс Акулов. Натюрморт..... 213

Ольга Борисова. Домик саманный..... 215

Вадимир Трусов. Добрый совет..... 219

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Марина Баланюк (составитель), З. Н. Скопинцева. Выставочный проект Тульского областного художественного музея, посвященный 95-летию образования СССР..... 223

Олег Капириин. Виктор Фелюпкин. Из архива ФСБ. К 100-летию органов государственной безопасности.....	236
Виктор Буланичев. Крестьянский поэт Спиридон Дрожжин.....	245
«Самое дорогое, что у нас есть,— это наши близкие люди».....	250
Анатолий Коновалов. Взлет и трагедия Успенского (к 180-летию со дня рождения писателя).....	255
«Слову предлагающие число...» (о новом романе А. А. Яшина).....	263
ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ	
Александр Субетто. Умозамещение.....	267
О НОМИНАНТАХ НА «ЛЕВШУ-2017».....	285
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	
(Материалы авторов и об авторах: Сергей Сенин, Яков Шафран, Алексей Яшин, Леонид Ханбеков, Евгений Скоблов, Владимир Резцов, Игорь Карлов, Виталий Кузнецов, Бахытжан Канапьянов, Валерий Виноградов, Николай Макаров, Т. В. Тихоненкова, Марина Баланюк, Л. Н. Лапина, Людмила Авдеева, Ефим Гаммер, Елена Серебрякова, Игорь Нехамес).....	292

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы

Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)

Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Игорь НЕХАМЕС (Москва) — президент Академии российской литературы
 Олег ПАНТИЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Владимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
 — «Общеписательская литературная газета» (Москва)
 — газета «Тульская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Тульского регионального отделения Союза писателей России (председатель Н. А. Жуков)

*Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).*

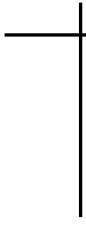
*См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>*

*Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и <http://priokskie.ruspole.info>*

*Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов:
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>*

*Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>
<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?ref=ts>*

© «Приокские зори», 2017

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СЛОВЕСНОЕ ЗОЛОТО СЕЛЬВЫ: ИСТОКИ ОДИНОЧЕСТВА

**К юбилею выхода в свет романа-эпопеи
Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества»**

◆ Глава рода Буэндия, потомок креола, бежавшего вглубь боливийской сельвы с побережья страны после обстрела их городка из пушек «пирата ее величества» Фрэнсиса Дрейка, в затерянном селении знакомился с достижениями цивилизации только от цыган, иногда забредавших в эту глушь в своей неуемной страсти к вековечному странствованию по всему свету. В очередной приход тabora охочий до знаний Буэндия приобрел у курчавых мировых скитальцев оборудование алхимической лаборатории и рецепт «философского камня» — по многократному увеличению в весе золотой затравки. Лестью и многими упрашиваниями он убедил свою жену Урсулу отдать ему для опытов тридцать старинных золотых из ее приданого, из поколения в поколение передающегося... Понятно дело, золото испанских монет превратилось у начинаящего естествоиспытателя сначала в прикипевшую к дну кастрюли коросту, а затем в серую золу, которую старший сын назвал свинячим дерымом, за что и получил от отца увесистый удар в лицо.

...Но подлинным словесным золотом латиноамериканской сельвы стал роман Маркеса «Сто лет одиночества» о роде Буэндия из затерянного, оторванного от всего мира селения Макондо, вышедший в свет в 1967 году. А когда четыре года спустя издательство «Художественная литература» опубликовало его на русском языке, роман Маркеса уже был мировым явлением двадцатого века...

Живо, как будто это вчера было, помню то первое прочтение романа: прежде всего — язык. Оно понятно — художественное произведение в переводе — это, говоря словами Валерия Брюсова, «фиалки в тигле». Правда, у него речь шла о переводе стихов, но ведь проза Маркеса, или нашего Андрея Платонова, к примеру, есть та словесная вязь образов, что звучит поэзией без рифмы и самодовлеющего ритма. Но к этому мы еще вернемся как *ipso facto**.

Творчество Маркеса, опять же *ipso facto*, извиняемся за навязчивый «латинизм», стало вершиной того айсberга, который в литературоведении, да, впрочем, в сознании самодостаточно мыслящих знатоков и просто любителей художественной словесности, устойчиво именуется феноменом латиноамериканской литературы XX века, а точнее срединной трети этого века. Это как на рубеже веков и до 1920-х годов миру были явлены феномены русского Серебряного века — в основном поэтического — и норвежской литературы во главе с Кнутом Гамсуном и его нобелевским романом «Голод».

Еще раз оговоримся: Маркес, точнее его «Сто лет одиночества», есть лишь вершина айсберга — феномена латиноамериканской литературы. Не менее прочна и основа; назовем только наиболее известные имена: кубинца Алексо Карпентьера, чи-

* В силу одного этого, само по себе (лат.).

лийского «сына селитры» Пабло Неруду, гватемальца Мигеля Анхеля Астуриоса, Хулио Кортасара с его знаменитым романом «Игра в классики» из Аргентины, «идеологически» непризнанного во времена СССР аргентинца же Борхеса... Второй романский язык Латинской Америки, португальский, всему миру представлен творчеством Жоржи Амаду. Кстати говоря, по принципу «обратной связи», характерному не только для точных наук, но в полной мере и для движения социальной эволюции, феномен литературы «падчерицы Европы» Латинской Америки в какой-то степени соотносится и с заметным оживлением материнской литературы Испании: писал уже восьмой десяток своих исторических романов патриарх Бенито Перес Гальдос (1943—1920); в первой половине XX века взошла литературная звезда Франсиско Аялы; наконец, это выдающийся испанский поэт, продолжатель традиционного в средневековой испанской поэзии жанра барокко — романсero (основоположник Луис де Гонгора и Арготе, 1561—1627) Федерико Гарсиа Лорка. Это соотнесение иначе как духовным и не назовешь: как близкородственные люди, что называется «на расстоянии», чувствуют и сопереживают беды или радости друг друга...

В романе Маркеса это романское духовное единство характерно и символично показано на примере главы рода Буэндия: его, обезумевшего, привязывают к дереву напротив входа в дом, и он дни, месяцы и годы сидит на скамейке под навесом — от дождя и солнца — из пальмовых листьев и брезента, забыв испанский язык и только порой разговаривает сам с собой на ином наречии, не понятном никому из жителей Макондо. И только новоназначенный в городок священник обнаруживает, что безумец говорит на латыни; видимо, его отошедшее от реальной жизни подсознание вернулось к мышлению на языке пращуров двухтысячелетней давности...

Итак, феномен литературы вообще, латиноамериканской в частности и в *особенности*, без определения которого сложно понять творчество Маркеса... тем более, появление «Сталет одиночества» — редкостного и исключительного бриллианта этого феномена. Ранее в своих эссе* о Кнуте Гамсуне и Игоре Северянине мы уже говорили об истоках таких «литературных взрывов». Причем им обычно сопутствуют и достижения в части музыки, живописи, пластических искусств. Самый грандиозный феномен история дала человечеству в эпоху Возрождения... Но все же главным задатчиком процесса всегда является именно художественная литература. Скорее всего, по двум <онтологически обусловленным> причинам: практически нулевая (бумага и перо) материальная составляющая творческого процесса — ни тебе концертных залов, органов, живописных мастерских и балетных театров... — и, что немаловажно в части несовершенства творческих школ и традиций, самодостаточность индивидуальной творческой одаренности, особенно в жанрах беллетристики и поэзии — поэтами не становятся, ими рождаются... Эта самоочевидная истина не требует комментариев и доказательств.

Как уже говорилось в упомянутых эссе о творчестве Гамсуне и Северянина, взрыв, феномен, а языком науки — бифуркация в области культуры есть следствие всплеска в конкретном этносе, то есть стране, группе стран с этногенетическим единством пройденного исторического пути, той же культуры и языка, *passionarnosti*; термин этот введен в мировой тезаурус нашим выдающимся ученым, создателем науки этногенеза Львом Николаевичем Гумилевым, сыном не менее выдающихся русских поэтов Серебряного века Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Подчиняясь

* Яшин А.А. Песня Сольвейг и бригантайское сказание: Кнут Гамсун и феномен норвежской литературы рубежа XIX и XX веков // Приокские зори.— 2014.— № 3.— С. 3—10.

Яшин А.А. Он лихо носил корону короля поэтов (Литературный фон творчества Игоря Северянина) // Приокские зори.— 2017.— № 2.— С. 3—13 (в электронном виде см. на сайте журнала «Приокские зори»: www.pz.tula.ru)

сложнейшим законам социальной эволюции человечества, пассионарность волнами проходит весь десятитысячелетний период цивилизации и культуры по континентам Земли, подвигая те или иные этносы и их группы на подвиги, озарения и великие свершения. Отсюда и рассматриваемые нами литературные взрывы, привносящие нации, этносу и всему человечеству феномены художественно оформленный мысли. При всем при этом все творчества и искусства *лишь следуют* за волной пассионарности, охватывающей все стороны материальной и духовной жизни этноса. Иногда же опережают основную волну (предчувствие), чаще — отстают (последствие). Это как метеочувствительный по физиологии своего организма человек реагирует на магнитную бурю или иные катаклизмы природных стихий «до» или «после». Это большинству людей хорошо знакомо, что называется, «на себе»...

Поскольку сейчас литературоведческие очерки и эссе читают, в основном, те, кто получил образование в советских школах и вузах, то есть не «человеки компьютерного мышления»*, но знающие мировую историю и культуру, воспитанно способные к анализу явлений и фактов социальной эволюции, то, «не растекаясь мыслью по древу», скажем кратко *in summa*:

— основной движитель пассионарного процесса в Южной Америке — это обретение в XIX веке «боливарианской» независимости от Испании, а в Бразилии от Португалии;

— воспоследующий пассионарному взрыву литературный <в первую очередь> феномен по преимуществу относится к северо-западной оконечности Латинской Америки — нынешние Колумбия и Боливарианская Республика Венесуэла, а также к странам Центральной Америки и Карибского бассейна, как наиболее населенных выходцами из Испании, поддерживающими связь с исторической родиной; в то же время явившимся первым объектом «внимания» североамериканского капитала — «Юнайтед фрут компани» и др.;

— ввиду того, что указанные территории Латинской Америки наиболее активно заселялись испанцами еще не с самых Колумбовых времен (...и Америго Веспуччи тоже), то там уже в XIX веке сложилась *исторически* хотя и относительно молодая, но все же испаноязычная культура, плоть от плоти Испании, что сказалось и на литературе;

— наконец, немаловажен тот факт, что базовое для Маркеса, особенно выражено представленное в романе «Сто лет одиночества», литературное направление *магического реализма* обязано во многом этническому составу населения южноамериканских северо-западных стран, Колумбии прежде всего, в которые не было завоза негров-невольников из Африки, в отличии от островов Карибского бассейна и Бразилии; то есть их население суть испано-индийское и креольское (главный «исходный» герой романа Маркеса Хосе Аркадио Буэндия — потомок креолов), а значит генофонотипический «романтический мистицизм», одинаково присущий этническим испанцам (об этом см. ниже) и индейцам севера южноамериканского континента, взаимно усиливавшийся.

◆ Теперь перейдем к *одиночеству*, как лейтмотиву романа Маркеса, подчеркнутому в самом его названии. Здесь мы позволим себе не во всем согласиться с доводами большинства исследователей творчества Маркеса в данном, превалирующем в творчестве Маркеса, но прежде всего в «Сто лет одиночества», аспекте: одиночество.

* Исследованию сущности и различия аналогового (творческого) и цифрового («компьютерного») мышления посвящена работа: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 10 / Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова и А. И. Субетто.— Москва — Тверь — Тула: Изд-во «Триада», 2014.— 513 с. (В электронном виде см. Интернет — по поисковику).

Обычно в таких исследованиях, а их достаточное число написано на русском языке или доступно в переводе, присутствует оговорка в том смысле, что этот роман так бы и остался — при всей его мировой популярности, обусловленной оригинальным и изобретательным масштабом развертывания сюжета, этнографическим колоритом — выдающимся явлением иносказательного жанра «магического реализма», каковых достаточное число есть во всемирной литературе, если бы не всепоглощающее содержание книги тема одиночества. ... В предисловиях к советской поры изданиям романа по понятной причине непременно добавлялась и *политическая инвектива*. Конечно, в действии «Ста лет одиночества» все это присутствует: тридцать две войны против правительства, что начал и все их проиграл полковник Аурелиано Буэндия; расстрел почти четырех тысяч забастовщиков из рабочих банановой компании, трупы которых в ста железнодорожных вагонах вывезли на побережье и сбросили в море; наконец, собственно банановая компания янки мистера Джека Брауна, устроившая в Макондо «банановую лихорадку» — ее прототип суть американская «Юнайтед фрут компани», чьей де-факто колонией стали еще в XIX веке все страны Центральной Америки и севера Южноамериканского континента, та же Колумбия.

Вместе с тем автор на сугубой политике акцента не ставит. Тот же полковник Аурелиано Буэндия возглавил борьбу против консерваторов в правительстве на стороне либералов вовсе не из идейных соображений, о чем он сам постоянно в мыслях и в словах держит на протяжении всех двадцати лет развязанной им войны, точнее — всех тридцати двух войн, которые он проиграл, тем не менее став национальным героем своей страны... Просто для латиноамериканских стран указанного выше «бананового пояса» (нефти в Венесуэле тогда еще не добывали и не отправляли ее на прибрежный голландский остров Кюрасао для переработки в бензин) в сто лет действия романа, то есть почти весь XIX век и начало двадцатого, внутренние войны «либералов с консерваторами», расстрелы бунтовщиков и банановые лихорадки были настолько обычным, повседневным делом, что обсуждать их, акцентировать на них внимание, полагалось в общении людей малоприличным. Так и в Макондо расстрел из четырнадцати пулеметов на вокзальной площади без малого четырех тысяч забастовщиков на банановой плантации уже на другой день было забыто — все удовольствовались официальным заявлением властей: никто ни в кого не стрелял, никаких ста вагонов с уложенными штабелями трупами не существовало...

Да что там тридцать две войны, начатые и проигранные полковником Аурелиано Буэндия с лучшим и преданным своим другом, тож полковником* Геринельдо Маркесом, которого он чуть не расстрелял, о чем позже жалел: в смысле, что не расстрелял... Ничего в той же Колумбии не изменилось в течение всего XX века, да и сейчас в начале двадцать первого. Как в период «ста лет одиночества» полковник Аурелиано Буэндия в завершении двадцатилетия войн подписал с правительством Неерландское перемирие, отказавшись от президентского ордена Почета и вернувшись в родной дом в Макондо к прерванному войной занятию делать ювелирных золотых рыбок, так и сейчас на телеэкранах мы воочию наблюдаем, как во все той же Колумбии в торжественной обстановке президент страны и руководитель марксистских повстанцев-партизан, носящий имя нашего выдающегося маршала Тимошенко, авторучками, вставленными в гильзы от патронов «калаша», подписывают договор о прекращении пятидесятилетней кровавой войны. В контексте заметим, что у латиноамериканских повстанцев в особой части имени Иван, Ильич, Ленин и другие. Другой

* Сугубо латиноамериканская традиция, особенно в Центральной Америке и на севере континента: до начала XX века (впрочем и посейчас...) военная служба там не считалась престижной. Поэтому всем офицерам давали звание полковника, а нижним чинам — сержанта. Это делали как правительство, так и противостоящие ему восставшие...

момент: как повстанцы полковника Аурелиано Буэндия очень напоминали обычных разбойников, мало чем брезгяя, так и современные замиравшиеся бойцы Тимошенко, по всей видимости тоже полковника, а быть может и генерала (сам же Аурелиано Буэндия от генеральского звания наотрез отказался), сражались, не особо обременяя казну СССР, а после его разрушения мировым империализмом и вовсе «перешли на хозрасчет». То есть в районах своего контроля взращивали плантации *Erythroxylon coca*, выражаясь ботаническим языком, гнали из него тонны кокаина, которым заваливали страну дяди Сэма. Выручки с лихвой хватало на покупку оружия и расходных материалов к нему, на обмундирование и армейские пайки, а в части марксистской идеологии — исподволь наркотизировали США, как цитадель мирового империализма... Сейчас и сами Штаты переняли этот опыт: в захваченном ими Афганистане американцы по-отечески благославляют тамошних декхан на посевную опийного мака, а полученная наркота так же отечески направляется на одурманивание населения России, которая всегда и во всем виновата перед «мировым сообществом»: при царях, при генсеках, теперь вот и при президентах...

Словом, ничего нет нового под луной в Колумбии за все столетия ее населения выходцами из Испании,— и вообще в Латинской Америке. Время там, и сейчас в начале нового тысячелетия, идет по кругу. На страницах «Ста лет одиночества» мать шестипоколенного рода Буэндия, дожившая почти до стаптидесятилетнего возраста Урсула, о таком зацикливании биологического, социального времени* твердит постоянно. Оно же, время, и безразмерно.

◆ Конечно, не собственно писательская манера магического реализма, не политический подтекст, давно ставший для Латинской Америки делом скучным и обыденным, не яркий <для европейского читателя> этнографический колорит, не еще с десяток таких «не», принесли роману мировую известность, а самому Гарсиа Маркесу (это его полная — от отца и матери — фамилия) в 1982 году Нобелевскую премию по литературе. И тот факт, что официальная мотивация премии «За романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента», вроде бы и относится ко всему творчеству писателя *in summa*, но де-факто это была премия за «Сто лет одиночества». Да и Нобелевская премия не могла быть вручена только за эту книгу по той причине, что ранее в 1972 году автор уже был удостоен премии Ромуло Гальбергоса, что противоречит статусу «нобеля»... Сейчас, по прошествии пятидесяти лет со дня опубликования романа и недавнем (2014-й год) завершении земных трудов его создателя, имя Гарсиа Маркеса все более переходит в очень почетную литературную ипостась «автора одного романа», приближаясь вплотную к столь же почетному рангу его испанского предшественника Сервантеса, автора *одного*, зато какого! — романа о хитроумном идальго Доне Кихоте Ламанчском, хотя бы им были написаны под сотню (!?) других романов, о названиях которых даже матерые литературоведы-испанисты спрашиваются в библиографических изданиях... Так что звание «автора одного романа», приносящее литературное бессмертие, заслужить намного труднее, чем, например, стать фельдмаршалом.

Разгадка всемирной славы и известности — до наших «компьютерных» времен, когда читать книги вовсе перестали — зашифрована автором в самом названии: широко и философски понимаемое *одиночество человека* в современном социуме. Опять же в литературоведении одиночество человека у Гарсиа Маркеса сводят к упомянутой выше философии в части соционихологии (и социобиологии тож): диалектическое единство и противостояние социальной и сугубо индивидуальной при-

* Исследованию сущности зацикливания и безразмерности биологического времени посвящена работа: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Отчет биоэволюционного времени: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 14 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 339 с.

роды при всем нарастающей в Новое, но особо в Новейшее время доминанты последней. И отсюда делается вывод: в романе «Сто лет одиночества», равно как в большинстве других его произведений, одиночество есть общая для всего миропорядка патология, которая своими болезнетворными вирусами разрушает как индивидуальную личность, так и весь социум. Что ж, с одной стороны, это «вписывается» в классическую концепцию, современного в особенности, движения социальной эволюции. В романе индивидуальный аспект — это шесть поколений рода Буэндиа, а социальный миропорядок сужен в сугубо художественных целях до отдельно взятой Колумбии, а еще точнее — до обитателей затерянного в сельве городка Макондо. Кстати говоря, на трехстах страницах книги автор ни единого раза не упоминает название страны, тем самым молчаливо, в контексте раздвигая этот гибнущий и прозябающий миропорядок на всю Латинскую Америку...

Но с другой стороны, это слишком общая, диалектическая, как мы не случайно оговорились выше, постановка вопроса раскрытия темы одиночества в романе Гарсия Маркеса. А раз общая, то и получается что декларативная... Несомненно, что и сам автор «Ста лет одиночества» осознанно усилил эту «диалектическую доминанту». Здесь следует знать биографию Гарсия Маркеса. Он был вовсе не этаким «самородком из сельвы», стихийным писателем художественно-философского первооткрывания «для себя». Вовсе нет; он, как говорится, не в тростниковых обутках и в одежде колумбийского качако с котомкой, в дальнюю дорогу, пирожков — касабэ из маниоки, пританцовывая народную кумбиамбу, явился из сельвы в Скандинавию за своей Нобелевской премией. Гарсия Маркес был в высшей степени светским человеком, объездил полмира, занимался международной журналистикой — был корреспондентом крупнейших колумбийских газет в Западной и Восточной Европе, а в конце 1990-х годов и вовсе являлся неформальным дипломатом: по просьбе тогдашнего президента Мексики являлся посредником в переговорах Фиделя Кастро и президента Клинтона...

Для его «западной светскости» характерен и такой немаловажный факт: с восторгом приветствовав революцию на Кубе, а еще ранее в 1957 году побывав в Москве на фестивале молодежи и студентов в статусе «певца и танцора» и игрока на гитаре и барабане, ток восхитившись советской страной, тем не менее, будучи в зените своей славы, он отклонял все приглашения посетить СССР, используя тогдашний унылый «западный лейтмотив», дескать, империя зла, нарушение прав человека <сейчас к ним добавились нарушения прав гомосексов...>, преследование евреев-диссидентов и прочие «песни народностей» (это по Ильфу — Петрову). Был ли здесь своего рода «коммерческий» расчет, что-де его поездка в СССР снизит продажу его книг на Западе,— здесь затруднительно ответить. Но и простаком-бессеребренником он явно не был. ...Вот и нынешние московские запиаренные «певцы и танцоры» в Крым не едут — в Европу, мол, не пустят на заработки!

Все сказанное выше призвано подчеркнуть: Гарсия Маркес вполне владел и мастерством — вдобавок к основному мастерству высокой художественности его произведений — так сказать «писательской кухни», потому и подчеркивал тему одиночества в своем знаменитом романе как сугубо *выигрышную* в реноме исконне латиноамериканского писателя. Здесь ничего обидного для имени выдающегося мастера литературного слова нет и в помине. В первую очередь, это программное название книги. Далее — не менее утвердительные последние строки ее: «...Город будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей в то самое мгновение, когда Аурелиано Бабилонья кончит расшифровывать пергаменты, и что все в них записанное никогда и ни за что больше не повторится, ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночество (выд. нами.— А.Я.), не суждено появиться на земле дважды».

...И в самом тексте книги слово «одиночество» повторяется не менее тридцати (далее считать не стал...) раз. А Мать клана Буэндия Урсула, когда ей показывали очередного новорожденного в последующих пра-прапоколениях, однозначно определяла принадлежность младенца к их роду по выражению врожденного одиночества на сморщеных их личиках. Заметим, что она же окончательно убеждалась в этой принадлежности, когда ребенок достигал юношеского возраста и в нем проявлялся другой генофенотипический признак Буэндия: у мужчин — огромный детородный орган, а у девушек — неописуемая красота и устремленность к пожизненной девственности... Здесь также, даже в фаллическом физиологизме и психофизиологизме, символ одиночества: обобщенно понимаемая несовместимость людей с печатью одиночества в половой дифференциации. Это вовсе не дань писателя принятому в западной литературе эпатажу, ставшему во второй половине XX века неизменным ее атрибутом.

Но вещественным же символом одиночества рода Буэндия и всего затерянного в колумбийской сельве городка Макондо стал огромный старинный испанский галион, заросший пальмами и папоротниками, с корабельным корпусом, покрытым гладкой броней из окаменевших за века ракушек. Самое поразительное — галион находился в двенадцати километрах от моря, «пенного, грязного, серого как зола». И глава рода Хосе Аркадио Буэндия, предпринявший попытку установить связь основанного им в глухой сельве Макондо с внешним миром, наткнувшись на «сухопутный» галион, все понял: *«Казалось, что это сооружение находится в каком-то своем, ограниченном пространстве — в заповеднике одиночества и забвения, куда не имеют доступа ни время с его разрушительной силой, ни птицы с их гомоном и суетой»*.

Второй раз символ-галион всплывает в романе, когда началась банановая лихорадка, а плантации бананов протянулись на месте бывшей сельвы столь далеко, что с высокого места в Макондо можно было, глядя в направлении вечной сухопутной стоянки древнего корабля, увидеть то самое пенное, грязное и серое море... Вроде как и к морю путь открыт, до Макондо построена железная дорога, но все одно одиночество осталось таковым для рода Буэндия и всего городка. Никакие «Юнайтед фрут компани» не снимут эту вуаль одиночества — скорее, наоборот.

И, наконец, Гарсия Маркес завершающим аккордом, то есть своей нобелевской речью *«Одиночество Латинской Америки»*, программно утвердил истоки одиночества как лейтмотив основной своей книги.

◆ Гарсия Маркес в романе почти не касается коренных обитателей Южной Америки — индейцев, то есть все герои книги потомки испанцев. И сама Испания незримо присутствует в романе, причем так явственно, органично, но не подчеркнуто, как, например, в родовой памяти и преданиях «старины глубокой» любой семьи контекстуально, если так можно сказать, как само собой разумеющееся, присутствуют образы и тени далеких пращур. *«Память отцов»*, как определил такое качество выдающийся русский философ-космист Николай Федорович Федоров... Здесь и воспоминания Урсулы о пиратах Фрэнсиса Дрейка, обстреливающих побережье тогда еще испанской Америки. И испанские золотые дублоны — самая твердая валюта за весь период дления «ста лет одиночества» семьи Буэндия и городка Макондо. Уже упомянутый старинный испанский галион. А среди персонажей романа и ученый каталонец, покинувший Испанию из-за тамошних войн и революций и не придумавший ничего лучшего, как открыть в глухом городишке Макондо книжную лавку с ... инкунабулами и первыми изданиями древних трактатов. Только к моменту исчезновения с лица земли Макондо у него появился единственный покупатель — последний из рода Буэндия Аурелиано, которому понадобился санскритский словарь. И так далее даже в именах ассоциативная связь с далекой родиной. Амаранта Буэндия, когда с ней по вечерам приходит ее несостоявшийся жених полковник Геринальдо Маркес,

с детства лучший и верный друг полковника Аурелиано Буэндия, проводит время «в обществе этого воина с грустным, поэтическим именем». Опять же незримая Испания: Геринальдо — герой испанского народного романса, паж, которого полюбила дочь короля...

Даже полагающийся чисто латиноамериканским обычай матерей посыпать своих незамужних дочерей к прославленным героям войн и революций с тем, чтобы они родили сыновей — будущую гвардию этих героев, пришел по всей видимости из Испании со временем почти тысячелетней войны с маврами. Так и романе Гарсиа Маркеса: *«Полковник Аурелиано Буэндия поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл. У него было семнадцать детей мужского пола от семнадцати разных женщин, и все его сыновья были убиты один за другим в одну — единственную ночь, прежде чем старшему исполнилось тридцать пять лет...»*

...Отсюда, кстати говоря, и широко распространенная легенда в Латинской Америке о «тысяче сыновей Фиделя Кастро», будь земля ему пухом, хотя бы он и был кремирован...

Итак, Испания незримо, подспудно во всей латиноамериканской истории и жизни. И было бы удивительным, если потомки испанских переселенцев в Латинскую Америку утратили родовую, генофенотипическую, выражаясь языком социобиологии, память и базовые черты характера. Здесь-то и следует искать истоки «одиночества Латинской Америки», как во многом, если не в основном, производные от исторического одиночества... *самой Испании* в среде европейских народов. Это только внешне кажется парадоксом, но нужно только чуток подумать и взвесить все *pro et contra* (лат. «за и против»).

Чего только не сказано и не написано, причем как истина в последней инстанции, о пресловутом «трехсотлетнем ордынском рабстве» русской нации — и все с тем уклоном, что-де эти триста лет изолировали Россию, обрекли ее *на одиночество* в семье европейских народов и последующее, уже невосполнимое, отставание от этой «семьи» во всем: от науки, философии и промышленности до современных архиценностей западной цивилизации: вседозволенности гомосекса и господства в <ущербных> умах единой сейчас «общечеловеческой ценности»: доллара и евро...

Все это смешно в ретроспективе. Во-первых, от этих трехсот пресловутых лет смело отсекаем ровно век от Куликовской битвы в 1380 году до «Стояния на Угре» в 1480 году, когда де-факто ига уже не было, но только настороженное сосуществование Московско-Тверского союзного княжества и Сарайского ханства. Да и в предыдущие двести лет Русь являлась не плеником Орды, но союзным же ей государством Улусом Джучиевым: исправно платила госналог баскакам, согласовывала с Сарайем назначение русских князей, а Орда «отрабатывала» все это военной помощью: псов-рыцарей на Чудском озере Александр Невский разгромил с участием татарской конницы; она же присутствовала и в войске Дмитрия Донского: сепаратист Мамай со своими генуэзскими наемниками равно был лютым врагом и Москвы, и Саира. Впрочем, отсылаем читателя за подробностями к Ключевскому, Льву Гумилеву, а из писателей-историков к «Памяти» Чивилихина. Только Костомаров и Карамзин здесь не помощники: они уже писали свои истории, как бы сейчас сказали, «по соцзаказу». Сомнителен здесь и Соловьев...

Это мы к тому вспомнили древних предков наших добрых сограждан татар (теперь и в Крыму...) и дружественных, особенно во времена СССР, монголов, что кичливой Европе нечаяна зеркало пенять или соринку в чужом глазу замечать, к каковой питают нежное доверие вечно неизбытные наши «западники» от исторической науки, это которые с «либерализмом головного мозга».

Проще и прямо говоря, наше постоянное догонянье Европы вовсе не Ордой объясняется, но тем, что русская цивилизация (государственность + религия) очень мо-

лода, ей всего лишь тысяча лет, в то время как за Европой, начиная с античных времен, стоит трехтысячелетняя история. Но вернемся к одиночеству Испании.

◆ Именно эта история Европы, определенная консолидированность культурных и иных традиций, почти двухтысячелетнее христианство в общем-то ограниченном территориальном ареале и позволили в целом ей избежать этнографического и этногенетического (по Л. Н. Гумилеву) одиночества. Даже Германии и Италии, хотя бы окончательно моногосударственно они оформились лишь к началу последней трети XIX века.

И только Испания, без того полуостровная и отгороженная от Европы Пиринеями, это одиночество сполна испытала. Кстати, в романе Герсия Маркеса в этом контексте прямая ассоциация опять-таки с испанской прародиной: после безуспешных попыток жителей Макондо, инициированных основателем города Хоше Аркадио Бундия, обнаружить окрест себе другие людские поселения, но во всех своих экспедициях по сельве выходивших на берега «пенного, грязного, серого как зола» моря, все пришли к выводу: Макондо расположен на необитаемом полуострове...

Восемьсот лет мавританского владычества над Испанией, полутысячелетний период вытеснения захватчиков — реконкиста — и только на самом рубеже XV и XVI веков полное изгнание арабов в Северную Африку и евреев-сефардов в Голландию. Все это сопровождалось собственно формированием испанской нации, определенным смешанием вестготов, первоначальных насельников Пиринейского полуострова, с маврами и сефардами, обособлением каталонцев и басков — вовсе не индоевропейской семьи народов. Наконец, переход из арианской формы христианства в ортодоксальный католицизм с созданием инквизиции... И как следствие такого одиночества, погружения в сугубо внутренние этнические процессы,— мощный пассионарный взрыв в XVI веке: колонизация всей Центральной и Южной Америки, захват Голландии, Португалии и значительной части Италии, появление владений в Африке и в Индокитае (Филиппины); Испания становится владычицей морей, потеснив Англию — до времени разгрома «Великой армады».

Все это в совокупности действия исторически сформировало испанский характер; «испанская грусть», как сказал уже наш советский поэт, хотя бы и по другому поводу. А вот Гарсия Лорка по-испански и об Испании:

*Por las callejas
hombres embozados,
y en las torres
veletas girando.
Eternamente
girando.
Oh pueblo perdido
en la Andalucía de llanto!*

(В переводе Мариной Цветаевой:

*Расходятся люди в плащах,
а на башне
вращается флюгер.
Вращается денно,
вращается нощно,
вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
в моей Андалузии
слезной...)*

...А спустя почти полстолетия, уже колумбиец Гарсия Маркес написал «Сто лет одиночества»: тоже по-испански, также о грустном одиночестве, генофенотипически доставшемся в доминирующей черте национального характера от материнской Испании. Как, повторимся, Урсула — мать рода узнавала принадлежность родившихся ее близких и дальних потомков к семейству Буэндия по печати одиночества на лицах младенцев.

Так что устоявшийся стереотип «Латинская Америка есть падчерица Европы» и определение Гарсии Маркеса «одиночество Латинской Америки» приобретают историческую и социальную адекватность с поясняющим дополнением: испаноязычная Латинская Америка этногенетически в определяющих чертах национального характера своих жителей — потомков выходцев из материнской Испании в полной мере унаследовала выработанный в средневековой Испании архетип ощущения одиночества, который, в силу исторической отъединенности государств Центральной и Южной Америки в XVI — XX веках от магистральных путей прогресса цивилизации и культуры, возобладал и в социумной организации.

...Здесь мы опираемся на очевидность диалектического утверждения, которое можно сформулировать следующим образом: субъективизм индивидуального характера, суммируясь в национальном ареале, переходит в объективизм социума, понятно, при внешней гармонии с факторами эволюции этого социума — вовсе не обязательно позитивными, стимулирующими и пр.

Наконец, общность доминанты характеров испанцев и латиноамериканских их «семейных родственников», как непреложное ощущение одиночества, выявляющееся душевно и поведенчески, наиболее ярко в литературном плане просвечивается в творчестве Сервантеса и Гарсии Маркеса, казалось бы, разделенных веками истории и Атлантическим океаном. Выше мы указали на сродство в принадлежности к почетной категории «автора одного романа», но ведь по качеству «одиночества» Дон Кихот Ламанчский и обобщенно — по шести поколениям рода и сугубым индивидуальностям — взятый Буэндия есть братья-близнецы, какими были в «Сто лет одиночества» Аурелиано Второй и Хосе Аркадио Второй — персонажи центральной части повествования и «середины» рода Буэндия, которых дважды перепутали друг с другом: при их рождении и похоронах. Хотя бы они во взрослом своей жизни по характеру и внешнему облику стали очень даже разниться друг от друга.

Так и Дон Кихот с Буэндия, каждый в развертывании сюжета своего романа, вроде и разнятся обликом и мотивацией своей жизненной устремленности, но... оба стали мировыми нарицательными именами одиночества. Именно сопоставлением Дон Кихота с Буэндия мы и ставим *point sur les «i»* (понятно без перевода с фр.) в развивающей выше генеалогии одиночества человека и социума от средневековой Испании к Латинской Америке Нового, да и Новейшего, вообще-то говоря, времени.

◆ Художественное, средствами литературного замысла и языка, отображение темы одиночества в романе Гарсии Маркеса достигается рядом достаточно новационных, оригинальных приемов; впрочем, автор не стремится выходить за рамки традиционных канонов романтической литературы. То есть творческая манера *мистического реализма*, к которой в литературоведении относят произведения Гарсии Маркеса, да и сам он не имел ничего против такой «привязки», суть дальнейшее продолжение и развитие испанской <опять же!> литературной традиции органичного сочетания реальности и «реалистичной фантазии», если можно так сказать. Опять же у Сервантеса в сюжетных действиях Дона Кихота такое сочетание — обычный литературный прием; достаточно вспомнить его бой с ветряными мельницами и пр. То есть никакие современные «фэнтази», «фикаши», «нон-фикаши» и прочие извращения литературного склонения, как следствия преобладания в нынешних мозгах «компью-

терного мышления» (см. выше ссылку на Т. 10 нашей «Феноменологии ноосферы»), не следует даже и пробовать сопоставлять над ставшим уже давно академическим мистическим реализмом — от Сервантеса до Гарсия Маркеса в испаноязычной литературе.

Основной литературный прием акцентации одиночества в романе использован автором как зацикленность повествования в развертывании сюжетных линий; оно же зацикленность и свертываемость социобиологического времени; снова отсылаем к нашей сноской выше на Т. 14 «Феноменологии ноосферы». — И все это в книге от личностной субъективности персонажей, как было сказано уже, обобщается на сугубую объективность социумного, далее всемирного в рамках эволюции человечества, этнозацикливания.

«Первый в роду будет к дереву привязан, последнего в роду съедят муравьи», — наконец-таки, прямо перед ураганом, уничтожившем городок Макондо, всех его обитателей и последнего из рода Буэндия, этот последний Аурелиано все же успел расшифровать написанный на санскрите (буквы азбуки Деванагари нанизаны на верхнюю черту словно разносортное белье развешано на веревке...) древним цыганом Мелькиадесом текст. Большой круг шестипоколенной семьи Буэндия символично замкнулся. Символично, ибо если основатели рода Хосе Аркадио Буэндия и Урсула являлись кузенными братом и сестрой и долго не решались завести детей, опасаясь, что в результате рождаются кровосмесительские дети со свиными хвостиками, то сын Аурелиано-последнего и Амаранты Урсулы, причем они не знали, что являются племянником и теткой, как раз и родился с таким атавизмом и тотчас после родов был утащен «собравшимися со всего света муравьями». По замыслу автора романа символ кровосмешения суть все то же одиночество, а обреченные на него роды, города, социумы предназначены на исчезновение из памяти истории. Этим утверждением, как уже было упомянуто выше, Гарсия Маркес и завершает книгу.

Урсула — мать рода Буэндия, само олицетворение стихийной мудрости, не устает отмечать, что время идет по кругу, то есть зацикливается. Оно же, как размышляет уже ослепшая Урсула, сжимается в единую для одномоментного восприятия картину, на которой все «сто лет одиночества», все шесть поколений семьи Буэндия, вся вековая жизнь Макондо и в целом страны с восстаниями, войнами, нашествием банановой компании, замершим в сухопутной сельве старинным испанским галеоном собраны воедино. — Своего рода круговая диарама, на которой все действия стянуты в единое время. Такой одномоментный обзор долговременных в действительности событий в психологии мышления принято называть «кувшином Магомета»: не успеет еще выплыть вода из опрокинутого кувшина, как в памяти человека оживут все, даже мельчайшие, события его прошлой жизни...

Зацикливание времени, его стягивание в одномоментность — это динамическая, она же и статическая, характеристика любого одиночества. Оно не имеет ни тенденций, ни качества выхода за свои узкие пределы. В самих именах шести поколений рода Буэндия, постоянно повторяющихся, автор прямо-таки дидактически, назидательно показывает этот ареал одиночества: Хосе Аркадио, Урсула, Аркадио, Аурелио, Аурелиано, Амаранта, Ремедиос, Амаранта Урсула — вот и весь набор имен в роду Буэндия, зацикленный во времени появления всех новых поколений. Это как в сакральных числах, замкнутых на себя самих. Как число тридцать шесть ($1 + 2 + \dots + 36 = 666$) — второе из «чисел дьявола», которое Гарсия Маркес упоминает в романе в этом сакральном его значении...

А вот имена женщин, «пришлых» в род Буэндия, как Фернанда, Санта София де ла Пьедад, Ребека, или сожительница Аурелиано Второго Петра Котес, или «поставляющая» в семью Буэндия детей от мужчин Буэндия Пилар Тернера, не повторяются:

они тоже из клана одиночества, но не рода Буэндия, одиночество которого — сюжетный стержень романа.

◆ Может и зря мы не совсем одобрительно в начале данного эссе отнеслись в оценке «Ста лет одиночества» литературоведами, что-де слишком обще берут, определяя одиночество как социальную, во многом и сугубо биологическую, диалектически обусловленную коллизию индивидуума и социума, разноустранимость их мотиваций. В общем-то все это так, все верно. Мы здесь и выше только следуем дедуктивному основанию логики: от <правильных> общих суждений к <тоже правильным> суждениям частным. Итак, есть одиночество социума и одиночество человека индивидуального.

Казалось бы, парадокс нынешней исторической эпохи: с одной стороны, все мы сейчас находимся на пике глобализации*, доселе в подлинном мире невиданного объединения людей и государств в единый мировой социум, с другой же — еще в большей степени незнамое когда-либо одиночество человека. С ним-то все понятно: молох глобализации все более ускоренно и неумолимо превращает бывшую личность в безликий винтик-болтик всемирной «биотехнической» машины: пока еще в чем-то узком востребованные мозги человека плюс технические виртуальные телекоммуникационные сети, многослойно оплетшие земной шарик...

И социумы, понимаемые пока еще по старинке как объединенные исторически и национально этносы, увы, следуя все тому же парадоксу глобализации, становятся субъектом одиночества. Та же Россия нынешняя — здесь опять «впереди планеты всей». Здесь и говорить что-то излишне: все и так на виду и на слуху.

А художественное отображение темы вселенского одиночества — роман Гарсия Маркеса — потому и создан на века.

«Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (*Послание к Галатам*; 6:8).

❖❖❖❖❖

* Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 460 с.

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин

(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА: РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ*

**БОЛЬШЕВИКИ И КОММУНИСТЫ;
СТАРАЯ ГВАРДИЯ И ВЫДВИЖЕНЦЫ;
НЕ БОЙТЕСЬ КРЕМЛЯ, БОЙТЕСЬ МЕНЯ**

Скорее всего последним для меня, а значит, и для задуманного во многих тайных размышлениях процесса подчинения партии Советам. Кстати, если каким-то чудом, божьим провидением этот процесс все же свершится, то терминологически верным будет самоназвание «большевики» оставить для анналов истории партии и революции и вернуться к марксовскому «коммунисту». Казалось бы — пустяк и несущественно, но в серьезных делах пустяков не бывает.

...Въедлив ты, Коба, на восьмом десятке лет! А въедливых всегда на филологические упражнения тянет. То на Марра в «Марксизме и языкоznании» набросился, хотя, конечно, нехрена ему лакеистовать: дескать, все языки с Кавказа пошли! Хорошо хоть не прямо из Гори и Тифлиса... Яффетист, твою за ногу!

Ну, с яффетической теорией разобрались, а к чему это большевики с коммунистами в их противопоставлении в голове бессонной засели? Не дай. Бог, раньше времени что-нибудь на этот предмет брякнуть — агитпроп такого наворочает!

И все же — что я так привязался к нашим славным большевикам и Марковым коммунистам? Исключая, конечно, терминологическую условность большевистского самоназвания. Ну, было дело, оказались мы в составе РСДРП в большинстве в запале фракционных баталий, поддержали Ильича и что? А то, что это самоназвание в определенном смысле поглотило коммунистическую сущность нашей партии. На определенном этапе это себя оправдывало, тем более, что наименование ВКП(б) все же подчеркивало первенственность коммунизма. В народном же обиходе по сравнению с иностранным словом «коммунизм» куда более понятные «большаки» воспринимались однозначно: большие, большинство, словом, хорошо понятная роль большака в крестьянской семье в три поколения.

Таким образом, длительное время в нашей советской истории превалировало большевистское самоназвание партии. Но после намечаемого отлучения партии от

* Окончание, начало в № 1, 2017 «ПЗ». Полный текст романа см. на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова.

администрирования все же доминирующим должно стать коммунистическое самоназывание.

И все же дело, конечно, не в терминологии, ибо большевик есть большевик, а коммунист, соответственно, коммунист. Дело здесь в другом, качественного порядка. Большевики — это сугубые практики революции и начального периода построения социализма в нашей стране. Это суровые бойцы, великолепные организаторы государственного строительства. Коммунисты же — это номинально члены коммунистической партии, люди различных профессий, занятий, интересов, которых объединяет в партии признание ими коммунистической идеи. И не только признание, но и добровольное следование уставу партии, который предполагает активное участие членов партии в построении нового, социально ориентированного общества, государства.

Казалось бы, различие чисто формальное, словесное. Но нет. С отлучением партии от администрирования большевики уступят место коммунистам. Туманно, конечно, сам себе излагаю, но что требовать от пожилого человека, хворого и пытающегося все разложить по полочкам в глухой ночной час? Вот так-то.

С расцеховкой членов партии на большевиков и коммунистов каким-то боком соприкасаются и различия между старой гвардией и выдвиженцами. Крайне условно старая, ленинская гвардия партии — это те, кто готовил, начиная с конца прошлого века, Октябрьскую революцию (революцию девяносто пятого года делали эсеры), активно участвовал в Гражданской войне, отстаивал интересы партии и страны в фракционной борьбе двадцатых годов, разгромил тогда же троцкизм. Далее интересы ленинской гвардии, особенно в первую половину тридцатых годов, переместились в управление государством, партией, армией.

На смену им в конце двадцатых — начале тридцатых годов в качестве практических работников партии и государства в низовом и среднем звенях пришли выдвиженцы, как правило, молодые, достаточно образованные рабочие, специалисты промышленности, науки, армии, не участвовавшие по малолетству в революции и Гражданской войне.

Говоря бытовым языком, на рубеже двадцатых-тридцатых годов произошла смена партийных поколений. Выдвиженцы же приняли на себя все хлопоты и тяжести индустриализации и коллективизации. Именно они под общим руководством старой гвардии и создали в тридцатых годах социалистическую державу СССР. Они же вынесли на себе все тяготы Отечественной войны и послевоенного восстановления страны.

И здесь как в обычной двухпоколенной семье. Старшее поколение с высоты своего жизненного опыта снисходительно посматривает на молодую, но уже набирающую силы поросль, иногда ворчит и брюзжит, но хорошо понимает: это их смена, продолжатели их рода и дел. А молодые несколько по-иному смотрят на сущность этих дел, порой выкобениваются, порой самонадеянны. Типичная семья, тургеневские отцы и дети. Здесь главное, чтобы между этими двумя поколениями не разорвалась цепь продолжения рода. Прежде всего по характеру и духу.

А вот сейчас, в начале пятидесятых, в партию приходит уже третье поколение, послевоенные выдвиженцы, но уже по-преимуществу рано повзрослевшие на войне. Все как в семье, причем в семье от поколения к поколению повышающей свой умственный и духовный уровень. Если старая гвардия редко могла похвастаться высшим образованием, полученным в молодые годы, а потом нагоняла это в двадцатые-тридцатые годы на различных курсах ускоренного типа, то выдвиженцы периода индустриализации уже имели школьное образование, учились на рабфаках и в институтах. Нынешние же выдвиженцы все сплошь образованные. Так и должно было быть: с фронтов в институты и университеты.

Старая гвардия — большевики, а выдвиженцы уже более коммунисты. Поэтому при отодвигании партии от административной и иной реальной власти мы должны ориентироваться на выдвиженцев, особенно их второе поколение.

...Большевики, коммунисты, старая ленинская гвардия, два поколения выдвиженцев — тридцать пять лет советской власти, а уже такая разветвленная история! И все эти ветви в партии пересекаются, дробятся, переходят друг в друга, где-то конфликтуют, порой даже враждуют. Все как в большой семье с ее предсказуемыми и не-предсказуемыми коллизиями: радостями и скорбями, ссорами и примирениями.

Не обходится и без общих бед. Как в ежовскую мясорубку, когда под расстрельными дулами и на лагерных нарах оказались представители старой гвардии и выдвиженцы первого поколения. Когда Лаврентий разбирал эти авгиевы конюшни бывшего слесаря и возвращал из лагерей почти четыре сотни тысяч, то точно также возвращались к прежней жизни ветераны революции и молодая поросль партии.

Именно с ежовского безумия, никак не с процессов середины тридцатых годов, по причине массовости безвинно осужденных началась и боязнь Кремля. Но не надо бояться Кремля — бойтесь уж лучше меня, если без страха нельзя жить и работать по совести.

Страх почему-то полагается постыдным чувством человека. Поэтому страх в восприятии большинства людей сродни трусости, предательству, лизоблюдству и далее вплоть до предательства. А антитезы страху — бесстрашие, героизм, самопожертвование и так далее — наиболее уважаемые качества человека. Гордый и бесстрашный человек джигит! Лучшей похвалы на Кавказе нет.

Но не надо поддаваться эмоциям и прислушиваться к так воспеваемому агитпропом любых времен и стран «голосу народа — голосу божьему». *«Vox populi — vox dei»*, — как латинизировал, посмеиваясь, семинарский отец Ираклий.

А вот умнейший академик Орбели и невропатолог профессор Коновалов из «кремлевки», что иногда пробует лечить мою усыхающую руку, те прямо говорят: страх есть самое естественное, биологическое качество человека. Не только человека, но любой живой твари. И у животных, у которых есть мозги что-то думающие, то есть, у млекопитающих, и вовсе интересно. Чем старее такое животное, тем оно боевливее, трусливее. Вот это-то и есть биологическое. Животное должно прожить все те годы, которые его породе отпустила природа. Собаке — не более полутора десятков, кошке с котом до двадцати и даже чуть более. А вот гусю аж все сорок! Усмехнулся. Вспомнил из детства соседку Нино, старуху-бобылку, что держала гусей (пруд за ее хибарой) и торговала на базаре крупными гусиными яйцами. Их охотно покупали хозяйки и господские кухарки. К пасхе и мама их покупала. Говорила, что из гусиных и утиных яиц лучшее сдобное тесто получается.

А вот человеку, как тот же Коновалов говорил, как биологическому виду отведено всего-навсего тридцать пять лет. Меньше, чем тому же, из детства, гусаку Гиго, взглазывающему соседкину стаю. Нино говорила: уже на четвертом десятке Гиго. Кстати, столько же отпущено и нашим родственникам-обезьянам. А то, что мы все-таки пребываем в этом мире в два, а у нас на Кавказе и в три раза дольше, как и у непьющих-некурящих староверов в России, так это, как умничает Коновалов: «Достижение цивилизации, культуры и даже медицины».

...Так о чем это я по-старчески болтался сам с собой? Да-да, о страхе, присущем всякому живому. Не надо бояться своего страха. Он есть осторожность, которая оберегает. Но одно у собаки, кошки, барана или слона, другое — у человека. Здесь Энгельсу с Орбели все карты в руки. Здесь в части страха уже не многомудрая биологическая наука марку держит, но социальная природа человека. Ему жить намного сложнее, за человека не природа или хозяин собаки думает, а он сам. Или человек же

хозяин. Так же и он, Вождь, должен думать почти за две сотни миллионов сограждан, а с недавних времен и вообще за половину мира.

Страх, как внешнее проявление осторожности, неотъемлемая черта человека как члена общества, государства. Безумство храбрых, как писал поэт, уместно на войне. В обыденной же жизни это ведет к анархии и питает контрреволюцию. Поэтому, когда говорят, что товарищ Сталин всем советским людям — страх, то нужно понимать: товарищ Сталин постоянно поддерживает у жителей СССР чувство осторожности. Осторожности за себя и за страну. Именно так и надо понимать.

Без осторожности никак нельзя. Главное, неосторожный человек, потерявший чувство страха, выпадает из коллектива, даже из своей семьи. А раз так, то он уже не может быть активным строителем нашего советского государства. Вот в чем необходимость чувства осторожности. То есть, страха в обыденном понимании.

Разве наше руководство, партия, я, наконец, что-либо новое здесь придумали? Вовсе не так. Народ наш в своей истории всегда кого-либо и чего-либо боялся, испытывал страх. Боялись гнева князей и царей, опасались стрельцов, опричников, жандармов, квартальных надзирателей. Опасались гнева придуманного бога на небеси, неурожайного голода, морового поветрия, войны с турками или поляками. И это чувство страха-осторожности позволяло существовать и развиваться русскому государству — от Киевской Руси, средней по размеру европейской страны, до 1/6 части земной суши. А даже и поболее в середине прошлого века с учетом Польши, Финляндии и Аляски с Калифорнией.

И любая власть — советская здесь пока не может быть исключением — прекрасно знает о необходимости и определенной полезности страха-осторожности как для государства, так и для самого народа. Либерализм, социальность, деспотизм здесь ни при чем. Такова сущность института государственности. И сам Платон для своего идеального государства не исключал страх. Даже безудержные фантасты-утописты: Мор, Кампанелла, Кабэ и вся их мечтательная компания. Возможно, роль страха отойдет на вторые-третьи-четвертые позиции в развитом коммунистическом обществе. Хотя бы потому, что идея государства отомрет. Но и тогда он не исчезнет вовсе, а просто переродится в иную, более гуманную форму осторожности. Опасение не совершилвольно или невольно моральный, этический проступок, не отвечающий канонам социального государства. Чувство вины за проявление биологического инстинкта эгоизма или эгоцентризма. Опять же разочарование, что не успел в активную пору своей жизни полностью реализовать отпущеные природой дарования. В общем, что-то в этом роде.

...Но уже в наше, далекое от идеалов время большинство государств, как капиталистических, так и в нашем соцлагере, отказались от практики предшествующих эпох: нарочито внушать страх своим подданным в интересах самого государства. Тем более в интересах своих, власть предержащих. Все-таки земная жизнь неумолимо совершенствуется. Цивилизуется, как любил повторять троцкист Бухарин.

В столь еще короткой истории Советской страны по необходимости санкционированное устрашение использовали Ильич с Иудушкой в красном терроре. А вот кровавая баня и массовые аресты, учиненные психом Ежовым, да отчасти до него и Ягодой, не говоря уже о спектаклях последних лет — от вымученного «ленинградского дела» до тлеющего «дела врачей» — это уже не санкционированный страх. Это сочетание необходимости, рьяности и необходимой чистки партии, но средствами, явно избыточными. Где и меня испачкали во всем, в чем можно.

Потому народ наш в массе своей страхом не пропитался. Просто стал осторожнее. Особенно в тридцатых года, понимая: большая война, к сожалению, неизбежна, и осторожность во всем — это помочь своему государству в подготовке обороны.

Мы все сделали, чтобы троцкистская присказка о боязни советского народа перед Кремлем не состоялась. Ибо здесь был ясно читаемый подтекст: бояться Кремля — бояться своего же государства. Кремль не мог быть источником страха, ибо государство наше прежде всего ориентируется на доверие, преданность и приязнь масс. И они это прекрасно понимают и чувствуют. Массы не обманешь, но и они нас не пытались, не пытаются нас обмануть.

Не бойтесь Кремля, бойтесь уж меня — кому следует бояться. К величайшему сожалению, наше государство еще не столь совершенно, чтобы можно было обойтись без страха. Гегелевская диалектика права во всех своих ипостасях. И в том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. В том смысле, что нарождались и сейчас нарождается антисоциальный элемент. А его разрастанию до недопустимого числа противостоит именно страх. Так пусть боятся меня, хозяина страны. Я не Иисус Христос, который взял на себя и искупил своей мученической смертью все грехи несовершенного мира, но все равно на меня со временем повесят все несовершенства и неровности построения советского государства. Пусть я буду до полноты картины и источником страха.

Со временем, но только более дальнем, ветер истории сметет мусор с моей могилы. А поумневшие к тому времени люди разберутся что к чему. И в части страха. Главное, чтобы — от обратного, как говорили математики-вычислители в той давней, юношеской обсерватории — чувство страха перед молчащими массами не овладело стареющими нашими руководителями. Опять же стареющее животное становится боязливым, что превышает принятую норму осторожности. Пусть лучше и они меня побаиваются. Даже те же Берия, Молотов, Каганович и наш двадцать седьмой бакинский комиссар.

Вот еще одна докука: заботиться, словно нянька, о степени боязливости старых и новых соратников по партии и государственному строительству...

КИРОВ, ЖДАНОВ, БЕРИЯ И ДРУГИЕ СОРАТНИКИ. УГОДНИКИ, ДОНОСЧИКИ, РАССТРЕЛЬЩИКИ И ПРОСТО ДУРАКИ — ВСЕ СПИШУТ НА МЕНЯ

Соратники... Самые верные из них, Киров и Жданов, ушли из жизни в самом активном для работы возрасте. Одного почти ритуально убили, второго, скорее всего, тоже уморили. Киров был воплощением энергии, жизнелюб и умница. Жданов же замечательно сочетал в себе потомственную интеллигентность и завидные качества государственника. Конечно, разве наши внутренние и внешние враги-троцкисты могли допустить, чтобы партия имела крепкий тыл в Ленинграде в лице того и другого? Разве могли они позволить мне на кого-то с полным доверием опираться ошуюю и одесную? Не могли. И не позволили.

Да еще меня к убийству Мироныча подло притянули. Дескать, заопасался после того знаменитого голосования Сталин потерять свой пост, вот и убрал Кирова с этого света. Да еще и спектакль устроил с приездом в Ленинград тотчас после сообщения в Кремль о выстреле в Смольном, с битьем по лицу уже на перроне Московского вокзала ленинградского обер-чекиста Медведя... Подлецы и клеветники, обо всем и обо всех по себе судят! Прекрасно ведь известно, что безо всякой лицемерия я четыре раза просил ЦК и Политбюро дать мне отставку с высшего поста. И Киров никогда этого поста себе не желал. А выборы те? — Они, троцкисты, со свечкой, что ли, стояли в комнате счетной комиссии? Дескать, не важно как голосуют, важно как считают. Да, Мироныч был вторым по числу голосов, но — вторым. Без всяких спектаклей. А стал бы первым, так сразу после оглашения результатов взял бы самоотвод. Не

из какого-то страха перед «мстительным Сталиным», но просто по характеру своему, да еще в такое тревожное, неустойчивое время, он привык быть вторым, ведомым. Кстати, Васька как-то рассказывал, что в войну, в авиации в боевых «двойках» истребителей ведущего и ведомого назначали не по званиям и наградам, а по характеристикам. Был характер ведущего и характер ведомого. Безо всяких обид. А характеристы эти вычислялись после первых же схваток в воздухе.

Ведущий — это воплощенная воля и врожденная интуиция в выборе мгновенно изменяющихся позиций боя. Ведомый — бесстрашная основательность, сочетание холодного расчета и осторожности — в стремлении защитить с тыла своего ведущего. И опытные комэски, матерые комполка, получившие боевое крещение еще за Перенями, это прекрасно понимали.

Так и у нас с Кировым была такая «двойка». Но воспрявшие духом подпольные троцкисты тогда решили дать «последний и решительный», мобилизовали все и всех. Дескать, главное — сбросить Сталина, а того же Кирова мы скоренько в барабан рог согнем. Но просчитались. Партия оставила меня. И Мироныч не захотел стать их марионеткой, тельцом для закланья. Нет худа без добра — то голосование позволило выявить затаившихся троцкистов. За что и второй свой провокационный тезис обналичили: съезд расстрелянных. Опять же не на обезумевшего Ежова, а на меня списали.

Ленинград... Бывшая вотчина Зиновьева. Именно он создал там троцкистское ядро. И как только Киров, а потом Жданов подбирались к нему, так их убивали: из револьвера, больничной инсцировкой. Истинная, глубинная политика так отличается от ее внешней, вроде бы хорошо объясняемой стороны, как причина землетрясения от вида разрушенных домов и беженцев с котомками.

Вот эта внешняя сторона большой политики, ничего общего не имеющая с истинной картиной событий, но чаще всего извращенная по некой команде «кру-угом», целенаправленна, прежде всего, на вечно крепкую задним умом интеллигенцию. История ее ничему не учит. Зато партайгеноссе Геббельс изобрел хороший способ ее обучения: ложь, повторенная много раз, становится правдой. Сходно действовал и Иудушка.

Ленинград... Что же с тобой содеяли Троцкий и Зиновьев? Сделали заложником амбиций этих политиков-антисоветчиков, не мыслящих свою жизнь в целенаправленном, общеполезном своей (своей?) родине труде, но только в вечном раздрое и сумятице. Только здесь они, как рыба в воде.

Лаврентий. Мингрелец. Почти земляк. Верноподданный автор — сказочник моей ранней политической биографии.* Да и не автор он никакой; какого-то профессора подрядил. Может, потом и расстрелял или на Колыму безвыездно отправил. И издатели книги лицом в грязь не ударили: бумага веленевая «слоновая кость», за двадцать штук иллюстраций, проложенных калькой, обложку только, наверное, Иван Поддубный мог бы согнуть... А на обложке — рельефное тиснение: молодой Коба с развеивающимся знаменем в руках ведет в наступление на царизм-самодержавие за-кавказцев. Целых шесть революционеров. По лицам четко видно: имеретинец с винтовкой, мингрелец с маузером или револьвером — не разобрать. Армянин и бакинцы без оружия. И здесь тонкие политики-издатели, оформляя книгу, держали в головах, что, раздай им оружие, так и дашнаки с муссаватистами им воспользуются!

...Но и такая книга была нужна в интересах государства для создания образа идеального Вождя. Лаврентий же всю жизнь держал и держит нос по ветру. Впрочем, в качестве ведомого товарищем Сталиным. Место Мироныча он, разумеется, не занял.

* Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье (Доклад на собрании Тбилисского партактива 21—22 июня 1935 г.) — М.: Партиздан ЦК ВКП(б), 1938.— 181 с.— Прим. авт. (Это 3-е издание, что «под рукой» у автора).

Характер не тот, методы не те, нет той широты взглядов, интересов и мышления. Берия — не ведомый, а разведчик фронтовой авиации, включая разведку боем. Поэтому ему смело поручались наиболее ответственные дела. Разведчиком он был в предреволюционном Закавказье. Даже сумел внедриться в жандармскую охранку, чем спас от тюрьмы многих товарищей по борьбе. И по этой части дождался «благодарности» от троцкистов: дескать, был Лаврентий жандармско-полицейским агентом в революционном движении... Чему уж тут удивляться, если где-то в эмигрантской прессе тридцатых годов (сейчас нельзя и у них, не поймут после войны) какой-то писака, то ли из троцкистов, а может, из прямых контриков, пропечатал, что и я был агентом охранки: ночью, мол, с Камо экспроприировал тифлисские банки, а днем писал отчеты в жандармское управление. Ни много, ни мало!

Второе большое, опять же конкретное дело, Берия делал в двадцатых годах: из полувраждущих грузин, армян и азербайджанцев, закавказских татар и горских евреев, турок-месхетинцев, мингрелов создал ЗСФСР. Унял националистические страсти, прижал к ногтию тифлисских меньшевиков, дашнаков и муссаватистов. Тем самым унял перманентную, как любил ораторствовать Иудушка, закавказскую драчку, с помощью одиннадцатой армии усмирил собственно Кавказ и, как исправный завхоз, «сдал» Кавказ и ЗСФСР из рук в руки образовавшемуся СССР. А сам перебрался в Москву расти в чинах и званиях.

Подоспел он вовремя — надо чистить авгиевы конюшни ежовщины. С чем Лаврентий блестяще справился: вернул из лагерей и тюрем почти четыреста тысяч человек, в основном столь нужных в предвоенные и военные годы специалистов для промышленности, науки и армии. А Лубянку-конюшню вымел метлой от зажравшихся на непыльной работенке жеребцов-расстрельщиков и фабrikаторов конвейера липовых дел. Заодно и наказал наиболее рьяных принятых тогда способом... Мягче нельзя, не то время. Увы. С расстрельщиками их же приемами.

Справился Берия с многотрудными обязанностями в войну, а когда начали освобождать ранее оккупированную советскую территорию, особенно в западных областях и на Кавказе, то двадцать конных полков НКВД навели там порядок.

Но главная заслуга Лаврентия — это, конечно, атомный проект.* И сейчас он на своем месте: суров, но, в общем-то, справедлив. Конечно, настолько вжился в роль разведчика-первоходца, в ореол грозы, которой не столько детей пугают, но в основном взрослых, что уже, как говорится, положение обязывает.

Жаль, но если меня уберут все же, или естественной смертью умру, то и Лаврентий не надолго меня переживет. Один он останется против стаи карьеристов и националистов, вынужденных пока работать. Растросят. Особенно, если тот поспешит занять освободившееся в Кремле место. Ведь ему тоже не терпится, да? А Маланья-Маленков, Хрущев, Булганин... или кто там еще на мое место претендует, Лаврентия люто ненавидят. Ненавидят и боятся, на время даже объединятся против него. Жаль мне его в будущем.

А другие, нынешние соратники? Ворошилов и Буденный? — Ну, с ними все ясно; живые памятники революционной эпохи, героической молодости Страны Советов. Наглядное пособие для агитпропа. Оставим их в заслуженном за неколебимую верность покое.

Молотов, Каганович, Булганин — фигуры соратников второго плана. Каждый со своей определяющей характеристикой. Первый — уменьшенная копия Талейрана или Мазарини. Главный еврей Советского Союза — архинадежен, прямолинеен, вне партии свою жизнь не мыслит. Даже когда порой и взбрыкивает. Я, мол, вам не ев-

* По рассказам очевидцев, до сих пор в Арзамасе-16 (Сарове) уже третье поколение атомщиков вспоминает о Берии похально. А вот о «диссидентском страдальце» и академике — не очень. — Прим. авт.

рейский общественный деятель, а член Политбюро! Что-то в таком роде сказали, когда его попросили подписать какое-то обращение Советского антисионистского комитета — очередной забавы агитпропа. А так — в конкретных делах сверхисполнителен. Всё не зря народ говорит, что по прибытию поездов часы сверяли — это когда Лазарь железными дорогами командовал.

А Булганин со своей троцкистской бороденкой просто веселый человек. Но стрезву сообразителен. Как всякий пьющий с человеческим же грехом невольно всегда чувствует себя в чем-то виноватым. Постоянное же желание такого человека — трудом, исполнительностью и даже излишней преданностью искупить этот, впрочем, простительный, грех. Словом: чувт кошка чье мясо съела. Пусть себе щеголяет в маршальском мундире!

Особняком стоит Жуков. Но его надобно держать на коротком поводке. Георгий Константинович на своем месте на войне, то есть, умен, решителен и вполне самостоятелен, хотя слишком размашист, не экономен в солдатах. Но в мирное время чувствует себя не совсем уверенно. Это все объяснимо: военная косточка! А раз так, то им вполне могут воспользоваться, как проходной... ну-у, не пешкой, конечно, а слоном или даже ферзем, для удовлетворения своих амбиций намного более хитрые и ловкие в интригах большой политики. Тем более, что Жуков по своему характеру — не Наполеон. Того ведь тоже конвент хотел использовать этаким «рабочим полководцем». К их огорчению корсиканец оказался слишком умен и после взятия Тулона, покорения Северной Италии и похода к пирамидам («Солдаты! На вас смотрят сорок веков!») разогнал конвент и стал императором Французской республики.

Но Жуков — не Наполеон. Он — современный Суворов, который постоянно и всем жаловался: я в войнах ставлю на престол или снимаю королей и императоров, а в своей стране в мирное время не вылезаю из опала. Что ж, такова обычная участь русских полководцев: воины великолепные, но политики в своей стране почти никакие.

Мало, мало у меня соратников, зато вся страна, что в руководящих креслах, ох как богата на угодников, доносчиков, расстрельщиков и просто дураков. И все их делишки, конечно, спишут на меня.

ИСТОРИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ХХ ВЕКА — МИФ О ГУЛАГ'Е; МЕНЯ НАРЕКУТ КРОВОПИВЦЕМ — МУСОР НА МОЕЙ МОГИЛЕ

...Спишут на меня, если мои преемники станут делать свой политический гешефт наметанием мусора на мою могилу. Так поступают люди, дорвавшиеся до власти, но не имеющие за душой и в голове качеств созидателя. Вообще все власть имущие делятся — за исключением совсем серых личностей — на два типа: создатели нового и критиканы прошедшего. Или, как кто-то из наших авиаконструкторов еще на совещании с ними в тридцатые годы сказал: «В промышленности все инженеры подразделяются на две категории: изобретатели и критики изобретений из отдела технического контроля». Кажется, Яковлев и сказал. А я ответил в том смысле, что такое положение вещей, вообще говоря, совершенно правильное. И не только в промышленности, но и в политике. Главное, чтобы количество и полномочия критиков не превысило число изобретателей и новаторов.

Вот, кстати говоря, о мстительной жестокости товарища Сталина. Когда те же авиаконструкторы, посланные в командировку в САСШ и снабженные немалыми деньгами, вместо технической литературы и документации, образцов самолетных узлов и так далее, проср... эти суммы, закупили «для дома, для семьи» всякий бытовой хлам навороде холодильников и стиральных машин, даже телевизоров, не работающих от московского вещания, то, конечно, были наказаны за срыв задания, но —

мягко. Главное — за дело. А потом все свои пиджаки штатские и кителя военные разукрасили орденами и лауреатскими медалями. А сотвори такое какой-нибудь партийный или административный чин? Эх, все одно скажут: невинно пострадал от необузданной жестокости Сталина...

А кто вообще закрыл глаза на грабеж дворцов и музеев Германии в нашей оккупационной зоне, когда маршалы, в том числе и Жуков, по наущению своих жадных, как и все бабы, жен-дочерей не вагонами, а составами везли «контрибуцию» на свои квартиры и госдачи? Не товарищ Сталин, чтобы не снижать «градус» Победы? Конечно, маршалам прегрешенья отпустил, а чинов поменьше наказал.* — Еще одна категория жертв тирана Сталина...

Везде должны изобретатели-созидатели разумно дополняться умными критиками. За исключением армии. Там критики по уставу не положены. Вместо критики — ответственность по субординации.

Военные... Когда меня нарекут кровопивцем и создателем на территории СССР тюрьмы размером с 1/6 части земной суши, то станут прямо-таки вопить, как муэдзин с минарета, о погубленном тираном командном составе Красной Армии перед самым началом войны. Дескать, обезглавил по какой-то своей прихоти армию, почти всех офицеров расстрелял — и прочая чушь.

А истина-то в том, что накануне уже неизбежной большой войны в Европе, да и во всем мире, Красная Армия была небоеспособной. В лучшем случае ей бы удавались (и действительно удавались) локальные сражения.

Это наглядно показали большие маневры середины тридцатых годов в Белоруссии и на Украине. Тогда мы искали возможных союзников в грядущей Большой войне, пригласили на эти маневры представительные военные делегации из Франции, Англии, Италии... и опозорились перед всей Европой. По итогам позорных маневров французы вежливо похвалили заключительный — перед отъездом наблюдателей — обед с его сервировкой. Англичане дипломатично одобрили выправку и слаженную маршировку бойцов Красной Армии, а посланцы дуче и вовсе промолчали.

Это был одновременно провал и сигнал к скорым действиям. Поэтому на заседаниях Политборо и ЦК партии, а вовсе не единоличным решением мстительного Сталина, принято решение о спешном довооружении и вообще о перевооружении армии и чистке высшего и среднего комсостава, с которым Большую войну не выиграешь.

Рыба тухнет с головы, а наши маршалы и командармы первого ранга, выдвиженцы Гражданской войны, совсем отвыкли за почти два десятка мирных лет мышей ловить, вообразили себя генерал-губернаторами, словом — наслаждались хорошо устроенной личной жизнью.**

Их уже не перевоспитаешь, верхушку Красной Армии. То же, конечно, относится и к Ворошилову, Буденному, Мехлису, но те — преданные, ни в чем не замеченные. Остальных надо было отстранять и заменять выдвиженцами навроде Жукова, понюхавших пороха современных войн.

* К слову вспомнилась одна быль, претендующая на реальность. Задержали на границе пару вагонов с «германской контрибуцией», принадлежащей большому интендантскому лицу в звании генерал-полковника. Будучи по казенным делам на приеме у Сталина, тот ввернул ему бумагу с просьбой пропустить эти вагоны. Иосиф Виссарионович прочитал, надписал резолюцию и молча кинул бумагу на стол перед обер-интендантом. Тот взял ее и прочитал: «Отдать полковнику его барахло». — «Извините, товарищ Сталин, я — генерал-полковник». — «Идите, полковник», — ответил Сталин. — Прим. авт.

** Как бы кто ни относился к кинорежиссеру Никите Сергеевичу Михалкову, но в его фильмах преувеличивает талант их создателя, который подспудно, помимо политустановки самого режиссера, выводит на экран правду. В контексте настоящего примечания — это, конечно, фильм «Утомленные солнцем». Задуманный как сугубо антисталинский, вопреки этой установке фильм показал, чем занимались эти бывшие герои Гражданской войны вместо боевой подготовки армии: почти помещичий быт и купание в былой славе. — Прим. авт.

Был ли реальным или только в брюзжании троцкистский военный заговор? Какие-то документы имелись, Лубянка как всегда постаралась... Да еще фигура наполеонистского Тухачевского — «полководца», проигравшего все сражения Гражданской, допустившего поляков почти до Днепра. Отличился только зверским подавлением внутренних мятежей. Даже с применение газов. Да еще похвалялся: дескать, генералиссимус Суворов тоже против внешних и внутренних врагов воевал.

Да, Александр Васильевич разбил Пугачева и уничтожил сорок тысяч ногайцев — весь их народ. Так царица велела. Но за Суворовым победы над турками и поляками, переход через Альпы и опять же разбитые наполеоновские армии. Нашел с кем себя сравнивать, поручик, выбившийся в маршалы! Уж он-то точно каждую ночь видел сны, как въезжает на белом коне в Кремль.

Тогдашняя обстановка к гуманности не располагала, да и нужно было показать новому руководству армии, что РККА — не клуб по интересам и не дружащие семьями генерал-губернаторы военных округов, но — монолит, беспрекословно подчиняющийся руководству страны и равный воинским искусством армиям уже наметившихся противников в грядущей войне. Отсюда и расстрел девяти высших военачальников, так или иначе провинившихся, в июне тридцать седьмого года. А на мне — одним грехом больше, хотя и грехом неизбежным, продиктованным обстановкой. Но разве я один решение принимал? Решение это принимал и каждый член Политбюро и ЦК. Они, как ни в чем не бывало, после меня будут в высших президиумах заседать, может, страной руководить, меня охаивать, забыв о своих расстрельных подписях. Расстрельщики, мать вашу... Все бы за моей спиной прятаться. Или как этот... Мандельштам в своем пасквиле: «*Для него что ни казнь — то малина, и широкая грудь осетина*». А я его, щадя талант, оберегал сколько мог, пока угодники-расстрельщики не добрались.

Как-то даже дотошные троцкистские журналисты на Западе не подняли «национальную тему» по поводу этих девяти маршалов и командармов? Ведь среди них только один русский — Тухачевский, да и тот сомнительный, из дворянской семьи Смоленской губернии. А там среди дворян преимущественно польские потомки. А остальные? — Евреи Якир, Фельдман и Гамарник; литовцы Уборевич и Путна; для компании — эстонец Корк и латыш Эйдеман. Примаков и тот украинец щирый.

Такой вот интернационал. Это, конечно, не главное и не определяющее, никто их в Политбюро и на Лубянке по только что тогда введенным в обиход вместо крестильных метрик свидетельствам о рождении не сортировал. Мы — сугубые интернационалисты. Да и на Лубянке тогда евреи и латыши верховодили, чего им своих сдавать?

Грех, конечно, так думать об имевшем место быть (что-то я слезливый стал на старости лет?), но все же Красной Армией, почти полностью русской, должны командовать военачальники из русаков. Сложно представить, чтобы английской армией руководили в войну, да и в мирное время, маршалы и генералы из индусов, канадцев, южноафриканцев этнических? Все же национальный момент пока еще в мире никто не снимал с повестки дня.

...Да, как это троцкисты и западные писаки упускают случай в очередной раз ужалить меня? А услыши мои мысли-слова, еще бы и в обратную сторону вывернули. Мол, сам-то из каких? Вот в войну английской армией командовал стопроцентный британец Монтгомери, американской — Эйзенхауэр, чьи потомки-голландцы первыми после Колумба прибыли на Манхэттен. Про де Голля и говорить нечего: гасконский дворянин, почти мушкетер! А у Советов верховный из грузин или осетин с дикого Кавказа...

Что же касается среднего комсостава до генералов включительно, даже в высоких чинах, то надо помнить: в Гражданскую войну в Красной Армии сражались сто

тысяч бывших царских офицеров, включая полковников и генералов, что было больше числа офицеров в армиях Деникина, Колчака, Врангеля и всех остальных белогвардейцев. Даже не простых, а с громким военным именем на слуху. Инспектором конницы Красной Армии почти до самой Отечественной служил знаменитый Брусилов. Опять же героический фортификатор Карбышев — наш советский Тотлебен.* Многие другие. Но среди этих ста тысяч было не так уж мало людей расчетливых, понимавших неперспективность белого движения, просто карьеристов-конъюнктурщиков, либо туповатых и неразборчивых в средствах и идеях. Многие из них относились к рядовым красноармейцам и унтерам как к убойному скоту. То есть, их отношение к воинской службе напоминало аналогичное в среде царских флотских офицеров, по-преимуществу из остзейских немцев: мы, дескать, служим русскому императору, но не России. Отсюда и их отношение к нижним чинам, во многом подвинувшее основную массу матросов Балтфлота и Черноморского флота стать авангардом Октябрьской революции, Гражданской войны.

Наконец, как среди бывших царских офицеров, а надо помнить, что большинство из них не были дворянами, так и подготовленных уже советскими военными училищами и академиями, с избытком хватало людей с криминальными наклонностями, хозяйственных воров, пьяниц, хронических нарушителей воинской дисциплины, садистов и изуверов, патологических личностей. Иначе и не могло быть в огромной по численности армии, состав которой — отображение всего населения. А оно, население-то, к началу тридцатых годов еще несло на себе в определенной степени сумятицу двадцатых годов. Что, по приказу партии все в одночасье переродились в честных советских людей, упорно и осознанно строящих светлое будущее социализма? Как бы не так. Революция, кровавая Гражданская война, НЭП, безработица, раскулачивание и расказачивание, активность троцкистов, происки фракционеров всех мастей, массовая преступность ото всего этого, определенное крушение идеалов, обещанных революцией... мало ли еще чего? Словом, и к началу тридцатых годов в кипящем уже на полном пламени кotle индустриализации, коллективизации, образования и внедрения в широкие массы идеологии советского, социалистического образа жизни далеко еще не все загруженное в него переварилось.

Еще раз следует подчеркнуть: армия, тем более рабоче-крестьянская, советская, есть полное отражение духа и характера населения страны со всеми их достоинствами и недостатками.

Поэтому чистка среднего состава армии, в основном от майоров до полковников, оздоровила ее, хотя какой-либо массовостью не сопровождалась. Уволили восемнадцать тысяч командиров, из них около шести по явшему составу преступлений ненадолго были арестованы, но вскоре и освобождены, даже возвращены в строй. Расстреляны же только те, за кем много грехов накопилось: в меньшей части политических, в основном — должностные и хозяйствственные преступления. В то суровое время и с гражданскими лицами поступали точно так же за аналогичные проступки. Время суровое, кара суровая. Но иначе честные люди нас бы не поняли.

А начавшиеся в то время в западной официальной и эмигрантской прессе вопли об уничтожении Сталиным (не Политбюро, не ЦК, а именно *Сталиным!*) всего офицерского корпуса Красной Армии вызывали в СССР только усмешки. Восемнадцать тысяч уволенных, частично арестованных, по сравнению с полутора сотней тысяч офицеров в строю? Опять же мы в это время отказались от царской системы трехуровневой комплектации и мобилизации и перешли к боеготовности военного времени, то есть Красная Армия возросла от ста до двухсот дивизий. Соответственно,

* Генерал Тотлебен руководил строительством оборонительных сооружений в Севастополе во время Крымской войны.— Прим. авт.

удвоился и офицерский корпус. Так что проштрафившиеся в чистку составили всего лишь единицы процентов от общего числа командиров РККА, а на РККФ — доли процента. На последнем, кажется, только командующий Северным флотом Душенов из высших чинов — был арестован, но перед войной и того освободили.

Примерно также шла в тридцатых годах чистка высшего партийного и административно-хозяйственного аппарата. Пришла пора избавиться от попутчиков, тайных троцкистов, прямых вредителей и вообще «старой гвардии», уже не способной к гостроительству, ставшей тормозом. А показательность этих процессов стала хорошим уроком для выдвиженцев. Зиновьев, Каменев, Бухарин и иже с ними — они выработали свой творческий потенциал. Но ведь их просто так в отставку не отправишь. И народ нас не поймет, и воспитательно-дисциплинирующего эффекта не получится.

О расстрелах, за которые меня назовут кровопивцем, по-мандельштамовски: «*Для него что ни казнь — то малина*». Почему бы этому, безусловно талантливому, поэту было не написать эти строки о Троцком? Если при чистке Красной Армии в тридцатых годах к высшей мере за действительные преступления была приговорена тысяча с небольшим бывших командиров, то только в Крыму после разгрома Врангеля по приказу Иудушки расстреляли пятьдесят тысяч сдавшихся в плен офицеров. А ведь, вообще говоря, были врагами, но не преступниками. Опять же на них распространялись все права военнопленных. А сколько миллионов (не тысяч, даже не сотен тысяч) наиболее образованных, деятельных, преимущественно русских людей при Троцком и, увы, при Ильиче были уничтожены безо всяких оснований в подвалах губернских и столичных ЧК, в «образцовом» лагере перевоспитания на Соловках, знаменитом СЛОН^е*? Такая вот история-проститутка...

Да еще полубезумный извращенец Ежов кровавую баню устроил! Все, все на меня и Лаврентия спишут, хотя бы после Ежова большую часть арестованных освободили, а Берия разогнал к чертовой матери, а кого и под дуло поставил, этих ягодино-ежовских расстрельщиков. Эта веселая компания еще при Троцком свила там гнездо. После окончания войны и вовсе смертную казнь отменили: хватит, пролили кровушки своей на фронтах, не будем же и далее ее проливать даже у предателей, власовцев, уголовников.

...И ведь 58-я статья что в тридцатых, что в сороковых годах в общей численности сидельцев по лагерям и тюрьмах вовсе не составляла большинства. Как будто вопрос с уголовной преступностью в СССР решен? Да и по знаменитой этой статье работа Лубянки не многим отличается от обычной уголовной милиции: мелочь, подставных лиц хвалят, а крупная рыба жирует на воле. В этом и причина живучести троцкизма.

Что это я оправдываться стал? Опять старческое, мальчики кровавые в глазах,— не преминет заметить некий мой хулитель, а имя им есть и будет легион. Еще какой огромный легионище серых, тупых, алчных и нечистоплотных людышек.

Ведь никому в голову не придет, что хозяин огромной страны есть заложник ее забот, побед и поражений. А главное — любой хозяин по определению, как это ни дико на первый взгляд смотрится, есть самый стесненный в выборе средств человек. Не говоря уже о пресловутой свободе выбора. Об этом реформатор католичества Лютер много говорил, даже основной свой трактат так поименовал.

В простом крестьянском дворе хозяин руководит всем, но доверяет каждому члену семьи в ведении его дел. Он не вмешивается в склоки своей старухи с золовками и невестками. Сыновья пашут, бабы за скотиной ходят. Зачем же ему знать точное число кур во дворе и какого из двух дерущихся до крови петухов на похлебку с лапшой пустить?

* Северный лагерь особого назначения.— Прим. авт.

А теперь представим хозяина почти двухсотмиллионной страны размером с 1/6 земной сушки? Не доверять всем? — Тогда на пенсию пора. Всем доверять? — Укошат незамедлительно. Это и есть ходить, то есть жить, по лезвию бритвы.

Его роль в огромном государстве — должность машиниста, обслуживающего гигантскую машину с сотнями миллионов винтиков и шестеренок, миллионами механических и электрических узлов, десятками тысяч сложнейших, автономно работающих механизмов. Машинист ее обслуживает, он ответственен за исправную работу машины, да еще постоянно изобретает и рационализирует, чтобы не отстала в качестве и количестве работа его машины от соседних. Да еще временами брать в руки дреколье, если кто на его исправно работающую машину позарится.

Этот машинист и сам опытный механик, электрик, конструктор. Некогда он и сам не последнюю роль играл при строительстве этой гигантской машины. Отменно знает ее устройство — до узлов и винтиков-шестеренок. Но раз машина запущена, то он уже ничего в ней серьезно поменять не может. Даже если что-то внутри ее начинает барахлить. Главное — чтобы машина работала.

Вот так и он, хозяин великой страны. Машинист. Отсюда и две легенды о Вожде. Нынешняя: весь народ, исключая затаившееся троцкистское охвостье, думает: товарищ Сталин в Кремле днем и ночью работает, руководит страной и каждого видит нас kvозь, о каждом заботится. Будущая: злодей и кровопивец Сталин денно и нощно с карандашом в руке просматривает тысячные проскрипционные списки приговоренных к расстрелу и дописывает еще сотни.

Истинно мне делать больше нечего, как какие-то списки просматривать! Есть разделение труда, перечитайте «Капитал», где описан переход от индивидуального ремесленничества к мануфактуре. Есть НКВД, сейчас МГБ, есть комиссии и ответственные на то лица в ЦК и Политбюро. Это их дело. Если и просматривал списки по верхушке в процессах тридцатых годов, то только по представлению, уже согласованному, всех этих ведомств. ...И не дописывал, а вычеркивал, если нужно. А вот где дописывал и сейчас дописываю, так это в списках наградных. Как после испытания атомной бомбы дописал в реестр будущих Героев соцтруда и орденоносцев вывезенных в сорок пятом году немецких физиков, наладивших у нас производство металлического урана в огромных количествах. Да еще и Лаврентия упрекнул в такой «скромности».

...Когда машина государства запущена, то далеко не все зависит от воли хозяина-машиниста. Любое творение рук и ума человека рано или поздно дистанцируется от своего создателя.

Это тоже одни из законов диалектики Гегеля в части социализации человеческой деятельности. Против диалектики не пойдешь, иначе вместо стройного государственного устройства получишь анархию и распад государства.

Кадры решают все, но кадры нам надо было вырастить на том навозе с немногими жемчужными зернами, что мы имели на развалинах лихолетья революции и Гражданской войны, военного коммунизма, НЭПа, активной поры троцкизма, затаившейся контрреволюции. Сейчас даже жутко становится, как мы все это перевоплощали в социалистическое государство? Истинно говорят: глаза боятся, а руки делают!

И какие кадры мы имели к середине тридцатых годов, годов великай и спасительной для нас в преддверии войны чистки и укрепления советской власти, партийного руководства и рядов партии, армии, промышленности, науки и сельского хозяйства? — Ответ каждому, самому тугодуму и скептику, известен. Единицы преданных советской власти выдающихся организаторов, десятки-сотни, пусть даже тысячи, умелых и верных исполнителей на своих участках фронта построения социализма. Несколько миллионов пусть не очень умных, не очень дальних, но верящих партии и

руководству страны, не вдаваясь в сущность этой веры. Это как в догматах христианства: верую без сомнения, ибо сомнения — прямой путь в ад. Это у католиков. У православных формулировка мягче, но смысл тот же.

И это все кадры, которые мы успели создать к тому времени. Остальные многие миллионы — масса. Именно в понятии массы: во многом инертной, подчиняющейся, рукоплещущей (по указке парторгов и агитпропа).— Со всеми из этого оргвыводами, как принято говорить.

Конечно, к этому времени мы массу несколько окультурили, подтянули к грамотности и определенному уровню образования, но в целом она осталась еще сырым материалом. Только Великая война перековала его в единый советский народ.

И здесь случилось неизбежное в таком раскладе. Эта масса дала сонмы угодников-лизоблюдов, доносчиков, расстрельщиков и просто дураков. Все их дела на меня и спишут троцкисты и агенты Запада, если воцарятся в Кремле.

Поначалу, еще в бытность второстепенным наркомнацем, поразило обилие доносов и кляуз по самым ничтожным поводам. На Кавказе это не было принято; там сор из сакли не выносят. А для серьезных дел есть кровная месть. Тут же курьер из наркомпочтеля мешками приволакивал. В двадцатые-тридцатые годы, когда *СССР* стал страной сплошной грамотности, число доносов достигло гомерических размеров.

...Уже в недавние времена в каком-то литературном журнале прочитал статью академика Янина о новгородских берестяных грамотах. Так, оказывается, содержание большинства из них — доносы и жалобы. Даже известная пословица «доносчику первый кнут» имеет смысл не ограничения доносительства, но проверки того, что донос не ложный, но имеет основание.

И откуда это у такого великого, правдивого, нелживого народа как русский? Может, от широкой распространенности среди городского населения Древней и Московской Руси грамотности? Нет, скорее от большой власти князей. Надежда на князя, а потом на «батюшку-царя», как единственных справедливых судей, и породила это обилие чelобитных. А когда, уже в наше время народ убедился в справедливости советской власти, то эта традиция чelобитных возродилась и приобрела невиданный размах. А в годы больших чисток этой особенностью русских людей вовсю пользовались затаившиеся враги Советской власти, подставляя доносами вместо себя ни в чем не повинных людей. Это и дало Ежову формальный повод для мясорубки тридцать седьмого года.

Недавно Ворошилов в застолье, когда речь зашла о сдерживании доносительства, анекдот рассказал. Два еврея, работающие на одном заводе инженерами, завели разговор о том, что у них-то отдельные квартиры имеются, а у их коллеги — только комната в коммуналке. «Давай, Семен, поможем Арону: ты через партком, а я через профсоюз добьемся для него квартиры?» А вот с того же завода Иван и Петр живут в коммуналках, а Василий — из цеховых мастеров — в отдельной. «Ишь, выслужился; давай-ка, Петруха, донос на него сочиним». — «Так все одно нам его квартира не по зубам!» — «А чтобы не высовывался».

...Порой и вовсе озорная мысль выпрыгивала: довести доносительство до полного абсурда, создать такую ситуацию, когда все люди в стране пишут доносы и на каждого тоже имеется донос. Может, тогда эта порочная практика рухнет? Вряд ли.

Угодники и дураки — другая беда. И это все из-за общей низкой культуры масс. А расстрельщики, кровавых дел мастера — прямое порождение троцкистской вакханиии первых послереволюционных лет. Куда ни кинь — всюду клин.

Все спишут на меня. Так рождается мифотворчество нашего жестокого века. Самое обидное: через пятьдесят лет во Франции и во всем мире забыли о миллионах гильотинированных в Французскую революцию. Что было, то прошло и осталось в

истории. Но о куда меньших жертвах — вольных или невольных — в нашей стране и пятьдесят, и сто лет еще будут помнить и связывать исключительно с моим именем. Это месть мирового капитализма, в том числе и мне, за великий прорыв нашей страны к новой социальной жизни!

СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ; ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ — ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ; ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА

...Говорите, списки проскрипционные подписывал. Других дел не было. А ведь во все приходится вникать. И чем больше полезных дел совершишь, тем злобнее клевета. Даже на пустом месте. Как в вопросе с русской православной церковью. Дескать, тиран не брезгует ничем, когда ему надо, так и своими партийными догмами пренебрежет. Вот и ненавистную ему и советской власти церковь решил задобрить, когда им тяжко пришлось в войну.

Эх, вы, злопыхатели мои! Хотя бы на дату, на год того знаменитого приема в Кремле трех митрополитов посмотрели. Это ведь уже был тот год, когда мы сломали хребет Гитлеру. И наша победа — с молитвами ли, без них — сомнений не вызывала. И забыли, что товарищ Сталин в семинарии чуть-чуть не дотянул до сана православного священника. Так что в небо пальцем попали, злопыхатели мои!

С церковью давно уже следовало разобраться. Троцкий, а затем глуповатые по молодости комсомольцы под водительством земляка Иудушки Емельяна с псевдонимом Ярославского, руководителя «Общества воинствующих безбожников», почти полностью подвели ее под ноль. А русский мужичок-боголюбец и ухом не повел. Отчего же так? Особенно если в параллель вспомнить свирепейшие религиозные войны в Европе. Да и у нас Никонов раскол, боярыню Морозову, самосжигание живо целыми селами...

Ответ прост. Пообщавшись в Европе, в протестантской Голландии к тамошнему народу, Петр Первый сам подцепил эту заразу. Потому смаху решил окоротить и русскую церковь, лишить ее завещанной Христом независимости от гosвласти и сделать ее одним из департаментов. Так и появился Священный синод заместо упраздненного патриаршества.

Так русский поп стал чиновником — наряду с урядником, судейскими и жандармами. И попу хорошо жилось двести лет на полном гособеспечении. Да и приход для приварка имел. Когда грянула революция, то русский народ уже четко делал различие между верой, то есть, церковью небесной, и земной церковью — царской канцелярией с попами-мироедами.

И не только в революцию. Такой вот факт. Образованным людям хорошо известно трехтомное собрание русских пословиц Афанасьева. Но специалисты-филологи знают еще два тома, изданные в прошлом веке крохотным тиражом «для служебного пользования». Один содержит скабрезности по женской части, другой — нелицеприятное о попах.*

Вот так после революции, когда русский народ, страшный, по словам Пушкина, в своем бунте, принял громить все и вся, что несло на себе царское клеймо, то попы и церковная иерархия были приравнены к помещикам, фабрикантам, полицейским и чиновникам.

Попытки нормализовать отношение с церковью, то есть, декрет об отделении ее от государства, восстановление церковью патриаршества, деятельность Сергия и Ти-

* Не ручаемся за достоверность, но в наше вольнолюбивое время эротический том вроде бы издали. А о «поповском» не слышал. — Прим. авт.

хона,— все было похерено Троцким и его последышами навроде Ярославского. Не в моей власти тогда было сколь-либо реально и гибко решать этот вопрос. Архисложный вопрос при видимой никчемности: ликвидировали поповщину как класс, церкви под комсомольские собрания передали — и аминь!

Но думать-то нужно! Даже загодя, еще не выйдя из революционных бурь... А кому было думать? — Ненавидящему по какой-то причине религию Ильичу? Или ненавистникам всего русского Троцкому и Ярославскому? Так они в своей масонской революционности и свои-то синагоги крушили. Чего уж тут говорить о православии.

То ли мое семинарское прошлое и достаточное знание истории церкви и ее роли в государственном устройстве, а может, здравый смысл хозяина страны, но при всем своем осознанном атеизме мысли об урегулировании отношения с церковью редко уходили из головы. Здесь два момента преобладали. Во-первых, религию, как исторически сложившийся институт, не отменишь. Она только сама может отмереть, но до этого далеко. В том числе в нашей стране, в нашем народе. Есть процессы, которые искусственному ускорению не подвержены. Во-вторых, девиз воинствующих безбожников «религия — опиум для народа» можно прочитать и по-другому, в более тонком понимании.

Жизнь современного человека, даже у нас в стране, не очень уютная. Поэтому человеку для душевного устройства иногда требуется передышка, то есть, этот, широко понимаемый опиум. Кто его ищет в самозамыкании, кто в водке или еще в чем, например, в искусстве, в литературе. Словом, во всем, что на время отвлекает от трудности жизни. Религия, как глубокая вера или как обрядовая, театрально-зрелищная сторона — и есть наиболее распространенная форма такого опиума. И как раз эта расфасовка спасительного опиума наиболее безобидна с точки зрения государственных интересов. Если, конечно, держать все под контролем — ненавязчивым, но всеобъемлющим. А на наше счастье православная церковь — не католическая; она преимущественно обрядовая, зрелищная. Проповедь, то есть, потенциальная идеологическая пропаганда, в нашей церкви практически отсутствует.

То есть, церковь и социализм, причем православна русская церковь, на данном этапе нашей государственности не антагонисты. И еще долго таковыми не будут. Разумеется, если обе стороны будут придерживаться определенных правил политической игры. Это, конечно, не должна быть царская госцерковь, но и не ставящая себя равной с государством церковь допетровская, точнее дониконовская. Полный контроль за ней со стороны государства вовсе не означает ее «чиновничий» характер. А церковь не должна ни единым словом и жестом выражать какое-либо негативное отношение к советской власти.

...И в тридцатые годы нам было не до церкви; вернее, еще не пришло время для восстановления РПЦ.

Но такой момент ускорила война. Когда стало ясно, что мы победили, пришла пора думать загодя об обустройстве мирной жизни во всех ее проявлениях. Так было принято решение о возрождении православной церкви, ее иерархии во главе с патриархом, всей обширности ее инфраструктуры. Конечно, далеко не в том объеме, как в Российской империи, когда тот же Николай Второй выделил не из очень-то богатого бюджета страны огромные суммы на программу строительства в империи ста тысяч новых храмов. В намного меньшем объеме, учитывая реальный атеизм советского человека. Но и достаточно для обслуживания требами воцерковленных верующих. Умеренно разрешить и монастыри, ибо всегда были, есть и будут люди, по той или иной причине не могущие, не хотящие жить на миру.

Война не только ускорила урегулирование наших отношений с церковью. Она же дала и основание для восстановления РПЦ, как главенствующей в стране церкви —

церкви русского народа, понесшего и продолжающего нести в войне наибольшие людские, материальные и прочие потери.

Во-первых, по окончанию войны останутся, особенно в сельских местах, миллионы вдов. Может, даже десяток миллионов с лишним. И мужчин по своим последствиям война не обойдет: несколько миллионов инвалидов, оставшихся без семей. Выходом из душевного потрясения для многих из этих женщин и мужчин станет церковь. Опыт отечественной истории подтверждает это. Здесь церковь очень нам поможет в утешении отчаявшихся и рубцевании душевных ран. Особенно у вдов старшего возраста. А агитпроп умерит свой атеистический пыл.

Во-вторых, восстановлением православной церкви мы нанесем сокрушительный удар по сектантам, особенно протестантского толка, всем этим баптистам, адвентистам и другим, которые являются религиозной агентурой Запада. И не только религиозной. И все эти секты, да и наши доморощенные пятидесятники, духоборы и так далее вплоть до изуверских, сразу по окончанию войны активно попытаются взять контроль над вдовами, инвалидами и другими жертвами войны с душевными и физическими травмами. Это серьезнейший момент; именно он, в числе прочих, убедил наше государственное и политическое руководство в необходимости восстановления РПЦ.

Наконец, коль скоро мы уже планировали после перелома в войне брать курс на создание соцлагеря и длительное мирное сосуществование в мире двух систем, и особенно после принятия с союзниками решения о создании ООН, то потребуется и религиозная дипломатия. Понятно, что в современном прагматичном мире, особенно западном, религия есть маска, но правила игры в мировой дипломатии мы должны принимать. Поэтому РПЦ понадобится нам и на этом, мирном фронте общения с миром.

Церковь мы восстановили в намеченном объеме и качестве. Сейчас никаких взаимных претензий у нас с ней нет. Лишь бы вечно рьяные «клубянщики» не портили благое дело своей сверхбдительностью, а главное — чтобы после меня какой придурак не повторил троцкистские гонения на церковь.*

...А вообще-то говоря (но не с трибун и страниц газет, конечно), идеалы социализма-коммунизма имеют своими корнями первозданное, не извращенное христианство. Если Маркс об этом явно не сказал, то только потому, что в другой конфессии родился. А вот Фейербах и Энгельс сказали.

...Если о здоровье душевном мы долго думали и собирались; имею в виду души верующих, то о здоровье телесном вопрос решился быстро. Как только страна в конце двадцатых годов встала на магистральный путь развития. Здоровье нации — залог мирных и военных побед. Уже в тридцатых годах зарубежных дипломатов и заезжих иностранцев, тех же американских и немецких промышленных специалистов, работающих на нас, поражали и приводили в восхищение большие физкультурные парады в Москве и других крупных городах страны.

Именно — *физкультурные!* И именно физкультуру, физическое развитие самых широких масс, а молодежи и поголовно, мы с самого начала поставили как важнейшую государственную задачу в части создания активного гражданина — строителя социализма.

При этом с самого начала мы отвергли порочные тенденции превалирования спорта над физкультурой. В этом мы во многом следовали идеям и трудам Лесгафта. А также практике соотнесения физкультуры и спорта в царской России начала этого века. Действительно, по всей стране тогда доминировала физкультура: от деревенских игр в лапту до гимназических уроков сокольской гимнастики. А на городских окраинах за-

* Сталин «клубянников» в этом вопросе действительно сдерживал, а его опасения об очередном pogromе РПЦ, увы, сбылись. Тайный троцкист Хрущев повторил погром Троцкого. Возможно — из-за своей ненависти к Сталину. Или своей глупости. — Прим. авт.

водские ребята уже начинали гонять футбольный мяч. А в спорт игралось высшее словесное: новомодный английский бокс, дамский крикет, ипподромные скачки.

Возрождение де Кубертеном олимпийских игр, несомненно, хорошее дело. Но оно имеет и негативную сторону: здесь достаточно скоро массовая физкультура начала подменяться профессиональным спортом. Хотя бы и не афишируемым как профессиональный. Причина одна: в главной своей ипостаси спорт — это политика и коммерция. То есть, каждая страна через спорт утверждает свой престиж, а коммерция — спорт как платное зрелище. Поэтому физкультурные олимпиады Древней Греции в прагматичном Риме сменили стадионы гладиаторских боев.

Когда лицемеры — западные и наши — говорят, что спорт показывает массам небывалые возможности человеческого организма и тем самым вдохновляет эти массы на совершенствование своего тела — все это брехня и хитрость. Своего рода троцкизм в данной ипостаси. Профессиональный, узкоспециализированный спорт — это уродование человека. А те массы, что заполняют многотысячные стадионы, меньше всего берут со спортсменов пример, а занимаются мазохизмом, мысленно перевоплощаясь в этих спортивных роботов, но ничего уже не делая для собственно-го физкультурного развития. Здесь Лесгафт все предвидел.

Меня могут упрекнуть: развивая массовую физкультуру и принижая спорт, мы подражаем довоенной Германии и Италии, где массовая физическая подготовка была государственным делом. Дескать, как нацисты и фашисты, готовясь к войне, закаляли все население, так и в СССР все население предуготовляется к будущей агрессии против демократического Запада... Пусть думают. Даже опасаются. Но государство, ставящее перед собой цель совершенствования своих сограждан во всех отношениях, желает видеть своих людей не на трибунах стадионов, но на массовых физкультурных парадах, в гимнастических залах школ и институтов, на спортплощадках военных городков и так далее — до дворового ребячьего футбола. Кроме того, профессиональное занятие спортом, перенагрузка на мышцы плохо сказываются на развитии мыслительных и душевных качеств «робота на жалованье».

Конечно, все мы на Земле друг с другом связаны. И развитие земной цивилизации в целом касается всех государств, в определенном смысле нивелирует их. Спорт все же есть и у нас, а его охват и рост стали особенно заметны после войны. Придет время — и в футбол не только с турками будем играть, а там и до олимпиад дело дойдет. Мы не сможем жить в полной автаркии. Вот и Васька спортом увлекается: футбольные и хоккейные команды BBC уже из сугубых профессионалов создает. А ведь было ему знамение, когда опоздал на самолет и не разился со всей своей армейской командой?

Здоровое тело — замечательно, но все же первоочередно надо думать о том, что развивается в головах советского человека. Речь не только и не столько о специальных знаниях инженера, врача, военного или учителя. Человек социалистического общества — явление гармоничное. Искусство, культура, литература — все это в советском человеке должно присутствовать массово, причем этот массовый уровень должен быть равным уровню привилегированных слоев Запада! И эта задача нами блестяще решается. Главное: у нас не должно иметь место так называемое элитарное искусство, культура и литература — для неких избранных. Что мы наблюдали в царской России — хотя и в меньшей степени, чем на Западе в прошлом и настоящем.

Гармоничное сочетание художественности и истинной народности — вот наше генеральное требование к творцам советской культуры. Немаловажен и идеологический подтекст: мы ведь еще не построили полностью социализм, тем более коммунизм. Поэтому и через культуру мы должны воспитывать советского человека в грядущих идеалах. Но этот идеологический подтекст вовсе не должен грубо выпирать

вперед чисто художественного, эстетического. Здесь идеология — то же грунтованное полотно, которое держит нанесенные художником краски, но своей белизной нигде не засвечивает искусный пейзаж.

В плане художественного творчества, музыки, литературы, общего культурного уровня дела у нас идут замечательно. Конечно, достаточно пыжащихся бездарей, льстецов, формалистов и «непризнанных гениев». Но это непременный атрибут такого сложного процесса. Поэтому когда мы одергиваем того же Мурадели, Прокофьева, Ахматову, Зощенко, то помогаем и им вернуться на советскую почву и даем урок другим. Неверно, что советская культура догматична и примитивна, сплошь политизирована и идеологизирована. В корне неверно. Просто она еще учится, хотя уже и в старших классах, отвечать своему назначению в обществе нового типа — каких еще на Земле не было. А учение — это последовательное прохождение ранее имевшего место быть и постижение нового.

...Особенно хлопотно с писателями. Очень жаль, что Шолохов как-то перестал нас радовать своим гениальным пером. Что же, то не раз в истории литературы было. И не только литературы. Сервантес мы сейчас знаем исключительно по «Дон Кихоту», а кто, даже среди литературных историков,помнит название сотни других его книг? Джакомо Россини с четырнадцати до тридцати лет своей жизни сочинил тридцать опер, в том числе шедевры: «Севильский цирюльник» и «Вильгельм Телль». А затем сорок лет уже и не прикасался к нотной бумаге, наслаждался мировой славой и деньгами, а, будучи обжорой и гурманом, все время проводил на кухне, изобретая все новые и новые блюда.

Так и Шолохов слишком много души и ума вложил в молодости в гениальное творение «Тихого Дона». Не растягивал, как иные расчетливые, главы на всю жизнь, а выложился сразу и целиком.

И Союз писателей создали взамен обанкротившегося РАППа не столько для контроля над мастерами слова, хотя, конечно, и это имеет место, но чтобы обеспечить наиболее даровитым писателям условия для творчества без забот о хлебе насущном. Эх, писатели вы, писатели! Вроде как засыпаю наконец-то. Скоро и темное февральское утро.

ДОМАШНИЕ ТВОИ — ВРАГИ ТВОИ; ОТЦЫ И ДЕТИ — ФЕЛЬДМАРШАЛОВ НА СОЛДАТ НЕ МЕНЯЮТ

Но нет, подкравшийся было спасительный сон вновь отскочил. Но не многоречивые и скандальные писатели-сочинители напугали сон, а внезапно высокочившая из под сознания самая неприятная для Вождя тема: сугубо личная, семейная жизнь. А он уже привычно разлагал все по полочкам логики.

Нет, не может у вождей его ранга, у хозяина великой страны быть сугубо личной жизни. Как ни старайся, но ты постоянно и дома под окуляром микроскопа или в фокусе телескопа — кому как нравится. Ему, как бывшему вычислителю в обсерватории,— второе. Даже несколько обидно: кто знает о семье Ворошилова, Микояна, Малenkova? А о его семье, неладах в ней — знают. И свои, и враги. А последние еще и мусолят без конца и злорадно. Мало им Якова, Василия и Светланы, их матерей, так и мою маму Кеке черт-те к чему приплетают, генерала-географа Пржевальского в папаши мне сватают! Посрывают бы всем сплетникам головы, да давно еще дал себе слово: за личное не мстить, только за государственные и партийные прегрешения. Мстить за личное — себя унижать и в грязи валять. Разве мстил Мандельштаму за его «казнь-малину»? Спас дурака — не в поэзии дурака, в жизни.

Кто не грешил в молодости? Есть и внебрачный, курейский сын Саша Перепры-

гин, но со мной общаться не хочет. Его дело, я шаги навстречу делал. Пусть себе в майорской отставке живет в Новокузнецке. Не высывается, правильный сын, воевал как Яков и Васька. Но вот когда через Лубянку доходят слухи о каких-то Александре Джуге, Владимире Маркове, еще и других, что мои сыновья — такие слухи надо пресекать. Всему имеется предел.

С матерью Якова с самого начала не заладилось, но с приходом Нади, затем рождением Васьки и Светланки, показалось: семейный тыл обеспечен. Он уже может в своей занятости государственными делами не отвлекаться на дом, быт, не забывая, конечно, что есть семья, в которой он не постоялец, не квартирант, а глава, хозяин. И известное библейское, многажды повторенное в своих писаниях Львом Толстым — «домашние твои — враги твои» — воспринимал как нравоучительное преувеличение.

Но нет. Не миновала чаша сия и его. Да еще как! И как зловеще, страшно началось? Уже спустя некоторое время после самоубийства Нади, в хандре будучи, впервые пробовал осмыслить это библейское о домашних-врагах. Понятно было ему, бывшему семинаристу, что слова эти, как и все библейское, следует понимать расширенно и иносказательно. Смысл же тот, что чем дальше от тебя человек, чем меньше с ним соприкасаешься, тем меньше поводов и мотивов для вражды, вражества. И наоборот — чем ближе, тем больше. Пояснять это вовсе и не нужно. Человек — все же особь сугубо индивидуальная, но и социальная. Характер на характер не сходятся, даже у кровных родственников. А раз им приходится жить вместе, то сталкиваются они все чаще и чаще именно зазубринами своих характеров. Индивидуальность же лишает понимания пользы компромиссов. Так бывшие близкие становятся врагами: от скрытых до лютых, берущихся за топоры.

Не хочу вспоминать о том Надином выстреле. И запретил НКВД вести расследование. Они, чего доброго, состряпали бы показательный процесс «о доведении жены товарища Сталина до самоубийства правотроцкистской антисоветской организацией». Или что-то в этом роде. Хотя, конечно, не без злокозненного влияния здесь было. Я, конечно, человек грубый, но не особо грубее многих других. И занят двадцать четыре часа в сутки. Но домашним тираном не был. И Наде с самой женитьбы дал понять: я — твой муж, но в основном — руководитель партии и страны. Согласен дома решать домашние дела, но с подачи разных доброхотов с внедомашними делами ко мне не обращайся. И не учи меня как управлять государством и партией. Ибо ты не просто замужняя женщина, но прежде всего жена Вождя. Не послушалась, не восприняла...

Могут упрекать меня в жестокосердии, когда я говорил о том, какой удар мне нанесла Надя своим самоубийством. Но я не о себе, муже ее и отце наших детей, конечно, говорил; здесь говорил Вождь государства в один из самых нелегких периодов его созидания. А что думал тогда я, как человек, как муж, об этом никому знать не положено. Ибо я — человек с его душой и сердцем, и я — руководитель, хозяин страны — уже давно разделились.

Точно также ни единственный человек, даже Василий и Светлана, не знают и никогда не узнают, что творилось в моей душе и голове, когда я отказался обменять Якова на Паулюса. И что два дня затем не произнес ни единого слова, предоставив Поскребышеву самому давать уклончивые ответы на самые важные телефонные звонки.

...Никакой театральщины и позы не было в моем ответе, когда на заседании ГКО, где Молотов и главпуроуец Мехлис уговаривали на этот обмен, указывая на обычность таких действий: «Я фельдмаршалов на солдат не менюю. А если обмены приняты, то предложите обменять всех пленных немецких генералов на товарища Тельмана!»

Это-то и дало пищу очередным злопыхателям. Мол, во всем подражает Ивану Грозному и Петру Первому, даже сына не пожалел! Не совсем ясно из истории обо что побили горшки Иван Грозный с сыном, а вот у Петра его Алексей оказался пря-

мым предателем и заговорщиком.— По малому своему уму. А Яков отца и Родину не опозорил. Что бы я в порыве раздражения ни говорил, узнав о плenении. И когда передавал мне Лаврентий немецкие листовки с удачно сделанными, выхваченными из контекста, фотографиями. И погиб Яков мужественно, осознанно. Но все это уже после войны стало известно. От этого мне не легче.

А поддайся я естественному, человеческому, отцовскому чувству и соверши обмен на Паулюса? — Как бы я тогда смог глядеть в глаза миллионам женщин и мужчин, чьи дети попали в плен, не сдаваясь, как и Яков, или были вывезены на рабскую работу в Германию? Конечно, сами родители, они бы поняли Сталина-отца, не прокляли меня, даже не осудили бы. Но на какой-то, хотя и небольшой градус, безграничное доверие ко мне, а значит и к советскому государству, упало. А этого в напряжении всех сил народа в войне допустить было нельзя.

На то человек и социальное существо, чтобы в крайних случаях преодолевать свою биологическую природу и выбирать примат общего над своим личным.

Это второй сокрушительный удар, что судьба нанесла по моей семье. И если Надя в конце своих дней поставила себя почти что в явные враги мне, то не совсем простые отношения у меня всегда были с Яковом. Я взбрюкнулся из-за его женитьбы. Он, по всей видимости, ревновал меня к новой семье... Да, так оно и бывает. Враги не враги, но какое-то холодное родство. Из-за этой холодности не смог я хоть как-то обезопасить Якова, не допустить его в ряды артиллерийских лейтенантов-смертников.

Нет, конечно, воевать все должны — от детей дворников до сыновей маршалов. Так оно и было. Не один я потерял Якова. То же случилось у других высших военных и гражданских начальников. Но я упустил важный политический момент: я забыл, что мой сын — не просто сын своего отца, но сын Вождя, то есть, сын символа советского государства. Надо было поберечь — не ради его самого, не ради меня, но ради того, чтобы не дать в руки врагу такой политический козырь.

Василий, как летчик, возможно, был более защищен, хотя бы потому, что летчики-истребители либо погибают в бою, или возвращаются на свою землю — на самолете или парашюте. На вражескую территорию Васька бы с парашютом не выпрыгнул. Это он говорил не играючи. А, памятую Якова, без всякого моего приказа, даже без полунамека, его начальство само приняло серьезные меры для охраны Василия в воздухе. При этом охраны неназойливой, невыпячиваемой. Собственно же вылеты его являлись, безусловно, боевыми.

Хорошо Васька воевал, хотя порой в такие истории на земле вляпывался, что только фамилия спасала от трибунала. Но я его сам наказывал. И сейчас не без дела; увлекся же этим дурацким спортивным организаторством, но в своих BBC порядок у него отменный. Два недостатка у Васьки: слишком рано стал генералом и пьет. Первое ему припомнит после моего ухода, а второе — наследственное от деда Виссариона Джугаева, ставшего в Грузии Джугашвили. Пороки и таланты передаются через поколение; увы, собственные родители здесь мало что могут поделать. Водка и бабы если не сгубят его до конца, но без меня он будет никто.

Васька — единственный не враг домашний. А Светка? Светка — Светка. Сетанка ты моя, любимица. И у тебя деды-бабки с каким еще норовом? Запутаешься ты, милая Сетанка, в жизни, как уже при моей жизни запутываешься со всеми этими женихами, которых тебе явно подсовывают. А ты все за чистую монету принимаешь. Когда пробую тебе объяснить, то сморишь на меня домашним врагом.

...Сон-сон, когда же ты ко мне придешь и освободишь меня от самых тяжелых воспоминаний?

ЗА ЧТО МЕНЯ УБЫЮТ, БУДУТ ПРОКЛИНАТЬ... И БОГОТВОРИТЬ

*Коль вновь, замолкнув не мгновенье,
Быт родники из-под небес,
И ветра легким дуновеньем
Разбужен ночью темный лес...*

Не более чем на минуту-другую сон сморил-таки, но тут же отступил; ненадолго, как бывает у поздно засыпающих людей: последняя «передышка» бодрствования перед долгим забытьем до следующего дня, а у Вождя, засыпавшего в три-четыре ночи, почти до следующего полудня. А минутный предсон, завершившийся строфой «в руку» из давнего, юношеского стихотворения, необыкновенно, но тоже на пару минут, прояснил мысли, до того текущие в темноте и тишине ночи все более вяло и вяло...

Через три стены, длинноту коридора и чуть приоткрытую дверь спальни, только и ночью слышимый здесь, донесяся и без того тихий, вежливый бой напольных часов в большой гостиной. Половина четвертого, час волка и третьей стражи. Для не заснувших еще людей, тем более трезвых и умиротворенных слабостью тела и души, что бывает у простудных больных, этот час по-настоящему тревожен. Благодущие размышления сменяются невольным страхом: за себя, за свое прошлое, главное — за будущее. Не только и не столько за свое, но вообще за будущее жизни.

За что меня убывают? — А просто так, естественным образом, многотрудная, может, и грешная в глазах многих, моя жизнь не завершится. Меня убывают. Конечно, не трибуналом на Лубянке или Таганке. Это и злейшим моим ненавистникам в самых их радужных снах не привидится. И дворцовый переворот немыслим, хотя бы даже если дачу охраняет не дивизия с придаными ей танками и ракетными батареями с атомными боеголовками, но всего-то несколько человек, в лучшем случае вооруженных наганами: комендант Орлов, старший прикрепленный Старостин с двумя дежурными помощниками... Кто еще? — Да-а, одинокий часовой на въездных воротах. Видящая уже третья сны Матрена Бутусова не в счет, хотя и расписывается в ведомости на жалованье по линии госбезопасности.

Хм-м, действительно, зачем большее число здоровенных мужиков, просиживающих свои синие галифе на дежурных табуретах дачи, которым куда более пристало те же танки водить, командовать ротами и батальонами? Или, поменяв галифе на партикулярные штаны, шуровать у домны, пахать землю, а у кого голова посветлее — инженерить.

И истеричку Каплан стрелять в меня, как в Ильича на заводе Михельсона, не решатся подослать. У кого вообще поднимется рука на владыку полумира, боготворимого миллиардами людей Вождя передовой страны социализма, рачительного хозяина 1/6 земной суши.

Нет, найдут более хитроумный способ. Но — найдут. Не зря же прощупывают ходы; вот и нелепо, наспех состряпаным «делом врачей» запугивают. Здесь даже ему, тайному идеалисту, обольщаться не следует. Так что проще хладнокровно разложить все по полочкам и определиться: за что меня убывают?

Проще всего ответить: за право власти. Высшей власти, которой я не поделился и делиться не собираюсь. Ради блага народа и сохранения страны, всего социалистического лагеря. Действительно, именно сейчас наступил тот момент, когда высшая власть кажется заманчивой и не очень хлопотной. Что-то в годы двадцатые — годы смертельной схватки с троцкизмом, в труднейшие тридцатые, когда я совершенно искренне говорил в ЦК и в Политбюро, что готов безропотно уступить власть более умному, более дальновидному и деятельному, что-то не находилось охотников. Про войну и годы послевоенного восстановления страны говорить не приходится...

Но вот сейчас мы на равных с империализмом, темпы нашего экономического и военного развития устойчиво выше ихних. Реально существует социалистический лагерь, включая великий Китай. Есть атомная бомба, а скоро в Арзамасе и Челябинске сделают и водородную. Скорее американцев, как говорят утвердительно наши академики, мы будем и в космическом пространстве. Мы — несокрушимы, народ сплочен, весь трудовой люд земного шара смотрит на нас с надеждой. Главное — внутри страны, в ее руководстве, даже среди вечно недовольной чем-то интеллигенции — нет и намека на какую-либо оппозицию, даже глухое сопротивление и неприятие нашей власти, идеей социализма и коммунизма.

Вот эта-то стабильность, мощь страны и порождает искушение власти. Как в той же армии в военное и в мирное время. В войну, особенно в малоудачный для нас первый год, беспрерывно атакующими и обороняющимися «ни шагу назад» батальонами командуют взамен выбывших капитаны, а зачастую и лейтенанты. И дивизионные штабные обер-офицеры не особенно-то стремятся заменить их, выровняв соответствие должности и звания. Зато в мирное время те же капитаны и лейтенанты командуют, как им положено по табелю о рангах, ротами и взводами, а на батальонах «сидят» те же ранжированные майоры и подполковники, день и ночь размышляя: как заполучить на погоны все три большие звезды...

Но стремление к власти, когда она представляется, как сейчас, не очень обременительной, всего лишь внешнее проявление моего грядущего отстранения. А отстранить меня можно только убив. Иначе народ всех этих заговорщиков-властолюбцев сметет. Даже такой законопослушный, как сегодняшний русский, советский народ.

Большие претензии ко мне имеют и сионисты. Но у нас они в малочислен и глубоком подполье. А у международного сионизма, во-первых, руки для действий в СССР коротки, во-вторых, у них сейчас своих хлопот с Израилем выше головы. Наконец, «пепел Клааса» — наша роль в войне с Германией — даже для самой беспрincipной сионистской верхушки есть табу для каких-либо недружественных действий против нас. По крайней мере сейчас и в ближайшие десять-двадцать лет. Потом — все-таки я им подарил Израиль!

Нет, ищи своих будущих убийц среди домашних своих. Кремлевских тож. И вообще партноменклатуры. Более серьезного, страшного и последовательного врага у меня нет. Правильнее сказать: иных явных, действенных врагов нет. Выходит, что, начав на девятнадцатом съезде отлучение партийной верхушки от всеобъемлющей власти, я сам себе подписал смертный приговор. Как ранее сам же подписывал явным и непримиримым врагам нашей страны, нашего народа.

Много грехов на мне... правда, далеко не столько, раз в сто поменьше, чем мне со временем навешают, но грехи эти оправданы величием поставленной цели, которая уже и достигнута: построение мировой системы социализма, а в рамках ее наиглавнейшее — создание сверхмощной державы СССР. Здесь дело осталось за малым, но необходимым: накормить-таки досыта наш многострадальный народ. База здесь уже заложены, требуется не более пяти-семи лет. Самое обидное: избавятся от меня, а дело уже сделано, вот себе и припишут: дескать, стоило избавиться от тирана, как все пошло на лад, и линкоры с космическими ракетами строим, и народ от пуза лопает.

...Вот что значит ослабить бдительность: запамятали за делами, что уже полтора десятка лет не проводилась чистка партийных рядов, особенно в высшем и среднем составе, и получил сплоченную орду зажравшихся — в отличие от народа — бюрократов и бездельников. А когда я им на съезде почти иносказательно, но объяснил, что будя, пора переходить от партийно-кадильных церемоний и увлекательных игр «улица на улицу», где проигравшие расплачиваются не синяками и шишками, но чисткой пулевой в затылок, к более полезным занятием, так это змеино-паучье гнездо и

зашевелилось. Кому же охота от ношения портфелей со старыми номерами «Правды» и «Известий» и заседаний на Старой площади ехать на стройки, головой и должностью отвечать на промахи?

А свою силу партноменклатура в порядке предупреждения, как волк свои клыки, показала в сфабрикованных ею на пустом месте «ленинградском деле» и нелепейшем «деле врачей». Сожрали Вознесенского и Кузнецова, что он прочил в свои преемники, хотя и у этой парочки рыльца достаточно в пуху. Не зря Лаврентий намекал, не раз, что смерть Жданова — дело темное, а каким-то образом здесь фигурировали Вознесенский с Кузнецовым...

Вот они — кровавые игры рвущейся к самой полной власти партноменклатуры, вот оно — многозначительное предупреждение мне. И как сиял своим детско-бабым лицом Маленков после расстрела ленинградцев?

*И лихой огонь веселья
На младом лице пылал.*

...Где-то я дал слабину, что в самое короткое время взросла такая тысячеголовая гидра. Вот она, многотонная шапка Мономаха. Архитрудно, как бы сказал Ильич, эту шапку водрузить на свою голову. Немыслимо тяжело ее нести по жизни борьбы и побед, но еще труднее стократ удержать ее в старости. Особенно когда у тебя нет законного наследника.

Убьют так убьют. Чему бывать, того не миновать. Хм-м, еще про повешенного и утопленника в ночи вспомни! В моем возрасте, хотя для кавказца и маловато, уже пристало думать не о самом процессе ухода из этого, не лучшего из миров, но о памятнике. Нет, не о тех серийно изготовленных изваяниях из бронзы и гранита, что в одинаковых шинелях, сапогах и фуражках молча стоят по городам и весям великой страны. Даже на разводке канала Москва — Волга, даже самый северный памятник над пирсом столицы Северного флота Полярного. На Земле Франца-Иосифа, где стоит наша дивизия первого удара по Исландии с ее базами, пока еще не догадались поставить...

Нет, конечно, пристало думать о нерукотворном, по Пушкину, памятнике. Но этот памятник странно будет смотреться. Светлый луч всенародного боготворенья намного выше Александрийского столпа взметнется и уйдет в космос, где уже займут к тому времени свои орбиты советские космические станции, о которых писал еще калужский учитель Циолковский, а сейчас с техдокументацией в руках говорит Королев.

Но другой, темный и прилипчивый луч проклятия ему уйдет глубоко под землю, глубже всех могил мира.

Итак, меня будут проклинать... и боготворить. Ныне живущие и их потомки разделятся на два непримиримых стана. Проклинающих значительно меньше, но они голосистее, в их руках почти всегда будет четвертая власть — пресса во всех ее ипостасях. Очень часто и три законно-реальные власти будут находиться у них. Итак, кто в этот стан войдет? — Прежде всего, это все та же партноменклатура, что уберет меня. Она сейчас, особенно после съезда, испытала такой мощный испуг, который не пройдет у них до конца дней. Они, взяв власть, или примазавшись, перекинувшись к ней, будут мстить мне последовательно, яро и слепо. Продажная, даже не обязательна по деньгам, но по вектору власти, прессы, эта управляемая четвертая власть, сумеет два-три поколения одурить, сделать мое имя пугалом.

Это будет настолько серьезное, организованное давление, что в лучшем случае промолчат в тряпочку даже мои испытанные, преданные соратники. Да их сразу и задвинут в тень, а наиболее одиозных из них, того же Лаврентия, просто уберут, про-

вернув какое-нибудь «сталинское дело». А поскольку именно у этой высшей партноменклатуры руки по локоть в крови из-за их групповых драк за власть, особенно за последние пять-семь лет, они применят испытанный бандитско-воровской прием. То есть, в течение достаточно малого числа лет отмоют свое кроваво-интриганское прошлое показательными устраниниями или отстранениями неких «антипартийных групп», сваливая на них «преступления сталинского режима».

Прием хорошо известный в банковско-спекулятивном деле. Да это и я, и они сами хорошо помнят по предреволюционному подполью, когда приходилось легализовывать деньги на содержание партии и ее работу — деньги, полученные от «эксов» и от толстосумов навроде Морозова, то есть, купцов из староверов, для которых царская власть и государственное православие-никонианство были врагами почище, не жели угрожающие их денежным мешкам революционеры. Кстати, мы — люди, помнящие добро, потому за все время советской власти из всех конфессий и сект только староверов и не дергали. Даже скитников в Заволжье и Сибири. В память о тех же купцах морозовых.

...А прием хорошо отработанный. Сдаешь деньги через подставное лицо в один банк; тот переводит на другую личность в следующий и так далее. Уже на третьем-четвертом переводе концы в воду, никакая жандармерия или фининспекция их не найдет. Так и эти: последовательно будут друг на дружку валить, а одураченный народ поверит.

Итак, главные ненавистники мои — напуганная партверхушка. Но если есть главные, то логично предполагать и других, так сказать второстепенные. Хотя как сказать? Второстепенные ли? — Это, прежде всего, затаившиеся троцкисты и подросшие потомки этой, обезглавленной в двадцатые-тридцатые годы гидры. Кровная месть в чести не только у нас, на диком и вольнолюбивом Кавказе. Этот биологический атавизм присущ даже гниловатой русской и русскоязычной интеллигенции, даже сплющенозадым партчиновникам. Эти будут мстить до седьмого поколения, проклиная меня ежесуточно и даже чаще, чем правоверный мусульманин творит свой намаз.

*Пел жаворонок, из полей
Взвиваясь выше облаков,
А сладкозвучный словес
Так заливался из кустов...*

Конечно, самыми жаворонками и сладкозвучными словесами, садистами, прогнивающими меня, безусловно окажутся представители так называемой творческой интеллигенции. Все эти второсортные писаки, что пролезли мимо Горького и Фадеева в кормушку Союза писателей. Потенциально склонные к физической и духовной педерастии киношники и театральщики. Мечтающие о миллионных гонорарах мазил-импрессионистов, «великих» Даши и Пикассо нынешние живописцы-станковисты, тиражирующие огромные полотна (платят-то за число квадратных метров!): «Товарищ Сталин в полях», «Великий Вождь на стройке светлого будущего»... Тьфу!

И, конечно, в первую очередь — вечно проституирующая пресса: газеты, журналы, всесоюзное радио и нарождающийся монстр телевидения. Много их будет, меня прогнивающих. Даже много не числом, но профессиональным умением обливать грязью все, даже самое святое в прошлом и нынешнем великой страны.

...Но меня будут боготворить многие, намного больше числом хулигов. В спокойные для страны времена, пока алчные временщики еще не проели, не пропили, не прос... сталинское наследие, они вынуждены будут молчать, а на людях даже поддавая антисталинскому агитпропу. Но как только настанут волчьи времена, что тем-

нее и зловещее этой ночи за окнами дачи, так молчаливые обретут голос. И чем сильнее захватившая власть контрреволюция, или троцкисты, или просто бандитско-воровской кооператив, станет угнетать народ, превращая его в стадо тощих баранов, тем чаще и явственнее будет звучать по всей, оставшейся великой только по территории, стране: «*Сталина на вас нет!*»

И в этом девизе превалирует вовсе не воспоминание-напоминание о тридцатом семом году, будь Николка Ежов не к ночи помянут, нет... в этом восклицании будет подразумеваться: Вождь — хозяин страны, ее охранитель и созидатель. Хм-м, генералиссимус и почти что архистратиг Михаил. Что ж, без напускной скромности и лицемерия согласен оставаться вечно живой памяти народа таким символом Вождя, каковым уже и сейчас являются. Ничего здесь зазорного нет. Ведь не украл чужой славы, но свою создал. Получил Россию с сохой, а теперь сдано с атомной бомбой. Все же самый последовательный и непримиримый враг Советской страны Черчилль сделал и самый же умный комплимент товарищу Сталину.

Высшая оценка состоявшейся жизни человека — когда имя его становится символом еще при его жизни. Но трижды, семижды выше эта оценка, если этот символ имени уходит в грядущую историю, остается в ее непрерывном течении навечно. Несколько диковатое ощущение еще живущего человека, когда его имя отделяется от него. Верно вроде сказал некто умудренный: первую половину жизни человек работает на имя, а во вторую половину имя работает на него. Не в том смысле, конечно, что этот человек начинает паразитировать на созданном имени. Нет, надо понимать так, что, создав себе имя, деятельный человек уже одним именем-символом стократ усиливает успех своей деятельности. Таким я и себя считаю.

О-хо-хо-хо, раззвалось. Все, дальше бороться со сном невозможно. Да и не нужно, ибо сон при таких вяло-простудных хворях лучшее лекарство. Всю-то жизнь я не досыпал. И в Гражданскую, и в Отечественную. Да и между ними в промежутке двадцатилетнем, и в эти семь лет после окончания войны тоже не барствовал, не разлезжался. А организм на всю жизнь оставшуюся (сколько же ее осталось?) со времени Великой войны сместил биологические часы сна на вторую половину ночи и позднее утро. Виноват, конечно, но уж так получилось...

Однако за эти три часа полусна-полуяви, как молитву повторяя все основные величины многогрудной жизни, все одно не охватил ее, многое упустил. Ничего, пару недель здесь пробуду, как-нибудь, освободив себе полночи от дел, все в памяти приведу в полный и стройный порядок...

Однако товарищу Сталину до первого марта 1953-го года свободного времени так и не выпало.

*Раскрылся розовый бутон,
Прильнув к фиалке голубой,
И под веселым ветерком
Клонились ландыши с травой.*

ЭПИЛОГ: «ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»

Зима в этом году Россию порадовала; даже в Центральной европейской части: январь с морозом, февраль уже перевалил за середину — и настоящая, уже полузыбьтая с прошлого века и тысячелетия, февральская погода: умеренный морозец, в соседней Москве рекорд снегопадения чуть ли не со Смутного времени, иногда поземка стелется. Самая веселая погода для собак — у них свадьбы начинаются, кобели вязанками резво бегают. Агитаторы партийные в нашем городе тоже оживились: в се-

редине марта в городе ожидается большая свадьба власти: муниципальные выборы в гордуму. Я хотя всю жизнь беспартийный, но и меня погода радует: напоминает детство, отрочество и юность, проведенные в Заполярье.

Сегодня — пишу главы книги вразнобой, такая вот манера, прямо с середины повествования перескочил к эпилогу... — канун бывшего Дня бывших Советской Армии и Военно-Морского флота. Новое, псевдотолерантное наименование для 23-го февраля как-то ко мне не прижилось. Первую половину сегодняшнего выходного дня провел у себя в рабочем кабинете медицинского института, сочинял заявку на патентование способа лечения: смех и грех, почти как в ежеутренней — с восьми ноль-ноль до полудня — беспрерывной рекламе на «Радио России» из кухонного репродуктора: от всех хворей сразу... Затем пошел домой — уже сочинять книгу о Вожде.

...Вот это «Радио России», кстати. Домой после сегодняшней неторопливой пешей прогулки по парку пришел, обедаю, а из репродуктора дикторша полным счастья голосом предпраздничную передачу вещает. И какое же она событие, приуроченное к завтрашнему празднику, особо выделяет? Не поверите, если сами не услышали: оказывается, главное событие — поставка в дружественную Индию первой партии палубных «мигов»-истребителей для ранее проданного им же авианосца «Адмирал Горшков», переименованного смуглокожими курчавыми друзьями во «Всемогущий». На хинди, конечно, буквами ихней азбуки «девангри» на бортах вывели.

А в голосе восторженной дикторши так и чувствуется непреклонная логика: раз все авианосцы продали, то зачем нам самим палубные истребители? Вот тебе и расхожее утверждение об отсутствии логики у женщин.

Поскольку сам я человек военно-морского воспитания, то, чтобы давление от возмущения не повысилось, выдернул (как врач Моргулис у Высоцкого) штепсель репродуктора, взял в руки для спокойствия дармовую газетку правящей партии, что перед выборами в почтовые ящики пачками — от разных партий и движений — втыкают. Хлебаю борщ и в газетку смотрю. И прямо в глаза «шапка» полосы: «*Нашим адмиралам «Мистраль» понравился!*» Ниже фото: штук десять явно бескорабельных, то есть, безработных, российских адмиралов спускаются по трапу с французского вертолетоносца проекта «Мистраль», что галлы серийно штампуют для береговой обороны. В тексте же комментарии: премьер-министр России высказывает в том смысле, что мы прямо сейчас вроде как не собираемся «Мистраль» покупать, но в дальнейшем этого не исключаем.

Где ты, логика? Какая к черту логика, мы давно живем в виртуальном, перевернутом мире, в Зазеркалье. Продать за гроши, которые к тому же разворуют, стратегический авианосец и купить каботажную серийную посудину? Дело даже не в таком явлном диспаритете. Дело в другом: каким невероятным трудом, экономией на всем, что выходит за пределы среднедостаточного жизненного, социального уровня, пробивала Советская страна, следуя заветам Сталина, путь в океан, строила авианосцы — мощные и страшно дорогие плавающие крепости. А сейчас даже оперативно-тактические среднеклассные вертолетоносцы разучились делать...

Все же, не дохлебав борщ, сразу потерявший вкус, пошел прилечь на диван; полчасика легкого сна бодрит на весь рабочий вечер. А в комнате с диваном супруга, по женской опять же толерантности уже попривыкшая к зазеркальной реальности и ничему не удивляющаяся, смотрит по вечернему времени в телевизор. Как ни странно, но на сей раз все же удивляется: «Надо же? Раньше такого не показывали; раскрывают нам глаза...» И прочее, простительное для слабого (и умом, увы, тоже) пола. Заинтересовался и тоже в телевизор взглянул: чем это женщин в предпраздничный — накануне самого «Защитника Отечества» — день энтэвэшники удивляют? А удивляют, как оказалось, настоящим боевым фильмецом: про уволенного из рядов армии снайпера, который от потери пенсии свихнулся и начал всех подряд в городе стрелять.

Как ни странно, но этот «фильм к празднику» снял эмоции. На кого яриться-то? Ведь вторая древнейшая — пресса и первая новейшая — телевидение просто работают, добросовестно выполняют заказ. От кого? — Они не то что не скажут, они и сами не знают. Ведь мы уже в глобализованном мире живем, где нет ни начала, ни логического завершения. Поскольку же только восемь процентов людей могут мыслить самостоятельно, то остальные девяносто два вполне удовлетворятся тем газетным пояснением к снимку с «Мистралем»: дескать, неважно, где корабль построен, главное, что он будет охранять наши морские просторы. Вернее — берега; просторы оберегает океанский флот, что укатил в Индию. И для примера приводят: героический «Варяг» построен в Филадельфии, «Потемкин» тоже иномарка по нынешним временам, ибо сооружен в самостийном сейчас Николаеве. Только «Аврора» своя, в Питере сгоношили. Хорошо хоть символ Октября нашенским оказался!

*Он песней заставил забиться
Вдруг ставшие камнем сердца;
Будил в людях совесть и разум,
Дремавший во тьме без конца —*

— Повторим еще раз эти строки Вождя-идеалиста. Как бы он ни предчувствовал возможную контрреволюцию, в то же время подписывая «секретку» из Госплана по наметкам закладки линкоров и авианосцев в перспективе до шестидесятого года, но сообщения СМИ сегодняшнего, «предзаштного» дня заставили бы его усомниться в собственном разуме. В лучшем случае воспринял бы это как кошмарный сон. Из тех, что снятся под утро высокотемпературным больным...

Однако же по всем, не отменяемым даже современными россиянскими сочинителями-пиарщиками с их «голубыми субпродуктами», литературным канонам эпилог должен содержать вывод автора из написанного им выше в романе. Почему «Катехизис идеалиста»? — С катехизисом проще, хотя слово не православное, из католического обихода. Но вот с идеализмом вроде как сугубого практика строительства социализма в отдельно взятой стране — как быть? Тем более, что в последние десять-двадцать лет столько написано книг о Вожде, что Сталиниана вряд ли уместится в стандартном книжном шкафу. И все эти книги, без исключения, даже вроде беллетристического «Тайного советника» Владимира Успенского и нашего «Историка»*, посвящены этой практике строительства и обороны страны.

Практика, фактология, цитаты из трудов Вождя, ссылки на документы — все это мы найдем в исчерпывающей полноте в современной Сталиниане. Может, поэтому мы выше, в романе, свели эту фактологию до *minitum minitorum*. Просто вспомнили ряд моментов не столь широко известных.

Так почему идеалист? А вы перечитайте приведенную выше строфу из юношеского стихотворения Сосепо Джугашвили. Скептик скажет: то юноша-семинарист, только-только отошедший от беспросветного детства в семье вечно пьяного сапожника Виссариона. Любой школьный психолог, даже не ссылаясь на Выготского и Фрейда, Ушинского и Вахтерова, подтвердит: с таким детством, в такой юности только и быть романтиком-идеалистом. И совсем другое дело — властелин полуимира, обожаемый миллиардами людей во всем мире генералиссимус, главный персонаж эпического мифа о ГУЛАГ'е, так кроваво-поэтично представленного в томах Александра Исаича — каждый толще «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. Какой здесь может присниться идеализм?

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.— Тула: «Гриф и К», 2004.— 481 с. (Книга удостоена литературных премий им. Л.Н.Толстого и им. Валентина Пикуля).— Прим. авт.

Но психолог, который того же Выготского с сотоварищи разных времен и народов не только к экзаменам в институте-университете пролистывал, а прочувствовал умом и душой, то есть, стал сугубым профессионалом, авторитетно скажет: характер человека в основе своей формируется уже к пятилетнему возрасту, а дальше ничем его изменить нельзя. Все видимые же изменения, как у разведчиков, карьеристов из чиновников, партайгеноссе и военных, профессиональных нищих и женщин,— только маска. Если и теперь кто сомневается — перелистните эту книгу назад и еще раз внимательно перечитайте стихи Сосепо Джугашвили...

Идеалистом и романтиком с восточно-кавказским *color local* был юный Сосепо-семинарист; таким же, только с уже изжитым *color local*, с приобретенным русским колоритом романтизма, остался и генералиссимус Иосиф Сталин.

*Когда средь рощи безмятежной
Бушуют трели соловья,
И саламури голос нежный
Звучит, восторга не тая...—*

Это Сосепо, еще не знающий той великой роли, которую предуготовила ему судьба: бросила кости в наардах и выбрала одного из многих, но не миллионов, конечно, даже не тысяч. Скорее нескольких десятков. А вот Великий Вождь с оставшимся, неизбывным идеализмом романтика:

*Но как с поля донесется
Песня-гимн людей труда,
Сердце юное забывается
У Ниники, как тогда.*

И мы добавим, уже слабо верящие в будущее средние поколения воспитанных советской эпохой — эпохой Сталина даже без него, когда он стал фигурой умолчания:

*И пусть страна подобных Эристави
Еще немало вырастет сынов!*

Где-то они, наши будущие Вожди? Будет ли у России, естественно — новой Советской России, третий генералиссимус после Александра Васильевича, которому, как бессмертному в памяти русский, только что исполнилось 280 лет со дня рождения*, и Иосифа Виссарионовича, 130-летнюю годовщину со дня рождения мы тоже только что отметили? И вообще — будет ли нужда в великих государственных мужах, военно-политических стратегах, Вождях народов в самое уже ближнее время полного торжества глобализма?

Ну и что здесь такого — глобализм? При глобализме будут другие люди, для которых такая организация мироустройства вполне приемлемая, главное — привычная. Им же наши заботы ни к чему. Вне всякого сомнения, такой проницательный и на многое вперед видящий человек, как Сталин, не исключал возможного — ныне сбывающегося — поворота мировой истории. Скорее всего даже уверен в этом был.

* Широко известный биографический казус: в различных источниках, причем серьезных — энциклопедиях и академических изданиях СССР, указывают два «варианта» даты его рождения: 13 ноября 1729 года и 13 ноября 1730 года... Еще заметим в данном контексте: Петр Первый, любивший «импортные» звания, сгоряча дал титул генералиссимуса руководителю Второго Азовского похода (сам он в нем состоял в звании капитана роты...) Алексею Семеновичу Шеину из старинного боярского литовского рода. Конечно, честь ему и хвала, но это фигура иного плана.— Прим. авт.

И в том-то характер и душа идеалиста, что он *не фетишизирует неизбежности естественных законов*, как сам Сталин писал, правда, по другому поводу, в «Экономических проблемах социализма в СССР», но старается созидательно и с максимальной пользой их использовать на том временнм отрезке истории, где судьба дала ему возможность это делать: совершать и свершать.

Данный роман ни в коем случае не является апологией главного и единственного ее героя. Да Вождь в ней и сейчас не нуждается, и не будет нуждаться далее в бессмертных анналах Большой Истории. Забудут скоро эпических сочинителей «песен и сказаний о ГУЛАГе», напрочь будут путать имена его нисправергателей с игроками в футбол или хоккей уже сейчас подрастающие поколения. Казалось бы: гробокопатель Вождя Никита Хрущев. А нынешние школьяры и студиозусы (не забывайте: автор этой книги действующий профессор), доведенные пресловутым «Болонским процессом» до уровня полной умственной ничтожности среднестатистического американского обывателя, на вопрос о персоналии Хрущева тупо молчат. Самые умные путают его со «вторым Ильичем». Нет худа без добра, но забыть Сталина им во многом не позволяют современные СМИ. Запамятовали, что ли, телевизионщики свой же девиз: отрицательная реклама — самая эффективная реклама!

Цель же и задачи, что преследовал автор в этой книге,— предоставить слово Сталину: Вождю и земному человеку, сыну земной женщины, который, подобно провозвестнику христианской эры Земли, «не мир, но меч» принес нам.— В том же толковании этих евангельских слов. Оба они являются собой «классику» идеализма. При всей непохожести их поступков, но объединенных в одном, самом главном: создании общества социальной справедливости и равенства.

Иисус Христос был первым коммунистом — так определил Мессию наш современник Г. А. Зюганов. Но, несомненно, имевший незаконченное среднее духовное образование Сталин это знал намного раньше Геннадия Андреевича. Не в обиду ему будет сказано. Идеал христианства, заложенный в Заповедях Христовых, был заведомо недостаточным. С этой точки зрения Христос — величайший идеалист древности. Но он заставил большую часть человечества две тысячи лет в той или иной мере стремиться к идеалу социальной справедливости и равенства. Но на этапе капитализма-империализма эра христианства исчерпала себя.

Иосиф Сталин — первый идеалист новой эры, органически воспринявший сущность христианской идеи, но преломившей ее из слова в дело. Очень точно и мудро определил это один из иерархов русской православной церкви во время той памятной беседы сорок третьего года со Сталиным, с которой началось возрождение РПЦ: «Мы готовим священников, а они становятся Маршалами Советского Союза». Вот именно, к идеалам социальной справедливости в новую эру устремляются уже не с евангельской проповедью заблудшим душам посланцы Всеобщего, но с мечом защищающим и карающим Маршалы из народа, народом и поставленные в Вожди.

...Короткая жизнь человека обычного:

*А теперь не ходят ноги,—
Время гнет и не щадит;
Старец дряхлый и убогий
Дома с внуками сидит.*

Но у деятельного человека до убогости, дряхлости и домашнего сидения не доходит, если даже физически он и чувствует порой немощь. Слишком ценен такой человек; история такими не разбрасывается. Однако все же приходит осень патриарха. Мы специально взяли подзаголовком эпилога и в кавычках название известного произведения выдающегося латиноамериканского писателя. Оно давно уже стало

харáктерной литературной формулой, так что растолковывать умному читателю (а другой дальше титульного листа и не пойдет...) незачем.

Осень патриарха — достаточно сложное состояние деятельного человека, тем более идеалиста и совсем уж особенно — Сталина. Ввиду выраженной неординарности и исторической значимости мыслей, дел и наследия Вождя.

...Еще раз заметим: эта книга пишется не для убогих умом и душой, которых сейчас в стране, да и во всем мире большинство. Не их, бедных, в этом вина, попавших в капкан зубодробительной машины глобализма. Умный же и самодостаточно мыслящий, а это всего лишь один из десяти, читатель поймет символику словосочетания «осень патриарха».

Прежде всего — это пугающее одиночество при, казалось бы, великой славе, когда его имя на устах и в умах миллионов, миллиардов людей. Дела патриарха велики и накрепко высечены на скрижалях истории, но он понимает: его имя ему уже не принадлежит. Он еще может учить, направлять к своему идеалу, но ученики и ведомые им, его апостолы считают себя овладевшими всем искусством учителя, уже в мыслях своих ставят себя на место патриарха. Но робеют пока. А ведь им не вечно робеть? — Патриархи вечно не живут, а у апостолов тоже года не Мафусайловой.

Патриарх и сам прекрасно понимает: надо постепенно отходить от активных дел, выбирать преемника или синедрион преемников, но он как-то не озабочился такового или таких взрастить загодя, а сейчас с мистическим ужасом видит: апостолы-то не оправдывают его надежд, не смогут они взять ту высокую планку, что он установил для роли патриарха.

Такова трагедия истинного идеалиста. Оптимистическая ли трагедия? — Смотря для кого. Для самого патриарха-идеалиста это уже не вопрос. По понятной причине. Для верных апостолов — да, оптимистическая, хотя теперь им нести крест и быть поочередно распятыми на нем. Для ведомых масс — да. Исключая, таким образом, иудиных духовных потомков, этих вечно живых и выживающих предателей, для всех трагедия идеалиста, так и не достигшего высшей своей цели, есть персонифицированный символ устремленности к высшей цели, самому оправданию эволюции человека: социальной справедливости, равенству, понимаемому как равенство стартовых возможностей.

Без великих идеалистов даже сверхнаселенный людьми мир уподобится марсианской пустыне. Прежде всего — пустыне души.

Ощущал ли наш Великий Вождь свою осень патриарха? — Вне всякого сомнения. Но даже намеком, движением бровей не показывая это даже ближнему политическому, военному и государственному руководству. Иначе бы это был не Сталин. Чудесный образ старца Ниники был создан юным романтиком Сосепо. Помнил о нем и Генералиссимус, оставшийся величайшим в мире идеалистом, но увы, слишком большую ношу он на себя взял, потому не мог себе позволить незатейливую отдохновенную старость Ниники... Проживи Вождь еще лет десять-двадцать, может, и стал бы Ниникой, может и воспоминания бы написал в назидание Вождям, но — уход его из этого, не лучшего из миров случился внезапным. Никогда мы не узнаем его последних мыслей; быть может он про себя, уже отъединенный от мира людей, шептал:

*Ты над Казбеком с нежною улыбкой,
Его снега и льдины под тобой,
Склонись, как мать склоняется над
зыбкой,
И тихо колыбельную пропой...*

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

РЕВОЛЮЦИЯ. ОКТЯБРЬ. ЕСЕНИН
К 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции

Родился в Рязанской области в 1949 году. Живет в городе Тольятти. На предприятии «КуйбышевАзот» прошел трудовой путь от аппарачика до главного специалиста. Стихи и проза опубликованы во многих журналах, альманахах, сборниках поэзии. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2013, 2014, 2015» и 1-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. Рубцова. Лауреат литературного конкурса одного стихотворения — 2016 альманаха «Новый енисейский литератор» (г. Красноярск). Член Российского союза профессиональных литераторов.

В октябре 1925 года гениальный поэт России Сергей Есенин написал в своей автобиографии: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Мне понятно, что хотел сказать этим уточнением поэт, и потому вспоминаются строки его другого произведения, написанного немногим ранее, в 1924 году:

*Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.*

Вспоминается и памятник Сергею Есенину, установленный поэту в Рязани. Уже тогда, несколько лет назад, когда я увидел памятник воочию впервые, мне показалось, что и взгляд радостно-открытых глаз Есенина, и то, как он раскинул руки, стоя на угле перед окскими лугами, наполнено надеждой на будущее родины. Наконец-то скинула с себя «воспрянувшая Русь» всю гниль и темноту прошлого! И я как будто услышал радостное восклицание поэта:

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными временами
Встает иная степь.*

Петроград. 1917 год. Есенину всего 22 года, а в жизнь его ворвались и захлестнули тревоги и житейские бури, грохот революции. 1917 год стал переломным этапом в жизни всей России. И вполне естественно, что когда рушилась эпоха капитализма, а на смену ей шла неизвестная, да и многим непонятная эпоха социализма, перемены,

происходящие в стране, заполняли головы людей «сплошным дымом», и как тут можно было понять, «куда несет нас рок событий». Несомненно, душевный переворот, мучительную тревогу и надежды принес семнадцатый год и в творчество Сергея Есенина. Поэт полон радужных чувств, дум и мечтаний о новой, воображаемой жизни, которая придет на смену старому, отжившему царизму. Есенин бесстрашно выходит навстречу свежему ветру революционной поры, полной грудью дышит воздухом свободы.

А ведь совсем недавно, незадолго до революционных событий, буквально в конце 1916 года, по Петрограду поползли «чудовищные слухи»: Сергей Есенин был принят Александрой Федоровной в Царскосельском дворце. А после чтения стихов получил от Императрицы разрешение посвятить ей цикл стихотворений в своей новой книге!

Возмущению «передовой общественности» не было предела. Огромная волна против поэта прокатилась в либеральных кругах Петрограда. Есенин был записан в ренегаты. Но... Случилась Февральская революция! И каким-то чудом Есенин успел снять посвящение государыне в изданной в это время книжке «Голубень». Осталось всего насколько экземпляров с роковым: «Благоговейно посвящаю...». К счастью, это были только корректурные оттиски. А ведь не произошли революции, двери большинства издательств России могли навсегда закрыться для поэта. В то время либеральная общественность не прощала таких «преступлений», как «монархические чувства». Революция же, исправив и разрушив это загадочное поведение Сергея Есенина, освободила его от неизбежных либеральных репрессий литературной столицы России.

А странное противоречие Февральской революции состояло еще и в том, что всесильная противомонархическая оппозиция либеральной буржуазии, свергнув самодержавие и получив в руки власть, оказалась бессильной и бесполковой, чтобы удержать ее в своих руках. И поэтому Есенину, как в народе говорится, было «плевать с колокольни» на либералов Временного правительства. Он уже прекрасно понял, что «настоящая власть» находится в особняке Кшесинской, в «совете рабочих, крестьянских и солдатских» депутатов...

Большевики, имея своими лидерами таких блестящих вождей, как Ленин и Троцкий, действовали чрезвычайно решительно. Пока Керенский, пользуясь метафорой Есенина, «калифствовал», вещая о будущем России, они для «защиты завоеваний» революции, под прикрытием все тех же Советов, создают Красную гвардию, иными словами, штурмовые отряды, со своими штабами, с сотнями, десятками дружин. Титаническими усилиями Ленин сумел сконцентрировать силы и бросить их на решительный штурм власти, которая уже не была способна к сопротивлению. Октябрьская революция начинала свою «железную поступь» по стране.

И Есенин своим «крестьянским чутьем» понимает, что связи через Клюева, Горького, Бонч-Бруевича, которыми он к тому времени обзавелся, разветвляясь, поднимут его до самых «вершин» — Луначарского, Троцкого... до самого Ленина...

И кажется, что поэт вплотную приблизился к ВКП(б), еще немного... Но даже после Октябрьской революции Есенин не становится членом партии большевиков. Хотя все то, что было враждебно большевикам и левым эсерам в 1917 — 1918 годах — Временное правительство, Корнилов, Учредительное собрание и монархисты, меньшевики и банкиры, о чем они прямо заявляли, что это «контрреволюция», было враждебно и Есенину. Поэт возглашает с верой и в радостно-обновленном настроении:

*В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира...*

Он верит и знает, что Россия страдает, потому что на нее ополчились темные силы:

*Господи, я верую!
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.*

Так начиналась поэма «Пришествие», написанная Сергеем Есениным в октябре 1917 года. Русь, по Есенину, это то место, откуда в мир приходит последняя истина:

*За горой нехоженной,
В синеве долин,
Снова мне, о, Боже мой,
Предстает твой сын.
По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет свой крест.*

Поэт, пользуясь евангельскими именами и ходом евангельского повествования, совершенно иное значение вкладывает в повествование своей поэмы. И не просто вкладывает, а в каждом стихе бьется его душа, полная новых надежд и предчувствий.

*Холмы поют о чуде.
Про рай звенит песок.
О, верю, верю — будет
Телиться твой восток!*

Есенин торопит событие, боясь, что оно может не состояться. Ведь жизнь и смерть, борьба и поражения ходят рядом. Но душой поэт верит, что новая жизнь в России взойдет! И будет рождение и утверждение на земле нового человека, человека революционного времени.

Образ Христа, и надо отметить, задолго до Александра Блока («Двенадцать»), Сергей Есенин использовал в стихотворении «Товарищ». Написано оно в марте 1917 года. Это история о сыне простого петроградского рабочего, гнувшего спину на заводчика «с утра до вечера». Рабочего, учившего сына «распевать марсельезу» и получавшего его за «скучным обедом»:

*«Вырастешь,— говорил он,— поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»*

У сына рабочего были и «товарищи: Христос да кошка». Но вот «взметнулся российский народ...». И сошел Иисус с иконы «на землю с неколебимых рук», чтобы вместе с сыном рабочего идти на помощь борцам «за волю, за равенство, и труд!». Сраженного медной пулей Иисуса Христа хоронят на Марсовом поле. Гибнет в огне борьбы и сын рабочего, но жертвы не напрасны, в поэзии Есенина присутствует энергия мужественной силы, поэт верит в неминуемую и предстоящую победу рабочего класса:

*Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Пре-эс-пуу-ублика!»*

Почти одновременно со стихотворением «Товарищ» Есенин написал еще одно замечательное стихотворение, дышавшее свежестью, наполненное весенним настроением, вешними водами, верой в свою уже неизбежно восходящую звезду. Стихотворение «Разбуди меня завтра рано...» было напечатано в газете «Вечерняя звезда» рядом с призывами к гражданам об оказании отпора «германским белогвардейцам». «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны уметь стрелять. Из винтовки, из револьвера, из пулемета... На место старой армии ставит свободный народ свободную всеобщую армию свободных людей». На полях газеты рядом со стихами, кто-то написал (причем написано это еще в те годы): «АхъЕсенинь! Чудакъ!!!!»

Но поэт остается поэтом в любые времена, пусть даже и принимается за чудачество публикация его тонких, лирических стихов рядом с воззваниями, передовицами, предсказаниями о крахе, о прекращении движения поездов, с протестами против цензуры и т.д.

*Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.*

Есенин радушно встречал и свою поэтическую судьбу, мчащуюся навстречу этому под звон колокольчика на золотой дуге, и будущее своей родины, несшее свет и радость, распахивающее новые светлые дали.

В этот период своего творчества Есенин очень сблизился с Александром Блоком. Учащаются их встречи, поэтов сближали раздумья о судьбах России, вера в силу и дух русского народа. И это, казалось бы, при разности их внутреннего мира, да и пути в революцию каждый из них выбирал свои. То, что Есенин и Блок встали на сторону Октября, отмежевало от них многих и многих литераторов.

Поэтому, наверно, такое неоднозначное отношение в литературной среде к поэме Есенина «Ионния». Владислав Ходасевич высказался вполне конкретно и холодно: «Ионния» была лебединой песней Есенина, как поэта революции и чаемой новой правды. Заблуждался он или нет, сходились или не сходились в его писаниях концы с концами, худо ли, хорошо ли,— как ни судить, а несомненно, что Есенин высказывал, «выпевал» многое из того, что носилось в тогдашнем катастрофическом воздухе. В этом смысле, если угодно, он действительно был «пророком». И далее Ходасевич уточняет:

«Ионния реальная должна была настать — или не настать. По меньшей мере, Россия должна была к ней двинуться — или не двинуться».

Не знаю, как другие, но я, когда читаю «Ионнию», слышу мелодию и слова известного мне гимна, который звучит рядом с поэмой Сергея Есенина. И предполагаю, что поэт в январе 1918 года еще не знал слов знакомого мне с юных лет гимна. Но, как бы то ни было, а возникающие внутренние ассоциации воспроизводят в сознании торжественные слова:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

И вот, подтверждая мои навеянные воспоминаниями фантазии, Сергей Есенин торжественно заканчивает свою поэму словами:

*Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!*

Не пытаясь понять творчества Есенина, злопыхатели продолжали утверждать, что «нездачливость Ионии — в свойстве дарования самого Есенина, от послушания — к богочестию». И потому выкрики Есенина в Ионии не действуют. В старину это звалось кликушеством, ныне зовут это истерией.

*Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта».*

Это высказывание Ф. В. Иванова — критика, писателя. Бывшего белого офицера, эмигранта первой волны, ненавидевшего революцию, политику. Он имел свое личностное, заостренное отношение к творчеству Есенина.

Эмигрантам, покинувшим родину с обидой и ненавистью, не понять радостного настроения поэта от свершившегося в Октябре. Поэта, парившего над землей. Это действительно полет вдохновленного переменами поэта, поверившего без оглядки в радость обновления, которого он ждет от революции. И тем остree будет ощущаться разочарование, которое придет через два-три года, и которое до трагического конца не отпустит его душу, в ней будут копиться пустота, обида и одиночество. Ведь Россия не стала градом Ионией. Проницательность поэта Сергея Есенина, которая была неотъемлемой частью его совести, мучила и жгла его душу.

Есенин в «Ионии» показал крестьянский рай, мечты, которые поэт с детства усвоил в деревенской среде из разговоров константиновских мужиков. Без знания русской деревни узнать Россию вообще нельзя. А в этом и проявилось единство родины и судьбы незаурядного, гениального поэта.

Поэтому и казалось Есенину, что вот наконец-то, революция исполнит все чаяния русских мужиков — вся земля — крестьянская, «божья», воля и достаток. И эта идеальная картина раздвигается им до мировых масштабов. И эти масштабы дают ему право считать себя прорицателем и пророком. Он обращается к Америке, предсказывая ей гибель. И, по убеждению поэта, русская революция вмешается и переиначит на патриархальный лад Америку. И счастье человеку будет принесено «только водью свободной Ладоги», а не чугунной радугой и железными кораблями, не лавой стальной руды.

Идеальный мир для Есенина — это свободный труд крестьянской жизни, и его утверждает революция в России, а потом и во вселенной. И верится, что мысли, слова поэта искренни, все выливаются из души, окрыленной думой с надеждой, которая вела революционный народ России в земной рай.

Первые послеоктябрьские годы стали исключительно тяжелыми для молодой Советской республики. Интервенция, белогвардейщина, контрреволюционные мятежи, заговоры, диверсии, разруха. Производство остановлено, эпидемии, голод.

Введена продразверстка, и ропот крестьянства, если не сказать более конкретно — повальное недовольство, перерастает в восстания. В сложной обстановке, после феерии, надежд и радости, Есенин растерялся. Вместо сказочной земли Ионии и ожидаемого «мужицкого» рая поэт оказался «в развороченном бурей быте», обезображенном братоубийственной войной, голодом и разрушой. Но нет ни злаченых нив со стадом булавных коней, ни золотых шапок гор...

Поэт в отчаянии от действительности. Деревни пустеют, в избах выбиты окна, двери, поля засеяны стужей и пургой.

*Трубит, трубит погибельный рож!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?*

Как бурное весенне полноводье заливает луга, прибрежные леса, деревни, так и разруха заполняла все пространство России. Страна теряла былую силу. Сергей Есенин ранней весной 1918 года едет в Константиново, взглянуть и понять, чем и как живет его родное село. Увидел и не узнал старого, патриархального Константиново. Дезертиры, бежавшие из армии Временного правительства, амнистированные уголовники, вышедшие на свободу «политические». Вся эта публика ведет себя агрессивно, устраивая митинги и сходки. Есенин посещает сборища деревенской бедноты, но сам не выступает, больше слушает. А разговоры и требования почти одни и те же на всех митингах. Крестьяне требуют отдать всю землю безоговорочно и как можно быстрее.

Пожалуй, лишь одно сообщение из эсеровской газеты «Знамя труда» того времени прольет свет на события, которые прокатились по всей России весной 1918 года. Сообщение помещено под заголовком: «Как проходит земельная реформа на местах». «Разгромлено имение Вяземского, оцениваемое до 50 миллионов руб. Сады вырублены, оранжереи разбиты, племенной скот часто резался. До 200 рысистых лошадей были уведены, и большинство из них на крестьянских кормах передохло».

Взглянул и понял Есенин, что действительность далека от «тихого шепота речек», не «капает и песня с гор». Небо затянуто черными тучами, по полю скачет все-поглощающая стужа.

...скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настежь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Есенин в отчаянии:

*O, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?*

Безвременьем разорвана «вязь человека с природой». Страшные видения видятся поэту в «Кобыльих кораблях»: «сестры-сушки и братья-кобели» отторгнуты, «человек съел дитя волчицы». И обращаясь к нынешней власти Советской России, не понимающей этих страшных видений, поэт восклицает:

Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

А говоря со зверями, как обычно, как с «братьями нашими меньшими», он призывает их к добру, потому что не верит в добро людей, допустивших запустение и голод в стране.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять с земли
В сумасшедшего ближнего камень.

Исток есенинского отчаяния, а в конечном итоге, драмы поэта — в несбывшейся мечте, в крушении иллюзий о «чаемом граде»: «Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал...» Но разве вина поэта в том, что он заблуждался, да впрочем, не он один, а было их много, восторженных мечтателей, поверивших в мгновенное преображение старого мира в земной рай. Не верил Есенин и в «смычку» города и деревни, видел в ней гибель, а не спасение крестьянской Руси. И совершенно не

случайно выбрал название для своего стихотворения «Сорокоуст», стихотворения, действительно звучащего, как молитва по усопшему.

*Милый, милый, смеиной дуралей,
Но куда он, куда он гонится?*

Да разве угнаться деревенскому, красногривому жеребенку за бегущим на чугунных лапах поездом, храпящему железной ноздрей. Валерий Брюсов высоко оценил стихотворение Сергея Есенина, говоря, что оно «самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последних два или три года».

Тогда многим показалось, что душа Есенина ожесточилась, «последний поэт деревни» вдруг становится беззаботным забулдыгой, забытой головушкой. Но за бравадой не скроешь тонкую, воспринимающую чужую боль, душу. А. Н. Толстой очень точно уловил происходящие в душе поэта борьбу и смятение:

«Милый, талантливый Есенин, никогда, сроду не были вы конокрадом и не становили с кистенем в голубой степи... Кому нужно, чтобы вы изо всей мочи притворялись хулиганом? Я верю вам и люблю вас, когда вы говорите:

*Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.*

Но когда вы через две строчки выражаете желание:

*Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну...*

не верю, честное слово... Милый Есенин, не хвастайтесь...»

И на самом деле Сергей Есенин оставался крестьянским сыном. Не высох родник его поэтического творчества, не нарушил он свое единство со всем живым на земле. Стихи по-прежнему звучат, как глубокий вздох, естественно и чисто:

*Я люблю родину.
Я очень люблю родину.*

Жизнь и поэзия Сергея Есенина — постоянный поиск нежной душой своего места в жизни. У каждого свой путь к истине. Есенин свой путь прошел «в сплошном дыму, в развороченном бурей быте», прошел по российской земле, «объятой выгой и пожаром». Сила поэзии Есенина в том, что он сумел понять, осмыслить философски и раскрыть художественно величайшее историческое значение Октябрьской революции. В 1918 году поэт пророчил будущее Человечеству с «воздушными корабельщиками», которые будут «перекликаться с земли не только с близкими... спутниками, а со всем миром в его необъятности». Не став равнодушным и черствым, Есенин щедро дарил людям свою любовь, воспевая «шестую часть земли с названием кратким «Русь».

СЛОВА

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРОДАТЫЕ БОГИ
Киноповесть*

30 марта 1990 г.

В палату, где спят мальчики, тихонько зашел вожатый Евгений. Он осторожно потрогал Андрюшу за правое плечо. Мальчик удивленно открыл глаза.

Андрей: Ой, как солнце светит! Я проспал? Доброе утро, вожатый.

Вожатый Евгений (улыбаясь): По кубинскому времени сейчас шесть часов утра. Через полчаса подъем. Мы хотим по лагерному радио дать позывные на трубе. А ты умеешь играть на трубе?

Андрей отрицательно покачал головой.

Вожатый Евгений: Жалко. А ты не знаешь, кто может?

Андрей: Ой, мне Люба рассказывала, что она в младших и средних классах была горнистом пионерской дружины.

Вожатый Евгений: Дай руку, комиссар. Спасибо большое! Ты потихонечку вставай, а то проспишь.

Он оглядел спящих ребят и, повернувшись к Андрею, проинформировал.

Вожатый Евгений: 31 марта Антону исполнится пять лет. Надо будет мальчика поздравить.

Андрей осторожно сел на кровати, спустил ноги.

Андрей: Мы обязательно перед всем отрядом поздравим. Спасибо за подсказку.

Вожатый осторожно вышел.

В 6.30 утра раздались звуки горна по радиотрансляционной сети лагеря. Андрей посмотрел на свои наручные часы, которые лежали на тумбочке.

Андрей (негромко сам себе): А у нас-то в райцентре уже половина третьего дня. Ничего себе, я спал!

В своей кровати зашевелился Денис.

Денис: Ты тоже часы не перевел, Андрей? Как и я?

Мальчики засмеялись.

В палату зашел высокий курчавый смуглый юноша.

Юноша: Я — Анхель. Буду вас всегда опекать от рассвета до заката. Если трудно, помогу ходить. Давайте знакомиться.

* Окончание; начало см. в № 2, 2017 «Приокских зорь».

Он подошел к ребятам и каждому пожал руку.
Мальчики заулыбались. Глеб посмотрел в какую-то бумажку и задорно выкрикнул.

Глеб: Вива, Куба! Вива, Анхель!

Все засмеялись.

Анхель (серьезно): Вива, Россия! Вива, Советский Союз!

К разговору подключился Борис.

Борис: Буэнос диэс, амиго!

Все заулыбались.

Анхель: Десять минут на то, чтобы привести себя в порядок и идем на пляж. На двоих — по одному кокосу. А тебе, нинья, самый наш маленький друг, — целый кокос! Договорились?

Всем стало весело.

Антон: Что такое кокос?

Анхель: Потом скажу. Встаем, быстро!

Он взял стоящую в углу сложенную коляску Дениса и стал ее раскладывать.

Пока мальчишки бегали в туалет и умывались, Андрей заправил свою кровать и кровать Тоника.

Антон вернулся и запротестовал.

Антон: У меня руки есть! В следующий раз, пожалуйста, Андрей, не делай этого.

По специальному пандусу со второго этажа выкатили вниз коляску с Денисом. Изо всех корпусов шли и ехали в колясках ребята на пляж.

По песку коляску катить было плохо. Поэтому Денис попросил, чтобы ему помогли встать. Держась за плечо Анхеля, он сделал несколько шагов и начал заваливаться. Андрей успел подскочить и подставить свою спину Денису. Правой рукой Денис обнял его. Андрей осторожно выпрямился, но так как он был ниже Дениса, то все равно Денис наклонился набок в его сторону. Анхель прижал к себе Дениса и легко поднял его на руки.

Анхель: Давай я тебе помогу. А ты не стесняйся.

Дошли до океана. Анхель осторожно поставил Дениса на ноги. Океанская вода омыvalа всем ступни.

Борис (восхищенно): Ребята! Это какое море? Какие волны тугие!

Анхель: Перед вами Атлантик. А далеко-далеко в другую сторону — Европа. Мы находимся на американском континенте.

Советские дети восторженно застыли.

Тишину прервал радостный визг Антона.

Антон: Смотрите! Смотрите! Это рак!

Небольшой крабик вплыл на берег и резво побежал по песку. Анхель захлопал в ладоши. Крабик побежал еще быстрее. Затем снова вошел в воду и побежал по дну вглубь океана.

Анхель: В океане есть все. Главное, не обижайте рыб, морских зверей и птиц. А еще черепах. Они — символ долголетия, жизни.

Ребята переглянулись. Все они впервые в жизни видели океан. И он потряс их своим спокойным величием.

Разместились в шезлонгах. Анхель, как и обещал, принес три круглых шара, очень твердых на ощупь. Анхель положил два кокоса на песок, а третьим потряс перед ухом Антона.

Анхель: Слышишь, плещется?

Антон: Анхель, ничего не слышу, но тебе верю.

Анхель вытащил из ножен, висящих у него на боку, широкий нож. Это был необычный нож. Он суживался к острию, а сталь была очень прочная.

Короткий сильный удар. Появилась дырочка. Анхель вставил туда соломинку и протянул Антону.

Анхель: Пей до дна, жизнь у всех одна!

Антон засмеялся. Взял кокос двумя руками, затем поместил трубочку в рот и начал осторожно пить. Лицо его стало довольным.

Четверо мальчиков и Анхель внимательно наблюдали за ним. Через полторы минуты кокос был пуст. Антон сделал еще несколько всасывающих движений, затем вытащил трубочку и с сожалением заглянул в дырочку.

Антон: Все кончилось, Анхель!

Анхель: Сейчас я дам по одному кокосу на двоих вам, братья, и вам, Денис и Андрей. Ваши кокосы побольше. Потом будете лежать в шезлонгах и полчаса смотреть на океан.

Андрей впервые в жизни пил кокосовое молоко. Оно было прохладное, с кислинкой. И этот вкус ему очень понравился. По глазам Дениса он понял, что тот тоже довolen. А братья Глеб и Борис между собой заспорили: кто выпил больше.

Анхель взял плетеную корзину и положил туда три пустых кокоса.

Анхель: Советские друзья! На пляже мусорить нельзя и кокосы не разбивайте. Черепки поранят ноги или руки — края острые. Мы пустые кокосы будем отдавать нашим мастерам народных промыслов. А они потом подарят вам сувениры из них.

Денис (удивленно): Анхель! А кокосы нам дали только один раз?

Анхель (расхохотался): Друзья. Утром и вечером вы будете пить кокосовое молоко. Оно выводит радиацию. Будете пить всегда — быстро выздоровеете. Согласны?

Все в знак одобрения покивали головами.

После завтрака начались медосмотры.

Андрей достал из чемодана три больших объемистых папки, в которых разместилась его история болезни почти за четыре года.

Ему дали специальный листок. Андрей должен был обойти восемнадцать врачей. На это ушло десять дней.

Другие ребята тоже проходили осмотр у медиков. Были заняты все с утра до вечера, встречались только в столовой. Повседневные заботы поглотили все внимание детей. Каждый верил в то, что обязательно вылечится.

Ребят не интересовало время — для детей оно проходило быстро. Все надеялись на счастливый положительный результат.

В этой суete Андрей почти не видел Любу, хотя каждый день думал о ней. Девушка ему очень нравилась, несмотря на то, что почти на три года была его старше.

Однажды после ужина Люба сама нашла Андрея, отвела его в сторону. Они остались возле высокой стройной пальмы.

Люба (теребя концы галстука): Андрей! Завтра утром меня еще до завтрака увезут отсюда. Повезут в хирургический центр имени братьев (она достала бумажку и прочитала) Амейхейрас. Меня там подготовят к операции и будут делать пересадку костного мозга. Доктор Дуглас сказал мне, что если я не соглашусь на операцию, то у меня будущего нет.

Оба подростка вздрогнули. Андрей схватил Любу за руку.

Андрей: Мне восемнадцатого мая исполнится четырнадцать лет. Осталось чуть больше месяца. Я хочу, чтобы ты испекла мне торт и вставила туда четырнадцать свечей. Когда свечи зажгут, я погашу их с одного раза. И загадаю желание.

Люба: Я постараюсь. Лишь бы операция прошла удачно.

Люба слегка наклонилась и расцеловала мальчика.

Андрея первый раз целовала девушка. Он покраснел и стоял растерянный.

А Люба вдруг резко повернулась и, слегка прихрамывая, пошла к своему корпусу.

Перед сном Андрей поделился новостью с Денисом. Тот пришел в сильное волнение.

Денис: Андрей, давай договоримся так. Наш отряд называется «Несломленные», ты не забыл?

Андрей утвердительно покивал головой.

Денис: Наш боец Люба идет на операцию. Мы должны перед строем ее проводить. Видишь, я маломобилен, у меня парез правой стороны лица, правого плечевого сустава и частично правой ноги. Мне два с половиной месяца будут делать специальные уколы, массаж. А через день будут проводить тренировки на тренажере. А ты пусть медленно, но ходишь. Пройди по всем корпусам и на 7 утра объяви построение на нашей круглой площади, где флаги. Комиссар, выполни задачу!

Мальчики пожали друг другу руки, и Андрей вышел из комнаты.

12 апреля 1990 г.

В 7 утра кубинцы-волонтеры, советские помощники начали было разводить детей по корпусам после получасового нахождения на берегу океана и традиционного выпивания кокосов.

Но мальчики и девочки требовали отвести их на круглую площадь. Желание детей было выполнено. Дети стали сами, без команды, строиться в три шеренги. Вожатый Евгений удивлено посмотрел на Андрея.

Вожатый Евгений: Андрюша! Что за событие сегодня? Почему нарушаются привычный распорядок?

Через несколько мгновений он радостно охнул: Я же совсем забыл! Сегодня же День космонавтики. Молодец, комиссар!

Но Андрей был серьезен.

Андрей: Отряда «Несломленные»! Равняйся! Смирно! Для рапорта старшему вожатому будьте готовы!

Он медленно и не очень уверенным шагом направился к Евгению.

Андрей: Товарищ вожатый! Отряда «Несломленные» построен! Сегодня мы провожаем на боевое задание нашего товарища (закончить он не успел, так как раздался автомобильный сигнал)

Микроавтобус специальной скорой помощи с надписью на испанском языке на боку «Хирургический центр братьев Амейхейрас. Гавана. Куба» хотел проехать через площадь к одному из корпусов. Но так как проезд был занят детьми, то водитель остановился. На сигнал никто не отреагировал. Задорный водитель-кубинец вышел из машины и помахал поднятой вверх левой рукой.

Водитель: Ола, советикос! Мне ехать. Прошу пустить.

Вдруг он понял, что дети серьезны. Что один из них что-то докладывает другому и замолчал.

Андрей (продолжил): Сегодня мы провожаем на боевое задание нашего товарища Любу из Гомеля. Ей предстоит операция по пересадке костного мозга в хирургическом центре имени братьев Амейхейрас. Фамилию Андрей произнес без запинки. Равнение направо!

Все повернули голову направо и увидели, как по одной из аллей медленно идет Люба в сопровождении кубинца-волонтера и доктора Дугласа. У Любы было удивленное лицо.

Все отсалютовали ей. А пятилетний Тоник, который даже не был октябренком, сделал тоже самое. Никто не засмеялся.

Вожатый Евгений: Рапорт принимаю. Люба! Желаю тебе выздоровления и вернуться в строй бойцов отряда. Ты — первая, кто уходит на боевое задание. Ждем с победой!

Вожатый Евгений пожал Любे руку и обнял ее. Девочка разрыдалась. Все угрюмо опустили глаза.

Сидевший в коляске командир Денис вдруг сказал.

Денис: Люба! У меня для тебя сюрприз.

Весь отряд заинтересованно посмотрел на своего командира. В руках мальчика оказался маленький кассетный магнитофон с динамиком. Он нажал на кнопку и зазвучал Гимн Советского Союза.

Люба перестала плакать. В тревожном волнении замерли все. Когда отзвучал гимн, Денис продолжил.

Денис: Пусть этот гимн всегда будет с тобой, Люба! Ждем с победой!

В глазах Любы стояли слезы. Она подошла к каждому бойцу и пожала руку. Потом повернулась к Андрею.

Люба: «Прощай» говорить не буду. Я вернусь.

Андрей достал из левого кармана на груди мамин платок и протянул его Любе.

Андрей: Слезы выти сама и больше не плачь. Когда вернешься, платок отдашь. Договорились?

Люба снова обняла Андрея, но целовать перед строем не стала — застеснялась.

Затем она скрылась в машине.

Вожатый Евгений: Отряд, вольно! Разойтись по своим делам. Исполнять режим дня.

Машина развернулась и медленно поехала из лагеря, а ребята махали вслед до тех пор, пока машина «Скорой помощи» не скрылась за поворотом.

30 апреля 1990 г.

В лагерь Тарара приезжает Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Республике Куба Юрий Владимирович Петров. Он прошел по корпусам, беседовал с ребятами. Рассказывал о том, какие дружеские связи установились между Советским Союзом и Республикой Куба. Сообщил, что положено начало одному из самых гуманных поступков, которые знает история. Эту идею Фиделя Кастро осуществляют кубинские врачи.

Посол и сопровождающие его лица ни взглядом, ни жестом, ни отношением не показали своего огорчения. Наоборот, они всячески вдохновляли ребят, говорили о том, что все закончится хорошо — их вылечат.

На торжественной предпраздничной линейке Посол еще раз подчеркнул.

Ю. В. Перов: Ребята! Куба — это единственная страна в мире, где создана и осуществляется комплексная программа массового и бесплатного здравоохранения и оказания помощи жертвам аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Среди вас, приехавших сейчас на Кубу, есть и те, кто жил недалеко от атомной станции, и те, кто находился за сотни километров и даже тысячи. Радиация не пощадила никого. Но здесь кубинские врачи, медперсонал и волонтеры делают все для того, чтобы победить невидимого врага. Ваши родители могут быть спокойны.

Завершая свое выступление, Посол сообщил, что Посольство организовало выезд в Мусео де Бейтес Артес — национальную галерею Кубы.

Ю. В. Перов: Ребята! Это одно из крупнейших хранилищ мирового изобразительного искусства в Америке. Вам, ребята, понравится.

Ребята обрадовались. Хотя все понимали, как важно регулярно лечиться, но все равно накапливалась эмоциональная усталость от однообразных повторяющихся процедур, тоски по родным и близким, жаркий климат.

Многие ребята познакомились в самолете, но очень редко виделись здесь в Тараре, потому что график лечения не совпадал, а ряд детей после проведенных этапов лечения вообще практически не покидали свои корпуса. Их там и кормили.

В Национальной картинной галерее ребят ждали. Кубинские музейные работники были очень предупредительны, помогали тем, кто плохо передвигался. А если кто-то уставал, то тут же усаживали на банкетки, чтобы ребята могли отдохнуть. Двухчасовая экскурсия всем очень понравилась, тем более, что ее проводили искусствоведы-волонтеры на русском языке.

Походили ребята и по центральной площади Гаваны, пофотографировались на фоне Капитолия, который на несколько метров выше своего американского тезки.

В Тарапу возвращались с песнями. Усталость отошла.

Лечение продолжалось (использовать документальные кадры, где показано, как ребят лечат, как с ними занимаются на тренажерах, как они купаются в океане).

20 мая 1990 г.

Валентина Павловна копается в огороде. Вдруг чувствует, что на нее кто-то смотрит. Она поднимает голову и видит почтальона.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Клавдия! Мимо проходили или как?

Почтальон Клавдия: К вам шла, Валентина Павловна! Письмо вам большое из-за границы с красивыми марками. С Кубы прислали.

Валентина Павловна быстро снимает перчатки, мгновенно оказывается возле калитки.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Клавдия! Как я рада вас видеть!

Почтальон Клавдия: Да проходить я в дом не буду, а порожек переступлю, а то нехорошо передавать с улицы во двор — к неприятностям это.

Валентина Павловна торопливо открывает калитку. Клавдия заходит, достает небольшую тетрадь, в которой Валентина Павловна расписывается. Затем она бережно берет из рук Клавдии большой пакет и углубляется в созерцание обложки конверта.

Клавдия понимающе улыбается. Ей известно от мужа Валентины Павловны Валерия, что их сыночка Андрюшечку отправили на лечение на Кубу. Она осторожно прикрывает за собой калитку и, не оглядываясь, удаляется. Еще надо успеть всю почту разнести. А уже 9 часов утра.

Валентина Павловна заходит домой, берет старые бабушкины ножницы и осторожно распаковывает конверт. Достает оттуда шесть рисунков. На двух из них даты «2 апреля 1990 года», затем стоит дата «27 апреля 1990 года». А еще на двух — «1 мая 1990 г.». На трех рисунках изображена Валентина Павловна, еще на двух — она вместе с мужем Валерием, а еще на одном изображен их дом. Рисунки слабенькие по исполнению, но над домом сияет солнце и летают птички.

Валентина Павловна счастливо улыбается.

Валентина Павловна (рассуждает сама с собой): Какая я на этих двух рисунках страшная! Прям сама на себя не похожа. А вот Андрюшины подписи. На первом рисунке «Мама грустит», на втором — «Мама задумалась». На третьем — «Мама отдыхает после кормежки трех пороссят».

Валентина Павловна вздыхает: одного поросенка забили, потому что нужно было найти деньги для покупки комбикормов. Хорошо, что сосед-тракторист Игнат не сразу взял деньги за два мешка. Сказал, что подождет неделю. Деньги она отдала раньше, как распродала мясо поросенка.

Затем Валентина Павловна посмотрела на свои портреты с мужем. Они были без подписей. Валентину Павловну позабавил один рисунок: она подает мужу чашку, а на столе стоит розетка с вареньем. Перевернула рисунок и увидела подпись сына: «Перед чаепитием».

В конверте оказалось и письмо, написанное с орфографическими ошибками, но понятное для чтения.

Валентина Павловна прочла это послание вслух: «Уважаемая русская мать! К вам обращается Виолетта. Учу русский и знаю, как пишу. Я — психолог в детском центре Тарара. Здесь мы лечим советских детей. Вашего сына тоже. Он три раза рисовал рисунки по важным темам: «Какой я вижу маму», «Какой я вижу наша дом», «Во что я верю».

Далее Виолетта продолжила письмо: «У мальчика стабильно среднее состояние организма. Думаю, будет лучше. У нас на Кубе жарко и он быстро устает. Но в тени и в помещении — бодрый мальчик. Вам спасибо, верьте в Кубу, а мы верим в его здоровье. Изопсихолог Виолетта Масеро Родригес.

Валентина Павловна (не сдерживая чувств): Спасибо тебе, Виолетта. Хоть весточку от сына получила.

В это время в дом зашел Валерий, который что-то ремонтировал в сарае.

Валерий: Видел, ты с Клавдией разговаривала. Неужели от Андрюшечки весточка?

Валентина Павловна: Да, твоя двоюродная сестра радость нам принесла. Андрюшечка в живописцы готовится. Раньше у него художественных талантов не было, да вот хорошая кубинская девушка Виолетта Масеро Родригес учит его азам изобразительного искусства.

Валерий снял сапоги, одел тапочки и подошел к жене. Бережно брал по одному листу бумаги и внимательно рассматривал. потом посмотрел на Валентину Павловну и убежденно сказал.

Валерий: А у сына-то диагноз гемофилия не подтвердился, как я вижу из рисунков. У него что-то другое, не такое тяжелое. Так что наш мальчик будет жить.

Валентина Павловна благодарно обняла мужа. Затем бережно сложила все листы в конверт и аккуратно положила в шкаф. Она еще много раз будет пересматривать эти рисунки.

Валентина Павловна: Валера! А почему Андрюшечка сам ничего не написал? Тебя это не волнует?

Валерий: Почему не написал? Он же подписиставил и даты. Возможно, их и не просили писать письма — вот он и не написал. А может быть, пока и не хотят кубинские врачи заранее об успехах говорить. Наш мальчик почти четыре года болеет. Думаешь, что за один день или за неделю выздоровеет? Главное, что улучшение началось.

Валентина Павловна: То, что жив — хорошо. То, что хорошо лечат и бесплатно — очень хорошо. То, что заботятся о них,— прекрасно. Но я так скучаю за Андрюшечкой — сил нет. Может, мне начать деньги собирать на поездку?

Валерий сочувственно посмотрел на жену, хмыкнул, но ничего не сказал.

По его реакции Валентина Павловна поняла, что пока суетиться не нужно.

28 мая 1990 г.

В гости к ребятам пришли артисты гаванского передвижного цирка. Это был не обычный цирк, а зоологический. Три больших венесуэльских попугая по командедрессировщика поочередно и вместе чирикали мелодии. А в завершении их выступления самый большой попугай, которому, как сказалдрессировщик, будто бы сто лет, вдруг на хорошем русском языке сказал: «СССР, Куба, дружба». Восторгу ребят не было предела. Хлопали несколько минут, а затем большой попугай изобразил аплодисменты. Дети возликовали. Взрослые видели радость детей и радовались тоже.

Всеобщее умиление вызвали два тигренка, которые умели складывать цифры.

Дрессировщик говорил: «Уно плюс уно» и тигренок находил цифру 2 и прижал ее магнитиком к доске.

Андрей с друзьями так увлекся, что не заметил, что карточка была всего одна. Что же мог взять тигренок еще?!

Потом дрессировщики разрешили ребятам погладить тигрят.

Вожатый Евгений в рифму сказал: Кто тигренка погладит, тот себя от болезни избавит!

После такой рекламы тигрят затискали так, что они уже сами жалостливо смотрели на дрессировщика.

Завершая вечер и поблагодарив кубинских артистов, вожатый Евгений сообщил новость.

Вожатый Евгений: Ребята! А хотите увидеть львов?

Дружный возглас «Да! Хотим!» был ему ответом.

Вожатый Евгений: Договорились. Первого июня все поедем на экскурсию на бульвар Пасео Прадо, где живут львы. Вы там походите, покатаитесь (покосился он на коляску, так как почти напротив него, чуть-чуть наискосок сидел командир отряда Денис). Те, у кого назначены лечебные процедуры, в этот день лечение проходить не будут, потому что 1 июня — Международный день защиты детей.

Все дружно прокричали «Ура!»

Андрей подумал про себя: И день рождения моей мамы тоже!

Кубинские артисты и звери радовались вместе со всеми. А самый большой попугай, несмотря на то, что был одной лапкой привязан к руке дрессировщика, слетел с нее и вдруг устремился к Андрею. Все замерли в ожидании — что будет? А попугай уселся на левое колено Андрея и что-то непонятное заговорил по-испански. Переводчик засмеялся и на плохом, но понятном русском, сказал.

Переводчик: Иди за мной. Слушай меня. Будешь долго жить.

Андрей застыл от удивления и автоматически ответил: «Пойдем!».

Дрессировщик в ответ засмеялся.

Дрессировщик: Я с Чико уже пятнадцать лет. И он все время повторяет эту фразу. Но сегодня он сказал ее по-особому.

Андрей хотел погладить попугая по голове, но тот растопырил крылья и начал приоткрывать свой большой крючковатый клюв. Андрей поостерегся.

Дрессировщик засмеялся: Мальчик! Это ему твой запах незнакомый. Еще раз протяни руку и все сделаешь.

Андрей послушал дрессировщика. И — о, чудо! — попугай разрешил себя погладить не только по голове, но и по телу, затем перелетел опять на руку дрессировщика, а затем забрался на его левое плечо и уютно прижался к его голове.

Все аплодировали Андрею. А он встал и раскланялся. В этот момент он почувствовал себя артистом.

1 июня 1990 года.

На центральной площади стояли семь автобусов с флагами Советского Союза и Кубы. Сразу после завтрака ребят начали рассаживать по автобусам.

Андрей первым подошел к автобусу и помогал своим товарищам войти в него. При этом он говорил.

Андрей: Первые два кресла справа не занимайте. Я поеду вместе с Денисом.

Ему согласно кивали в ответ.

Водитель Хуан просил каждого подойти к большому ведру,циальному бананами. Жестами он показывал: мол, берите и кушайте!

Ребята сначала стеснялись, но Денис, который сам поднялся в автобус, держась за поручень, и ловко воткнул свое тело в кресло, скомандовал.

Денис: Андрей! Угощай всех! И чтобы никто не отказался.

Довольный Хуан пожал Денису руку.

Переводчик, он же волонтер, по имени Эдуардо, сообщил.

Эдуардо: Бананы — это подарок Хуана. Когда он узнал, что повезет советских детей на экскурсию, то решил сделать подарок из своего сада. Угощайтесь и будьте здоровы!

Все были тронуты. А Глеб и Борис, которые было затеяли фехтование на небольших кубинских бананчиках, засмущались от стыда. Хуан покровительственно помахал им: мол, я не сержусь. Конечно, все угощение было быстро съедено.

Пока ехали по Гаване, ребята с огромным интересом смотрели вокруг.

Волонтер Эдуардо пояснял. Едем мимо монумент Хоше Марти. На набережной Малекон ребята попросили остановиться. Они увидели крепость и были заинтригованы.

Эдуардо пошутил: В этих двух крепостях спрятаны мешки с золотыми монетами. Всем, кто вылечится, дадут по золотой монете на память.

Денис (с сомнением): А что, Куба такая богатая страна, что может дарить золотые монеты каждому гостю?

Эдуардо (посерьезнев): Хочу сказать тебе, молодой советский друг, что Куба богата друзьями, у истоков нашей дружбы стоят пламенные борцы за свободу людей: Че Гевара, Хоше Марти и два наших брата-руководителя Фидель и Рауль Кастро. А вместе с ними их соратники. И соратники эти — весь одиннадцатимиллионный народ Кубы.

Денис: Теперь я понял, в чем ваша уверенность, дружелюбие и готовность всегда помочь в трудную минуту.

Эдуардо: Меня учили в Советском Союзе на Южном Урале в городе Магнитогорск. Я окончил там индустриально-педагогический техникум профтехобразования. Познакомился со знаменитым выпускником техникума летчиком-космонавтом СССР, известным Героем Советского Союза. Его звали Павел Попович.

Все с почтением посмотрели на Эдуардо.

Эдуардо: Он жал мне руку и говорил, чтобы я крепил нашу дружбу между государствами.

За разговорами незаметно подъехали к Бульвару львов.

Эдуардо: Ребята! Сейчас вы погуляете по Пасео Прадо. Послушаете, как играют наши оркестры. Посмотрите веселый спектакль в театре имени Карла Маркса. Мы оченьуважаем Карла Маркса. Вы знаете, кто это такой?

Андрей поднял руку: Это известный революционер, который был против капиталистов, ведь капиталисты угнетали людей и присваивали общие богатства себе. У нас почти в каждом городе есть улица или проспект Карла Маркса.

Эдуардо поощрительно улыбнулся Андрею.

(Ребята ходят по бульвару, гладят скульптуры львов, некоторые фотографируются возле них).

Пятилетний мальчик-кубинец сидит на лавочке с мамой и хнычет: Кушать хочу! Дай кушать!

Мама послушно открывает сумку и достает булочку и бутылочку с минеральной водой.

Мама: Возьми, Тобиас, скушай!

Но мальчик уже отвлекся и кушать ему не хочется. Потому что он увидел пятилетнего Антона, которого пытаются подсадить на спину льва Глеб и Борис. У мальчиков это не очень получается, а Антон визжит от восторга и командует ими.

Антон: Братья белорусы! Помогите мне оседлать льва! А Денис сделает фотографию! Я ее потом родителям пошлю! Правда, Денис?

Денис (кивает в ответ): Ребята, если вы устали, отдохните. А потом еще раз попробуйте подсадить Антона.

Но мальчики не соглашаются сделать перерыв и продолжают свои попытки. Тобиас с булочкой в руках срывается с лавочки и подбегает к веселой компании. Мальчик говорит по-испански: Приветствуя вас, старшие друзья. А этот мальчик ваш брат?

Глеб и Борис отрицательно качают головой.

Денис удивленно смотрит на говорящих: как Глеб и Борис поняли этого кубинского малыша?

А Тоник прекратил попытки подняться на льва и протягивает свою руку мальчику для знакомства.

Тобиас: Меня зовут Тобиас.

Антон: А я Антон из Советского Союза.

Кубинская мама с улыбкой наблюдает, сидя на лавочке.

Тобиас: Вы не можете поднять его, потому что устали и голодные.

Он делит булочку на три части и протягивает советским детям.

Антон автоматически берет булочку и начинает есть. Тобиас поощрительно улыбается.

Глеб и Борис, переглянувшись, возвращают свои куски Тобиасу.

Глеб: Нет, мальчик! Нам не надо! Ты сам маленький! Возьми и кушай, чтобы стать большим, как мы. Тоник! А ты прекрати есть, а то станешь толстым и тяжелым и мы тебя точно не поднимем.

Тоник начинает задорно смеяться.

Тобиас выставляет перед собой ладони и говорит.

Тобиас: Нет-нет, я не возьму! Я знаю, что у мамы есть еще одна булочка.

Он срывается с места и бежит к маме. Что-то говорит ей и она, выполняя его поручение, достает вторую булочку. Мальчик радостно хватает ее, благодарит маму и бежит обратно к своим новым советским друзьям.

Инициативу перехватывает Борис. Он делит булочку на четыре части. Тобиас благодарно получает свою долю и ест. Все смеются. Ребятам весело и хорошо.

Теперь уже Тобиас командует, когда мальчики, Глеб и Борис, вновь пытаются подсадить Антона.

Тобиас: Уно, дуос!

И чудо произошло! Тоник разместился на спине скульптурного льва. Денис встает из коляски и делает несколько уверенных шагов. Лечение явно идет ему на пользу. Ребята делают несколько снимков.

Возбужденный и счастливый Тобиас подбегает обратно к маме.

Тобиас: Мама! Мама! Советские дети пригласили меня на спектакль! Ты отпустишь меня?

Мимо проходит волонтер Эдуардо.

Эдуардо: Достойный сын кубинского народа! Я видел, как ты познакомился с советскими детьми. Ты не жадный мальчик, у тебя доброе сердце. Конечно, пойдем вместе с нами на спектакль.

В это время на бульваре парами строятся остальные ребята. Антон на правах друга и ровесника берет заробевшего Тобиаса за руку и они общей колонной идут в театр.

Билетеры широко открывают двери. Находящиеся на бульваре кубинские дети криками подбадривают советских детей и дарят немудрящие сувениры: бананчики, конфеты, разные поделки, значки. Советские дети тронуты и с благодарностью принимают знаки внимания.

Андрей (вздыхая, говорит Денису): А вот Люба в хирургическом госпитале. Выздоровливает. Я вот бананчик и конфетку сберегу и ей передам, когда она вернется к нам в Тарару.

12 июня 1990 года

В палату к ребятам, когда они отдыхали после медицинских процедур, вбежал взволнованный Антон.

Антон: Денис! Андрей! Глеб! Боря! Только что видел, как в специальный медицинский корпус на второй этаж пронесли носилки с Любой. Она меня узнала, заулыбалась.

Ребята были возбуждены.

Андрей: Идем к Любке.

Пришли к специальному медицинскому корпусу.

У Дениса наступило улучшение. Парез лица с правой стороны спал и он оказался симпатичным парнем. Денис также стал двигать правым плечом, но ниже локтя рука висела как плеть. Он очень медленно ходил, но уже не падал. Денис встал с коляски и медленно пошел к охраннику. Тот удивленно смотрел на детей.

Охранник: Что хотите, советские дети? Где ваш Анхель? Врачи ушли на обед. Кто-то чувствует себя плохо?

Андрей оказался рядом с Денисом.

Андрей: Ола, Хорхе! Полчаса назад сюда привезли девушки. Это наш боевой товарищ Люба. Мы хотим ее навестить. Кто ее лечит здесь? Мы можем пройти в палату?

Охранник отрицательно покачал головой.

Охранник: Все контакты запрещены, она очень слабая. Идите обратно.

Тогда Андрей пошел на хитрость.

Андрей: Скажи, Хорхе! А где ее палата?

Хорхе подумал, а потом указал на одно из окон на втором этаже. Ребята поблагодарили и ушли.

Андрей (обращаясь к Денису): Месяц Любы не было. Пока анализы производили, потом к операции готовили. Слава Богу, жива.

Денис: Смотрите, кто идет! Это доктор Дуглас!

Из здания вышел невысокий человек в очках, слегка полноватый. У него была седая шевелюра. Он пошел в сторону ребят. Он был задумчив и смотрел в землю.

Борис (закричал): Буйнос диос, доктор Дуглас!

Врач поднял голову и заулыбался. Подошел к ребятам.

Доктор Дуглас: Да, Люба перенесла тяжелейшую операцию по пересадке костного мозга, но она очень просила вернуться обратно. Через девять дней после операции мы ее просьбу выполнили. Сначала она будет лежать, восстанавливаться, а потом наступит период реабилитации. Ребята, вы можете написать ей что-то, нарисовать. А во время послеоперационных процедур я ей буду показывать ваши послания.

Антон (важно сказал): Доктор Дуглас! Мне уже шестой год пошел. Я красивее всех пишу. Мы очень благодарим вас за вашу помощь.

13 июня 1990 г. 5 часов утра.

По дорожкам лагеря по направлению к специальному медицинскому корпусу осторожно идет невысокий щупленький мальчик. Это Андрей. Он ходит вокруг здания и что-то ищет. Вдруг его лицо расплывается в счастливой улыбке. Мальчик увидел стрекянку. Лестница тяжелая, но он самоотверженно, как и подобает боевому муравью, сначала подтаскивает лестницу по земле, а потом ему удается прислонить ее к стене. Окно в палату приоткрыто. Мальчик наступает на нижнюю ступеньку, чтобы подниматься вверх, но потом замирает. Оглядывается вокруг и видит красивую цветочную клумбу. С краю растет красивый пион. Андрей осторожно отламывает стебель, вставляет цветок за пазуху и медленно начинает подниматься.

Лестница заканчивается. Но рукой он может достать до подоконника. Андрей с

величайшей осторожностью вытаскивает цветок и кладет его на подоконник. Все. Дело сделано!

С величайшим вниманием он спускается вниз, так как уже устал, и дергает лестницу вбок. Уже у самой земли подхватывает ее и опускает. Смотрит на стену. Она чистая и гладкая — никаких следов нет. По песку он оттягивает лестницу обратно и она оказывается практически на том же месте, откуда он ее брал. Андрей ногой ровняет песок на аллее, чтобы не было видно следа от лестницы. Довольный, идет обратно к себе в корпус. На часах без пятнадцати шесть утра. Андрей раздевается и ложится в кровать.

Медицинская палата. 6 часов утра.

Входит медицинская сестра. Она бесшумно катит на специальном столике приспособления для смены капельницы. Люба спит чутко. Она приоткрывает глаза и смотрит на медсестру. Видит, что она удивленным взглядом смотрит куда-то влево. Люба поворачивает головку и видит большой пион, который лежит на подоконнике. Медсестра оставляет столик и быстро подходит к окну, перегибается и заглядывает вниз. Там никого, нет никаких следов, что кто-то был. Медсестра-кубинка удивлена, потому что никто в дверь не проходил. Она вопросительно смотрит на Любу. Девушка также вопросительно смотрит на медсестру и слегка пожимает плечами.

Медсестра: Люба! Добрый утром тебе! Какой красивый цветок пришел тебе пожелать хорошего дня. Но это не я.

Люба: Виктория! Пожалуйста, положите цветок на подушку возле меня. Я хочу чувствовать его аромат.

Медсестра: Конечно-конечно. Сейчас управлюсь с капельницей и сделаю это.

Завершив манипуляции, она опять подходит к подоконнику, берет цветок, кладет его на подушку возле Любы. Свободной рукой та медленно берет цветок и начинает его нюхать. Девушка счастливо улыбается.

Люба: Виктория! Я не знаю, как у вас на Кубе, а у нас в Белоруссии, если парень дарит девушке цветы, то тем самым он признается, что она нравится ему. Интересно, кому же нравлюсь я!

Медсестра Виктория: Думай, Люба! У нас на Кубе постоянно происходят разные чудеса. Может быть, это из Белоруссии кто-то тебе послал цветок? Вот ветер и принес.

Медсестра Виктория задорно смеется. А Люба счастливо улыбается. Гипотеза принята, но никто в нее не верит. Девушкам понятно, что это сделал кто-то из местных. Но вот кто?

Медсестра Виктория: Охранник Хорхе на это не способен. Он хоть и сильный и весит 120 килограммов, но у него четверо детей и ему уже 35 лет. Зачем ты такая молоденькая, хоть и красивая, ему нужна. А других вокруг я не вижу никого.

Люба прикрыла глаза и счастливо улыбается, время от времени нюхая цветок.

14 июня 1990 года. 5 часов утра.

Андрей тихонько встает с постели, одевает шорты и легкую футболку и в одних шлепанцах тихонько-тихонько выходит из палаты. Крадучись идет к корпусу, где лежит Люба. И не замечает, что за ним наблюдает садовник Педро.

Несмотря на почтенный возраст и невысокий рост, он очень сильный и трудолюбивый. А его седая шевелюра подчеркивает его мудрость.

Андрей идет привычным маршрутом и вдруг с удивлением замечает, что лестница прислонена к стене прямо под окном палаты, где лежит Люба.

На скамье возле цветника он замечает перчатки садовника, длинные ножницы и белую бумажную салфетку.

Андрей (негромко): А садовник Педро, видимо, забыл все это вчера. Или устал.

Ему даже не приходит в голову, почему же лестница прислонена так удобно. Он выбирает красивую розу, которая растет чуть дальше края, и умело срезает ее. Затем подтягивает цветок к себе, бумажной салфеткой обертывает розу, чтобы не кололась, и вставляет ее за пазуху. Уверенно поднимается по лестнице. Сначала она покачивается чуть-чуть, а потом вдруг перестает. Андрей увлеченно смотрит вверх и не видит, как внизу садовник Педро и охранник Хорхе удерживают лестницу. Они понимают чувства подростка и совсем не сердятся на то, что в прошлый раз он сорвал пион.

Андрей добирается до подоконника, подтягивается на руках и вскарабкивается на него. Он стоит на четвереньках на подоконнике, аккуратно достает цветок и вздрагивает: на него смотрит Люба и улыбается.

Андрей громко шепчет ей: Люба! Эта роза для тебя! Она самая красивая на цветнике. А раньше я подарил тебе пион. Ты видела?

Люба согласно прикрывает глаза и Андрей видит на прикроватной тумбочке вазочку, в которой стоит пион. Андрей добрасывает до кровати Любы цветок, потом достает конфетку.

Андрей: Люба! Мы первого июня ездили на экскурсию на Пасео Прадо. Я хотел подарить тебе банан и конфету, которыми меня угостили кубинские ребята. Но банан мог испортиться, и я его съел, а конфету принес тебе. Это очень вкусная конфета. Потому что она олицетворяет нашу дружбу. Тебе хорошо, Люба?

Девушка чуть слышно произносит: Очень, Андрюша, очень!

Андрей ногами обратно сползает на лестницу, нащупывает сначала ступеньку, потом вторую. Спускаясь, он по-прежнему смотрит вверх. На середине пути лестница начинает покачиваться. Но Андрей терпелив и осторожен. Он встает на землю. Тяжести и усталости не чувствует. Смотрит на лестницу. И думает о том, не положить ли ее туда, где она раньше была. Решает, что не стоит — лучше все оставить так, как есть.

Хорхе и Педро спрятались за углом и стараются не дышать. Если их обнаружат, будет неудобно. Мужчины переглядываются. Педро заговорщики прижимает указательный палец к своим губам. Хорхе утвердительно кивает в ответ.

Андрей ничего этого не видит, он счастлив и быстрым шагом удаляется от корпуса.

14 июня 1990 года.

Валентине Павловне звонит классный руководитель Анна Ивановна.

Валентина Павловна: Анна Ивановна! Что у вас голос грустный?

Анна Ивановна: Меня только что вызывали к директору школы. Там была дама из райкома партии, Екатерина Станиславовна. Она возмущалась тем, что вашему сыну поставили отличные отметки за восьмой класс и он был освобожден от экзаменов. Требует, чтобы ему предложили уйти из школы и выдали документы после восьмого класса.

Мы с директором стали возмущаться, а она говорит, что это указание первого секретаря райкома партии. И что если мы не выполним это указание, то нас ждут большие неприятности.

Валентина Павловна (по лицу видно, что разнервничалась): Анна Ивановна! Я же вам рисунки мальчика показывала недавно. Сын чувствует себя хорошо.

Анна Ивановна: Извините, что перебиваю, но эта Екатерина Станиславовна сказала, что мальчик вряд ли сам с Кубы приедет. Что будто бы дни его сочтены.

Валентина Павловна охает и в полуобморочном состоянии выпускает из рук телефонную трубку. Она еле успевает сесть на табуретку. Ее сознание помутилось.

Трубка свесилась почти до пола. Остатками сознания Валентина Павловна отмечает про себя, что хорошо, что провод тугой и трубка не ударила о пол.

Из телефонной трубки слышен тревожный голос Анны Ивановны: Валентина Павловна! Отзовитесь! Валентина Павловна! Что с вами? Вам плохо? Вы одна дома?

Из спальни выходит заспанный Валерий. Ночью он занимался подработкой и разгружал ящики с трехлитровыми банками из вагонов. Он придерживает жену левой рукой, а правой хватает телефонную трубку.

Валерий: Алло! Что случилось! С кем я говорю?

Анна Ивановна: Здравствуйте, Валерий Михайлович! Это Анна Ивановна, классный руководитель вашего сына. Что случилось с Валентиной Павловной? Почему она не отвечает?

Полуобморочное состояние у Валентины Павловны прошло, она приоткрывает глаза, приваливается к животу мужа.

Анна Ивановна пересказывает Валерию то, что она сказала Валентине Павловне.

Валерий: Анна Ивановна! Мы в школу не придем. Документы сына не заберем. Переводите его в девятый класс. Когда у вас будет выпускной для восьмиклассников и десятиклассников?

Он внимательно слушает ответ, а потом говорит.

Валерий: Я завтра утром зайду в школу и возьму его свидетельство об окончании восьми классов. Оставьте, пожалуйста, секретарю конверт с документом и вкладышем. Запечатайте все в конверт и напишите на нем, пожалуйста — для Наумова Валерия Михайловича. Спасибо.

Он решительно вешает трубку на рычаг и сильными руками подхватывает супругу. Укладывает ее на диван. Дает ей лекарство, ставит холодный компресс на голову и преданно усаживается на краю дивана.

Валентина Павловна благодарно улыбается мужу.

Валерий: Ничего мне не говори. Я все знаю. По-ихнему не будет никогда. Думаю, что в девятый класс он пойдет уже самостоятельно.

Валентина Павловна прикрывает глаза и засыпает. Валерий ласково смотрит на жену, жалость видна на его лице. Он еле слышно шепчет.

Валерий: Валюшечка! Любимая моя! Сколько же тебе перетерпеть довелось! Мы уже больше четырех лет выхаживаем нашего сыночка! И обязательно выходим!

На следующий день Валентине Павловне стало хуже. Вызвали участкового врача. Та измерила давление, послушала почти нечленораздельную речь Валентины Павловны и тут же вызвала скорую помощь. Валентине Павловне сделали несколько инъекций, а потом прямо на дому поставили капельницу. В суете незаметно прошло три часа.

Участковый врач сказала, что, слава Богу, кризис миновал, и микроинсульт не было. Было просто спазматическое состояние, осложненное высоким давлением, развившимся на нервной почве.

Десять дней Валерий не отходил от жены, почти забросил хозяйство.

3 июля.

Пришла почтальон Клавдия и принесла небольшое письмо. Оно было из школы. Валерий торопливо разорвал конверт, воспользовавшись тем, что жена спала. Специально громко он произнес для удивленной Клавдии.

Валерий: Спасибо, что принесла варенье. Вот малинку и попробуем.

Сердце его колотилось, испарина выступила на лбу. Руки дрожали.

Почтальон Клавдия на правах двоюродной сестры вытащила листок бумаги из конверта. На нем от руки было написано: «Валерий Михайлович и Валентина Пав-

ловна! Благодарим вас за воспитание сына и поздравляем с окончанием восьмого класса с отличием. Извещаем, что он переведен в девятый класс нашей районной школы № 1. Фамилия и подпись директора и печать».

Валерий не выдержал и разрыдался. Вдруг он почувствовал приток свежего воздуха. В дверях стояла Валентина Павловна

Валентина Павловна: Валера! Что случилось? Ты как-то необычно плакал! Мы с тобой семнадцатый год живем и я впервые вижу, что ты плачешь!

Почтальон Клавдия радостно сказала Валентине Павловне.

Клавдия: Ваш-то, Андрюшечка! С отличием закончил восемь классов и зачислен в девятый. Молодец какой!

Валентина Павловна (выдохнула): Я ничего не понимаю. Это с Кубы письмо? У него все хорошо?

Клавдия: Нет, это со школы письмо пришло! А на Кубе у него все хорошо. Не бось, с девчонками там заигрывает. Парнишке-то пятнадцатый год пошел — вовсю должен женихаться.

Валерий вытер слезы и посмотрел на жену.

Валерий: Видишь, раз Клавдия говорит, значит, так оно и есть. Все улыбнулись.

5 июля 1990 года.

Андрей проснулся чуть раньше пяти утра от крадущихся шагов. Он притворился спящим и приоткрыл один глаз. По комнате осторожно ходил Денис. Он прошел сначала от одной кровати к другой, потом повернулся назад. Счастливая улыбка блуждала на его лице.

Андрей возрадовался про себя. Чуть больше трех месяцев прошло, а Денис-то уже молодец! Теперь ему и коляска не нужна.

Денис приоткрыл дверь палаты, и Андрей услышал, как он стал спускаться по лестнице. И хотя спускался он медленно, но спускался сам!

Андрей слышал, как Денис потоптался на площадке первого этажа и стал подниматься обратно. Потом он эту процедуру повторил еще раз.

Андрей посмотрел на часы: пять утра, пора вставать. У него мелькнула шальная мысль.

Андрей: А не взять ли с собой Дениса для передачи очередного цветка Любे?

Когда Денис зашел в палату, Андрей поманил его к себе пальцем. Денис склонился над кроватью Андрея, который поделился с ним своим планом. Денис был очень польщен тем, что ему доверили тайну и он тоже будет в этом участвовать.

Андрей шел привычным маршрутом, а Денис, почти не прихрамывая, старался не отставать от него.

Выбрали цветок. Срезали.

Денис сказал: Я остаюсь внизу, а ты потихоньку поднимайся.

Андрей послушно кивнул в ответ.

Перед тем, как подтянуться и залезть на подоконник, Андрей взглянул вверх и вздрогнул от неожиданности: на подоконник облокотилась Люба и улыбалась своему ухажеру.

Андрей (взволнованно): Как, тебе разрешили вставать с постели? Здравствуй, Люба!

Люба (кокетливо): Да, Андрюшечка! Я же выздоравливаю! А где мой цветок? Ты должен поздравить меня по-особенному.

Андрей протянул ей цветок, затем взял левую руку и поцеловал. Люба зарделась от удовольствия. Она чуть-чуть подтянулась и поцеловала Андрея в щеку. Андрей потерял равновесие, но Люба успела ухватить его за ворот футболки. Та затрещала. Андрей успел уцепиться за край лестницы.

Люба: Завтра после завтрака меня должны выписать. Приноси футболку. Я виновата, я ее порвала. Я и зашью.

Андрей счастливо и глупо улыбался.

Люба: Адрюшечка! Коханый мой! Я порвала, я сама и зашью. Договорились? А теперь спускайся.

Она ладонью слегка ударила его по лбу.

Андрей: Люба! Мы тебя всем отрядом встретим, как всем отрядом провожали.

Люба: Видишь, на улице очень жарко, 37—38 градусов. Зачем всех тревожить! Но ты узнай у доктора Дугласа: когда меня выпишут?

Андрей согласно кивнул.

Еще никогда он так быстро не спускался. Ему хотелось побыстрее поделиться радостью с Денисом.

Возле Дениса стоял садовник Педро. Он одобрительно похлопал Андрея по правому плечу.

Садовник Педро: Завтра твою красавицу выписывают. Она на поправку хорошо пошла.

Потом улыбнулся и добавил: Больше цветы никто срезать не будет. Видишь, новый костный мозг прижился, девушка поправилась. Сколько ей лет-то?

Андрей: Спасибо вам, садовник Педро! Значит, вы знали, но молчали?

Садовник Педро: У тебя такая любовь! Как же я мог вмешиваться! Я только поддерживал и помогал.

Из-за угла вышел охранник Хорхе.

Охранник Хорхе: Вернетесь в Советский Союз, обязательно женись на ней. Каяя девушка хорошая! А сколько вы вместе с ней пережили!

Тепло попрощавшись с охранником Хорхе и садовником Педро, ребята пошли обратно к себе.

20 июля 1990 года.

После завтрака, пока Андрей дождался своей очереди к тренажерам, к нему подошел вожатый Евгений.

Вожатый Евгений: Андрей! Ты устал?

Андрей: Нет, с чего бы это? Я просто задумался. Родителей вспомнил.

Вожатый Евгений: Ну и хорошо. 5 августа возвращаемся домой. Ты рад?

Андрей: Очень. Я чувствую себя сильным и здоровым.

Вожатый Евгений: Я смотрю, ты и вправду подрос.

Андрей: Ой! А кто же родителей предупредит? Кто меня встретит?

Вожатый Евгений: Ты об этом не беспокойся. Все будет нормально. А у меня есть предложение к тебе, Андрей. Ты же у нас комиссар. Давай перед отъездом устроим концерт художественной самодеятельности. Это будет наша благодарность всем кубинским друзьям, кто помогал нам и возвращал здоровье.

Андрей: Евгений! Это замечательная идея! А еще давайте устроим октябрьско-пионерско-комсомольский костер. Люба на мандолине хорошо играет. Надо только мандолину найти. Она четыре года в музыкальной школе училась. Я могу на фортепиано сыграть — до болезни занималась музыкой. Денис замечательные фокусы показывать умеет. С картами и со стаканом. Тоника попросим стихи почитать. Глеб и Борис научились разные узлы завязывать и мгновенно развязывать.

Вожатый Евгений: Да у тебя целая программа уже намечается. Итак, на 3 августа назначаем концерт.

Два дня ребята рисовали афиши. Все жили предвкушением концерта.

Результаты лечения были налицо. Кто не мог ходить — стали ходить, кто был в

колясках — с колясок встали. Кто был слаб — выздоровели. Излечили болезни крови. А Люба после пересадки костного мозга стала певуньей всем на радость.

Доктор Дуглас восхищенно разводил руками.

Доктор Дуглас: Эти русские дети блестяще подтвердили правильность разработанной нами комплексной программы. Я горжусь вами.

С его выступления начался праздничный концерт.

Все были в восхищении от фокусов, которые показывал Денис. Он наливал в стакан настоящую воду, затем закрывал его платком, потом снимал платок, переворачивал стакан над собой, а вода не текла — ее в стакане просто не было.

Малыши, особенно Антон, подходили, опускали пальцы в стакан. Пальцы были мокрыми. А потом вода исчезала. Дети требовали еще и еще раз повторить.

Антон читал стихи о дружбе, о Ленине. Бурные аплодисменты вызвало прочитанное им стихотворение про Фиделя Кастро:

*У каждого из нас своя планида:
На белом фоне путь — узора гжель,
Но думаешь всегда про «ларга вида»
А в страсти нас объединил Фидель!*

*Страсть эта — в острове Свободы,
В энтузиазме напряженья сил,
В мечте, что снова обрели народы,
Дыша под взмахи многогальных крыл!*

*Мехам подобно раздуваем пламя,
Огонь наши воплощается в труде,
И революции в руках всполощет знамя!
Увидели его на всей земле!*

*Бородачи шагали в авангарде:
Карл Маркс и Энгельс, Ленин и Фидель.
И верили, что сила только в правде,
А революцию не посадить на мель!*

*У океана натиск исполина,
Но Куба с честью выдержит штурма!
Гряды преград тогда преодолима,
Когда верна дорога и прямая!*

*В мельканье дат, событий и пристрастий
Не просто выбрать правильную цель,
Но созидает авениду счастья
Неукротимый искренний Фидель!*

Антона вызывали на бис. Он читал с выражением, с чувством. Память у мальчика прекрасная.

И советские дети, и кубинцы скандировали: «Вива, Куба! Грацио, Фидель! Мучо Грацио, Куба!»

В конце вечера по заранее розданным листочкам ребята стали хором петь песню:

*Куба — любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня летит, над планетой звена —
Куба — любовь моя!*

*Слышишь чеканный шаг —
Это идут барбudos;
Небо над ними как огненный стяг —
Слышишь чеканный шаг!*

*Мужество знает цель!
Стала легендой Куба,
Вновь говорит вдохновенно Фидель —
Мужество знает цель!*

*Родина или смерть! —
Это бесстрашных клятва.
Солнцу свободы над Кубой гореть!
Родина или смерть!*

*Куба — любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня летит, над планетой звена —
Куба — любовь моя!*

Листочки не понадобились. Все пели наизусть. Во время исполнения песни дети были торжественны. Стихи выпевали с воодушевлением.

Потом зажгли прощальный костер. Один факел для зажжения вручили Андрею, а второй — доктору Дугласу.

Огонь разгорелся быстро под аплодисменты.

Дети плакали, смеялись, обнимались.

Обещали никогда не забывать кубинцев, которые вернули им здоровье и жизнь.

Костер прогорел, все стали расходиться по палатам. И вдруг неожиданно пошел дождь. Настоящий летний. Он был коротким, но очень сильным. Хорошо, что все уже успели разойтись, и никто не промок.

Днем 4 августа все собрались на центральной круглой площади. После построе-ния и отдачи рапорта вожатый Евгений торжественно провозгласил.

Вожатый Евгений: Право опустить флаг предоставляется комиссару отряда Андрею Наумову.

Андрей отдал пионерский салют вожатому и торжественным шагом промаршировал к флагштоку. Зазвучал Гимн Советского Союза. Многие не сдерживали слез.

Раздалась команда волонтера Эдуардо.

Эдуардо: Рассаживаемся в автобусы!

Пятилетний Тоник старательно прятал в рукаве куртки маленький отросточек пальмы. Он пообещал, что посадит пальму у себя в городе Узловая Тульской области и она будет расти и станет большой, а он глубоким стариком будет сидеть под ней на скамье и вспоминать свое кубинское детство.

Кубинцы старательно делали вид, что не замечают, как Антон вывозит пальму. Вывоз пальм с Кубы запрещен, но ради ребенка пошли на нарушение.

Пришел доктор Дуглас с медсестрой Викторией и вручил каждому ребенку по значку с изображением Че Гевары и по фотографии Фиделя Кастро в паспарту. Дети с энтузиазмом прикалывали значки к ветровкам и футболкам. А фотографии бережно держали в руках.

В аэропорту была торжественная церемония проводов. Приехал советский посол, высокопоставленные кубинские товарищи. Все радовались выздоровлению детей и что никто из них не умер.

Андрей помог Любе подняться по трапу. Но Люба смеялась и шутливо отталкивала его левой рукой.

Люба: Андрей! Ну, не приставай же ко мне! Люди смотрят! Что скажут?

Довольный Андрей лишь улыбался в ответ, но Любу не отпускал.

Когда сели на места, Люба достала из сумочки адмиральскую фуражку. И одела ее себе на голову.

Люба: Андрей! А фуражка-то счастливая! Теперь у меня кровь хорошая. Через полтора года восемнадцать исполнится — приезжай свататься.

После ужина в самолете все постепенно уснули. Разговоры прекратились.

Андрею приснилась мама, которая стояла в аэропорту в легком клетчатом платочке в спортивном костюме и протягивала к нему руки. «К чему бы этот сон», — подумал Андрей и впал в забытье.

В Москву прилетели 5 августа в 11 часов утра.

Когда ребята стали выходить к встречающим, то увидели, что пространство вокруг огорожено, вдалеке толпятся родственники.

Денис построил отряд. Сдал рапорт вожатому Евгению. А тот, в свою очередь, министру здравоохранения СССР. Это была очень трогательная сцена. Министр в микрофон спросил у ребят после того, как поздравил их с успешным возвращением.

Министр: Кого вы должны благодарить за свое излечение?

Министр предполагал, что дети скажут «Советский Союз». Но ребята молча стали открывать паспарту и показывать фотографию Фиделя Кастро. Министр смешался. Скрашивая неловкость, оркестр заиграл туш.

Едва вожатый Евгений произнес команду «вольно», как родители и родственники бросились к детям. Андрей озирался вокруг и пытался глазами найти маму. Сквозь суматоху он все-таки разглядел ее. Она стояла вместе с отцом у дальней колонны в ожидании, когда суета пройдет.

Андрей подумал, что он, как комиссар отряда, должен проявлять сдержанность. Обнялись с Денисом, вокруг которого хлопотали мама и старшая сестра. Мама хотела посадить сына на коляску, он ей строго сказал.

Денис: Мама! Приедем домой — коляску выбросим. Она мне больше не понадобится.

Счастливая мама послушно кивала сыну.

Тоника встретили старшие брат и сестра. Его мама настолько раз волновалась, что не могла выехать из Узловой. Если бы она увидела сына сейчас, в этот момент, то ее восторгам не было бы предела.

Глеба и Бориса встречали отцы — родные братья. Они прижали мальчиков к себе и не отпускали. Чувствовалось, что очень соскучились.

Много родственников приехало встречать Любу. Люба подвела к Андрюше маму.

Люба: Мам! Познакомься, пожалуйста! Это Андрей. Он заботился обо мне, пока я лечилась на Кубе.

Мама ласково посмотрела на подростка: А ты мне таким и приснился! Может, и зятем станешь. Андрей растерянно улыбался.

Стало посвободнее и Валентина Павловна с Валерием подошли к сыну. Андрей обратил внимание, что мама была в том же самом клетчатом платочеке, в котором и провожала его.

Валерий перехватил взгляд сына.

Валерий: Мама сказала, что это счастливый платочек! Да ты подрос, сын! Молодец! Парнем становишься.

И крепко обнял Андрея.

Валентина Павловна внимательно и с каким-то удивлением смотрела на сына. Она заметила в нем множество положительных перемен. Она боялась увидеть безысходность, как раньше, в глазах Андрея. Мальчик почти четыре года цеплялся за жизнь, перебарывал болезнь, но она почти не отступала. А подвижки хоть и были, но очень маленькие.

Андрей встретился с ней глазами. И Валентина Павловна заулыбалась, потому что увидела совершенно другой взгляд сына. Это был взгляд человека, который уже начал выздоравливать. Валентина Павловна поняла, что сын не умрет. Она прижала его к своей груди, но не заплакала. Сторожко, как дикий зверь, она начала обнюхивать сына, как обнюхивает медведица детеныша, потерявшегося на какое-то время во время лесной прогулки. Сквозь заграничные запахи она почувствовала родное ощущение. Это был по-прежнему ее сын, но уже повзрослевший.

Валентина Павловна: Сынок! Андрюшечка! Вот и свиделись.

Андрей радостно, но в то же время устало сказал.

Андрей: Мама! Папа! Я так рад! Я так рад! Едемте скорее домой!

Валентина Павловна: Андрюшечка! Папа переживал, что самолет может задержаться по какой-либо причине, поэтому мы взяли билеты на вечерний поезд. Ты не сердись на нас, пожалуйста! У нас еще до отхода поезда много времени. Сейчас сядем в автобус, доедем до станции метро «Речной вокзал», потом на метро доедем до станции «Киевская». А там немного отдохнем в зале ожидания — и домой!

Андрей устало поморгал глазами, но взразил.

Андрей: Нет, мама! Сначала поедем на Красную площадь, а уже потом пообедаем и тогда поедем домой.

Родители перечить сыну не стали, тем более, что Андрей никогда не был на Красной площади.

6 августа 1990 г. 7 часов утра.

Андрей вышел на перрон райцентра первым и замер. Вокруг все вроде бы было также, как и перед его отъездом. Но не совсем так. Была распутица, кое-где в низине виднелись маленькие островки снега. А сейчас было буйное лето. Воздух пьянил от запаха яблок. Андрей прищурился и разглядел несколько ярко-красных плодов сквозь листву.

Проводница ласково улыбнулась мальчику и сказала.

Проводница: Какой-то у тебя, паренек, загар нездешний. А вокруг так оглядываешься, как будто сто лет не был дома.

Андрей восторженно улыбнулся проводнице.

Андрей: Вы правы. 125 дней отсутствовал — был в специальной командировке.

Та удивленно посмотрела на мальчика. Но ничего не сказала.

Валерий засуетился с такси. Но Валентина Павловна сказала.

Валентина Павловна: Сынок! Сейчас восьмой час утра, многие на работу идут. Сделай маме радость. Пройдись со мной по улице. Не спеша пойдем, к восьми придем. Там тебя уже и завтрак ждет.

Андрей: Мама! Раз ты просишь, то я с тобой пойду. Я совсем не устал — выспался в поезде.

На самом деле Андрей выглядел усталым, потому что на Кубе был уже двенадцатый час ночи, и его клонило в сон.

Андрей подошел к установленной на перроне водопроводной колонке и умылся.

Вдалеке Валентина Павловна увидела одну из своих товарок, которая с самого раннего утра пришла торговать. Женщины помахали друг другу.

Вдруг со спины Валентину Павловну и Андрюшу кто-то обнял. Они одновременно оглянулись и увидели Люду. Бывшая подшефная, а теперь уже здоровенная тетка ростом больше метр восемьдесят радостно затискала их. Она внимательно оглядела Андрея и сделала свое заключение.

Люда: Ого, Валентина! Какой у тебя жених вырос! Красивый, здоровый, спокойный.

Валентина Павловна не могла сдержать счастливой улыбки.

Валерий с сумками уехал домой на такси. А Валентина Павловна вместе с Андреем двинулись по привычной дороге пешком.

Андрей шел и думал о том, что всего четвертый раз за четыре года он выходил из дома и возвращался. Теперь он шел спокойно и уверенно. Он верил в то, что болезнь отпустила окончательно.

Валентина Павловна вся светилась от счастья. Напоминала человека, который после долгих, многолетних, изнурительных тренировок взошел наконец на высшую ступень чемпионского пьедестала и рад тому, что он сделал для людей: показал свои возможности и призвал людей двигаться дальше по дороге жизни.

Андрей иногда украдкой поглядывал на мать и гордился тем, что доставил ей столько радости.

Валентина Павловна не замечала взглядов сына, а смотрела только вперед, но одновременно крепко держала его за руку.

Встретились им человек восемь. Люди здоровались и внимательно разглядывали Андрея. Многие знали о беде, поселившейся в доме Наумовых, и предполагали, что когда-нибудь болезнь все-таки возьмет с собой Андрея. И вдруг все переменилось.

Зашли в дом. Бабушка Матрена Николаевна буквально повисла на шее внука и что-то невнятно бормотала.

Радость семьи была безмерной.

Андрей принял ванну, наскоро поел и ушел в свою комнату спать. Сил у него больше не осталось.

Валерий с Валентиной Павловной переглянулись.

Валерий: Валюш! Может, мне разобрать сумку сына?

Валентина Павловна: Пожалуйста, не делай этого. Он сам укладывал, пусть сам потом и разберет.

Валерий: Когда сын высится, надо проверить. Помнишь, на косяке мы отметины делали. Рост Андрюши измеряли. Мне кажется, он хорошо подрос.

Валентина Павловна согласно кивнула головой.

Матрена Николаевна тоже закемарила на диване в гостиной. У нее было блаженное, счастливое выражение лица. На нем читалось: внук вернулся домой и обязательно через четыре года и четыре месяца после болезни придет к бабушке в гости. Уж она его и попотчует. Раньше, когда мальцом был, по несколько раз на дно забегал.

Андрей проснулся поздно — около 16 часов по московскому времени. Все это время Валентина Павловна сторожко сидела в его комнате на стуле и наблюдала за ребенком. Выражение лица у него менялось несколько раз: то оно было безмятежным, то тревожным, то напряженным, то взволнованным. Валентина Павловна понимала, что сыну что-то снится и он переживает заново те или иные события своей кубинской жизни. Она еще не знала, что он ей и отцу расскажет, но уже чувствовала,

что трудностей там Андрею хватало. Но и радостей тоже было много. Андрей медленно открыл глаза и увидел перед собой маму, сидящую на стуле. Недоуменно смотрел на нее несколько секунд, а потом спросил невпопад.

Андрей: Мама! А ты как к нам в Тарару приехала? На самолете?

Валентину Павловну охватило отчаяние... Неужели сын не понимает, где он находится? Чем и как там его лечили?

Андрей посмотрел в одну сторону, в другую. Снова взглянул на мать и осмысленно улыбнулся.

Андрей: Ой, мама, я же дома.

Валентина Павловна встала на колени, подползла к кровати сына, уткнулась ему в грудь и зарыдала. Сквозь слезы она время от времени повторяла.

Валентина Павловна: Сыночек! Андрюшечка! Ты дома! Мы все вместе! Ты вспомнил нас? Сыночек! Андрюшечка! Мы дома!

В комнату сына вбежал встревоженный Валерий.

Валерий: Что случилось? Что случилось? Андрюша! Валя!

Валентина Павловна подняла заплаканное лицо.

Валентина Павловна: Все хорошо, Валерочка! Все хорошо! Просто Андрюша со сна спросил меня, как я на Кубе оказалась. А я уж по своей дурости черт знает что подумала.

Валерий: Не надо так нервничать, Валечка!

Он подошел к кровати и наклонился над сыном, чтобы поцеловать его в щеку.

Мальчик от удовольствия зажмурил глаза и обнял обоих родителей. Затем сказал.

Андрей: Ну чего вы мне встать не даете? Я кушать хочу! А потом к бабушке пойдем. Я вспомнил, как она мне утром сказала, что столько всего напекла-наготовила. Как мы можем ее подвести?!

Вечером пошли в гости к бабушке. Сын был весел, много шутил. Все были счастливы.

Когда уже начало темнеть в девятом часу вечера, засобирались обратно. Вышли. И недалеко от дома Валентина Павловна заметила заклятую подругу — помощницу первого секретаря райкома партии Екатерину Станиславовну.

Валентина Павловна: Андрюша! Отвернись-ка быстренько и спрячься за спину отца.

Она легонько толкнула сына в сторону. Мимо прошла Екатерина Станиславовна, покосилась на Валентину Павловну, но ничего не сказала, а Андрея просто не заметила.

Валентина Павловна: Уф! Пронесло! Та еще змея.

Андрей благодушно улыбнулся.

Андрей: Мам! Ну что ты в разные приметы веришь! Какая разница: ну, прошел мимо неприятный тебе человек. Что же, от него прятаться надо, сглазит?

Валерий (строго): Не спорь с мамой. Она тебе добра желает. Если ей кажется, что что-то не так, то ты ей не перечь. У нас городок древний. Всякое бывало.

Андрей удивленно посмотрел на родителей, недоуменно пожал плечами.

Задумчивые, все трое пошли домой.

Поздний вечер. Все спят.

Валентина Павловна в который уже раз рассматривает черно-белую фотографию, на которой изображен Фидель Кастро. Она старательно повторяет слово «барбудо». Андрей рассказал ей, что в переводе с испанского это означает «бородач».

Фидель и его товарищи в конце пятидесятых годов двадцатого века свергли прежнее правительство Кубы во главе с Батиста, который служил капиталистам в

США и превратил кубинский народ фактически в рабов. И совсем за небольшой промежуток времени (а в масштабах исторического времени это всего мгновение) страна преобразилась. Все люди, независимо от цвета кожи, стали свободными, их дети и внуки получили образование, многие учились в Советском Союзе. И хотя страну ограничили в общении с внешним миром экономической блокадой, все равно страна живет, радуется и строит социализм.

Валентина Павловна вспомнила, как сын сказал ей: «Куба дышит свободно, и это свободное дыхание слышат во всем мире».

Валентина Павловна перевела взгляд на божницу. Светилась лампадка. Валентина Павловна привиделось, как на нее с ласковой сердобольностью смотрит Богоматерь, баюкающая младенца.

Валентина Павловна испытала душевный подъем, ощутила легкость во всем теле. Она встала и слева от Богоматери вставила в божницу фотографию Фиделя Кастро. Справа от Богоматери еще много лет тому назад, когда Валентина Павловна только вышла замуж, находилась литография Андрея Рублева «Троица». Накануне свадьбы Валентина Павловна совершенно случайно увидела в журнале «Огонек» эту икону и посчитала данный факт благой вестью. И, хотя была комсомолкой, но все-таки вырвала ее из журнала и решила сохранить среди важных для нее вещей. А когда свекровь подарила икону, то она в горнице оборудовала божницу и поместила туда и литографию.

Матрена Николаевна дарила икону со словами: «Помни, Валентина! Богоматерь тебе и дом сохранит, и потомство у тебя будет, и все трудности переживешь, и в большой радости старость встретишь.»

Валентина Павловна отошла на несколько шагов от иконы, потом опустилась на колени и начала проговаривать лично ею сочиненную молитву: «Слава тебе, райская земля Куба! Слава тебе, Фидель Кастро! Слава вам, замечательные кубинские врачи! Мой приговоренный к небытию сын жив, и живет благодаря вам!»

Валентина Павловна три раза истово перекрестилась. Ноги налились свинцовой тяжестью, колени ломило. Она оперлась на край диван-кровати, побыла в такой позе около минуты, а потом медленно поднялась. Только сейчас она почувствовала, как устала за все эти годы, сколько перенервничала.

Она присела на диван-кровать и негромко сказала сама себе.

Валентина Павловна: Придет время, и все у Андрюши будет. И образование будет, и работа будет, и семья будет. А прошедших лет не жалко. Они во укрепление семьи ушли.

15 августа 1990 г.

Валентина Павловна делает очередную запись в своем дневнике: «Сегодня приходила Клавдия. Просила вернуть долг к 25 сентября. Ей исполняется 45 лет. Я сказала ей, что обязательно верну, и даже раньше. Нужно 170 рублей. Завъем последнего кабанчика, и попрошу Валерия купить четырех поросят. Хоть и не сезон сейчас, но что поделаешь. Одной Андрюшиной пенсии по инвалидности нам не хватает. Завтра опять пойду на перрон — торговаться. Сейчас лето, народу едет много». Она положила ручку, уставилась взглядом в написанное, и слезы сами собой потекли по ее лицу. Семья так и не смогла пока выбраться из нужды. А деньги Валентина Павловна заняла для того, чтобы купить Андрюше костюм, три рубашки и галстук. На семейном совете решили, что 1 сентября он самостоятельно пойдет в девятый класс.

30 ноября 1990 г. Андрей с отцом приехали в Брянск. Заседание ВТЭК.

Сидят восемь врачей, перед ними стоит Андрей. В уголке большой комнаты сидит Валерий, слегка согнувшись и смиренно положив ладони на колени.

Председатель ВТЭКа: Как себя чувствуете, молодой человек?

Андрей: Чувствую себя бодро. Могу полететь в космос.

Председатель ВТЭКа: Вы написали заявление о том, чтобы с вас сняли инвалидность. Пишете в заявлении, что вам хорошо и вы вылечились.

Андрей: Так точно.

Председатель ВТЭКа (высокий худощавый мужчина лет 50 незаметно щурится, затем надевает очки и зачитывает последнюю фразу из заявления: «Зачем тратить деньги на меня, когда они могут пригодиться другим нуждающимся»).

Андрей: Я так думаю, товарищ председатель.

Председатель ВТЭК листает объемистую амбулаторную карту. Затем что-то тихо говорит сидящей слева от него женщине примерно его же возраста.

Председатель ВТЭК: Ваше желание понятно, молодой человек. Но я вам хочу разобраться. Во-первых, у вас невысокий гемоглобин. Во-вторых, какой-то воспалительный процесс у вас в организме все-таки происходит, так как повышена скорость оседания лейкоцитов. В-третьих, прошу вас запомнить: вы еще ребенок, вам идет пятнадцатый год. Как будет дальше — никому не известно. Даже нам, врачам. И, в-четвертых, самое главное: вы подверглись радиоактивному облучению. Полное выздоровление невозможно. Я даже думаю, что вас нужно перевести на первую группу инвалидности.

Андрей растерянно смотрит на председателя.

Секретарь комиссии передает председателю какой-то бланк. Он с почтением берет его и читает. «Ну вот, молодой человек. Только что из Министерства здравоохранения СССР принесли извещение: в марте будущего года вас направляют повторно на Кубу. При согласовании списков очередной группы детей кубинские товарищи попросили включить и вас. У нас по Брянской области первый такой случай. Я предполагаю, что ваша болезнь интересна тамошним докторам».

Валерий вздрагивает и выпрямляется на стуле. Он не знает, как себя вести.

Андрей растерян: Но ведь мне гораздо легче. Я чувствую себя лучше.

Председатель комиссии недовольно смотрит на мальчика.

Председатель комиссии: Прошу мне не возражать. Здесь решаем мы, а вы обязаны подчиняться. Какое мнение будет у коллег по перекомиссии Андрея Валерьевича Наумова? Предлагаю назначить ему первую группу, тем более, что его сопровождает отец.

Все смотрят на Валерия, тот в растерянности ежится.

Председатель комиссии (продолжает): Вы учитесь в 9 классе? Сами посещаете занятия в школе? Как учитесь?

Андрей (слышит): Сам посещаю. Сам хожу пешком в любую погоду. Но меня сопровождает папа и встречает после занятий тоже.

Валерий согласно кивает.

Председатель ВТЭК: А когда приходите домой, что делаете?

Андрей (растерянно): Товарищ председатель, когда есть аппетит, то ем, а если нет — ложусь спать.

Председатель: В школе завтракаете и обедаете?

Андрей: Завтракаю дома, обедаю в школе.

Председатель: Выполняете все назначения советских и кубинских врачей?

Андрей: Да, лекарства принимаю регулярно. А раз в неделю по пятницам ко мне приходит медсестра, делает массаж ног и внутримышечный укол.

Председатель комиссии внимательно смотрит на мальчика и удовлетворенно кивает.

Председатель комиссии: Прошу членов комиссии проголосовать. Считаю, что

мальчику необходимо присвоить первую группу инвалидности, исчисляя с 1 декабря 1990 года. Второе: дать согласие на продолжение лечения на Кубе. Третье: перекомиссию провести через три года в период с 20 по 28 ноября 1993 года.

Все члены ВТЭК единогласно голосуют.

Секретарь комиссии: Благодарим вас за участие. Подождите в коридоре. В течение часа вам вынесут две справки. Одна — о присвоении первой группы инвалидности, а вторую справку передадите себе в район, в отдел соцобеспечения. Вам увеличат пенсию на 41 рубль.

Андрей и Валерий выходят.

20 марта 1991 г. Ленинград. Морской порт.

Валентина Павловна и Андрей с восхищением смотрят на морской лайнер. На борту поблескивает свежей краской надпись «Михаил Лермонтов».

Валентина Павловна: Застегни куртку, сынок! Еще не хватало, чтобы ты простудился. Видишь, на корабле поплыешь! Я так рада за тебя! Только будь осторожен и к бортам не подходи.

На пирсе суeta. Духовой оркестр из военных моряков пробует трубы. Почти 350 детей отправляются на лечение на Кубу.

Андрей ищет знакомые лица, но никого не находит. Среди его вещей и стопка писем от Любы. Валентина Павловна посоветовала взять их с собой, потому что корабль будет плыть больше шести дней и может быть скучно.

Андрей осунулся. Мама внимательно смотрит на него и гладит по щеке.

Валентина Павловна: Сынок! И четырнадцать лет ты встретил вдали от дома, и пятнадцать тоже встретишь на Кубе. Это к счастью. Жаль только, что досрочно за девятый класс все сдавал.

Мальчик улыбается маме.

Андрей: Зато у нашего класса каникулы после третьей четверти начинаются.

Валентина Павловна: А ты теперь досрочно десятиклассник, сынок!

Андрей: А Глеб с Борисом в Жлобине остались. Они мне к 23 февраля открытку прислали. А у Тоника из Узловой никаких рецидивов больше нет. Но он тоже на инвалидности. У него вторая группа. А Люба окончила десять классов и пока нигде не работает. Ей скоро восемнадцать. В июле будет.

Валентина Павловна (досадливо машет рукой): Андрюшечка! Лекарства принимай регулярно. Пей там молоко из кокоса, высыпайся. И обязательно пиши мне. Сам же слышал, на собрании сказали, что раз в десять дней можно писать письма. Я тебе тут бумаги положила и 50 конвертов. Пожалуйста, выздоравливай окончательно.

Мать целует сына, они прощаются. Андрей по сходням не спеша поднимается на корабль. На верхней площадке оборачивается и машет маме рукой. За ним идут другие мальчики и девочки. Многих ведут сопровождающие.

Андрей проходит в свою каюту. Ложится и отворачивается к стене. Его охватила паника. Ему кажется, что раз он снова едет на Кубу, то значит в нем притаилась какая-то болезнь, которая может изъедать его изнутри. Это какое-то невидимое существо, которое неслышно входит в него, растекается по крови и губит его внутренности.

Андрей открывает глаза, машет головой из стороны в сторону, отгоняя от себя навязчивое состояние, и негромко повторяет слова отца: «Ты обязательно вылечишься, сынок!»

Андрей еще не знает того, что родители снова занимали деньги для поездки в Ленинград. Обратно мама будет ехать домой больше двух дней и питаться домашними пирожками и бутербродами с сыром, чтобы сэкономить. Каждый месяц почти сто рублей уходит на лекарства, несмотря на то, что их предлагают с большой скидкой, а некоторые лекарства предоставляют бесплатно.

После первого возвращения Андрея с Кубы отец четыре раза ездил в Москву, где ему в известной больнице шли навстречу. А последний раз отец накупил лекарства на три месяца вперед. С учетом поездки на Кубу.

27 марта 1991 г. Морской порт Гаваны.

Больных советских детей пришли встречать тысячи кубинцев. Большой молодежный оркестр играл зажигательные кубинские мелодии.

Андрей спустился на берег и вдруг увидел знакомое лицо. Высокий черноволосый смуглый парень лет тридцати расставлял кубинских пионеров, которые держали в руках цветы.

Андрей напряг память и вспомнил, и даже негромко выкрикнул.

Андрей: Это же волонтер Эдуардо, который учился в городе Магнитогорске на Южном Урале на мастера производственного обучения, чтобы потом учить будущих сталеваров.

Волонтер Эдуардо обернулся и радостно завопил.

Эдуардо: Буэнос диос! Комиссар Андрей!

Он вырвал у опешившего кубинского пионера цветы и в несколько прыжков оказался возле Андрея. Крепко обнял его.

Эдуардо: Ты теперь наш, кубинец! Привет!

Кубинские пионеры стали махать Андрею букетами цветов. Андрей был смущен.

Приветственных речей практически не было, советских детей рассадили по автобусам и повезли в Тарапу.

Андрей с волнением смотрел, как поднимают советский флаг. В этот раз его поднимала русоволосая девушка, его ровесница — Таня из Калужской области.

Она волочила левую ногу, но когда стояла, то физического недостатка не было видно.

Таню избрали командиром отряда очередной смены, отряд называли «Дети Чернобыля».

Вперемежку слышалась русская, белорусская, казахская и украинская речь.

Волонтер Эдуардо спросил у Андрея: Ты хочешь снова быть комиссаром?

Андрей: Как я могу отказаться!

И снова начался уже привычный для Андрея распорядок дня. Утром и вечером — посещение океанского пляжа, медицинские процедуры, лечение, занятия на тренажерах.

Доктор Дуглас назначил Андрею углубленное обследование. Через десять дней назначил процедуры.

Доктор Дуглас: Не переживай, Андрей, что мы тебя снова пригласили. Мы смогли использовать новые методики в отношении тебя и хотим убедиться, что болезнь ты окончательно победишь. Очень хорошо, что ты приехал.

Андрей успокоился. Хотя все дни, пока проходил обследование, переживал, потому что не был уверен, что его излечат и все будет хорошо.

15 апреля 1991 года. Раннее утро.

Андрей проснулся раньше остальных ребят и решил погулять по лагерю. Навстречу ему, широко раскинув руки и улыбаясь, шел садовник Педро.

Педро: Здравствуй, Андрей! Я вчера увидел волонтера Эдуардо и он сказал мне, что ты приехал снова. Я специально ищу тебя. Кстати, у нас большая радость на Кубе. Семьдесят лет тому назад кубинец стал чемпионом мира по шахматам. Победил он Эммануила Ласкера, великого гроссмейстера. Ты знаешь имя нашего чемпиона?

Андрей растерянно пожал плечами. И начал говорить.

Андрей: Про Ласкера слышал, про Алехина. Знаю Ботвинника, Михаила Таля, Бориса Спасского и Анатолия Карпова. И еще нашего последнего чемпиона мира — Гарри Каспарова.

Педро похлопал Андрея по спине: «Запомни нашего чемпиона. Это был третий чемпион мира — Хосе Рауль Капабланка».

Андрей (увлекшись): А давайте проведем турнир в Тараре, посвященный этому юбилею.

Педро: Так можно ведь и нас, кубинцев, тоже пригласить играть.

Андрей (отрицательно покачал головой): Нет, будут играть только советские дети. Это наш подарок вам.

Во время завтрака в столовой Андрей объявил свое предложение. Вместе с ним записались двадцать человек — в том числе и четыре девочки.

Руководитель лагерной смены Мигель перед началом первой партии пообещал.

Мигель: Трое лучших поедут на центральное гаванское кладбище.

Все в недоумении замерли.

Волонтер Эдуаро что-то сказал начальнику Мигелю.

Тот смутился и пояснил.

Мигель: Ничему не удивляйтесь и не бойтесь! На центральном кладбище Гаваны стоит склеп, в котором покончился наш чемпион Капабланка. Мы приедем прямо туда, возложим цветы. Итак, кто трое наберет больше очков, тот будет ехать.

Начали играть. Когда командир Таня сделала очередной ход, то Андрей поманил ее пальцем.

Андрей: Послушай меня, Таня! Я тебе как комиссар говорю. Будет обидно, если поедут только трое, а остальные останутся в лагере. Всем нужны хорошие впечатления.

Татьяна: И что надо делать?

Андрей: Тихонько подойди ко всем и скажи, чтобы все со всеми сыграли вничью. Тогда поедем все вместе, потому что у всех будет одинаковое количество очков.

Татьяна лукаво улыбнулась: Замечательная идея. Давай ее осуществим.

Среди детей был мальчик из города Фастов. Он хорошо играл в шахматы, как потом узнал Андрей, был кандидатом в мастера. Мальчик категорически отказался от предложения Тани. Ему было одиннадцать лет, но он уже был упретый и с гонором. Андрей подошел к играющим и заметил, что у соперника Богдана остались только король и две пешки, а у Богдана были ладья, ферзь, король и пешка. Богдан в предвкушении победы специально делал затягивающие ходы. Андрей строго посмотрел на него и из-за спины играющего с ним показал кулак. Богдан заволновался.

Так как дети играли в шахматы без часов и лимита времени для них не существовало, то он попросил своего соперника объявить перерыв. сославшись на то, что ему нужно сходить в туалет. Парнишка обреченно кивнул головой в знак согласия и огорченно посмотрел на шахматную доску.

Когда вышли из зала, Богдан стал возмущенно говорить.

Богдан: Шо це такэ? Я возмущон! Ты чего мени пугаешь?

Андрей: Все со всеми договорились играть вничью во всех партиях. Турнир будет проходить десять дней. Не вздумай ни у кого выиграть и кому-либо проиграть.

Для пущей убедительности Андрей сжал кулаки и выставил правое плечо вперед.

Богдан испугался. Он опустил взор в знак согласия.

Андрей решил проверить, как подействует его указание. Он снова встал за спиной соперника. Богдан, не соединив в одну линию ферзя и ладью, вдруг срубил пешку своего соперника и объявил шах. Мальчик удивленно огляделся по сторонам, не веря своему нежданному счастью. И быстро королем забрал ферзя Богдана. Богдан

огорченно взмахнул руками и как будто бы в неведении поставил свою ладью с королем противника: еще один шах. Тот тут же срубил и ладью.

У обеих сторон осталось по королю и пешке. Богдан, сделав расстроенное лицо, выкрикнул.

Богдан: Шо же мени покусало! Треба дозволить ничью.

Соперники пожали друг другу руки.

План Андрея сработал. На закрытии турнира начальник лагерной смены Мигель очень удивился: всем двадцати участникам пришлось выдавать грамоты и подарки. Но это кубинцев не смущило.

22 апреля 1991 года, в день рождения Владимира Ильича Ленина все поехали на гаванский пантеон.

Советских детей совсем не смущал некрополь. Они с интересом разглядывали памятники. Автобус подвез их прямо к склепу Хосе Рауля Капабланки.

Ребята в красных галстуках вышли и в сопровождении волонтера Эдуардо возложили гирлянду цветов. Отдали пионерский салют.

Вдруг они обратили внимание на то, что на них смотрит высокий, полноватый, но в то же время крепкий мужчина. Он подошел к детям и заговорил по-русски.

Мужчина: Здравствуйте, ребята! Вы из Советского Союза? Как оказались в Гаване?

Андрей: Здравствуйте! Мы приехали в лагерь Тарара лечиться. У нас состоялся шахматный турнир, посвященный 70-летию завоевания звания чемпиона мира по шахматам кубинцем Хосе Раулем Капабланкой. А вы как здесь оказались? И кто вы?

Мужчина (улыбаясь): Давайте знакомиться: меня зовут Виктор Широков. Я — известный советский поэт, переводчик и критик. Тоже люблю играть в шахматы. Приехал в Гавану в творческую командировку и решил обязательно возложить цветы.

Он показал рукой на скромный букет.

Виктор Широков: О! Я пять минут тому назад, до вашего приезда, написал стихотворение, посвященное памяти Капабланки. Ребята, хотите быть первыми слушателями?

Громкое «да» было ему ответом.

Виктор Широков достает из кармана брюк небольшой листок бумаги:

*Дождь шел неспешино, резво топал,
и вырвал дождинки вкривь и вкось...
В Гаване мы зашли в некрополь,
верней — проехали насквозь.*

*Здесь поразительны кварталы
фамильных склепов и гробниц;
глядят безжалостно порталы
прорезами своих глазниц.*

*Вывертываясь наизнанку,
ждут спящие приход Суда...
Хосе Рауля Капабланку
мы навестить пришли сюда.*

*Он понял, что вся жизнь двуцветна,
что редко радует ничья;*

*и мы, поверив беззаветно,
чуть ли не плачем в три ручья.*

*Xосе Рауль, прими в подарок
хотя бы скорбные цветы...
А день еще настолько ярок,
и столько в мире суеты,
что вновь не до вселенской стыни,
где каждый спящий одинок;
для шахматного короля отныне
в душе есть тоже уголок.*

Ребята слушали очень внимательно. Командир отряда Таня расчувствовалась, подошла к Виктору Широкову, сняла свой красный галстук и повязала ему.

Таня: Мы вас принимаем в наши почетные пионеры.

Ребята отсалютовали смущенному поэту.

Обратно в автобусе все ехали молчаливые. Знакомство с поэтом и его выступление произвели на ребят большое впечатление.

Волонтер Эдуардо: Ваш советский поэт живет в Москве. Приехал на Кубу. Но помнит про нашего чемпиона. А ведь он стал знаменитым в далеком 1921 году. Вот как надо всем жить, чтобы вас всегда помнили и уважали.

Богдан (встрял): То, что мы вместе,— це хорошо. Но погано то, шо поехали уси вместе.

В салоне автобуса наступило неловкое молчание.

Андрей поправил ситуацию. Он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, расправил его, подошел к Богдану и показал.

Андрей: Смотри, Богдан! Все заняли первое место, так что никаких претензий быть не может. И ты прав, Богдан, что хорошо, что мы все вместе.

Богдану стало стыдно и он покраснел.

Пока ехали в автобусе, командир Татьяна что-то записывала.

Андрей: Таня! Что ты все пишешь?

Татьяна: Андрей! Я запомнила стихотворение с одного раза и сейчас его записываю. Хотите еще раз послушать?

Когда она закончила читать стихотворение, автобус подъехал к воротам лагеря Тарара.

Богдан: Таня! Ребята! Я хочу перед вами всеми извиниться. А ты мне разрешишь переписать стихотворение? Я, когда лечение закончу, приеду домой на Украину и буду его читать наизусть.

Со всех сторон послышалось: и мне, и мне, и мне дай переписать.

Татьяна утвердительно ответила: Обязательно дам! И еще конкурс устроим, кто это стихотворение лучше всех прочитает.

5 июня 1991 года. Морской порт Гаваны. Торжественные проводы.

Андрюша с ребятами выстраиваются для прощальной церемонии.

В руках у ребят пятнадцать свертков, к каждому из которых прикреплены по четыре воздушных шарика.

Раздается команда: К отплытию!

Андрей машет рукой: Давайте! Пора запускать!

Ребята расправляют свертки и пятнадцать простыней взмывают в небо. Кубинцы потрясены и тронуты до глубины души. Они видят изображения Фиделя Кастро,

Рауля Кастро, доктора Дугласа, волонтера Эдуардо, охранника Хорхе, садовника Педро, начальника лагеря Мигеля...

Советские дети в едином порыве кричат: Ура! Да здравствует Куба!

Огромный лайнер медленно отплывает от причальной стенки, а кубинцы еще долго машут ему вслед.

11 июня 1991 года. Морской порт Ленинграда.

Моросит мелкий дождик. Но встречающих очень много.

Андрей стоит у борта и ищет глазами фигурку в клетчатом платочке. Когда находится, то не может сдержать своей радости, машет руками и кричит. Другие советские дети следуют его примеру.

Вспышка. Мартовский день 2007 года.

В доме Наумовых за столом сидят адвокат, Валентина Павловна и бабушка Матрена Николаевна.

Адвокат смотрит на часы: О, в 20.15 поезд на Москву! В семь утра приеду!

Валентина Павловна всплескивает руками: Ой! Я тоже пойду с вами. Может, еще что-нибудь продам. До девяти вечера постою.

Она быстро и умело начинает чистить картошку и продолжает свой рассказ: «Андрюшенька школу с серебряной медалью закончил. Решил поступить в Московский инженерно-строительный институт. На заочное отделение. Как медалиста, его взяли без экзаменов. В приемной комиссии все удивлялись: а чего он на дневное не хочет? Но мы причину говорить не стали».

Агриппина Самойловна справку сделала по форме 286-У, что он полностью здоров. Конечно, грех на душу взяла, но... все хорошо.

Институт он окончил с отличием.

Адвокат улыбнулся: А как бы хоть посмотреть на вашего отличника?

Матрена Николаевна: А он сейчас с молодой женой в Подмосковье отдыхает. В санатории. Они прибавления ждут.

Адвокат: Расскажите поподробнее, интересно.

Валентина Павловна продолжает чистить картошку и рассказывает: На работу Андрюшеньку нигде не брали. У нас здесь не слукавишь: все всё друг про друга знают. Так Андрюшечка стал комоды делать, этажерки, стенки. Валерий ему на первых порах помогал.

Адвокат неловко перебил рассказчицу: А почему на первых порах помогал, а потом не стал?

Валентина Павловна (горько вздохнула): Не выдержало у него сердце и в 2001 году навсегда проводила я мужа туда, куда судьба хотела загнать нашего Андрюшечку. Это сейчас, шесть лет спустя, я подуспокоилась. А так — часто плакала, плакала.

Матрена Николаевна тяжело вздохнула: тяжко жить без сына, без его поддержки, помохи и внимания. Но спасибо снохе Валентине — всегда заботится и внимательная.

Валентина Павловна: а в июне 2006 года у нас радость случилась. Сижу я на кухне, картошку чищу для продажи. И вдруг звонок. Вышла, открыла калитку, а там девушка стоит. Симпатичная. С чуть раскосыми глазами, черноволосая, стройненькая. Правда, ниже меня росточком. Я в душе растерялась, но виду не подаю. Она у меня интересуется: Наумовы здесь живут? И можно ли увидеть известного мастера-краснодеревщика Андрея Валерьевича Наумова? У меня аж сердце от радости захлопнуло. Как-никак, а добная слава о моем сыне идет. Пригласила я ее в дом. Из сарай Андрюшечка пришел — как раз этажерку заканчивал для местного музея реставри-

ровать. Девушка по имени Айгуль стала ему шкатулку показывать. Шкатулке больше ста лет. Резная, деревянная. Но что-то там сломалось: не до конца открывается. Поинтересовалась у Андрея: мол, сделает ли? Андрей стал шкатулку рассматривать, обдумывать что-то. Они разговорились. Я быстренько на стол собрала им в гостиной, а сама опять на кухню. Вдруг слышу, а они в четыре руки песню играют. Детская такая песня, смешная. Там слова такие есть:

«У дороги чибис, у дороги чибис.
он сидит, волнуется, чудак.
а скажите, чьи вы, а скажите, чьи вы...».

Я эту песню давно знаю, когда Андрюшечка в семь лет в музыкальную школу пошел, чтоб на фортепьяно играть учиться. Музыку композитор написал, Дмитрий Борисович Кабалевский. Они играют в четыре руки, смеются, поют. А я сижу на кухне и беззвучно рыдаю. Хоть бы им счастье было. Хоть бы они вместе стали. А то ведь за Андрюшечку ни одна наша девка не шла: кто-то пустил слух, что порченый он и потомства у него не будет.

После этих слов Матрена Николаевна тяжело вздыхает.

Адвокат: Так ведь ваш сын переписывался с девочкой из Гомеля, с которой он вместе ездил на Кубу весной 1990 года? У них не сложилось пожениться?

Вспышка.

Андрей сидит в своей комнате и пишет письмо Любке. Он сообщает ей, что окончил десятый класс и будет поступать в Москве в институт учиться заочно.

Не удержался и приписал: «Люба! Я окончил школу с серебряной медалью. Золотую мне почему-то не дали. Хотя аттестат у меня с отличием. Сейчас чувствую себя не очень хорошо. Возможно, устал после экзаменов. Но через неделю поеду с мамой или с папой в Москву. Люба! Как у тебя дела? Помнишь ли и ты о своем обещании выйти за меня замуж, когда мне в мае будущего года исполнится 18 лет? Я очень жду твоего ответа. Моя мама говорит, что, пока я несовершеннолетний, то жениться не могу. А тебе идет уже двадцатый год.

Через полмесяца почтальон Клавдия принесла заказное письмо. Оно было нестандартное, толстое. И чувствовалось, что в нем лежат какие-то фотографии.

Почтальон Клавдия: Танцуй, племянник! Тебе невеста из Белоруссии вон какое письмо прислала! Раньше тоже были пухлые письма, но в стандартных конвертах. А сейчас...

Андрей выносит шоколадку «Лужники» и вручает ее тете. Она смеется и целует племянника в щеку. Уже выйдя на улицу, почтальон Клавдия задорно говорит ему.

Почтальон Клавдия: После родителей и бабушки Матрены Николаевны я — первая по списку среди приглашенных. Договорились?

Андрей (широко улыбается): Конечно!

Прямо во дворе на лавочке он аккуратно распечатал письмо. Там был с десяток снимков. Все — цветные. Он взял одну из фотографий и вздрогнул: высокий широкоплечий светловолосый парень обнимал Любку за плечи. А уж она-то была как хороша! В белом свадебном платье, в фате. И белые перчатки до локтей.

Андрею стало очень грустно. Он решил дальше не рассматривать. Положил на скамью письмо. Он почувствовал, будто бы его предали.

Вдруг он услышал звонкое щебетанье. Воробей наскачивал на синичку, а та застыгнула безбоязненно Андрею на колено и стала в ответ что-то пищать воробью. Тот не осмелился преследовать ее, а вспорхнул и улетел. Андрей замер. А синичка

несколько секунд потопталаась на его колене, потом перелетела на другое и — улетела прочь.

Эта ситуация позабавила Андрея. Он посмотрел на траву и увидел под скамьей листочек бумаги. Поднял его. Это была небольшая записка от Любы, которую он выронил, когда смотрел фотографию.

Андрей (читает вслух): «Здравствуй, дорогой Андрюшечка! Ты не считай меня, пожалуйста, предательницей. Но из армии вернулся Дима, наш сосед. А я не знаю, сколько мне отпущено судьбой времени. Да и Дима мне понравился. Скоро мне будет двадцать лет. Наш областной специалист по радиологии, который наблюдает меня с начала болезни, поддержал меня с замужеством. Но я хотела бы, чтобы ты был моим названным братом, а я — твоей названной сестрой. Мы будем дружить. Нас познакомила общая беда, замечательные кубинские врачи. Я хочу и даже прошу тебя понять меня. Всегда верящая тебе и любящая тебя Люба».

В письме на оборотной стороне он обнаружил приписку: «На свадьбу не пригласила, потому что все получилось быстро — за 10 дней. В ЗАГСе тоже пошли на встречу».

Вдруг кто-то обнял Андрея сзади за плечи. Через мгновение он догадался, кто это и негромко спросил: Мама?

Валентина Павловна поцеловала сына в макушку, обошла скамью и села рядом с ним. Обняла сына и прижала к своей груди.

Валентина Павловна: Сынок! Ты давай в институт поступай. А семья у тебя обязательно будет.

Сын доверчиво посмотрел в мамину лицо и встретился с ней глазами.

Валентина Павловна: Андрюшечка! А ты обязательно Любке письмо напиши. Красивую открытку вложи. Поздравь! Я уверена, что вы останетесь друзьями на всю жизнь. И пусть эта жизнь будет долгой.

Валентина Павловна пригорюнилась и задумалась. Она хотела сказать сыну, что судьба рассудила правильно, что Люба и Андрей подверглись радиоактивному облучению, что неизвестно, как бы все сложилось дальше в их совместной жизни. Но она не сказала этого, чтобы не огорчать Андрея.

1 июня 2007 года.

Валентина Павловна суетится по дому. Андрей в строгом темно-синем костюме, в белой рубашке и галстуке стоит посреди комнаты. Матрена Николаевна время от времени всплескивает руками и с восторгом смотрит на внука.

Наконец вся семья готова к торжественному выходу. У калитки сигналят два таксомотора.

Валентина Павловна просит Матрену Николаевну.

Валентина Павловна: Матрена Николаевна! Я вас прошу сесть в первую машину, а мы с Андрюшечкой во вторую.

Бабушка не соглашается. И хочет, чтобы все вместе поехали в одной машине, а вторая ехала следом.

Андрей со смущенной улыбкой уселся на заднем сиденье с мамой. Таксисты аккуратно поехали к единственному в городе районному роддому. Остановились у трехэтажного здания, окруженного металлическим забором.

Валентина Павловна вышла первая. Помогла выйти свекрови. Таксисты с любопытством наблюдали за процессией.

Валентина Павловна обняла и расцеловала сына: Ну вот, Андрюшечка! Теперь и ты стал отцом! Запомни: 11 часов утра 1 июня 2007 года. Забираем твоего сына и твою любимую жену Айгуль.

Прошли на территорию роддома. Зашли в вестибюль. Вышел главврач и улыбнулся.

Главврач: Поздравляю! Мальчик-то богатырь. Вес — четыре с половиной килограмма, а рост 53 см. Девушка-то вроде щупленькая, а какая модеца.

Благодарная Валентина Павловна дарит конфеты и красивую книгу. В книге конверт с деньгами.

Главврач понимает, что это за подношение, но делает вид, будто не догадывается.

Он дает указание медсестре, а две акушерки стоят чуть поодаль. Женщинам под сорок и они удивительно похожи друг на друга. В строгих медицинских халатах, под специальными шапочками спрятаны волосы.

Матрена Николаевна одаривает их.

В это время в вестибюль забегает фотограф. Одетый в джинсы и легкую рубашку-поло парень лет 25-ти на ходу открывает два фотоаппарата.

Фотограф: Как хорошо, что я успел! Такое событие нужно обязательно запечатлеть.

Андрей (дружелюбно): А мы бы без вас никуда и не уехали. Как без памятных фотографий дальше бы жили?

На лестнице появляется Айгуль. Она идет очень осторожно, ее придерживает за правый локоть медсестра. Андрей суетится с шампанским.

Фотограф начинает выполнять свою работу.

Все выходят на крыльцо роддома, и фотограф делает общие снимки.

Айгуль бережно держит конверт с младенцем на руках. Слева от нее — Андрей. Рядом с ним Валентина Павловна. Справа от счастливой молодой матери — бабушка Матрена Николаевна.

Памятный снимок сделан. Айгуль передает конверт с сыном Андрею. Молодой отец напряжен. Валентина Павловна приподнимает прозрачную кисею и любуется внуком. Толстенький розовощекий крепыш открывает глазки и осмысленно смотрит на бабушку, чем умиляет Валентину Павловну еще больше.

Медленно идут к машине. Андрей с сыном и Айгуль усаживаются на заднее сиденье первого такси, а Валентина Павловна со свекровью — во второе.

ВСПЫШКА. 20 мая 2007 года

Следователь подшивает к делу постановление прокуратуры о прекращении производства по уголовному делу. Напротив него сидит адвокат. Чуть поодаль сидит молодой парень и подобострастно смотрит на следователя. Следователь, почти ровесник подследственному, неторопливо и аккуратно заканчивает свою работу и захлопывает папку. Встает и доброжелательно говорит.

Следователь: Уважаемый адвокат и вы, гражданин Иннокентьев. Производство по делу прекращено. Никому ущерб вы не нанесли, ничего не похитили.

Затем строго смотрит на адвоката: «Видите ли, уважаемый адвокат. Я дело прекратил не потому, что он не виновен, а потому, что недостаточно улик».

Адвокат торжествует в душе, но делает скорбное лицо.

Адвокат: Я вас понимаю. Ну что ж, попался вам такой вот подследственный.

Адвокат и Иннокентьев расписываютя в протоколе, затем каждому вручают по экземпляру постановления. Они прощаются со следователем. Следователь подает руку только адвокату. Гражданин Иннокентьев криво усмехается, но счастлив, что все так закончилось.

В коридоре его ожидает мать, которая кидается на шею сыну.

Мать: Ну что, сынок?

Тот пытается хорохориться.

Иннокентьев: Видишь, мама, ошибка вышла. Дело прекращено.

Мать (строго): Сереженька! Если ты хочешь меня до могилы довести, то продолжай дальше. Пора человеком становиться.

Иннокентьев: Мама! Обещаю тебе, что больше никогда ничего подобного не совершу. Я же ПТУ окончил, у меня третий разряд сварщика.

В разговор вмешивается адвокат.

Адвокат: Все, все! Идемте скорее на улицу. А тебе, парень, я хочу сказать, что твой ровесник, кстати, с какого ты года?

Иннокентьев (недоуменно): С 75-го.

Адвокат (продолжает): Ну вот. Это парень даже моложе тебя на год. Так он в 10 лет подвергся радиоактивному излучению. Должен был умереть, но сообща со своими родителями болезнь переборол. А ты хочешь и мать в гроб загнать, и сам бесславно свои дни закончить.

Иннокентьев (помолчав): Я же сказал, что завязал. Значит, завязал.

Выходят на улицу из отделения милиции. Мать держит сына за руку, сначала она молчит, затем что-то говорит сыну, он ей отвечает. Сначала резко, затем мягче. Потом обнимает женщину за плечи и целует.

Адвокат (смотрит им вслед и неожиданно говорит вслух): Две судьбы. Две жизни. И каждый из этих молодых людей преодолевает свои трудности.

1 июня 2014 г.

Кабинет Президента Российской Федерации. Он нажимает на кнопку. Раздается мужской голос.

Голос: Слушаю, товарищ Президент.

Президент: Пожалуйста, пригласите ко мне референта, который занимается долгами Кубы перед Советским Союзом.

Через несколько минут в кабинет Президента России входит представительный слегка полноватый мужчина лет 45-ти.

Референт: Разрешите, Владимир Владимирович!

Президент: Да, пожалуйста!

Референт подает Президенту один экземпляр докладной записки, а второй остается у него.

Президент листает справку.

Голос за кадром: За период с 29 марта 1990 года по сегодняшний день Куба излечила 24471 больного, 20419 из которых — дети. Все они получили медицинскую помощь на Кубе, где им были бесплатно предоставлены все самые передовые достижения медицинской науки и где они получили самое искренне тепло кубинских врачей, психологов, медсестер, помощников-волонтеров, учителей и спортивных инструкторов.

В кубинских больницах пострадавшим в чернобыльской аварии было произведено шесть операций по трансплантации костного мозга, две операции по пересадке почки, шестнадцать хирургических вмешательств на сердце и сосудах и более шестисот операций неврологического и ортопедического профиля. Из побывавших на Кубе после чернобыльской аварии 300 пациентов страдали гематологическими заболеваниями, а 124 из них — лейкемией.

Большая заслуга в осуществлении этой программы принадлежит различным лечебным учреждениям, таким, как: Педиатрический госпиталь имени Вильяма Солера, Хуана М. Маркеса, Детская больница г. Гавана, Детская больница имени Педро Боррасо, Хирургический центр имени Братьев Амейхейрас, Ортопедический центр име-

ни Франка Паиса, Институт гематологии, Детский кардиоцентр, в котором было произведено 14 операций на сердце детям со сложными врожденными патологиями, а также Центр радиационной защиты и гигиены.

Президент России: Так. У вас написано, что в среднем лечение одного пациента обошлось в 27 тысяч долларов, а общая сумма лечения составляет 660 миллионов 717 тысяч долларов.

Референт: Да.

Президент России: Благодарю за информацию, вы можете быть свободны.

На экране появляются кадры: В. В. Путин беседует с Фиделем Кастро, с Раулем Кастро, едет по улицам Гаваны, его приветствуют жители (изображение примерно на 1 мин).

На экране появляется текст:

МОСКВА, 11 июля. Президент РФ Владимир Путин подписал закон, которым списал 90 % долга Республики Куба перед СССР, сообщила пресс-служба Кремля в пятницу.

«Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Республики Куба об урегулировании задолженности Республики Куба перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в период бывшего СССР», принятый Государственной Думой 4 июля 2014 года и одобренный Советом Федерации 9 июля 2014 года.

Как сообщалось ранее, общая сумма долга составляет около 35,2 миллиарда долларов. Россия спишет Кубе 90 % долга, остальные 10 % (порядка 3,5 миллиарда долларов) будут погашаться в течение 10 лет равными полугодовыми платежами.

Звучит Гимн России. Конец фильма.

©Все права защищены. Зарегистрировано в РАО — Российском авторском обществе.

Фонд

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

КАЛКА*
Киноповесть

Родился в г. Красноярск-26 (Железногорск) в 1964 году. Окончил школу в г. Оси-повичи в 1981, МАИ в 1987 году. Литературной деятельностью занимается с 1994 года, с 2004 года — в «Полоцкой Ветви». С 2009 года — секретарь секции критики.

28

Туманная степь. С десяток половцев, держа лошадей в поводу, бродят у подножия кургана, увенчанного каменной бабой, топчут высокую траву. У всех в руках сабли. Подскакивает верховой, кричит по-туркски: «Ну что, нашли?» — «Следы ведут сюда. Вот конь его (неподалеку едва стоит совершенно изможденная степная лошадь). Он где-то рядом!» — «Посмотрите наверху! Сверху виднее!» Самый молодой поднимается на курган, бродит там, а потом кричит: «Идите сюда!» Все бегут на зов. Рядом с каменной бабой вниз уходит лаз катакомбы. «Ну что, Овлур, лезь и проникни!» — «Сам лезь!»

Конник не слезая с лошади, кричит от подножия кургана: «Нашли время перепи-ваться! Овлур, скачи за копьем, за топором, за лопатами! И тряпок побольше!»

29

Русские корабли причаливают к берегу. Туман постепенно рассеивается. Их встречают воины сторожевого отряда, толпа половцев. Все возбуждены, кричат, машут руками. На высоте горит большой костер. Перед встречающими на конях — галицийский воевода Держикрай (по виду — хитрый хохол-усач с жестким лицом) и хан Ярун.

Ярун, увидев киевского князя со свитой, сходящего с одного из кораблей, выезжает вперед, от хана не отстают три воина-телохранителя. Ярун, по-русски:

— Здравствуйте, князья! А мы без вас тут побились немногоДумает, что его похвалят!

За спиной Яруна повторяют приказ по-туркски.

Держикрай, повернувшись к одному из своих бояр, тихо говорит: — Ишь, моло-дой, спешит докладывать! Думает, что его похвалят.

Масса половцев расступается, вперед на веревках тащат десяток связанных татар, подгоняя их сзади плетьми. Половцы, мимо которых ведут татар, тоже стараются их ударить палкой или плеткой, ругают их по-своему, требуют смерти. Одни из пленных идут понуро, не обращая внимания на удары, другие скалятся по-волчьи.

Киевский князь выходит на шаг вперед, рассматривает пленных, потом говорит громко, обращаясь и к своим, и к Яруну: — Пленных надо бы допросить.

* Окончание. Начало в № 3, 2016 г.

Ярун: — Ты не знаешь их. Они не станут разговаривать.

Киевский: — Не бойся, мы их себе не заберем!

Ярун: — Я ничего не боюсь. Можешь вообще забрать их себе. Но говорить они не станут.

Мстислав Удалой, подходя: — А мы все-таки попробуем! Здравствуй, племянник!

В это время в задних рядах половцев нарастают шум и крики. Оттуда протискиваются несколько воинов на конях. Двое тащат за собой на веревках совершенно черного, обгоревшего человека, остальные заслоняют его конями от беснувшегося половецкого войска. Подъехав к Яруну, один из всадников говорит по-своему:

— Нойона поймали. Огнем из ямы выкуривали.

Мстислав Киевский: — Это кто?

Ярун, по-русски: Геми-бек. Сотник. Я его знаю. Он вырезал весь род Богучара. Остался один внук. Ему четырнадцать лет. И он будет мстить за всех!

Внезапно Мстислав Удалой быстро подходит к коню Яруна, жестом требует от него наклониться, быстро и внятно говорит:

— Ты сам же только что сказал, что можешь отдать нам этих! Так можешь или не можешь? Ты победил в бою, ты молодец, племянник! Но теперь ты все равно проиграл. Эти поганцы, наверное, понимают по-вашему. Они не станут говорить, видя, что их все хотят убить. А нам надо, чтобы говорили! Попытайся отвести невольников в сторону, убери войско назад!

Удалой возвращается, почтительно становится немного позади Киевского. Тот спрашивает с несколько фальшивой вежливостью: — Ты что говорил Яруну, брат?

— Я сказал ему, что он зря раззадорил войско. Теперь пленные будут молчать от страха.

У половцев в войске общий крик: «Месть! Месть!»

Ярун поворачивается к своим, поднимает руку. Крик не стихает. Хана окружают конные воины свиты и тысячи. На одном полюсе — половецкое войско, на другом — «лучшие» из половцев, между ними — жалкие связанные пленные.

За спинами половецких начальников пешие князья собирались в кружок голова к голове. Их быстро загораживают от союзников русские охранники. Ярун все ждет с поднятой рукой. Масса все требует мести. В кружке Мстислав Киевский говорит:

— Мы с братом Мстиславом думаем отдать пленных половцам, иначе и от них ничего не добьемся, и потерянем союзника. Ярун уже не сможет их успокоить!

Голоса князей: «Да, отдайте!» «Да, я согласен!» «Пусть сожрут, чтобы они подались!»

Киевский выходит из группы князей, кричит хану:

— Ярун! (Тот, опустив руку, поворачивается.) Ваши пленные принадлежат вам! Делайте с ними, что хотите!

Ярун снова поднимает руку:

— Воины! Вы получите этих врагов для священной мести!

Радостный вопль сотен глоток. Половцы из свиты тащат связанных татар к войску. В войске — безобразная свалка, каждый хочет лично пнуть поверженного врага.

30

Корабли, лодки и плоты русских все причаливают и причаливают к берегу. Уже понемногу вечереет.

31

Холмистая степь. Утро. Дует-гудит ветер, волнуя ковыль. По небу несутся облака. Тени от облаков на степи. Выстраиваются в линию конные копейные дружины.

Впереди — князья в меховых шапочках с красным верхом. Вокруг каждого князя теснятся «старшии» бояре. Здесь же знаменосцы, трубачи. Шлемы у всех в руках. Щиты у левой ноги.

Одни дружины — латные, другие — в наборных доспехах, у третьих — больше кольчуг. На «зерцалах» кольчуг и доспехов священные изображения, множество орнаментов, тотемных символов, геральдических знаков.

Развеваются флаги со строгими ликами святых. Множество богато и разнообразно расшитых плащей, накидок. Разукрашенная сбруя, плотные яркие попоны с металлическими защитными и декоративными пластинами на лошадях. Белые, красные, синие, зеленые, золотые цвета, много черненых доспехов. В нескольких местах перед строем ведут службу попы. (Молебен «На брань на супостата»). Воины стоят, спешившись, без шапок и шлемов, по паре отроков держат иконы.

Никак не может выстроиться половецкая конница, все сбивается в кучу. Здесь — обилие кожаных защитных одежд, немногие в кольчугах. Красные, коричневые, желтые одежды. Много орнаментов-аппликаций «звериного» стиля. Лица половцев не все монголоидные, много и вполне европейских, только черноволосых и смуглых. Среди воинов — немало христиан, которые демонстрируют свои кресты. У половцев немного копейщиков, они все в центре, вокруг своего вождя Яруна. Остальные — с луками и саблями.

На холме над речкой пешее ополчение по-прежнему окапывается, устанавливает ряды трехсаженных кольев, засыпает их землей из рва. Колья специально протесаны и подогнаны друг к другу. Обозы дружин — под прикрытием этого укрепления, ближе к речке.

От одной дружины к другой скачут посыльные, переговариваются с князем и на рысях возвращаются назад. Вот один из посыльных — знакомый нам отрок Мстислава, похожий на Скляра — молодецки подскакивает к князю соседней дружины, (Мстиславу Черниговскому) бородатому богатырю, издалека начинает кричать: «Мой князь послал меня спросить тебя о здоровье!» Итише: «Скажи еще, пойдешь ли вместе с ним?» На ветру выются длинные волосы парня, выется плащ, выются гривы и хвост коня.

К князю сзади подъезжают два «старших» богатыря-боярина, тихо и почтительно что-то ему говорят. Вождь смотрит по сторонам, размышляет. Парень-посыльный улыбается, конь его пляшет.

«Скажи моему брату, что здоров, благодарю Бога! Я пойду вместе со всеми!» Посыльный корчит комичную гримасу, отъезжает резвой рысью. С другой стороны к князю уже подъехал другой посыльный — высокий меланхоличный блондин, отзывает его из группы бояр, они о чем-то беседуют, затем князь манил своего «отрока» (это молодой мужчина с внешностью Чапаева), говорит ему несколько слов, и посыпает его вместе с блондином. «Отроки» скачут еще к одной дружине, где заканчивается богослужение, священник кропит воинов, те — крестятся.

Отрок Мстислава подскакивает с задорной улыбкой к Яруну, вождю половцев — тридцатилетнему атлету с внешностью казаха, но с бородой. «Мой князь спрашивает тебя о здоровье! Он говорит — ты должен идти первым!»

Половецкий хан не отвечает: он напряженно смотрит через голову отрока. Тот оборачивается. Примерно в двух километрах набирает разгон конница татар.

Все смотрят в одну сторону — князья, бояре, дружины. Строители, устанавливающие частокол, останавливаются, тоже смотрят. Разные люди в разных местах повторяют одни и те же слова: «Копейщиков нет». «Копий нет». «Видишь — копий нет?» — «Вижу».

Те же самые слова на своем языке повторяют люди из свиты половецкого хана.

Копейщики за спинами свиты усмехаются, переглядываются. Отрок Мстислава снова повторяет хану: «Ты должен пойти первым!» Ярун: «Спроси Мстислава: он пойдет за мной!» Отрок: «Пойдет!» — «А ты спроси!» Отрок отворачивает, скачет к своим.

Священник торопливо уходит за ряды воинов, держа в руках кадило, ветер развеивает его рясу.

...Хан выводит своего отрока. Говорит по-туркски: «Спроси, если я пойду, пойдет ли он за мной?» Отрок — задумчивый, невысокого роста, плотный — скачет в сторону, противоположную той, куда поехал отрок Мстислава.

Волынская дружина. Воины в латах. Черно-красно-белые тона одежды. К Даниилу подскакивает посыльный от половцев, типичный монголоид. Говорит, немного сбиваясь, по-русски: «Мой хан спросил: пойдешь, если он пойдет?» Даниил звонким голосом: «Трубач — ко мне!» Поворачивается к половцу: «И ты со мной!» Втроем они выезжают из рядов дружины в степь, становятся на пригорке. Гнется ковыль, пригорок с блестящими всадниками освещает из-за тучи солнце. Трубит рог.

Воины из разных дружин поворачивают головы к трем сияющим конникам. Половцы тоже глядят в ту сторону. Даниил смотрит на хана, достает нательный крест, поднимает его к небу, целует, прячет.

Три всадника скачут назад.

С другой стороны войска — тоже звук рога. Выехал другой князь с ханским посланцем, так же, как и Даниил, целует нательный крест.

Хан выезжает на несколько шагов перед своим войском. Разворачивается. Кричит по-туркски:

— Здесь наша степь! Здесь наши пастища! Здесь наши улусы! Здесь в земле лежат наши предки! Они были великие воины! Мы не звали сюда чужаков! Они сами пришли! И мы будем биться с ними! Пусть уходят к себе за Волгу! Да помогут нам наши великие боги! Да помогут нам духи наших славных предков!

Приближающаяся масса монголов разделилась на отдельные отряды. Передовой отряд, уже достаточно разогнавшись, по широкой дуге скачет к линии русских войск, у воинов в руках луки, поводья — в зубах. По бою барабана они разворачиваются в седлах, пускают стрелы высоко в сторону русских. Первый отряд уходит, на его место катится второй отряд.

Дружины Мстислава Удалого. Боярин из свиты говорит: «У них нет копейщиков!» Мстислав раздраженно: «Нет, потому что спрятали!» Все пристально смотрят на монголов.

Вид сверху. На одном из кругов три монгольские отряды встали в одну линию друг за другом.

Ярун, который до этого стоял перед половецкой дружиной, задом сдается к своим воинам и надевает шлем. Половцы кричат воинский призыв на тюркском языке. Половцы-христиане крестятся. Все вразнобой надевают шлемы. Хан двигается вперед. Его окружают копейщики. В хвост ханскому коню становится знаменосец с бунчуком. Все кричат воинский клич, начинают разбег с медленной рыси. Бьют барабаны.

Вид сверху: половцы идут наперевес трем монгольским отрядам.

У русских оживление. Бояре тыкают пальцами в степь. Выкрики: «Они остановятся там!» — «Сам вижу, не слепой!»

Дружины Даниила. Князь с непокрытой головой сидит в седле перед воинами. Молодое, ясное лицо, каштановые волосы развеваются ветер. Юный князь кричит звонким голосом:

— Братья и дети мои! Пришла на нас темная туча! Навалилась сила поганая! Пойду я на них, пусть меня Бог с ними рассудит! А вы думайте себе сами — что будете делать! Вы сами люди смышленые! Воины знатные!

Крики из дружины: «И мы с тобой!»

Даниил разворачивается, надевает шлем. Бояре кричат: «Князь надел шлем!»

Дружины моментально надевают шлемы, подвязываются ремешками.

...Вид сверху: оставшиеся два отряда татар пытаются зайти в тыл половецкому войску.

Снова дружины Даниила. Князь трогает коня. Бояре кричат: «Князь пошел в бой!» С разных сторон крики: «И мы с князем!» Трубят рога. Дружины выходят из общей линии войск, начинают, перестраиваясь, разгоняться. Волынцы становятся в три-четыре ряда журавлиным клином. Впереди — князь, знаменосец и лучшие воины. Копья подняты.

Дружины Мстислава Удалого. Князь провожает взглядом уходящих волынцев. Он выглядит печально-задумчивым и даже заторможенным. Как бы нехотя трогает коня, выезжает перед дружиной, кричит:

— Братья! Не с добром пришли сюда те неведомые толпы! И мы здесь не затем, чтобы смотреть на ристалище! Мы пришли, чтобы закрыть им пути на Русь! Или победим, братья, или честно сложим свои головы! Пусть вечно живет Русская земля! Да смируется над нами Господь!

Князь крестится, разворачивается, надевает шлем.

Крики позади него: «Князь надел шлем!» Мстислав, подвязавшись, трогает коня. Крики: «Князь пошел в бой!» — «За князем!» Трубят рога. Дружины Мстислава с поднятыми копьями медленно покидает расположение русских войск.

...Еще один молодой князь (Олег Курский) выехал перед своей дружиной.

— Братцы мои! Ребята! Старшие князья пошли искать себе чести! Нам ли здесь отсиживаться! Пойду и я за ними! В ком нет страха — идем за мной! Христос будет с нами и святые отцы!

Крики: «Мы с тобой!» «Князь пошел в бой!» «За князем!» Гудят рога. ...Стоят дружины русских, между ними все так же мечутся посыльные.

Строители укрепления дружно навешивают через блоки узкий подъемный мостик...

...Разогнавшиеся половцы с громким свистом, криком, боем барабанов нагоняют пытающихся отвернуть монголов. Те, видя невозможность уйти, разворачиваются навстречу...

Гнется ковыль, гудит земля. Страшный грохот копыт тысяч коней. С трех сторон на сходящихся направлениях на тяжелых конях скачут русские дружины. Трепещут красные флагги-яловцы на шлемах, развеваются стяги со строгими святыми ликами. Вьются красные плащи, блестят бело-красные и золотые щиты. На бело-красных копьях — красные флагги. В масках и полумасках дружины похожи на современных спецназовцев... Дикая какофония: грохот копыт, бой барабанов, рев труб...

...Общий вопль — столкновение половцев и монголов... Выглянуло солнце — блеск тысяч сабель. Монгольское войско остановлено.

...Мстислав Киевский и подручные его Андрей и Александр смотрят за боем с вышки за частоколом. Повторяют слово «остановились».

...Разогнавшаяся волынская дружины. Блеск шлема с инкрустированным изображением Спаса на князе. В ста шагах от толпы монголов волынцы разом опускают копья. Страшный удар, треск копий, вопль, визг, ржание лошадей, задранные копыта в воздухе...

...На подходе стелются-несутся еще две дружины... Копья опускаются. Удар!

...Неровная линия оставшихся дружин. Все, как один, следят за боем. Но уже ничего не видно. Над местом побоища страшный шум, пыльный смерч. Ветер несет пыль в лица стоящих дружиныников. Стоит князь — былинный богатырь (Мстислав

Черниговский), стоит князь, что целовал на глазах у всех крест... Пыль закрывает солнце.

...Бой на мечах и на саблях. Обе стороны демонстрируют мастерство фехтования. Кони топчут трупы и раненых.

...Один дружиинник ловко размахивает двумя топорами — правой и левой рукой, парирует удары, наносит удары... Неподалеку от него его товарищ так же легко машет палицей — вот, не попав по всаднику, убивает коня под ним. Противник проваливается.

Вид сверху: русские и половцы наполовину окружили и теснят монголов. От монгольского войска отделяются несколько всадников и пытаются уйти. За ними гонятся 5—6 русских.

Бешеная скачка по весенней степи. Беглецы держат направление на высокий курган, увенчанный большой половецкой каменной бабой.

Метров за 500 от скачущих из-за бабы выходит кавалерист в малахе и быстро скакает с холма.

С соседнего холма за одиноким беглецом наблюдает группа монголов в броне. Один из них — Субедей-багатур, стариk со сморщенным лицом, непокрытой головой, жидкaя черно-седая косица свешивается чуть ли не до пояса. Стариk поворачивает голову, говорит одно слово: «Наступление!» Один из всадников быстро поднимает вверх бунчук. На ветру плещется полотнище в шахматную клетку (как на польских кокардах). Через три-четыре секунды возникает и нарастает отдаленный рокот — то ли футбольный матч на стадионе, то ли работают много тяжелых прессов.

Русские вслед за удирающими от них татарами вскакивают на курган с половецкой каменной бабой, видят вдали огромную массу татар, разворачиваются, изо всех сил скачут назад.

Наступление татар. Медлительный центр с копейщиками в китайской броне — «куяках». Резвые фланги, состоящие из легкой кавалерии.

...Бой продолжается. Русские и половцы одолевают. Путей для отступления у татар нет. Наравне со своими дружиинниками машет мечом князь Даниил. С боков его прикрывают «отроки» и старшие бояре. За князем, как привязанный, едет знаменосец.

Внезапно Даниилова коня хватает за поводья невесть откуда взявшийся пехотинец. Один из бояр кричит: «Князь! Уходим, уходим!» Даниил оборачивается, не понимая.

На горизонте — темная полоска атакующих татар. Бояре выводят Даниила из свалки. По пути к этой группе всадников присоединяются все новые и новые воины. Волынская дружина уходит из боя.

Рубятся русские галицкие, курские дружиинники и половцы. Мстиславу в блестящем шлеме бояре кричат: «Волынцы ушли!» Дружина Мстислава отступает, собираясь в плотную массу.

Те части русского войска, что не пошли в бой, пытаются рассмотреть, что происходит на поле перед ними. Из пыльного облака быстрым галопом выезжает сперва дружина Даниила, за ними — дружина Мстислава, потом общей массой — курская дружина, половцы, недобитые татары из передового отряда. Две первые дружины огибают стоящих, остальные скачут прямо на них. Крики, звуки рогов, стоявшие воины поворачивают коней, пытаются расступиться. Свалка. Бегство.

За бегущими с воем и визгом несется легкая кавалерия татар из передового отряда, пускает стрелы.

сят ковш с питьем, обвязывают вокруг груди белую ткань, пересаживают князя на другого коня, ведут его через реку. Берег пустеет на несколько секунд, только в камышах валяются тряпки и всякий хлам. Затем — еще одна волна бегущих, шум, крики, плеск воды, кто-то отстреливается из лука, развернувшись в седле.

Еще несколько секунд одинокого качания камышей — и на берегу татарские лучники. С криками бросаются они в воду, река бурлит, конники все скачут и скачут.

Вид сверху. Посреди степи бегущие и преследующие вытоптали широченную дорогу, на которой валяются человеческие и лошадиные трупы, щиты, одежда.

33

На косогоре над рекой высится укрепление со знаменем киевского князя. Часть русских дружинников с конями переходят через мост вовнутрь, за частокол. В это же время десятки обозников, побросав свои телеги, разбегается врасыпную, кто успел отвязать лошадь — на лошади. Люди и лошади кучами бросаются в глубокую здесь речку, плывут на другой берег.

К укреплению с шумом и топотом подваливает тяжелая конница монголов. Луков у них мало, основная масса лучников — легкая кавалерия — ушла за отступающим противником. Начинается кружение вокруг частокола, ленивая перестрелка с осажденными. Солнце прошло полдень.

34

В лучах заходящего солнца — Днепр, от довольно высокого берега отплывает масса больших и малых лодок, плотов с людьми и лошадьми. По берегу бегают люди, сталкивают в воду пустые плоты и лодки. Некоторые рубят днища лодок. Берег пустеет.

Флотилия лодок и плотов плывет к правому берегу. На одной из первых лодок здоровяки-гребцы везут раненного Даниила.

На восточном берегу — новые толпы бегущих, они мечутся, крича, между побруленными лодками, наконец после некоторого замешательства один из вождей уводит большую группу конников вверх по течению по прибрежной отмели. За ними идут остальные. Последние отстреливаются от вышедших к реке монголов. Возвышенности левого берега сильно заросли кустарником, монгольской коннице для преследования противника приходится спуститься к воде и узкой колонной идти по следам отступающих.

35

Солнце садится. Степь, переходящая в луг. В балках — кусты и деревья. Не разбирая дороги, несется всадник. Это знакомый нам отрок Мстислава Черниговского, князя — богатыря, похожий на Чапаева парень с черным кудрявым чубом и маленькими усиками. За ним в отдалении несутся монгольские всадники. Отрок бросил щит, бросил шлем. Ножиком обрезает завязки панцыря, бросает блестящие части на траву. Обращает красное лицо.

Дикая погоня на фоне безмятежно-прекрасного пейзажа. В одном месте кусты и деревья поднимаются полосой над обрывом. Через листву внизу блестит вода реки. Отрок, видимо зная дорогу, скрючившись в седле, по едва заметному спуску наискось едет вниз, к воде. Как ни в чем не бывало, запевает соловей. Плеск воды.

Подскакивает погоня. Слева — яр-овраг, справа — постепенное понижение местности, там разросся кустарник. Чирикают птички. Один из монголов, глядя на землю, рванул в одну сторону, другой — в другую. В птичьем пении теряется плеск воды. Крик по-турецки: «Вот он!» Конники выхватывают луки из налучий, через ветки кустов стреляют вниз.

Ширина реки метров 45. Плынет конь, отрок в белой рубахе держится за седло. Вот они уже у противоположного берега. Не глядя назад, спешно, с шумом выскакивают из воды. Рядом втыкаются стрелы. Отрок ударился ногой о поваленный ствол, шипит, ругается, прихрамывает. Вид снизу вверх: на противоположном высоком берегу за зелеными ветвями кустов, освещенным вечерним солнцем, мечутся всадники. Вид сверху: монголы нашли спуск, один за другим устремляются вниз.

Отрока уже нет, он скрылся в кустах противоположного берега. Монголы стоят, прислушиваются. Солнце заходит за горизонт. Старший погони, оставшийся наверху, сзывает подчиненных. Те поднимаются. «Соберите его доспехи. Запомните: он поплыл, а мы его убили. И коня тоже. Все запомнили?»

36

Вечер. Поле битвы на Калке. Друг на друге лежат половцы, русские, монголы. Между трупов ходят кони. Кое-где уже прыгают вороны. Вот щиплет траву конь с мертвым воином, согнувшись в седле и обнявшим лошадь за шею. Из спины воина торчат две стрелы. Шлема нет, ветер перебирает волнистые волосы. Это отрок Мстислава — тот, что похож на артиста Скляра.

Вдали горят костры, видны тени людей и коней вокруг них. Это лагерь монголов.

В полуокружении лагеря — укрепление киевского князя. Флаг со святым лицом. Дозорные на стенах напряженно смотрят на огни татар. От одного дозорного к другому ходит князь с эскортом. На земле вповалку спят воины. Вдали волчий вой.

Синий вечер. По балкам, заросшим кустами, по прибрежным пескам Днепра идут и идут на север группами и в одиночку отступающие русские.

Вот прихрамывает, отмахиваясь от комаров, отрок, похожий на Чапаева, ведет коня в поводу. Вид у коня такой, будто ему в прошедший день досталось больше, чем хозяину. Поют-заливаются соловьи.

37

Светает. Холмистая степь. В низинах — кустарники и деревья, вершины пригорков голые, там только трава. У подошвы самого высокого холма в кустах тихо стоят три оседланные лошади. Одна что-то жует, другая положила голову к ней на спину, третья щиплет траву. Здесь еще ночь. На вершине холма — сколоченная из бревен и жердей четырехногая пирамида высотой метров 10. Наверху пирамиды — деревянная площадка с шапкой из веток и соломы. Примерно до середины пирамиды сверху спускается деревянная лестница.

Снизу, из кустов — голос:

— Эй, вы там! Христос и Богородица!

С вершины пирамиды отвечают: «Господи помилуй! А ты кто такой? Стой где стоишь. Сколько вас?» С площадки свешивается лохматая голова, мелькает лук.

— Один я. С Калки. Поджигай свою дымовуху. Побили нас татары.

— Когда побили?

— Вчера.

— Брешешь. До Калки три дня пути.

— Как погонят, так и быстрей добежишь. Ну, прощайте, недосуг мне болтать.

Сверху крик:

— Дыля! Дыля! Вставай, балда, просыпайся!

Из низины, с другой стороны кустов мрачный голос:

— Я не сплю.

Высовывается голова в колпаке, смотрит вверх.

— Не спиши, а что за люди тут ходят? Поубивать бы таких стражников! Лошади здесь? (Сышен дальний стук копыт.)

— Здесь.

Наверху сперва неуверенно, а затем все сильнее разгорается огонь. По лестнице быстро спускаются два человека с колчанами и налучьями за спиной.

«Если лошадей увели, то мы на тебе, Дыля, поедем!» Нижний цепляет за последнюю ступеньку лестницы веревку, ловко съезжает по ней на землю, подступает с бранью к высоченному Дыле. Второй, спустившись, идет в кусты искать коней.

Горит-бушует пламя наверху.

38

Утро. У построенного вчера укрепления рядом с Калкой растоптана трава, кое-где кулями тряпок валяются трупы. В некотором отдалении — лагерь осаждающих: костры, телеги, кони, бунчуки.

Русские за частоколом молятся. У татар из лагеря выезжают легкие кавалеристы. У русских стрелки разбегаются по помостам.

Легкая кавалерия монголов сотня за сотней скачет полукругом вдоль частокола, пускают стрелы. Им отвечают стрелки из укрепления. Вперед выходит отряд татарской пехоты с двумя десятками лестниц и с арканами. За стеной отряд русской пехоты напряженно смотрит на командира на помосте — он стоит с приподнятой рукой и глядит в поле.

Бьют барабаны. Пешие татары под прикрытием конных стрелков ринулись ко рву. У русских на валу и помостах в том же месте — скопление лучников и арбалетчиков. Русские пехотинцы из засадного отряда с помощью веревок перепрыгивают через частокол со стороны реки. На противоположном берегу из кустов высакивает татарин, кричит и машет руками такому же дозорному шагах в ста от него. Тот подхватывает крик.

В это время штурмующие уже лезут по арканам и лестницам на стену. Засадный русский отряд, обогнув частокол, налетает на татар с фланга, сбивает рогатинами тех, что полезли наверх, затем быстро убегает обратно, к обрыву над рекой. Скачущий на выручку своим еще один отряд монгольской конницы не успевает, разворачивается под стрелами противника. Пешие монголы тоже отступают.

Вновь скакут и скакут вокруг стены сотни лучников. Верх частокола утыкан стрелами. Во рву друг на друге валяются трупы.

39

Русский град над речкой. На «затинном» пространстве еще в полусумраке какие-то люди переносят тяжести, большие поленья, бочки с водой. На заборолах и башне дозорные посматривают в поле, где вдалеке поднимается столб дыма. Кричат петухи. Солнце восходит.

40

Солнце поднимается. Ниже русского укрепления на реке Калке пешие монгольские лучники на бурдюках при помощи веревок переправляются на другой берег. Колчаны и налучья с луками они старательно держат подальше от воды. Переправу прикрывают конные сотни. Русские арбалетчики из-за укрытия стреляют по коннице и по переправе, кое-кого достают их стрелы.

41

Солнце поднимается. Пыль. Грязная конница отступающих русских проходит через совершенно опустевшее село. В пыли на телегах трясутся раненые. За забором лает привязанная и забытая кем-то собака.

42

Снова град над речкой. Бабы впопыхах собирают развешанное белье. Вооруженные люди стоят на заборолах. С заборол и башни видна разворачивающаяся вдалеке лента чужого войска. Разговор на забороле: — А где наш князь? Где бояре Шишки? Где Головень? Кто боем руководить будет?

— А ты что, не знаешь? Али только родился? Наш князь так рано не просыпается!

— Князек молодой, всю ночь на какой-нибудь бабе скакал, утомился! — Семкова чернявка надоела, так Шишко ему белянку нашел! — Проснулся, почесался, с боярами поругался, наелся, напился — снова спать завалился!

— Ха-ха-ха!

— Гуси вы лапчательные! Только бы «Га-га-га!» Ты, Драчка, на страшном суде будешь скакать и гагакать! Господи помилуй! Такая сила поганская!

— Сотский! Сотский! Сотский где?

— Был здесь, ушел!

— Куда ушел? Где копейщики? Кто стрелы подавать будет?

— Господи, спаси нас и помилуй!

— Где сотский? Где бояре? Под бабские юбки попрятались?

43

В проемы галереи терема, расположенной высоко над градом, заглядывает утреннее солнце. Разбросанные по полу одежда и обувь. На одре, застланном блестящими шкурами, на пышных подушках под пестрой шубой нежно целуются, шепчут ласковые слова похожие на ангелочеков белокурые юноша и девушка. Где-то рядом поют птички, воркуют голуби.

Распахивается низкая дверь, вваливается здоровый чернобородый боярин в длиннополом суконном жупане.

— Вставай, князь! Одевайся скорее! Уходим!

Бьет колокол.

Юноша смотрит то на него, то на девушку. Та натягивает шубу под подбородок.

— Я не понимаю тебя, Шишко!

— Потом, князь, потом! Рубаху надевай! Пошли! Важное дело! Срочное!

Без тебя никак! Потом оденешься! Селезень! Подбери одежду князя! Пошли-пошли! Тянет князя за руку.

Девушка вскакивает из-под шубы, хватается за парня:

— Ладушка!

Боярин на ходу, разворачиваясь, с силой стегает ее плетью. Становится видно в расстегнутый ворот, что под жупаном у боярина кольчуга. Девушка падает. Бьет колокол.

Слуга, переступая через лежащее тело, входит, собирает одежду и сапоги, выходит.

Перед стеной города уже скачут отряды лучников. Идет перестрелка.

У нападающих готовится к штурму небольшой отряд пехоты, воины смотрят на старшего, ждут команды. Старший — маленький сморщененный монгол, спокойно сидит на коне, молчит.

У обороняющихся с этой же стороны на городне и на лестницах, ведущих на нее позади лучников, собираются и теснятся копейщики и топорники, готовые к отражению атаки.

Среди монголов движение. Старший махает плеткой, из рядов конников, которые были позади пехоты, отделяется часть. На каждом коне сидят по два человека с ко-

роткими копьями. Эти конники быстро отъезжают метров на 200—250 от остальных сил, там половина из них спрыгивает с коней, быстро строится, подхватывает привезенные туда же другими всадниками лестницы, быстро, с воплем бежит к стенам. Их крик подхватывают все татары.

На заборах замешательство, все с шумом и топотом бросились туда, где началась атака.

Крики:

- Там Шишка гнилое дерево положил!
- Я говорил — гнилье везешь! А он мне палок!
- Не напирай! Свалимся!
- А поганые-то все знают! Кто сказал?

Страшный треск. В клубах пыли одна городня съезжает под тяжестью стоящих на ней людей вперед по склону и заваливается. Общий вопль. Татары, осыпаемые стрелами, лезут на вал, обходят или перелазят через обвалившуюся городню. Их встречает десяток подбежавших горожан-топорников. Со всех сторон к пролому еще бегут люди.

44

По узкой, мощеной расщепленными бревнами улице скачет дружина. Кони не могут разогнаться в тесноте. В середине — юный князь в рубашке и красном плаще. Кто-то, завидев конников, прячется. Мужик в белой одежде и с топором в руках кричит с крыши из-за забора: — Бежишь Шишка? А за гнилье расплатиться не хочешь?

Сразу три друдинника на ходу стреляют в мужика из луков.

Крики из-за углов, из-за частоколов:

- Шишка бежит!
- Шишка утекает!
- Гнилая городня! Шишка вор!

Кто-то бросается на друдинников с рогатиной. Те машут мечами. Из-за заборов на притормозивших воинов летят камни, поленья, всякая дрянь.

Бьет колокол.

Воротная башня уже близко. Воротники открывают створку, потом сами быстро садятся на приготовленных лошадей, высекают в поле. К воротам бегут бабы и подростки с криками, визгом и свистом, потрясая вслед дружине палками и топорами. Бьет набат.

На валу в проломе стены рубятся топорами горожане с татарами. По знаку начальника монголов к стене града бежит еще один отряд татарской пехоты. Бьет набат.

40

Снова укрепление киевского князя на Калке. Теперь стрелы летят на русских с двух сторон. Арбалетчики осторожно выглядывают из-за частоколов, сами стреляют экономно, наверняка.

У татар снова готовится к штурму пехота. Сидя неподвижно в седле, за боем наблюдает Субедей. Позади него на полкорпуса коня три знаменщика поднимают, трясут, опускают разные бунчуки.

Впереди татарской пехоты становится конная сотня. Конные лучники все так же скачут перед укреплением.

Субедей крутит в воздухе пальцем. Знаменщики машут бунчуками. Конники начинают разгон, за ними — пехота.

В укреплении падает подъемный мост. По нему бегут копейщики с длинными копьями и щитами, копейщики с рогатинами, лучники. Быстро выстраиваются перед рвом плотной массой. копейщики втыкают длинные копья тупыми концами в землю

так, что они «ежиком» смотрят во все стороны. Рядом с ними — копейщики с рогатинами. За их спинами становятся лучники. Приближающаяся под прикрытием конницы татарская пехота теперь обстреливается и со стены, и с фланга — с поля. Пеших татар больше, чем русских у рва, но они отягощены лестницами. Вместо быстрой атаки на частокол нападающие теперь вынуждены вести бой с полевым отрядом. Русские пехотинцы, выскакивая из-под прикрытия длинных копий, колют рогатинами коней и людей противника. Две конные сотни татар скачут, визжа и размахивая саблями, на подмогу своим. Из укрепления к русским пехотинцам тоже подбегает помощь.

В стане татар ударили в барабан. Их пешие и конные отряды с потерями отходят от стен.

Русские пехотинцы, бегая по внешней стороне вала, выдергивают из песка и из частокола татарские стрелы, с охапками бегут назад, в укрытие. Поредевший пеший отряд отходит к воротам.

46

Снова осажденный город. Уже полдень. Татары прорвались сквозь пролом на улицы. Идет бой между частоколами и во дворах. Многие из нападавших уже занялись грабежом. Дикий рев скотины, вопли, визг, бой набата. Горят несколько хат. Дым то поднимается, то вновь опускается, скрывая картину боя.

47

Вторая половина дня. Убежавшая из города дружина с полуодетым князем с шумом вброд переправляется через реку. Князь — в плотном кольце воинов. Основная часть дружины выходит на противоположный берег, мелькает в прибрежных кустах. По приказу Шишкы в воде на неглубоком месте возле берега остаются 15—20 лучников. На противоположной стороне появляется татарская погоня, начинается перестрелка через реку. Арьегард русских, не пуская татар к воде, медленно поднимается на берег, уходит в кусты. Татарский отряд идет вдоль берега по противоположной стороне, пуская стрелы. Место переправы пустеет. Вновь защебетали птицы, светит солнце, отражаясь зайчиками в мелкой волне. На песке остались лежать три человеческих трупа. Вот лошадь лежит наполовину в воде, издыхая, дергает копытами. Вода вокруг нее окрашена кровью, плывут по течению маленькие кровавые буруны. На песчаных откосах берега — солнечные блики. Вовсю поют жаворонки.

48

Вторая половина дня. В косых лучах солнца — волны ковыля. Наплыvaет вытоптанное поле с неубранными людскими и конскими трупами, над которыми вьются вороны. Трупы уже ободраны — без броней, многие без сапог и даже без верхней одежды, если они чистая и не рваная. Совсем недалеко мирно пасутся стреноженные татарские кони*. Лошадей сторожат два пастуха в войлочных шапках и меховых безрукавках. Один сидит на лошади, смотрит в степь в сторону лагеря, а другой по восточному усился на земле, он подбрасывает вверх небольшой кинжал так, чтобы он втыкался острием в землю. Издалека накатывает шум от множества людей: там татарский лагерь, а за ним городок, укрытие русских на Калке. Местность вокруг городка вытоптана полностью, в косых лучах солнца напоминает то ли пустыню, то ли лунный ландшафт, то ли свалку. Там и здесь валяются трупы, конские и человеческие, если трупы лошадей похожи на лошадей, то мертвые люди больше напоминают кучи тряпок. Ближе к стене трупов больше. В одном месте не очень глубокий ров

* У каждого народа свой способ спутывания коня.

заполнен убитыми до верха. Впечатление — как от кучи мусора. Ветер шевелит лохмотья одежды и волосы.

Частокол утыкан татарскими стрелами. Внутри, за тыном, идет панихида по убитым, которые лежат на плащах-корзнах в линию перед вырытой ямой. Два-три десятка воинов дежурят с арбалетами и луками на помостах, еще три-четыре сидят между горящих костров с котлами воды, остальные (их все еще много, несколько сотен) столпились вокруг священника и князей. Одни из воинов безоружны, только в доспехах, другие с оружием — рогатинами и мечами. Священник говорит последние слова прощания. Все крестятся, а затем, разобравшись по четыре человека, за концы плащей несут убитых к могиле. Раненные, которыми заполнены четыре шатра и телеги (некоторые лежат и на земле), приподнимаются, чтобы лучше видеть.

В это время снаружи по дуге к стене вновь летит татарская сотня. арбалетчики кричат: «Поганые!» «Поганые!» По этому крику часть воинов из толпы спешит на помост. Арбалетчики подхватывают по паре самострелов на плечи, бегут в то место, откуда лучше всего стрелять. Там они выпускают по стреле сперва из одного арбалета, потом из другого. Тут же по лестницам подбегают помощники, начинают взводить самострелы и стрелять из луков.

В набегающей плотной массе татарской конницы, окруженной клубами пыли — замешательство, там появляются разрывы. В пыль падают убитые и раненые, которые стараются отползти прочь. Тут же, в пыли, боятся две раненые лошади. Татары все-таки выпускают свои стрелы, которые стучат по частоколу, залетают внутрь укрепления. С обратной стороны, из-за реки, тоже начинают сыпаться стрелы засадного татарского отряда.

Один из русских на затинной площадке падает с тихим вскриком: его достала таки татарская стрела. Его поднимают, осматривают, выдергивают стрелу, слушают, пытаются оживить: «Погоди, может, он еще дышит!» Затем, уверившись, что он мертв, несут по лестницам вниз и кладут среди еще непогребенных мертвцев. Священник торопливо читает над ним молитву.

49

Субедей-багатур в шелковом халате с величественным и бесстрастным видом сидит на помосте, составленном из скамеек и телег и покрытом пестрыми коврами. С трех сторон — здоровенные полуобнаженные «качки»-охранники с голыми саблями. За их спинами на почтительном расстоянии — любопытствующие татарские воины.

Перед помостом на коленях стоят пятеро русских — очень крепкие молодые усачи, стриженные «под горшок». За их спинами стоят одетые в богатые халаты вооруженные монголы. Русские поджались, втянули головы в плечи.

Субедей, бесстрастно, но четко выговаривая слова, произносит фразу по-татарски. Русский, стоящий впереди всех (это Плоскиня), поворачивается, пытается взглянуть на татарина, возвышающегося за его спиной. Тот останавливает его легким толчком кнутовища в спину и говорит по-русски, так же, как и начальник, бесстрастно и четко: — Гляди вперед, не поворачивайся. Начальник спросил — уверен ли ты в себе и в своих людях?

— Да, конечно, да, клянусь! Все будет как надо! Лопни глаза! — Плоскиня крестится.

Другие русские тоже порываются что-то сказать, но татары, стоящие за их спинами, стукают их сзади кнутовищами. Те умолкают и снова сжимаются.

Субедей спокойно, как робот, произносит еще одну фразу.

Переводчик говорит в спину Плоскине:

— Если у тебя что-то не получится, мы убьем всех в твоем улусе.

Плоскиня трясет головой, клянется, божится, тут же богохульствует, достает наательный крестик, целует его, повторяет по-турецки: «Все сделаем!»

Субедей переводит взгляд с Плоскини на переводчика, неподвижное его лицо вдруг чуть-чуть улыбается и подмигивает. Переводчик тоже вежливо улыбается. Затем оба вновь каменеют. Субедей командует по-татарски: «Увести!» Русских сзади хватают за шиворот и разворачивают, потом толкают кнутовищами. Несколько шагов они ползут на карачках, затем встают, отряхивают штаны. Смыкаясь, их закрывает ряд охранников.

50

Вновь вытоптанное и покрытое трупами поле перед укреплением русских. Солнце садится. В татарском лагере бьют барабаны, по их сигналу отряды конницы, весь день по сменам скакавшие вокруг стен, подтягиваются к табору. От лагеря к стене укрепления, поднимая пыль, спешит белокурый юноша как бы сошедший с полотен Нестерова. — Братцы! Дяденьки! Не стреляйте! Я русский! Ради Христа, не стреляйте! Не стреляйте! Христом-Богом прошу! Я русский!

Несколько секунд полной тишины. Парень переминается с ноги на ногу в пыли перед осыпавшимся краем рва.

Голос из-за частокола:

— Ты кто?

— Евгений я, отрок Плоскини,— на лице парня неподдельный ужас.— Только не убивайте! Не берите греха!

За частоколом движение. Не очень вежливо расталкивая воинов, на помост по лестнице поднимаются Мстислав Киевский, его подручные и свита. Лица у всех за стеной уже несколько похожи на лица шахтеров.

Князь переглядывается с воином, который до этого разговаривал с отроком: «Говори!» Воин кричит:

— Зачем ты пришел сюда, рабский раб?

Ангелоподобный юноша в пыли — яркий контраст с почерневшим от двухдневного боя воином. Вечерняя тень от стены постепенно подползает к его ногам, тем лучше видно ясное лицо.

— Плоскиня хочет говорить с вами! Ему есть что сказать!

Воины, бояре, князья за стеной переглядываются. Мстислав спросил тихим голосом:

— Бояре все здесь?

Такие же тихие голоса: «Крапивку и Кореня ранили. Филимона нет».— Думайте, бояре, ваше право. Скажи отроку, чтобы подождал. Воин кричит: «Стой и жди!»

Юноша стоит и ждет. Тишина. Солнце опускается к частоколу. В небе кружат хищные птицы. Из лагеря татар через составленные друг за другом арбы за происходящим наблюдает множество людей.

Вдруг юноша бросается бежать назад. Еще не добежав, кричит: «Иди, Плоскиня!» От татар к укреплению скачут пять всадников. Это давешние русские, что разговаривали с Субедеем. С ними татаре — два знаменосца, барабанщик и еще один парень в богатом халате. Русские одеты нарядно, в меховые шапочки с красным верхом и в подобие польских расшитых кунтушей голубого и зеленого цвета.

Подъезжают. Из-за частокола глухой голос князя Мстислава: — Плоскиня, бродник и вор, чего ты хочешь?

— Мне, броднику, большая честь говорить с князем! Гулял я в степи, как вольная птица! Всякое бывало, не скрою! А теперь прислал меня великий каган к тебе спросить: чего тебе сидеть здесь, в грязи, в пыли? Иди назад, на Русь, володей своими смердами и рыбнями, тебе дорога открыта!

— Хорошо говоришь, Плоскиня! Да только скажи — чем ты сам разнишься от холопа? Невольнику, сам знаешь, веры нет!

— Со мной мое знамя!

— Скоморох на торгу тоже может скакать со знаменем!

Секунды две — молчание.

— Со мной сын Джебе — багатура. Он подтвердит мои слова!

Молодой татарин выезжает вперед.

За частоколом Мстислав тихо распоряжается:

— Пехоту с луками — на выход! А ты, — он поворачивается к ближайшему арбалетчику, — бери на прицел его коня!

Арбалетчик выполняет приказ. Отроки сбегают с помоста, поднимают отдыхающих у костров воинов, ведут к выходу. Отроки — стремительны, будто и не устали, стрелки — заторможены и измотаны. Мстислав: «Думайте, бояре!»

Тихие голоса: «Пусть говорит! Мы послушаем!»

Мстислав — Плоскине: «Говори дальше!»

— Субедей-багатур говорит, что отпустит тебя с твоими людьми и лошадьми! На день пути, не пролив ни капли твоей крови! Я сказал слово в слово!

— А где Джебе?

— Погнал ваших бегунов и хороняк за Днепр!

Мстислав тихо: «Думайте, бояре!» И громче:

— Плоскиня, ты ничего не сказал про оружие!

К Плоскине подъезжает сзади знаменосец-татарин, это тот самый воин, что стоял за его спиной при разговоре с Субедеем, тихо чеканил по-русски:

— Солнце скоро сядет. Торопись.

Плоскиня: «Субедей пропустит тебя, Мстислав, с твоими людьми, лошадьми, оружием и обозом! Не веришь? Боишься?»

Мстислав: «Ты говоришь лишнее, Плоскиня!»

Пауза.

Плоскиня внезапно соскаивает с коня, снимает шапку, поводья передает татарину, выходит вперед, становится на колени. Шипит через плечо своим спутникам: «Что расселись? Слезьте!» Остальные русские тоже слазят с коней, передают поводья татарам, становятся на колени рядом со своим начальником. Плоскиня кричит: — Князь, я, может, и делал что-то в жизни не так, но я во Христа верую! Смотри! Вытаскивает крест:

— Я целую крест на том, что Субедей выпустит вас всех с оружием, лошадьми и обозом! Он не двинется с места, пока солнце будет на небе! Он не прольет ни капли твоей крови! — Целует крест.

Остальные русские повторяют то, что делает Плоскиня.

— Мстислав! Я землю ем на том, что сказал правду! — Хватает из-под ног пригоршню песка, старательно жует. Остальные русские тоже жуют и глотают песок.

На помосте за частоколом из группы бояр тихий спокойный голос: — Надо соглашаться, князь. Воды у нас мало.

Мстислав оглядывает всех своих советников:

— Кто еще что скажет?

Татарский лагерь.

В ближайших к русскому городку линиях все по-прежнему, а в глубине воины и погонщики запрягают арбы и уезжают в степь. Все делается тихо, арбы не скрипят. Несколько татар на переднем плане обвязывают копыта коней тряпками. Солнце уже заметно садится.

52

Солнце село. Русские, вышедшие из городка, подошли к реке (это не Калка, теперь — Кальмиус, а ее приток либо речка Волчья, примерно в 20-ти км от Кальмиуса), начинают переправу через широкий брод. Зажигают три-четыре факела. Первыми переправляются конные сторожа, за ними идут телеги с ранеными. Они не успевают дойти до середины реки, как слышится глухой шум, сторожа кричат: «Татары!» Через несколько секунд, в течение которых часть русской пехоты пытается выстроиться на одном берегу, а другая часть бросается в воду и, обгоняя телеги, по грудь в воде спешит на другой берег, налетает татарская конница, сначала с противоположного берега, а затем — и с того, откуда русские начали переправу. Крики, ругань, ржание. Русские пехотинцы-копейщики в воде под градом стрел. Мечутся испуганные лошади, переворачивая повозки. Копейщики спешат на противоположный берег, теряя людей в воде. А там охрана уже почти перебита, разъезжают татары с саблями, все стреляют лучники.

На тот берег, с которого русские начали переправу, прибывают татарские арбы с пехотой. Пехотинцы с веселыми криками распрягают свои повозки, разворачивают их, катят с разгоном с береговых высот на выстроившихся на берегу русских копейщиков и лучников. За теми, кто катит арбы, бегут люди с саблями и арканами. Здесь же много конников с арканами. Русские копейщики стоят, уткнув копья в береговой песок. Между ними и за ними — лучники, которые беспрерывно стреляют. За их спинами в воде и на противоположном берегу — побоище. На русских летят с двух сторон стрелы, под ноги им падают горящие факелы.

В стороне, на возвышенности, освещенной луной, красным закатом и отблесками огней, за боем наблюдает татарский военномачтывчик в окружении свиты. Глаза его блестят, он довольно улыбается.

53

Русское укрепление на Калке. Мечутся десятки факелов. В их свете сотни людей в папахах, в лисьих малахаях, в сапогах, в ичигах, в широких и узких штанах разбивают частоколы и настилы для стрелков, тыкают землю копьями, роются, ищут спрятанные вещи.

Сышен бой барабанов. Все высыпают за разбитые ворота. Два ряда конников ведут на веревках русских пленных, их много, две или три сотни. Вокруг — радостные крики. Татарские воины — и те, что разрушали укрепление, и те, что остались в лагере — подпрыгивают, приплясывают, бросаются в пленных песком.

Перед выехавшим в лагерь Субедеем пеший воин, поломав древко знамени Мстислава Киевского, срывает с него полотнище со святым лицом. Ткань не поддается. Тогда татарин обрезает его кинжалом, радостно вертит им, трясет, как бы выбивая из него пыль.

Субедей спокойно наблюдает за кривляниями воина, а затем так же спокойно говорит через плечо по-турецки: «Забери». Из тени выезжает блестящий воин свиты, его кольчуга и сбруя коня сияют в свете костров и факелов. Этот всадник кажется едва ли не в два раза более крупным, чем старик Субедей. Свитский молча протягивает руку пехотинцу. Тот так же молча покорно отдает ему знамя.

На широкую утоптанную площадку, окруженную пламенем многих костров, татары тащат связанных русских, валят их на землю. Тут же подбегают другие татары, вяжут пленникам ноги. Третью забивают в землю заранее заостренные колья так, чтобы пленные не могли шевелиться. Четвертые тащат колья и доски от разбитого укрепления, укладывают их на русских. Пятые сбивают и связывают эти доски и колья в большой помост. В тени жестикулирует толстый татарин, жесты его энергичны,

как у футбольного тренера или прораба на стройке, зато команды коротки и негромки. За всем этим бесстрастно наблюдают выстроившись подковой вокруг площадки всадники из свиты Субедея. За их спинами — сотни огней, в лагере — гулянка, шум, дележ награбленного. Один из свитских поднимает руку. В темноте за его спиной бьют барабаны. Разгул вокруг костров утихает. Воины кто в чем, кое-кто — заметно шатаясь, собираются к сколоченному помосту в окружении костров.

На помост вступает татарин, который разговаривал с Плоскиней и, обращаясь к себе под ноги, громко говорит по-русски:

— Ты был не прав, Мстислав. Ты убил наших послов. Но мы не такие, как ты. Мы держим данное слово. Тебе было сказано, что ни капли твоей крови не прольется. Можешь сам убедиться, что это правда.

Воин сходит с помоста, отдает приказание по-турецки. Тут же подбегают слуги, расстилают на помосте ковры, на середину кладут знамя киевского князя, на него ставят миски и блюда с мясом и рисом, кувшины с кумысом и вином, ложат овощи. В костры подбрасывают охапки дров. Огонь поднимается выше. На помост вбегает шаман с бубном, творит свои заклинания, затем подбирает пальцами с блюд куски кушаний и, сойдя с помоста, бросает их в огонь костров.

Под радостные крики толпы воинов из-за оцепления на помост в окружении ближней стражи с обнаженными саблями входят Субедей, как старший, за ним Джебе, за ними — тысячники. Темники садятся в голове, между ними протискивается шаман. Тысячники рассаживаются по бокам помоста. Все с каменными лицами смотрят перед собой. Субедей, так же, как и все, ни на кого не глядя, говорит по-монгольски: — Ташу, сколько воинов выбыло у тебя во вчерашнем бою?

Один из тысячников, человек средних лет, небольшого роста и плотного телосложения, с круглой, бритой, как шар, головой и тоненькой косичкой сзади, осторожно переводит глаза на начальника, слегка наклонив голову, отвечает:

— Шестьсот тридцать два.

— Встань иди сюда.

Тысячник медленно, как бы в полу забытьи, поднимается, идет к начальству. Остальные тысячники провожают его настороженными взглядами.

Субедей немного отодвигается в сторону.

— Садись, покушай с нами.

Тысячник медленно садится между Субедеем и шаманом. На его вспотевшем лысом черепе пляшут блики от костров. Внезапно еще больше, чем от светами огня, лицо воина озаряется торжеством. Остальные его коллеги переглядываются. Субедей, сопя, озабоченно роется в блюде с мясом, достает лучший, как ему представляется, кусок, вкладывает в загодя разинутый рот тысячиника, а затем облизывает пальцы и вытирает руки о наброшенное через шею полотенце. Воин жует, жмурится от удовольствия. Остальные наблюдают за ним: Субедей — спокойно вытирая руки, Джебе — дружески-покровительственно, остальные — почтительно. Слуга приносит круговую чашу. Из нее пьют по очереди Субедей, Джебе, шаман, обласканный тысячиник, затем она идет по часовой стрелке.

54

Снова утро. Поднявшееся уже достаточно высоко солнце освещает неукрепленную слободу с белой кирпичной церковью посередине. Патриархальную картину соломенных и камышовых крыш с дымками, садочеков, частоколов и плетней с горшками и бельем, колодезных журавлей, портит колокольный набат.

По деревянной мостовой идет скорбный крестный ход: священники с крестами, «лучшие люди» с иконами. Сапоги, лапти и чуни друг за другом переступают с плах мостовой в пыль. Из-за калиток и «вешниц» высовываются перепуганные лица баб.

Какая-то баба суетливо снимает и бежит прятать развешанное на просушку белье. Процессия выходит за ворота в конце селения, загораживающие улицу. Уныло звенит колокол у церкви. Толпа за воротами увеличивается, но не идет вперед, а как бы растекается вправо и влево от дороги, словно бы пытаясь обойти какое-то препятствие. Перед процессией на пыльной обочине — почерневший придорожный крест, а далее, больше, чем в полукилометре, видна среди еще невысоких зеленых хлебов длинная колонна всадников. Вид от войска на то же селение — похоже на сказочный городок на пологой возвышенности с церковью и множеством фруктовых деревьев. Всадники — это монголы, впереди — начальник под бунчуком. Окружающие его воины показывают пальцами на выходящую из ворот селения толпу, оживленно переговариваются. Слышен бой набата, унылое нестройное пение людей из крестного хода. Воины бросают друг другу недоуменные вопросы по-туркски и по-монгольски: «Что это?» «Что они делают?» «Зачем поют?» «Что нам показывают?» — «Не знаю». — «А может, это похороны?»

Колонна замедляет ход. Задние лезут на передних. В момент растерянности вперед выезжает сотник: «Что стали? Испугались? Вперед!!!» Разворачивается, выхватывает саблю, поддает плетьью, пускает коня в галоп. Знаменосец трясет бунчуком, затем скачет за начальником. Растерянные лица воинов каменеют. По рядам пошла волна взмахов плетьюми. Колонна, не разворачиваясь в боевой строй, летит к селению.

55

То же селение. К тыну привязана монгольская мохнатая лошадь. Светит солнце. Воют собаки, ревет скотина. Из ворот-вешниц выбегает хозяин лошади, тяжело тащится два кожуха, кидает ей на спину. Лошадь поднимает голову, кожухи падают на землю. Хозяин, ругаясь по-татарски, возвращается, отвязывает от седла веревку, обкручивает ею добычу. Мимо проезжает на лошади еще один татарин, тащит за собой на веревке связанного человека в одних штанах, на шее пленного надет блестящий оклад от иконы. Конный останавливается, смотрит на первого татарина, смеется: «Что, приятель, опять добычу потерял? Ха-ха-ха!» Тот краснеет, злобно скалится. Увидев, что подколка дошла до цели, второй татарин, отъехав немного, еще громче смеется: «Ты бы лучше отдал это кому нибудь! Вот мне, например! Все равно ведь потеряешь или пропьешь!» Лают собаки. Мычат коровы.

В разбитые ворота большого двора, образованного несколькими разными по высоте избами, въезжают два молодых монгола. Договориваются между собой: «Ты — туда, я — сюда! Только быстро!» Спрыгивают с лошадей, привязывают их к тыну так, чтобы не было видно с улицы. Вынимают сабли, расходятся.

Один из этих воинов осторожно идет вдоль стены одного из домов. Его кольчуга сияет на солнце. Земля устлана опилками, пружинит под ногами. Воин, глядя на дверь, ощупывает аркан, обкрученный через левое плечо, затем поднимает с земли большое полено, осторожно всходит по ступенькам вверх к низкой двери, распахивает ее, бросает в темноту полено, затем прыгает туда сам.

Несколько секунд полной тишины. В двери вновь появляется воин, обвернутый какой-то красной материей, как индианка сари. Аркан он уже несет в руке. Воин оглядывается на крыльце. Опять лают и визжат собаки. Воин спускается, идет дальше.

В следующей постройке, по-видимому, — хлев и сеновал. Татарин тихо заходит в ворота, видит кучу сена, возвращается на улицу, жмурясь от солнца, достает из-под обкрученного вокруг кольчуги атласа кресало, снова идет внутрь, садится на корточки в углу, стучит кремнем.

Потянуло дымком, монгол поднимает с земли свою саблю, отходит в темный угол. Внезапно, заслышив шорох, прыгает с саблей к воротам.

Вновь двор, залитый солнцем. Давешний татарин быстро тащит из ворот сеновал-

ла за волосы блондинистую босую девушку-пышку, одетую в рубаху и поневу. Девушка упирается, кашляет, визжит, снова кашляет. Из ворот выбивается дым. То вблизи, то вдали ревет скотина, лают собаки.

Татарин бегом-бегом тащит девушку к лошади, дает ей подсечку, она валится в грязь, а он, бросив саблю, прыгает ей на спину, заламывает руки, завязывает концом аркана, а потом, подняв добычу как мешок, бросает на спину лошади. Затем отвязывает поводья, подбирает саблю и, вытерев ее о свешивающийся подол девушки, засовывает ее в ножны. Прыгает в седло. Деловито подбирает волочащийся по земле аркан, освобождается от накрученной поверх брони атласной ткани.

На шум выскакивает второй татарин, озирается тревожно, но, увидев компаньона, успокаивается.

Первый, улыбаясь:

— Уходим, сейчас все сгорит.

Второй тащит привязанных за шеи трех овечек. Держа веревку в руке, садится на лошадь. Говорит:

— У тебя хорошая добыча.

Выезжают из двора, над которым стелется дым. Девушка очнулась, снова начинает кричать и бить ногами. Первый татарин спокойно, с улыбкой несколько раз сильно стегает ее плетью. Та затихла.

Два всадника по-приятельски спокойно едут рядом. За одним бегут привязанные овцы. Разговор.

Второй:

— Ты не знаешь, зачем это те люди в черном махали на нас крестами?

У них что, оружие такое?

Первый: — Не знаю. Думаю, эти люди глупы.

Второй: — А может, это у них были шаманы?

Первый: — Не знаю. У этих были еще красивые кресты на шее. Ты видел?

Второй: — Да. Глупые люди. (Пауза. Скосил глаза.) У тебя хорошая добыча. Даши попробовать?

Первый, после молчания, улыбаясь: — Ладно. Готовь угощение.

Светит ласковое солнышко. Двое всадников тихо едут по пыльной улице. Их лошади спокойно переступают через лежащий поперек дороги труп. За ними так же спокойно переступают через труп и привязанные овцы.

Вокруг бегают, что-то тащат, кричат мародеры, лают собаки, ржут лошади. Каждый-то человек залез на крышу храма, пытается с лестницы топором прорубить окрашенный блестящий полусферический купол. Над крестами кружат вороны.

56

Поле боя при Калке. В беспорядке валяются ободранные трупы людей вперемешку с лошадиными, поломанное оружие. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

Разрушенный и по большей части сожженный город. Глиняные печи без труб на пепелища. На валу гнилыми зубами стоят сохранившиеся городни. Ободранные трупы. На коленях рыдает-голосит старуха. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

Догорает поселок. Закопченные стены церкви. Пробитый купол, окна без стекол. Увядшая листва садов. Перед въездом на улицу — много трупов, в том числе — священники в черных рясах. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

За кадром диктор читает известный отрывок из летописи, что пришли неведомые народы — то ли татары, то ли туркмены из дальних стран, с края света.

Степь. Солнце заходит. В оранжевом сиянии колышутся волны ковыля. Скачет табун лошадей. Волны спин, голов, хвостов. Солнце заходит.

Яков Шафран
(г. Тула)

**Главы из повести
«ГРИШИНО ДЕТСТВО»**

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребеникова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. В. Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

* * *

Память детства — нет ничего важнее и нужнее этого для человека. Она, как пуповина, через которую он получает необходимое подкрепление в течение всей своей жизни. Или не дополучает, или вовсе не получает — это уж как кому выпадет... Во многом мы те, какими нас сформировало детство, и даже первые его пять — семь лет. Хотя отдаленные воспоминания порой могут быть фрагментарными и неясными или же, наоборот, очень яркими, это вовсе не означает, что они таковы и по силе своего влияния на человека. Самое неясное и зыбкое из них может иметь доминирующее значение.

Неизбытная тяга людей вернуться в свое детство связана либо с желанием вновь оказаться в зоне комфорта и напитаться силою от родника любви и жизненной силы, исходящей от матери, отца, от родных и друзей, от родных мест, чтобы с новыми силами жить и трудиться; либо со стремлением что-то найти там или изменить, чтобы это найденное или измененное стало таким питающим источником. А кто-то хочет вновь вернуться в состояние маленького ребенка, может быть, даже эмбриона в утробе матери, чтобы сказать самому себе: «Видишь, жизнь, какой я маленький и беспомощный, что же ты все хочешь от меня?» Так или иначе, детство неразрывно связано с нами.

Но тогда ни о чем таком не думается. А вся жизнь, весь мир концентрируется вокруг тебя. И все нераздельно — и детство, и мир, и жизнь, и все вокруг в ощущениях, чувствах, словах — во всем...

Поселок Брагин, где Григорий родился, был центром мироздания, неким кругом в центре, вокруг которого был другой круг — Гомель, вмещавший в себя и первый. А вокруг Гомеля — Белоруссия, потом Россия и вокруг нее — Москва. Самой главной в этом мироздании была она, потому что по несколько раз в день из черного картонного репродуктора, висевшего на стене над Гришиной кроватью, громким начальственным голосом раздавалось: «Говорит Москва!»

Хорошо помнит Григорий стоящую на столе керосиновую лампу и почему-то плачущую подругу матери — дальнюю родственницу отца, бабушку Аню и самих отца и мать, скорбно сидящих вокруг лампы. Они говорят, что Миша погиб, что уже

нет этого хорошенъкого способного мальчика, и плачут. А он думает: как это Миши нет? Вот недавно, сегодня, мы с ним играли, и завтра будем играть, когда с мамой пойдем с ответом в гости. И куда может деться Миша отсюда, из центра мироздания, каким является Брагин? Ведь все, кто едет по делам в Гомель, Белоруссию, Россию и даже Москву, все они, все до одного, через какое-то время возвращаются в Брагин. Правда, говорят, что некоторые не возвращаются. Может, они нашли там то, чего нет здесь? Это странные люди, чудаки, так как в Брагине есть все. Поэтому большинство людей никуда не деваются... Миша попал под машину? Интересные люди эти взрослые! Кто же не хочет попасть под машину, чтобы посмотреть — а что там у нее, снизу, находится? Посмотрит и вылезет, что непонятного, зачем плакать весь вечер? Лучше бы почитали что-нибудь вслух...

Но ни завтра, ни потом Миша из-под машины не вылез. И Гриша понял, что люди, даже очень маленькие люди, могут исчезать просто так, не уезжая из Брагина, чтобы остаться во внешних кругах.

* * *

В ясли Гришу не отдали — декретный отпуск был тогда большой, да и бабушка Раи — мамина мама — приходила почти на весь день помогать. Позже его для общего развития определили, было, в детсад. Из-за непривычно раннего вставания и одевания запомнилось ему это морозное утро поздней осени. Стекло, из-за тепла от затопленной печки, очистилось от влаги, и в окне, в свете фонаря, было видно дерево с кое-где уцелевшей, покрытой инеем листвой.

Однако недолго пробыл Гриша в детском саду — после первого же обеда его, привыкшего к сугубо «нежной», домашней пище стошило и вырвало, прибежала мать и навсегда забрала его домой.

Мать имела правильный овал лица, темные волосы, модную в середине 50-х прическу и мечтательное выражение серо-голубых глаз. Отдыхала она редко, обычно хлопотала с детьми или по хозяйству. Иногда она пела, но делала это как-то натужно; писала стихи, но прятала, стеснялась...

Когда ему было три года, родилась сестра — Галина. Он очень хорошо помнит, как открылась дверь, пахнуло свежим октябрьским воздухом, сквозь распахнутые двери сенцев был виден кусок чистого, голубого неба, и вошла мать с белым свертком на руках. «Это твоя сестренка!» — сказала она, обращаясь к нему, и он запрыгал от радости вокруг кольца крышки подвала, держась за нее рукой. Когда мать вышла из декретного отпуска на работу, Гриша часто нянчился с сестрой. Однажды он так сильно раскачал колыбель, что она перевернулась и, встав на попа, накрыла ребенка. Хорошо, что Галочка не пострадала, только испугалась. Но влетело ему здорово. Однако трепка и стояние в углу — а во дворе был прохладный, сияющий август, когда в отсутствие жары хотелось бегать и прыгать — были все же компенсированы вкусными картофельными драниками* с молоком — уж такова была бабушка Раи. Ее, неграмотную, никто никогда не учил педагогике, но она была педагогом от природы, причем высшего класса, ибо ругала и наказывала очень редко и только за большие проступки, что запоминалось на всю жизнь, как и драники с молоком.

* * *

Когда Грише шел шестой год, вдруг в большом черном репродукторе, который

* Драники — картофельные оладьи, блюдо белорусской кухни, популярное также в украинской, русской, восточноевропейской и еврейской кухнях. Традиционно драники подаются горячими со сметаной (или молоком — прим. авт.).

висел над его кроватью, вместо привычных песен, музыки и коротких разговоров, раздались длинные дядины выступления. Было очень скучно. А тут еще все: тети, которые тогда были в гостях, отец и другие взрослые стояли возле и сидели вокруг стоящей на столе керосиновой лампы, и никто с ним не занимался. И Григорий хорошо запомнил, как тетя Лия, в ответ на чьи-то повторяющиеся слова: «Сталин», «Сталин», тихо, но с таким презрением, что зафиксировалось в сознании и подсознании мальчика на всю жизнь, сказала: «Мужик!». Только потом уже, будучи подростком, он расспросил отца — что это было? Тот объяснил, как мог, мол, осуждали Иосифа Виссарионовича Сталина после его смерти. Саму же смерть Гриша не помнил — было ему тогда два с половиной года — и знал о ней, опять же, только по рассказам родных.

* * *

Керосиновая лампа давала мягкий-мягкий свет, позволяющий видеть в комнате все и одновременно сохраняющий таинственные уголки зыбкого полумрака, где жили загадочные тени и тайны.

Часто вспоминал Гриша, как, когда в сумрачном небе за окном уже едва различались темно-синие облака и была зажжена лампа, за столом, у самого света, сидит бабушка Аня и что-то штопает. По другую сторону стола отец, недавно пришедший с работы, читает газету. Первым делом он подходил к Грише, и тот помнит его всегда теплые руки. Детьми отец совсем не занимался, — изредка потреплет рукой по волосам, и все.

Вообще-то это комната тети Фаины, свояченицы бабушки Ани. Но в нашей комнате мать занимается с двумя младшими сестренками — Галей и Кирой, и остальные члены семьи собирались здесь, чтобы не мешать. Тетя, очень устающая в ателье, где она с утра до вечера кроит и шьет, шьет и кроит, лежит сейчас на своей застеленной покрывалом широкой кровати. Гриша сидит рядом с ней, так как очень любит в это вечернее время, при живом свете керосиновой лампы, слушать, как она своим мягким, задушевным голосом рассказывает сказки. Да и как не любить, если все так ладно ложится на детскую душу?

Звуки приветливой тетиной речи приятны Грише. Частенько она успокаивала его после взбучек, получаемых им, баловником, от строгой матери. А тот, зная, что только тетя может это сделать, сразу же бежал к ней, прижался и, сотрясаясь от рыданий, доверял все, вмещавшееся в сердце.

Бабушка Раевская, заменившая потом детям умершую тетю Фаину, тогда еще не жила с ними. И тетя была единственным человеком, с которым дети могли поговорить по душам, получить объяснения своим поступкам и понять, что они все равно хорошие, только нужно чуть-чуть исправиться.

Гриша ждал конца рабочей смены тети Фаины и шел ей навстречу. Только завидев ее, немного сутулую, размеренной усталой походкой идущую по тропинке (тротуар у них в поселке был с другой стороны центральной улицы), вприпрыжку бежал ей навстречу, обнимал и, взяв за руку, шел рядом. У тети никогда не было своей семьи и детей, и она очень любила внуков своей сестры, особенно Григория. Вот и сегодня, в этот ясный, с чуть розовым небом, вечер, пройдя так с ним немного, она дала рубль на мороженое. Он бежал к киоску, который был недалеко, и покупал их основное детское лакомство — молочное мороженое в белом бумажном стаканчике с деревянной плоской ложечкой. Если отковыривать холодную сладкую массу по чуть-чуть и слизывать ее с ложечки, смакуя вкус мороженого и дерева, то удовольствие можно продлить надолго.

Тетя Фаина умерла достаточно молодой. Она лежала на покрытых белыми про-

стынями сдвинутых столов в окружении многочисленных зажженных свечей. В комнате полумрак — окна и зеркала занавешены. Некрасивое, но всегда доброе лицо ее было сейчас и знакомо, и не знакомо, как будто некая полупрозрачная маска, придающая ему заостренность, лежала на нем. Все говорили тихо, почти шепотом, ходили на цыпочках и переживали, но более всего Григорий и бабушка Анна, для которой свояченица была самым близким человеком в поселке. Слезы медленно катились по ее морщинам, и голова кивала в такт беззвучным молитвам. Было как-то немного страшно, будто что-то неведомое залетело к ним в дом и навсегда унесло из него теплое, доброе, родное... Только много позже Григорий понял — тетя была в его жизни другом, близким сердцу, дорогим человеком, ее любовь и доброта первыми обогатили его для грядущей жизни.

Мать не плакала, но лицо ее было сурово печальное. Она держалась, молча, немного в стороне. Ее небольшое тело, прямая и твердая осанка, строгое лицо, прямой взор серо-голубых глаз вспоминаются Грише и по сию пору. Видимо присутствие смерти обостряет восприятие.

Гриша грустил, но вместе с этим чувством было непреодолимое стремление, чтобы все увидели, что он переживает больше других. И еще он ловил себя на наблюдении всяких мелочей — деталей одежды людей, колебания свечных огней, дышит ли покойница, птиц и шевеление листвы за окном... А еще — Грише было стыдно — очень хотелось бегать, играть и смеяться...

Вдруг зашли какие-то чужие люди, вынесли тетю Фаину на улицу и унесли куда-то далеко-далеко. Больше Гриша ее не видел...

Погода стояла осенняя, было ясно и ветрено, но деревья стояли уже голые, без листьев... Гриша с соседскими детьми принялись, как обычно, играть, бегать, шалить, но подошла соседка и, обращаясь к нему, сказала: «У тебя тетя умерла, а ты балуешься и кричишь. Нехорошо...»

* * *

Повлияли ли смерти Миши и тети Фаины на детское сознание? Безусловно, повлияли. Как? — Это другой вопрос, ответить на который трудно, ибо другого не дано, потому не с чем сравнить. Похоже, жизнь «решила» не давать маленькому человечку находиться в состоянии постоянного благодушия, подобно одной знакомой матери — Гриша ее иначе как «тетка» не называл,— при каждой встрече очень больно щипавшей его за щеку.

* * *

Мать погибшего Миши, тетя Майя, работала продавцом в книжном и одновременно канцелярском магазине. Гриша с мамой частенько заходили туда, и, может быть, оттуда любовь его на всю жизнь к книгам, тетрадкам, карандашам и ручкам, и вообще ко всей канцелярской продукции (что интересно — даже к той, которой тогда и в помине не было). До сих пор ему нравится заходить в такие магазины и, даже ничего не покупая, просто побродить между полками, полюбоваться прилавками, подержать что-то в руках и... понюхать. Да-да, понюхать! Запахи этих товаров приятно радуют и по каким-то неведомым связям подсознания укрепляют жизнелюбие и вселяют уверенность в неких неясных еще будущих свершениях. Почему так? Видимо, это не только из-за визуальных, тактильных и обонятельных впечатлений раннего детства, но и слова какие-то говорились тогда взрослыми, правда, не помнит он их, запечатленных в глубинной, не поддающейся верbalному вскрытию памяти.

* * *

Память же — интересная по своей природе штука. Вот взять, например, бабушку Анию, маму Гришиного отца, которая, в отличие от тети Фаины, была немногословна, сдержанна и держалась несколько в стороне от внуков. А ведь запала в душу, и память о ней у Григория жива и поныне.

Бабушка молодой девушкой вышла замуж, но тут началась война. Дед, которого тоже звали Григорий, в 1914-м был призван в армию и направлен на фронт. В 1917-м году он попал в немецкий плен и заболел там туберкулезом. Истощенный донельзя, но так и не бросивший курить, вернулся в 1922-м году из неволи. Однако не долг был домашний покой деда — успел подремонтировать дом, зачать сына и — умер, так и не увидев его.

Осталась бедная Анна одна с сыночком, с малюткой и так и не вышедшей замуж свояченицей, тетей Фаиной. Так и жили они, зарабатывая шитьем и ремонтом одежду, да садик с огородом и куры немного помогали.

Но беда одна не ходит. Положила младенца на печь (в восточной Белоруссии на кухне ставили русскую печь, имевшую лежанку) и пошла хозяйственными делами заниматься. И то ли положила плохо, то ли вертеться сильно стало дитя, но упал он и сильно повредил себе позвоночник. Так и остался отец на всю жизнь с сильно искривленным позвоночником — одно плечо было на сорок пять градусов выше другого. Да и сам по себе родился слабеньким — от отца-то туберкулезника, к тому же истощенного пленом.

В Отечественную войну семья уехала в эвакуацию. Произошло это благодаря Гришиному отцу, живо интересовавшемуся всем, в том числе и зарубежной политикой. Они не поддались на агитацию ходивших по домам людей из евреев, убеждавших таких же, как они, не уезжать, оставаться по домам, памятую о том, как хорошо относились немцы к евреям в Первую мировую войну. Многие поддались на их уговоры. Чем все это закончилось — хорошо известно...

Всю жизнь трудилась бабушка Аня за иглой, ножницами и швейной машинкой, да в огородике вместе с тетей Фаиной, расти сына, дав ему среднее и среднеспециальное образование бухгалтера.

Говорила она на идиш*, — которого ни мать Гриши, ни тети, ни дети не знали, а Григорий, сколько себя помнил, стыдился перед друзьями, — и смеси русского с белорусским, ходила во дворе и городе зимой и осенью с весной в обычной деревенской одежде: ватнике и теплом платке, башмаках или валенках, а летом — в простом ситцевом сарафане. И лишь когда выбиралась по делам в поселке или в гости к знакомым, одевала свою лучшую на все времена, праздничную одежду. Религиозности за ней не наблюдалось, хотя пасху соблюдала как положено. Когда же Грише было десять лет, и объявили о полете Гагарина, между ними состоялся такой диалог:

— Вот видишь, нет Бога: Гагарин никого там не увидел! — воскликнул восхищенный Гриша.

— А Бог еще выше! — ответила она ему.

Бабушка с матерью плохо уживались, часто ругались, да так, что вся улица слышала мамин голос и бабушкино: «А ты йди, не мучай мяне, хватить, хватить!..»

Она всегда была спокойна и чувствовала все. Григорий до сих пор помнит ее лицо, глаза, голос и то, как она обращалась к нему всю жизнь: «Унучок!»

* Идиш — еврейский язык германской группы, исторически основной язык ашкеназов, на котором в начале XX века говорило около 11 млн. евреев по всему миру. Идиш возник в Центральной и Восточной Европе в X—XIV веках на основе средневерхненемецких диалектов с обширными заимствованиями из древнееврейского и арамейского и (в восточной ветви) славянских языков, а позднее — и из современного немецкого языка. Сплет языков породил оригинальную грамматику, позволяющую комбинировать слова с немецким корнем и синтаксические элементы семитских и славянских языков.

* * *

В детстве Гриша был худощавый, как говорится, кожа да кости. При этом у него была длинная шея, на которой вертелась во все стороны любопытная голова, длинные, несоразмерные с ростом руки с худыми пальцами, и такие же длинные ступни. Про походку никто ничего не говорил, но, став взрослым, узнал, что походка в течение жизни практически не меняется. Значит, она и тогда была важной. Потому неудивительно, что прилипла к Грише, еще до того, как пошел в школу, кличка «гусь». Немалую роль в этом сыграли его будущие друзья, которых он до школы знал лишь издалека.

Однажды Григорий играл во дворе своего дома, в котором жили тогда две семьи. Двор от улицы отделял не забор, как позже, а простой редкий штакетник. Стояла ясная солнечная погода, в небе кудрявились белые облака, а между ними была видна яркая синева. На другой стороне улицы, на лавочке, сидели двое белобрых ребят его возраста и, показывая на него пальцем и смеясь, кричали: «Гусь, гусь!..»

Дом, у которого сидели ребята, был необычным. Там вместе с родителями и сыном жила красивая, но тихо помешанная женщина. Когда не нужно было трудиться по хозяйству, она часто сидела на лавочке, сложив на коленях руки, и подолгу глядела в одну точку перед собой. Рассказывали, что во время оккупации за ней ухаживал немецкий офицер, и она постепенно стала отвечать ему взаимностью. Офицер говорил, что любит, был добрым, культурным и заботливым, все время носил продукты, делал подарки. Она забеременела от него и родила сына. Когда немцы отступали, офицер уехал вместе со всеми, оставив ее с ребенком перед лицом всеобщего недоброжелательства и осуждения.

Борис вырос в высокого красивого темноволосого парня. Война закончилась всего десять лет тому назад, и в памяти людей еще было очень свежо все, связанное с ней. Поэтому друзей у него не было, знакомые одноклассники были не в счет. И Борис тянулся к соседским детям, лет на пять-семь моложе себя, и к ровесникам, приезжающим из Гомеля и Минска погостить у родных. Борис был добрым и ласковым парнем, и ребята, чувствуя это, отвечали ему тем же.

Будто сейчас видит Гриша, как сидят они во дворе на скамьях за серым дощатым столом, на который из-за яблони ложится полоса яркого солнечного света, и Борис читает им книжку. А с ветки прямо на стол вдруг слетела птица, с любопытством, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, поглядела на них, на книгу, пару раз прыгнула и упорхнула. Борис отложил книгу и смастерили с ребятами птичку-игрушку. Он любил делать детям игрушки и играть в их игры. Ребята все знали о нем, но никогда не возникало даже желания что-то сказать, подразнить, как это часто бывает в детской среде. Надо думать, все дело было в его теплоте, она растворяла в зародыше все дразнилки, прозвища, все злое, что в избытке появлялось на неуправляемых еще «молодых» языках в других ситуациях и с другими детьми, и даже с взрослыми людьми.

По каким-то неведомым законам образ Бориса тесно переплелся в памяти с тетей и керосиновой лампой. Можно, рассуждая логически, попытаться вывести некие закономерности этого явления. Григорий в своей взрослой жизни не раз возвращался к этой ассоциации, но ему никогда не хотелось рассуждать на эту тему, ибо какой-то частью души он чувствовал — хирургический нож ума может разрушить неповторимое сплетение людей, явлений и предметов, создающих некое духовное пространство, некое окно во времени, через которое ты приобщаешься к восстанавливющему что-то в тебе и питающему источнику света и тепла в душе.

* * *

Потом, по прошествии времени, Григорий часто задумывался о том, какая все-таки интересная штука жизнь. Кто бы мог подумать, что та трагическая потеря друга в первые, ранние годы, какая произошла у него, станет началом в длинной цепочке дружеских потерь и расставаний. Но тогда, когда ему еще не было семи лет, он, сидя у керосиновой лампы, вовсе не думал об этом. Ведь в детстве жизнь — это не то, что прошло, и не то, что еще не наступило, а только то, что происходит вот здесь и сейчас, и воспринимаемое глубоко и многомерно. Слова эти нашел уже потом, вспоминая свои ощущения того времени, но они очень неточны. А вернее, нет терминов в языке взрослого человека, описывающих детское восприятие, глубоко отличающееся от взрослого. Может быть, это и есть истинное, незамутненное ничем восприятие, во многом определяющее наши теперешние симпатии и антипатии, предпочтения и не-приятия. И любовь к свечному и, вообще, спокойному огню, может быть, имеет корень в той самой керосиновой лампе на столе. А тяга в течение всей жизни к старшему по возрасту другу — в том парне по имени Борис, который дружил и играл с Гришей в детстве. Или, например, внутренний идеал матери и жены, как доброй и теплой, спокойной, успокаивающей и, одновременно, побуждающей к самоуважению и мужеству, создавался благодаря тете Фаине и бабушке Рае. Обо всем этом можно много говорить и спорить, и никто не даст однозначного ответа на эти вопросы. Одно может сказать Григорий теперь определенно — очень многое формируется в детстве и, особенно, в первые его годы.

* * *

Гришина семья дружила с семьей Стрибуков. Бабушка Настя с мужем-плотником жили наискосок от их дома, а сын же ее Иван с семьей — по соседству, справа. У молодых был патефон, и мать иногда просила его с пластинками на вечерок, послушать песни. Патефон для нас тогда был волшебством — крутя ручку, заводить его, потом ставить пластинку и на нее звукосниматель с иглой, а сами песни!.. Бабушка Настя часто угождала нас, детей, жареными семечками и целыми сырьими подсолнухами, рассказывала истории из недавнего военного прошлого поселка, которое все еще было свежо в памяти.

Позже, купив недалеко от нас дом, переехала в Брагин еще одна семья Стрибуров, но к первым они не имели никакого отношения. Мать сразу подружилась с ними, а Валера стал Гришинным другом, и они частенько играли вместе и разговаривали на разные темы... А еще мать очень близко сошлась с Ниной, еврейкой, отринутой ее семьей из-за позиции по ряду вопросов, когда честность для нее стала выше семейной солидарности...

* * *

Закончилось раннее детство Григория с приездом деда Ильи с супругой из Ташкента на отдых в Брагин. Его встречали всей семьей: мать, бабушка Рае, отец, бабушка Аня и дети. В кустах на площади автовокзала трещали воробы. Небо на юго-западе окрасилось в розовые, алые и где-то оранжевые тона. Все пошли пешком к дому, находившемуся недалеко от автовокзала.

Дед оказался полной противоположностью отцу — мягкому и доброму человеку, был мужественен и где-то даже суров. И Григорий насторожился, почувствовав в нем крепкую руку.

Деда все время тянула природа средней полосы, и уже на следующий день он взял внука с собой на рыбалку. Они долго шли по улице, потом по берегу Брагинки к

тому месту, где ждала лодка, арендованная дедом. Стоял конец июля, и после долгих дождей, шедших вслед за испепеляющей июньской жарой, когда речка обмелела, а травы пожухли, природа возродилась: полноводная река омывала берега с вновь зеленевшей растительностью.

И вот они в лодке. Родители Гриши, несмотря на жизнь в сельской местности, не были любителями походов далее чем в парк, кинотеатр или на рынок. Он впервые в жизни ощутил качающуюся под ногами поверхность — дно лодки — и чуть не потерял равновесие, но довольно быстро освоился и стал балансировать. Устроившись, рыбаки отошли от берега. Дед прекрасно греб, умело управляясь веслами. Вокруг росли различной породы деревья и кустарники, от их отражения и от обилия водорослей вода была приятного глубинно-зеленого цвета. Запах речной воды, особый и неповторимый, смешивался с запахом трав и цветов, которые покрывали весь берег.

В месте, знаемом только специалистом-рыбаком, лодка замерла. Когда вода успокоилась и гладь реки нарушилась лишь тонкими дрожащими пупырышками от жизни водных насекомых и от всякой мелочи, падающей с деревьев, дед шепотом, приложив палец к губам, сказал: «Тихо...» и осторожно достал удочки. Освободив леску, он открыл коробочку с заранее приготовленными червями и насадил по одному на крючок каждой удочки. После этого мастерски забросил их по обе стороны лодки, застывшей на середине реки, и они стали ждать. Нужно сказать, что рыбы в Брагинке водилось вдосталь, и вскоре, ну, может быть, часа через два, на одном месте наши рыбаки наловили ее с полведра. Проплыv на лодке еще метров двести по живописному водному коридору, они, вернее, дед, а Гриша по большей части как свидетель, скажем, с небольшой степенью участия, повторили все предыдущие действия. Так эта «сказка», — Григорий внимал каждому движению деда, каждому действию в процессе рыбалки и всему окружающему, как некоему волшебству, так как никогда в жизни ничего подобного не видел, — продолжалась почти весь световой день. Рыбы они привезли столько, что ее хватило и на уху всей большой семье из девяти человек, с учетом деда с супругой, и пожарить, и на второй день осталось, а что-то и вялить повесили во дворе на веревке, предварительно хорошенко засолив.

Гриша с дедом Ильей не только катались на лодке, но и бродили по окрестностям поселка и уезжали в лес за грибами и ягодами. Впечатлительная детская память мальчика зафиксировала один из таких дней, когда они возвращались с полной корзиной подберезовиков и белых грибов. Стоял ясный день, было еще не жарко — солнце спряталось за облако и все вокруг обрело более глубокий — густой и бархатный — окрас. Ветер принес свежесть и запах зелени. Затем солнце снова выглянуло, и опушка леса, по которой они шли, и луг осветились радостью и весельем. Припекало, и над дальним полем заметно заструились потоки испарений...

Эти сказочные путешествия на всю жизнь врезались в память Григорию, так как тогда перед ним впервые открылись двери в природу. До сих пор свежи в памяти запахи речной воды, тины, кувшинок и трепещущей в ведре рыбы, запахи леса — притянутой дождем травы, елей и сосен, набело вымытых березок, молодцеватых дубков, ясеней и грабов, пьянящей земляники, черники и всевозможных грибов. Да, для него это было волшебной сказкой. С тех самых пор Гриша не может жить без контакта с землей и водой, лесом и полем, без всего того, что можно назвать одним словом — мать Природа...

* * *

Приближался сентябрь. А в конце октября Грише исполнялось семь лет. Родители хотели, чтобы он пошел в школу через год. Но дед провел с родителями беседу по поводу пойти учиться в неполные семь лет и настоял на поступлении в школу в этом году.

Каждый знает, что школа накладывает на все происходящее с тобой и вокруг тебя свой отпечаток, игры и отношения становятся уже другими, наполненными несколько иным содержанием. Поэтому в том сентябре началась для Григория другая жизнь.

Знаковым, предопределившим многое в его жизни, стал день первого сентября 1957 года — первый школьный день. В поселке было две школы — белорусская и русская. В русской школе было два первых класса и, соответственно, две учительницы. Одна, Евдокия Дмитриевна, была добрейшей души человеком, буквально излучающим свет доброты, а другая, Марья Петровна, — строгая, жесткой манеры поведения... И на протяжении всего этого первого дня каждая из них неоднократно уводила Гришу за руку из другого класса в свой. С тех пор два начала, воплощенные в этих учительницах, состязались в нем всю жизнь. Но победило все же светлое, благодаря доброй учительнице, незабвенной Евдокии Дмитриевне...

* * *

Мать уговорила деда Илью — брата бабушки Раи, помочь деньгами для покупки второй половины дома, в котором жила другая семья, с последующим строительством на ее месте новой пятистенки, соединенной со старой частью в один дом. Дело было достаточно затратное, все это по подсчетам должно было стоить около десяти тысяч рублей (это уже после денежной реформы 1961-го года). Дед был достаточно богат — сапожник-индивидуал в Ташкенте — и согласился подарить эти деньги своей сестре, усовестившись, что в течение всей жизни никогда ничем не помогал ей. Но при этом поставил условие, что будет приезжать с женой каждое лето на один месяц — рыбачить на лодке и ездить в лес за грибами да ягодами. Он, как и бабушка Раи, был уроженцем Витебской губернии и помнил, и любил все это с детства. Когда было достигнуто обоюдное согласие, сделка по покупке второй половины дома состоялась быстро, так как соседи переезжали то ли в Гомель, то ли в Минск, уже не упомнит он сейчас. Но отлично запечатлелось в памяти, как, не дождавшись пока соседи — женщины с детьми — покинут помещение (до автобуса оставалось еще время, но пришли рабочие), мать велела ломами и кувалдами рушить стену, разъединяющую две части дома. До сих пор Григорий видит обожженные лица бывших соседей.

Когда строился новый дом, было лето. И пока закладывался фундамент, ставился сруб, русская печь и грубка*, и потом внутри стены обивались дранкой и штукатурились, все жили в старой части дома.

Грише шел одиннадцатый год, и он с ребятами, от нечего делать, в школьные каникулы, наблюдали за работой штукатуров. И тут у них возникла идея — помочь взрослым — самим поштукатурить. Ну, а те и рады были, поручили детям шлепать раствор на прибитую заранее к стене дранку и размазывать его шпателем. Когда мать пришла на обед, она была в ужасе: разогнала «помощников», что есть мочи ругала сына, а работникам выговорила и заставила все переделать (а это целая стена). Так закончилось первое Гришино приобщение к производственному труду.

Стояла середина лета. Гриша спал теперь в большой светлой комнате, и, проснувшись, старался быстрее встать, ибо энергия радости и желание что-то делать переполняли его. Он жил с широко открытыми глазами и так полно, как будто вся жизнь происходит в эту конкретную прекрасную и наполненную неимоверной глу-

* Грубка (белорус.) — чисто белорусское устроение типа камина, которая обогревала сразу все комнаты: небольшая четырехугольная печка для отопления, нередко соединявшаяся с печью общим дымоходом, которую клали из обожженного кирпича (раньше из сырца), поверхность обмазывали глиной, белили или покрывали кафелем. Чтобы грубка лучше нагревалась, дымоход делали с поворотами. Сначала грубка имела общий дымоход с печью, позднее — отдельный.

бинои минуту. Наверное, это и есть счастье, и почему-то все совпало именно с вселением в новый дом!

Вернется ли когда-нибудь это состояние полноты неосознаваемой веры в себя, ничем не ограниченной естественной любви ко всему окружающему, веселья и неограниченного ничем желания любви к себе, а отсюда и непосредственное, без рефлексий и иных отягощений, но, в то же время, подсознательно мудрое решение всех забот и потребностей? Неужели навсегда ушло это и остались только далекие и редкие воспоминания, да и то только когда есть на это время, настроение и здоровье?..

А дом был хорош. Четыре большие, просторные светлые комнаты: кухня и столовая, разделенные только большой русской печью, с проходом между ней и стеной; зал и спальня — стандарт белорусской пятистенки. Между четырьмя этими комнатами — в их перекрестьях — была грубка. Печь ведь топилась только утром, когда готовился обед или когда пеклись пироги и пирожки. А ужин разогревался на керосинке.

Чем еще нравился дом, так это холодным крашеным полом, что особенно привлекало летом, в жару. Подметешь его, помоешь (а Гриша делал это почти ежедневно как старший помощник матери — девочки-сестренки Гая и Кира тогда были маленькими) и ляжешь на него спиной с книгой — любота!

В сенях всегда, начиная с октября, зимой и до поздней весны стояли две бочки: одна с квашеной капустой, другая с солеными огурцами.

Вокруг дома, вернее, с двух сторон: со стороны двора и сзади — росли кусты сирени разных сортов — мама очень любила ее и, вообще, цветы. Вдоль дорожки от калитки до сеней росли розы, георгины, пионы, астры, маргаритки, анютины глазки, табаки и другие цветы. Отсюда, наверное, и у Григория возникла любовь к их красоте.

* * *

Особое место в усадьбе, а она теперь удвоилась и стала площадью в двенадцать соток, занимал сарай. Он стоял посередине и был довольно большой — в нем хранились необходимые для работы в саду и огороде инструменты, дрова, всевозможные ящики. Был и отгороженный угол, где одно время жил поросенок, очень любивший рыть под собой землю, а затем в течение двух лет — корова, обожаемая детьми. Они гладили ее, провожали утром на улицу — в стадо, ведомое пастухом на выгон, а вечером радостно встречали, когда она сама останавливалась у калитки и мычала, просясь домой. Правда, два года пили теплое парное молоко — не очень приятная процедура для всех детей, — но ослушаться матери не смели. Наверху, на полатях, еще долго хранилось духмяное, пахучее сено.

Однажды корова отелилась, и Гриша с сестренками не помнили себя от радости, бегали смотреть на теленка, гладили его по еще влажной шкуре, глядели в блестящие доверчивые глаза. Корова-мать, ревниво косясь на них, облизывала свое дитя, мычала и старалась встать между.

Но как-то вечером, зайдя в стойло, Гриша не нашел там ни теленка, ни его матери. Плача, он подбежал к родителям и узнал страшную новость, потрясшую его до глубины души — теленка продали, а корову забили. Гриша еще не понимал тогда, что означает слово «забили». Но в тазах, бочонке, корыте, выварке лежало свежее мясо. Его варили, солили, жарили, делали колбасу, делились всем этим с соседями. Дети ели с аппетитом, так как растущие организмы требовали питания, и все было очень вкусно. Но при этом в душе Григория было горько и больно, ибо он понимал,

что ест любимую Маруську. То же, но, может быть, не так осознанно, творилось и в душах младших сестренок. Гриша видел их удрученное выражение опущенных в тарелки глаз. Ощущение было не из лучших, как будто предали дорогого друга. По силе трагичности это было второе событие после смерти Миши. Но никто в этой гибели не был повинен — ни родители, ни тем более дети,— Маруська сильно заболела при отеле, и ветеринар сказал, что нужно зарезать, пока не издохла.

Когда не стало Маруськи, сарай словно опустел. Гриша с ребятами частенько забирались на сеновал, лежали на мягких охапках сена и болтали. Сеновал почему-то располагал к разговорам о том, о сем и к не вполне ясным детским мечтам.

Сарай был интересен еще некоторыми своими свойствами. Ну, во-первых, его ворота, если их распахнуть настежь, можно было использовать как футбольные. Но однажды добрая душа, сосед наш, дядя Ваня Стрибук, подвесил на перекладине ворот добротные качели, и детвора много качалась на них, следуя подсознательной склонности к этому, связанной, видимо, с еще свежей памятью души о полетах.

Сарай, поскольку был без фундамента, привлекал к себе возможностью делать подкопы под стенку и, соответственно, тайные лазы, прикрытые кое-чем, через которые всегда можно было скрыться от родителей — зашел в сарай, ан нету нигде,— и особенно от наказания матери, которое, конечно, было неминуемо, но уже не в пылу страсти, а также от «врагов» при игре в войну и в шпионов-разведчиков.

За сараев было место, где среди низкорослой, стелющейся травы кишмя кишили муравьи, в разных направлениях от муравейника — невысокого холмика — они бежали порожняком, а к «дому» — уже нагруженные разными тяжестями. Дети часто, забавляясь, играли с ними, мешали им, создавая искусственные преграды и наблюдая, как они преодолевали их. В огороде было много бабочек и стрекоз — великолепных созданий, разных цветов, узоров и оттенков. Было интересно следить за их действиями. Они частенько доверчиво садились на детские руки. Солнце, запах цветков, травы, садовых и огородных растений, стрекот кузнецов и бабочки со стрекозами — чудо летней поры.

* * *

На участке же, состоявшем из сада и огорода, каких только плодовых деревьев и ягодных кустов, посаженных руками матери, не росло. Там были разных сортов яблони, груши, сливы и вишни. По краям огорода росла черная, красная и белая смородина, крыжовник. А за сараев, как всегда в окружении крапивы, были заросли малины. Росла и клубника, но это — ягода особой стати. За ней требовался постоянный уход на особой плантации, прополка, поливка. Так что правильнее сказать: не она росла, а ее выращивали...

Благодаря этому, лето ассоциировалось для детей с возможностью выйти в сад и, что называется, «от пуз» наесться фруктов и ягод. Но мать, для поддержания всего благолепия, приучала их к посильному труду. Были обязанности и у Гриши, и работа легко спорилась, так как выполнялась с удовольствием. Нужно было полить теплой водой из бочки грядки огурцов, помидоров, лука, чеснока, морковки и зелени, предварительно прополов их от сорняков, а затем в ту же бочку натаскать ведрами воду из колонки.

Все остальное пространство огорода занимал картофель. Он рос высокими стеблями, и для Гриши — еще и в раннюю пору, когда их семья владела только половиной дома и участка,— это было дополнительным и увлекательным местом для игры. Индейцем, партизаном, разведчиком — с самодельным автоматом из стебля подсолнуха, с приспособленным к нему прикладом и магазином, с устроенной на дуле большой рогаткой,— он ползал между грядками под густой листвой, как в джунглях.

Причем умудрялся так ловко изгибаться, что мог проползти весь огород, и никто не замечал никакого шевеления.

* * *

Огород переходил в болото, весной и осенью полное воды, к лету же расцветающее кувшинками и ряской. Округа наполнялась кваканьем лягушек, тучи комаров витали вокруг, и множество стрекоз охотились за ними. Болото дышало, звучало своими особыми, свойственными только ему звуками, и непередаваемые запахи — смесь растущей и цветущей зелени, застоявшейся воды и естественной растительной гнили — стояли в воздухе. В июне болото высыхало — из земли торчали лишь сухие стебли, но не уходило совсем, до поры до времени пряталось в вырытые, — чтобы быстрее осушалась земля, — то тут, то там глубокие, выше человеческого роста и достаточно широкие канавы, казалось, доверху наполненные ряской, тиной и лягушками.

Ребята, взяв длинные палки, любили болтать ими в канаве, пугая ее обитателей — лягушек, которыми вода буквально кишила. Те поднимали переполох и выпрыгивали из канавы, выпучив глаза и квакая во все свое лягушачье горло.

Однажды Гриша, шести лет, будучи один, не удержался и плюхнулся в воду. Он помнит тину, характерный запах болотной воды, как барахтался в ней, как лягушки, задевая его лапками, кинулись врассыпную. Вот тогда-то он, наверное, и научился бы плавать, если бы не сестра матери, тетя Лия, загоравшая невдалеке. Она вытащила горе-пловца, всего обляпанного тиной и мелкими водорослями, на «берег». Таким было первое Гришино общение с водоемом...

* * *

Но вернемся на сушу, на огород, где было гораздо интереснее. Хотя бы взять растущую перед сараем большую раскидистую сливу. На нее можно было легко залезть и, главное, удобно усесться на крупной ветке у ствола. Взору при этом открывалось несколько дворов наших соседей, и детское любопытство вполне удовлетворялось наблюдением за тем, что там росло и что там происходило.

Поэтому, наверно, то ли потому, что игра в войну, в партизан и разведчиков в крови у мальчишек, то ли по другой какой причине, но чем еще объяснить стремление детей «партизанскими» тропами, ползком по-пластунски, тайно залезть в чужой огород и вознаградить себя за «подвиг» обычной морковкой? Неужели она была слаще собственной? — ведь на своем огороде и в саду они имели все, что душе угодно.

Но, так или иначе, если уж «партизанить» и «воевать», то по-настоящему. А для этого, кроме «оружия» и «амуниции», нужен был и настоящий блиндаж. Что и было сделано однажды, в перерыве между уходом родителей на работу и приходом домой на обед (в поселке все ходили обедать домой), — буквально за четыре часа лопатой и ломиком была выкопана прямоугольной формы яма глубиной в метр и над ней сооружен шатер из досок, картона, толи и старого покрывала, найденного в сарае. Для входа в блиндаж Гриша сделал удобные ступеньки. В земляном его полу сотворил еще и закрывающийся сверху подвальчик, в который натаскал сухарей, соли и несколько картофелин, морковок, огурцов с помидорами, яблок и луковиц. Было еще в блиндаже специальное место для хранения «оружия»: ружья — из ствола подсолнуха с мушкой и рогаткой, игрушечного металлического пистолета, деревянного автомата, деревянного же кинжала и двух гранат из перезревших огурцов. Блиндаж получился на славу. В довершение рядом с ним был установлен флагшток, на котором развевалось знамя — кусок материи из старого красного сарафана.

Мать, когда пришла на обед, только взглянула на сооружение и улыбнулась. Видимо, ей пришлось по душе трудовое творчество сына. Пообедав, она даже позволила Грише показать ей и внутреннее устройство блиндажа.

Всю вторую половину дня он приглашал своих знакомых ребят, сестренок своих подруг, и они вовсю, до самой ночи,— когда их буквально разгоняли по домам,— играли в «русских и немцев».

* * *

А еще всегда притягивала Гришино внимание лестница, приставленная к задней части дома и ведущая на чердак. На ее ступеньках всегда можно было удобно усесться, так как пролеты были как раз под него — и ноги можно было удобно поставить, и голову затылком прислонить. На нижних ступеньках он сидел, когда читал книгу. Кругом росли кусты сирени и яблони, и было достаточно тенисто, даже днем, когда солнце выглядывало из-за крыши, направляясь в свое ежедневное путешествие на юго-запад.

Средние ступеньки использовались уже для менее мирных целей: оглядеть все свои владения, то бишь огород, сад и сарай, заглянуть и на «вражескую» территорию — опять же огороды и сады соседей — и пострелять из ружья: уперев подсолнуховый ствол в плечо, держа за «магазин» или ствол, взведя «затвор» — рогатку, прицелившись с помощью мушки из двух гвоздиков,— по движущимся и неподвижным целям. Однажды Гриша попал «в десятку» — в ягодицу соседской девочки-пампушки — ох, и попало же ему тогда!

Еще Григорий обожал закаты. А они были великолепны. Он мог по вечерам полгода сидеть на верхних ступеньках лестницы и зачарованно глядеть вдаль на солнце, уставшее наблюдать все его похождения в течение дня и уходившее отдохнуть за горизонт, на крыши дальних домов, на неповторимо меняющуюся акварель облаков и на птиц, парящих в небе и прощающихся со светилом до восхода, на высокие, освещенные вечерними лучами деревья.

Лестница еще служила своеобразным тренажером. Какие только упражнения, вплоть до кульбитов, он не проделывал на ее ступеньках. Но однажды сорвался с самых верхних, полетел вниз и умудрился животом упасть на одну из нижних ступенек. Удар был сильным, и даже когда встал на ноги, еще какое-то время ходил, согнувшись от боли в животе. Тетя-врач сказала, что мог быть разрыв селезенки. Но его ничто не могло остановить, и он продолжал свои эксперименты с лестницей.

Она была ценна и тем, что вела на огромный чердак. Свод его из свежих бревен был высок, окно широкое, а «пол» был устлан толстым слоем опилок. От них стоял стойкий свежий древесный запах. На чердаке в жару всегда было прохладно, и дети частенько забирались туда, лежали на опилках или сидели на горизонтальных брусьях, разговаривали и играли в свои любимые игры.

* * *

Доступной и практически единственной сладостью для Гриши и сестер была тогда пастила, которую привозили тети, сами бедные, как монастырские крысы, и привезавшие в летние каникулы из института на садово-огородное довольствование. Кусок пастилы лежал в шкафчике в сенях, завернутый в пергаментную бумагу, и дети в течение дня отщипывали от него по кусочку. А еще —молочное мороженое в бумажном стакане с деревянной плоской ложечкой, на которое давала рубль, а после денежной реформы 61-го года десять копеек, тетя Фаина или старьевщик за кучу металломата; стакан газировки с сиропом за четыре копейки и халва в школьном буфете — вожделенный Гришей завтрак. Еле дождавшись большой перемены, когда открывался буфет, он бежал туда и на копейки, данные ему, чтобы купить пирожок или бутерброд, покупал сто грамм халвы и ел ее маленькими кусочками.

Была еще одна, самая большая, настоящая, радость — на Новый Год, годовщину

Октября и 8-е Марта, родителям давали на каждого ребенка по пакету с очень вкусными гомельскими и московскими конфетами и печеньем. Дети прятали свой пакет, чтобы никто не мог посягнуть, и долго — порой недели по две — наслаждались этими сладостями. Гриша очень любил есть одновременно шоколадную конфету, печенишку и яблоко, откусывая понемногу от каждого. Они не были избалованы сладостями, как, впрочем, и всем, включая еду, игрушки, одежду и обувь. И когда доводилось зайти в гости к другу — сыну врача, то большой ломоть белого хлеба с толстым слоем шоколадного масла был королевским угощением. А школьный костюмчик, покупаемый на вырост, носился три-четыре года. За все Гришино детство из игрушек у него была одна небольшая грузовая машинка, один резиновый, двуцветный, с полоской по «экватору», мяч, пистолетик, который он сам купил на сэкономленные деньги (за что получил хорошую трепку), и совок с ведерком. Когда Грише исполнилось двенадцать лет, тети подарили ему шахматы.

Питалась семья оченьдержано. Утром — чай с бутербродом, днем на обед — суп и картошка или каша с мясом из супа, вечером — котлета или селедка с картошкой. Когда Григорий женился, домочадцы были очень удивлены тому, как он сверхтонко намазывал маслом ломоть хлеба. Вот так он и питался вплоть до двадцати трех лет.

А тогда он все свободное время проводил на земле — во дворе, на улице, в саду-огороде, причем с мая по сентябрь включительно — практически постоянно босиком. Может быть, поэтому, когда в четырнадцать лет переехал к сестре матери, на их родину, в Тулу, и стал жить в городской квартире, через три-четыре месяца случился у него острый аппендицит.

Но это все было потом. А тогда о таких вещах не думалось, и каждый день был, как целая жизнь...

* * *

Водопроводов в поселке в частных домах тогда не было, и за водой они ходили к колонке, находящейся в ста метрах от дома. В Гришины трудовые обязанности входило: натаскать в большую металлическую бочку воды и полить огород и сад. А еще мать поручала ему отжимать замоченное в растворе хозяйственного мыла белье всей семьи, а она у них была большая — пять человек (бабушка Аня занималась хозяйством самостоятельно).

Поручалось Григорию также присматривать за сестренками — Галей и Кирой, которые, как и он, были октябрьскими. Разница в возрасте между Гришей и Галей, была три года, и потому быть ей няней он не мог. Ею была бабушка Раи. Бабушке же Ане мать такую роль не доверяла, памятуя, наверное, о травме мужа, Гришиного отца, в младенчестве. А вот Кирочек Гриша был с младенчества самой настоящей няничкой — менял пеленки, пеленал, качал и кормил, когда мама была занята. Жили они с сестренками дружно, наравне принимали участие в детских забавах.

Дружил Гриша и со сверстниками, но игры чаще устраивал с детьми моложе себя по возрасту. Днем они играли в мяч, а когда темнело — развлекались прятками или, сидя на уличной лавочке у забора, играми-считалками...

Какого же труда стоило родителям «загнать» детей летом домой. Целого дня им было мало, а вечерние сумерки и собственно сам вечер до полуночи добавлял таких сил чудодейственным заходом солнца и дыханием-энергией ночи, что силы их удесятерялись, и они играли по очереди во все игры, которые знали. Ну, а оказавшись дома, сами страшились своего вида, ибо были черны от грязи от пальцев ног до, как говорится, кончиков волос. Тогда бралось большое корыто, наполнялось заранее

приготовленной горячей водой, и первый из детей подвергался «экзекуции» мылом и мочалкой. Затем и остальные, по мере убывания возраста.

Подрастал Гриша, и игры взрослели вместе с ним. Одной из них был так называемый теннис. На улице перед домом было ровное земляное место, шириной метра три. На нем чертилась прямоугольная площадка с поперечной чертой посередине. И дети играли простым резиновым мячом примерно пятнадцать сантиметров в диаметре, используя вместо ракетки ладонь.

Младших детей Гриша любил строить в колонну по трое и маршем, в ногу, командуя такт: «Левой! Левой!», вести по улице, да еще под песню. Дети с радостными, воодушевленными лицами с удовольствием играли в это.

А еще любимой Гришиной игрой с детьми был « завод ». От сарай до калитки тянулись « цехи », « конвейеры », на которых из « сырья » производилась « готовая продукция »...

С раннего детства Григория тянуло к автомашинам, нравился запах бензина и масла.

Однажды стояла сильная жара — уже с утра парило, — как от рядом горящего костра, сворачивалась трава по обочинам дороги. Солнце огромным пылающим шаром висело над землей, а вокруг него раскаленное, с багряными, как расплавленный металл, переливами небо, будто завесой скрывало голубизну. Гриша с матерью ехали попуткой из Хойник (мать находилась в крытом кузове, а он в кабине), и паренек попросил шофера научить его водить машину, на что тот, конечно, промолчал. Эта тяга вела к тому, что Григорий все время вертелся возле автомобилей... но так и не стал ни владеть, ни водить машину. Хотя один раз в жизни он сел за руль квадроцикла в туристической поездке в Египте, на сафари по пустыне. Водил классно, даже на обгонах и виражах — и это впервые в жизни! Но сейчас не об этом.

Так вот, в первых классах школы, все из-за той же страсти, Гриша соорудил у себя во дворе из фанерных ящиков нечто подобное кабине автомобиля. Там было сиденье, вертящийся руль — колесо детского велосипеда, — рычаг переключения скоростей, педали тормоза, газа и сцепления. Были баки как бы для бензина и воды. Он мог час сидеть «за рулем», управляя своим «автомобилем», издавая соответствующие машинные звуки, ощущая себя, как в реальности, водителем авто.

Прикасаться к его «машине» не смел никто. Даже мать с ее любовью к порядку терпела это сооружение в уголке двора.

А еще Григорий любил из бумаги делать «самолетики» разных модификаций, — не «голубей» бумажных, как их часто называют, а занимался именно «авиастроением». Любил испытывать разные модели — загиб уголка крыла, разлет крыльев, форма носа и хвоста — на дальность, планирование, выполнение разворотов и спусков и так далее. Это было еще одним из самых любимых его детских занятий.

❖❖❖

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Леонид Иванов
(г. Тюмень)

ПРОГУЛКА ПОД ТРИБУНАЛ*

Леонид Иванов — постоянный автор нашего журнала. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Руководитель Тюменской областной организации Союза писателей России.

Современный Город Воинской славы Полярный; основан в 1899 году под названием Александровск как главная база вновь создаваемой Флотилии Ледовитого океана: вид на западную оконечность Екатерининской гавани и острова Екатерининский. На переднем плане — здание, в котором в Великую Отечественную войну располагался главный штаб Северного флота СССР.

© А. Ямаш из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота».

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга!

— Держи краба! — Хозяин вытянул вперед руку с растопыренными пальцами, будто готовясь взять мяч.

Вадим хорошо знал это морское приветствие, сделал точно так же, и две руки ухватились друг за друга, не сильно впившись ногтями в запястья.

— Молодец! Где служил?

— Видяево.

— Офицер?

— Нет, три года срочной службы на флоте. Главстаршина.

* Глава из романа «Люди добрые».

— Морской волк?

— Увы, практически всю службу в штабе просидел. Стыдно признаться.

— А чего стыдиться? На берегу тоже кому-то надо. Я вон тоже вскоре после войны на берег был списан. В отставку ушел из КЭЧ. Знаешь, что это такое?

— Кто же не знает? Квартирно-эксплуатационная часть. Вроде нашего домоуправления.

— Ну, да, ну, да. Вроде домоуправа и служил.

— Извините, мне говорили, что Вы — капитан первого ранга.

— Считай, что я домоуправ с погонами. А что мы стоим? Проходи к столу, присаживайся. Уж коли приехал, так, наверное, дела есть? По говору явно нездешний.

— Из Ленинграда.

— Вот-вот, знакомый говор. Я ведь в молодости мореходку в Ленинграде заканчивал, а потом и академию. А Вы, молодой человек, чем занимаетесь?

— Учусь в университете, на журфаке. Здесь на практике.

— Ага! Значит, приехал заметку обо мне написать?

— Хотелось бы очерк.

— А что, более интересных кандидатур не нашлось?

— Мне сказали, судьба у Вас очень интересная,— сознался Вадим.

— Судьба, брат, у каждого интересная. Зависит, как на нее посмотреть.

— Говорят, судьба Вас сильно потрепала...

— А кого она не трепала? Ты мне покажи такого человека, который войну пережил, хоть на фронте, хоть в тылу, да чтобы его судьба не трепала. Всем с лихвой досталось. Вот и я не был исключением. Только вспоминать о том тошно! Думаешь, легко старые раны бередить, в душе ковыряться? А вашему брату что? Заскочил на полчаса, биографию расспросил и бегом заметку строчить. Да отсебятины столько на-придумываете, что людям в глаза стыдно смотреть.

— Я не спешу,— извиняющимся тоном сказал Вадим.— Меня только в конце дня машина на обратном пути подберет.

— Тогда другое дело. Тогда раздевайся, будем чаевничать. Правда, говорят, чай — не вино, много не выпьешь.

— А у меня есть,— засуетился Вадим и начал доставать из сумки купленную специально для этой поездки бутылку «Столичной».

— Да спрячь ты свое барахло,— махнул рукой хозяин.— Я казенную редко употребляю. У меня — свое. В сто раз получше магазинного. Там же отрава, сивуха одна, а у меня собственная система очистки. Сейчас попробую, за уши не оттащить.

— Я вообще-то к спиртному не очень,— поспешил упредить Вадим.

— А кто очень? Я что ли очень? Но если повод хороший, то почему по стопочке-другой не принять? Например, за знакомство. Не часто тут у меня ленинградские гости бывают.

— Да я не в гости. Я по работе.

— Ты, молодой человек, у меня в доме, значит — гость. А по какой надобности — не суть важно. Извини, разносолов ленинградских у меня нет, но чем закусить, найдем.

— Да Вы не беспокойтесь...

— И не беспокойство то вовсе. Закон гостеприимства.

Хозяин вышел в сени, вернулся с какими-то мисками в руках, начал доставать из них квашеную капусту, соленые огурцы, копченое мясо. Разложил все это по тарелкам, поставил рядом с ними стопки, из шкафа достал бутылку с какой-то желтого цвета жидкостью.

— Вот, настойка собственного приготовления. С чесноком. А хочешь, принесу на морошке, только от нее наутро голова болит. А все равно люблю морошку. Это еще с войны. Почему-то в войну ее столько было! Никогда позднее так много не видывал.

Ненцы говорят, что это самая главная ягода на Севере. Ну, давай за знакомство. Как тебя по имени-отчеству?

— Вадим. Вадим Раевский.

— Ишь, фамилия-то какая — знатного рода. Оттуда идет? — хозяин большим пальцев показал за спину.

— Оттуда, — заулыбался Вадим.

— Ну, а я крестьянского рода. Из этих мест родом. Безруков Алексей Васильевич.

— Очень приятно!

— Ты эти интеллигентские замашки пока оставь, давай по-простому. Ну, за знакомство!

— Вадим пригубил, пробуя напиток на вкус.

— Не понравилось с чесноком? Могу дать на клюкве, на бруснике, на ягодах можжевельника. Могу — с перцем.

— Нет-нет, я просто пробую.

— Знаешь, был такой старый анекдот. Едут в купе поезда Москва — Киев негр и хохол. Негр достает какие-то диковинные заморские фрукты и начинает есть. Хохол долго смотрит, потом робко спрашивает: «Извините, что это такое, можно попробовать?». Негр ему дает одну штуку, хохол съел, достает из чемодана шмат сала, кладет на стол, кусок отрезал и начинает есть. Негр говорит: «Извините, а что это такое? Можно мне тоже попробовать?» — «Та шо его пробовать? — отвечает жадный хохол. — Сало як сало». Вот и здесь, что ее пробовать? Самогонка как самогонка, только на разных ягодах настояна.

Вадим допил содержимое стопки, закусил кусочком копченого мяса.

— Алексей Васильевич, Вы говорили, что морошка Вас от смерти спасла. Как это?

— Ранило меня. Я тогда в штрафной роте служил. Как говорили, должен был или погибнуть, или вину кровью искупить. Теперь, наверное, мало кто и знает, что немцев с финнами на Кольском полуострове в некоторых местах ведь так и не пустили границу пересечь. Отстояли наши рубежи. Но бои на протяжении всей войны до сорок четвертого были жесточайшие. Наши, мало того, что оборону держали, частенько в тыл десант забрасывали, чтобы врага в постоянном напряжении держать, чтобы он вынужден был с линии фронта силы оттягивать на оборону своих баз. Ты же знаешь, как на Кольском полуострове, так и дальше туда — сплошь заливчики разной величины. Ну, у нас это называется губа, у них фьорды. В этих фьордах военные корабли да подводные лодки на боевом дежурстве прятались, а как идет конвой с грузом по ленд-лизу, они неожиданно и нападали. Вот наша морская пехота на торпедных катерах да морских охотниках рейды в тыл и совершала. Если корабль или лодку уничтожить не удастся, так хоть в фьорде этом запереть, не дать возможности выйти.

— Я где-то читал об этом. В том числе «Реквием каравану PQ-17» Пикуля.

— Верно. Но он про караван писал, а про морскую пехоту мало что рассказало. А жаль, героические были ребята. Одна операция на мысе Пикшуев чего стоит! Легеной стала. Там враг такой сильный оборонительный узел из трех укрепленных пунктов, подготовленных для длительной круговой обороны, создал, что ни с какой стороны не подступишься. Все из камня и бетона. А уничтожить этот узел надо было во что бы то ни стало. Долго операцию готовили, несколько сотен морпехов задействовали, на девяти судах с Рыбачьего десант забросили, с двух сторон в половине пятого утра подошли и атаковали, а к восьми утра все два десятка сооружений уже были взорваны. Наши потери — шестьдесят человек убитыми и ранеными.

— Вы тоже там были?

— Я был капитаном одного из трех морских охотников. Знаешь, что это за корабль?

— Кажется, видел в музее.

— Кажется, видел... Эх, вы, молодежь! Историю надо знать! А как же? Те, кто на больших кораблях, к нам с некоторых превосходством относились, я бы даже сказал, с таким пренебрежением. Эй, кричали, на мотке, далеко от берега не уходи, в море унесет! Корабль маленький, юркий, скоростной. Мы ставили глубинные бомбы против подводных лодок, на нас охотились самолеты, но и мы тоже были вооружены зенитками, поэтому бывало, что мы эти самолеты сбивали. На счету некоторых кораблей было по несколько сбитых самолетов. Для высадки десанта тоже нас да торпедные катера использовали. Скорость большая, под прикрытием берега могли близко подойти. Нас нередко вместе и использовали. Торпедные катера могли спрятавшиеся в шхерах корабли потопить, а мы на выходе глубинные бомбы поставить, чтобы подводные лодки там запереть. Вот за одну такую операцию я и получил орден Красной звезды, который потом профукал.

— Как это?

— А вот так! Дурак был! Ухарь! Вот и профукал.

— Потеряли?

— Можно и так сказать. Лишили.

— А разве наград лишают?

— Лишают, молодой человек, лишают. Правительственным указом, так же, как и награждают.

— Извините, а за что Вас лишили?

— Не люблю я это вспоминать! Говорю же, дурак был. Давай еще по чуть-чуть.

Алексей Васильевич наполнил рюмки, чокнулись, выпили. После долгого молчания хозяин заговорил:

— За что спрашиваешь? А вот за это самое,— и он кивнул на бутылку.— Откомандировали меня в Полярный новый корабль получать, а старый в капитальный ремонт поставить. И встретил я там своего старого друга. Он тоже прибыл новый торпедный катер получать. Выпили за встречу, а вечером концерт. Наши оба экипажа на него попали. И так мне одна певица из хора глянулась, просто смотрю на нее, и сердце щемит... Вот именно тогда я и поверил, что бывает она — любовь с первого взгляда. После концерта экипажи свои отвели на корабли, снова с ним встретились. Хорошо так посидели, поговорили, еще добавили. Я все его подбиваю, мол, давай узнаем, где артистов разместили, да в гости сходим. Тушеники возьмем, спиртику, их ведь, наверняка, хуже нас, моряков, кормят. Но война, комендантский час, куда там ночью попрещаться? Патрули везде. Назавтра узнали, что артисты обратно в Мурманск уехали, а нам команды возвращаться все нет, и нет. После обеда опять выпили, а он в шутку и говорит, мол, давай, в Мурманск к артисткам этим смотримся на торпедном катере. Что там, каких-то тридцать километров! Всего и делов-то. Сначала посмеялись, а мысль в голове засела. Когда еще спиртику добавили, к этой теме и вернулись. Он своим команду подает, и вперед!

— Нашли своих артисток? — перебил Вадим?

— Да какой там! Нас перехватили, едва отчалили успели. Обоих под трибунал. Разжаловали, наград лишили, поскольку в положении об ордене Красной звезды сказано, что награжденный должен служить примером не только храбрости, самоотверженности, мужества, но и образцово нести военную службу. А мы какой образец показали? В военное время без приказа, можно сказать, с передовой в тыл боевой корабль угнать пытались. Хорошо, что не к расстрелу приговорили, обоих в штрафбат, вину кровью искупать.

— Сурово!

— Сурово, конечно, но иначе нельзя было. Дай слабину, такое начнется. И отправили нас обоих матросами. Сережку в первом же бою и убило. Я ту смерть так себе до конца жизни не прошу, потому что я ведь, если по сути, его на эту авантюру

подбил. Но казни себя не казни, а человека с того света не вернешь. Я тоже ранен был. Тяжело. Выброска у нас тогда неудачной была, катера немцы потопили, нас в тундру отогнали, там из самолетов добивали. Кое-кому удалось вырваться, а на остальных похоронки домой отправили. На меня тоже. А я вот выжил. В обе ноги ранило, крови много потерял, идти не мог, а ползком далеко ли уползешь? Вот морошка и спасла. Да хорошо, что ненец один теми местами стадо свое перегонял подальше от стрельбы, на меня его собаки наткнулись. Подобрал, олешка молодого забил, меня кровью свежей напоил, выходил, потом к нашим вывез. После госпиталя в морскую пехоту перевели. Там в первом же десанте на подходе к берегу нам очень сильный отпор дали, под такой обстрел попали, что словами не высказать. Многие еще на борту погибли, командира «мошки» тоже убило, я на себя командование взял, высадились, и хоть мало нас осталось, навели врагу шороху. За ту операцию мне лейтенанта дали. Так снова офицером стал, опять на корабль перевели. Потом еще одна похоронка была. Тоже в сильный переплет при десантировании попали. Выход для лодок заминировали, а при отходе нас затопили. Берегом к своим две недели выбирались. По сопкам хаживал?

— Бывало. Однажды хотели с двумя друзьями Баренцево море посмотреть. Двенацать часов шли, полярный день, солнце круглые сутки светит. Идем-идем, вот, думаем, за этой сопкой точно море видно будет, а там другая сопка, потом еще одна. Так до моря и не дошли, поняли, что надо обратно возвращаться, а то хватятся нас, накажут за самоволку. Почти сутки бродили, вымотались, еле до казармы доплелись. Ноги потом целую неделю болели.

— Вот-вот! Мы по этим сопкам точно так же выходили. Только была не середина лета, а глубокая осень. Снегом впадины забило, как только ноги не переломали, до сих пор диву даюсь. И как нас в черных бушлатах с самолетов не заметили, когда в короткие сумеречные дни они неподалеку пролетали?

— А как вы через линию фронта?

— А тут нам просто повезло. Услышали бой, продвинулись в ту сторону и ударили врагу с тыла. Нас хоть и мало было, но нападение с тыла панику поселяло. Так с нашими соединились, и вместе с ними обратно вернулись.

— За этот бой Вы очередной орден получили?

— За операцию. Этот бой был так. Попутный. Вообще, должен сказать, мне всю войну везло. И ранения еще были, и ситуации разные, а всегда живой оставался. Будто заговоренный.

— В приметы верите?

— Да как тебе сказать? Вот в бога не верю, а в приметы разные верю. Жизнь поверить заставила, потому что столько раз какая-то неведомая сила, интуиция, что ли, выручала, что нельзя не верить. Верующие, наверное, бы сказали, что ангелы-хранители берегли. Ведь две похоронки родные получили, а я оба раза жив остался.

— Скажите, а с девушкой той, с артисткой, так больше и не виделись?

— А как же! Я ее после войны отыскал. Вот представь, каково было искать, когда ни имени, ни фамилии не знаешь! А нашел. Оказалось, замужем она уже тогда была. Муж — офицер. Так ведь отбил я ее!

И Алексей Васильевич расхохотался. Просмеявшись, он наполнил стопки:

— Давай помянем. Замечательная была женщина! А уж любил я ее до самой смерти. Поверишь ли, больше ни на одну женщину даже не поглядел. Знал, что другой такой во всем мире больше нет.

— А дети Ваши где?

— Не получилось у нас с детьми. И в первом браке у нее детей не было, и со мной не получилось. Собственно, с первым мужем она и жила всего ничего. Перед самой войной поженились, а как война началась, Мурманск, ты знаешь, очень сильно

бомбили. Немцы с финнами ой как рвались, чтобы порт и железную дорогу захватить. А коли так не получалось, то они бомбежки страшные устраивали. Однажды во время налета осколком и мою, ну, тогда еще не мою, Анфису и ранило в живот. Операцию сделали, все зажило, а что-то, видно, повредило, раз с детьми не получалось. Думали, конечно, что может не по климату ей там, она до того, как в ансамбль попасть, в Любани, в Белоруссии жила. Но и на родину в отпуск ездила, и на курорты, не помогало. А когда я в отставку вышел, мы здесь дом купили. Я тут неподалеку родился, и родные мои все тут похоронены, а я уже без воды не могу. Но в моей родной деревне речка маленькая, а тут вон какое озеро. Утром встанешь, в окно глянешь, будто море перед тобой раскинулось. Я как этот дом окнами на озеро увидел, так сам себе и сказал, все накопления отдам, но не отступлю — выкуплю.

— Дорого получилось?

— Совсем пустяки. Старушка тут одна жила, к сыну в город увезли с внуками нянчиться, за бесценок продали. Все одно, говорят, так сгниет никому не нужным. Анфисе моей то ли не по климату тут пришлось, то ли что другое, но она быстро таять стала. За два года и растаяла. И никакие лекарства не помогли, ни бабки разные с их травами и заговорами. С моими родителями рядом и похоронил. Теперь вот один небо копчу.

— Вам, я думаю, просто так коптить не дают. Праздник Победы близится, в школы, наверное, приглашают перед детьми выступить.

— Да приглашают, конечно! А что я им про войну-то скажу?

— Да у Вас вон какая биография богатая! Орденов несколько, ранения, похоронки. Про тот первый орден опять же.

— Что просрал его? Да кому это кроме меня интересно?

— Хотя бы в качестве примера, чем иногда элементарная глупость оборачивается.

— Да разве кто на чужих ошибках учится? Каждому свои шишки набить надо, вот тогда он поймет. А чужие они и есть чужие.

— Да, но у Вас и о подвигах примеров много. О чужих, о своих.

— Вот скажи ты мне, молодой человек, как про войну рассказать, чтобы там подвиг был виден. Там кровь, смерть, там жуть. А подвиги? Может, со стороны это подвигом кажется, а там зачастую у человека просто выбора нет. Или погибнуть трусом, или сломя голову вперед под пули в надежде, что твоя мимо пролетит, и ты на этот раз жив останешься. То же и на корабле. Там не о подвигах думаешь, а что сделать, чтобы снаряд или бомба мимо пролетела. Это вон в кино да в книгах все красиво получается. Герой долго думает, куда шагнуть, что для смелости крикнуть, как в рукопашной действовать. А в жизни у тебя на раздумья доли секунды нет, исключительно на автоматизме что-то делаешь, бьешь сам, уворачиваешься от удара врага, стреляешь, если патроны еще не кончились. Читаю я иногда в газетах воспоминания участников войны, стыдно за них становится. Такого напридумывают то ли сами, то ли ваш брат, корреспонденты, что диву даешься, какие немцы дураки были, и какие мы умные да отважные. Есть, конечно, краснобаи, складно рассказывать умеют. Но, мне кажется, не пережитое собой они рассказывают, а вычитанное из книг да газет, где все намного складнее да красивее подано, чем это на войне было на самом деле. Вот этого бахвальства я и боюсь. Раз придумал, второй, а потом понесет так, что и сам в выдумки поверишь, а еще через какое-то время и правду от выдумки отличать перестанешь. Ладно, давай эту тему оставим, лучше еще по чуть-чуть. У меня от этих разговоров даже давление поднялось. Давай, для расширения сосудов.

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

Родилась в 1960 году в городе Вельске Архангельской области, по образованию экономист. В 1991 году окончила ВЗФИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при Архангельском музее изобразительных искусств города Архангельска. С 1998 года — участница различных выставок. Имеет ряд персональных выставок (1999—2010 гг.) и публикаций о ее творчестве. Публиковалась в Литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», газете «Щекинский вестник».

Моим родителям — отцу Борису Константиновичу Шеру и маме Капиталине Ивановне Шер посвящаю...

СКАЗОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Был обычный зимний, слегка морозный вечер. Мы с родителями пошли провожать домой мою подружку, которая после садика гостила у нас. На улице шел снег, ветра не было, и поэтому снег медленно кружился и падал на нас крупными хлопьями. Снежинки были такие большие, что можно было рассматривать их рисунок. Пройдя немного по улице, нас остановила мама и, обращая наше внимание на причудливые узоры природы, сказала:

— Взгляните, это Дед Мороз присыпает вам привет из своего далекого, зимнего царства и каждый привет в виде снежинок не похож друг на друга.

Мы охотно в это поверили и принялись с большим интересом и любопытством разглядывать снежинки, а потом, показывая их друг другу, торопливо говорили:

— Смотри, какой большой-пребольшой и красивый привет прислал мне Дедушка Мороз,— восхищалась я, поднимая рукав своей шубки к самому носу, пытаясь более внимательно рассмотреть снежные узоры.

— Ага, очень красиво! А смотри, что мне прислал Дед Мороз! — радостно проговорила моя подружка, показывая нам с мамой свою варежку, на которой лежали снежинки.

Нас очень увлек мамин рассказ о Деде Морозе. Мы стали пытаться поймать на лету как можно больше снежинок, вернее, приветов из северного царства. Мы подпрыгивали, бегали за снежинками, стараясь поймать самую крупную, пока та не коснулась земли. Так, веселясь, смеясь, кружась и ловя снежинки, мы продолжили свой путь. Чтобы хоть как-то нас утихомирить, мама решила переключить наше внимание.

— А теперь остановитесь и посмотрите вверх. Видите, как красиво мороз украсил каждую веточку дерева? — спросила она.

И, действительно, подняв голову, мы увидели сказочную картину: над нашими головами в свете фонарного столба блестел на ветках иней, а крупные снежинки, переливаясь на свету, блестели серебром и падали прямо на наши носы.

— Чтобы дерево не замерзло,— продолжала мама,— мороз одел его в красивую снежную шубу. А теперь, посмотрите, у каждого дерева свой зимний наряд.

И правда, взглянув на деревья вдоль улицы, по которой мы шли, нам и впрямь казалось, что мы идем по сказочной аллее в зимнее царство. Деревья склонили над тротуаром свои заснеженные, сверкающие инеем ветки, неторопливо падал снег, и это создавало иллюзию сказочной дороги во дворец к Деду Морозу. Мы немного успокоились, взяли друг друга за руки и дружной компанией — мама, я, подружка и папа — продолжили свой путь. А мама продолжала нам рассказывать о зимних чудесах Деда Мороза, о его внучке Снегурочки, и о том, как все вокруг сказочно красиво и чудесно. Так, не торопясь, слушая мамин рассказ, мы дошли до дома, где жила моя подружка. Перед тем как свернуть с дороги во двор папа спросил:

— А хотите, я сейчас попрошу Деда Мороза, чтобы он вас превратил на время в Снегурочек?

— Да, да, да! — дружно ответили мы, от радости подпрыгивая на месте и захлопав в ладоши.— А как это?

— Надо встать на волшебное место, вот сюда,— сказал папа и подвел нас на два шага в сторону под дерево.— Теперь закройте глаза и не подсматривайте, а то волшебства не получится.

Мы послушно встали, куда нас поставил папа, честно закрыли глаза и замерли в ожидание чуда. Папа произнес какие-то слова заклинания, какие именно я сейчас уже и не помню, но уж очень правдоподобные, как мне тогда показалось. Затем сказал:

— По велению и разрешению Деда Мороза я вас превращаю на время в Снегурочек! Но только на время! — уточнил он.

Мы продолжали стоять с закрытыми глазами, и я почувствовала, как моего лица коснулось что-то легкое и холодное, что именно — я не поняла, но глаза не открыла, боялась испортить процесс волшебства. Терпение наше было уже на исходе. Наконец папа сказал:

— Превращение в Снегурочек закончено, открывайте глаза!

Открыв глаза мы от удивления, какое-то время стояли молча, потому что мы действительно превратились в Снегурочек, так нам тогда показалось. Наша одежда вся была усыпана снегом, на головах были снежные шапки и даже на наших ресничках лежал снег. Я смотрела на подружку и видела в ней маленькую Снегурочку в белом наряде и со снежной короной на голове. Посмотрела на свою шубку, и к моему удивлению она тоже стала белоснежной. Нам с подругой тогда не было и пяти лет и все происходящее вокруг себя мы принимали за «чистую монету». Мир вокруг нас таков, каким мы его себе представляем в данный момент. А тут такой сказочный вечер, кругом красота и великолепие, ну как не поверить в волшебство?! Наивно веря в свершившееся на время превращение, мы с подругой медленно пошли в сторону ее дома, боясь делать резкие движения, чтобы как можно дольше побывать в волшебных, снежных нарядах Снегурочек. Родители как верные сказочные пажи шли за нами и подбодряли нас словами восхищения, умиления и одобрения. Когда мы подошли к подъезду, то увидели, что наши наряды изрядно потрепались. Снег с одежды в некоторых местах облетел, и мы уже не были похожи на Снегурочек в белом одеянии. Папа сказал, что время волшебства заканчивается и нам снова надо превращаться в обычных, послушных девочек. Мы неторопливо и неохотно отряхнули с себя снег, намеренно стараясь затягивать момент нашего возвращения из сказки. И вот мы снова обычные

девочки. Подружка вернулась домой, а я крепко взяла родителей за руки, и мы пошли домой, по пути снова и снова наслаждаясь сказочной прогулкой.

Ах, сказка-сказка-сказочка, как приятно и радостно хоть на мгновение почувствовать себя сказочным героем, поверить в чудо, погрузиться в волшебный мир и увидеть окружающую тебя действительность совсем другими глазами. Пока мы маленькие, то смотрим на мир глазами родителей и без всяких сомнений впитываем все, что они нам говорят. Поэтому так важно дарить своим детям любовь, радость, показать им как прекрасен этот мир. И если родители любят друг друга, любят своего ребенка и других детей, любят жизнь и радуются каждому дню, видят окружающую их красоту, то они этой своей любовью смогут дать ребенку тот положительный заряд энергии и счастья, который он будет хранить в своей жизни многие годы.

Мои родители умели смотреть на мир глазами ребенка, могли видеть вокруг себя красоту, радоваться жизни, показать свое позитивное восприятие жизни. А самое главное, они могли одарить окружающих их людей своим терпением, уважением и любовью.

ПЕРСПЕКТИВА

Зима — отличное время года для детских забав: лыжи, коньки, санки, горки, снежки! Все это вспоминается с нежной ностальгией по счастливому детству. Раньше, как мне кажется, зимы были настоящими, снежными, слегка морозными, а гулять по такой погоде было одно удовольствие. Родители закаливали меня с раннего детства, гулять отправляли, не кутая, в комбинезоне, главное, чтобы снег никуда не попадал, и я могла бы от души валяться в снегу, не боясь попадания снега под одежду.

Я очень любила по выходным с папой кататься с горки на санках. Горка была крутая и длинная, кататься с нее я не боялась, но при каждом спуске у меня захватывало дух. Мне очень хорошо запомнился самый первый раз, когда мы с папой пришли кататься с этой горки. Мне было четыре года. В городе Советске, где мы тогда жили, за Домом культуры, в котором работал папа, была дорожка, по которой люди через парк спускались к реке. Когда спустишься к реке и посмотришь в сторону ДК, то мне в детстве казалось, что папина работа находится на высокой горе, а эту гору люди использовали для массового катания на санках. Когда у папы выдавалось свободное время, мы брали санки и шли на горку. Меня одевали в мой любимый комбинезон, а папа надевал лыжный костюм, который у него сохранился еще с довоенных времен и очень подходил для катания с горки. Я удобно устраивалась на санках довольноая и счастливая в предвкушение, как сейчас говорят — экстрима, ехала, смотря на папину спину, и думала, что с таким папой мне ничего не страшно.

В самый первый раз страшно-то мне, конечно, было. Когда мы впервые поднялись на горку, я увидела детей и взрослых, весело усаживающихся на санки, а затем с визгом и радостным смехом скатывающимися вниз, и там, вдали у реки, превращающимися в маленькие, еле различимые темные точки на белом снегу. От такой картины у меня перехватило дух. Папа, видя мои широко открытые глаза, то ли от ужаса, то ли от испуга, то ли от страха, успокаивал и подбадривал, стараясь вселить в меня уверенность, что ничего страшного нет, и я не должна трусить, а должна воспитывать в себе силу воли и умение преодолевать страх. Мне очень хотелось съехать с горки, но я боялась, что там внизу у реки я превращусь в маленькую черную точку, как все, кто съезжал с горки, но папе я об этом не сказала. Преодолев страх, крепко взяв папу за руку, пошла к отправной точке своего нового, непонятного для себя путешествия в уменьшение. Папа поставил санки, сел в них, укрепился ногами и посадил меня впереди, крепко обхватив своими надежными руками. Мы оттолкнулись и

покатились. Порывы воздуха и снег из-под санок били в лицо, сбоку мелькали деревья, а люди, которые были внизу у реки маленькими, вдруг быстро вырастали. Когда остановились санки и я осмотрелась вокруг, то ничего необычного не увидела. Все люди как люди, но зато наверху горки все, кто только что стояли рядом с нами, в один миг стали крохотными человечками. Вот здесь я уже не выдержала и задала папе вопрос: как так получается, что люди очень быстро уменьшаются, а потом снова вырастают? Я стояла и рассуждала, по какому волшебству происходит такое превращение? Папа улыбнулся и сказал:

— Интересный вопрос, и как бы мне тебе объяснить, что это не волшебство, а обыкновенная перспектива.

— Что, что? — переспросила я.

— Пер-спе-кти-ва, — по слогам повторил папа и добавил, — но это тебе пока еще ни о чем не говорит.

Папа снова улыбнулся, нежно потрепал меня за макушку, взял за руку, и мы начали свое восхождение на горку, по пути он мне очень интересно рассказывал и показывал, что такое перспектива. Конечно же, я не запомнила такого для себя мудреного слова, но отлично поняла, что с горки я могу спокойно кататься и не бояться никаких превращений, и уяснила, что чем дальше от меня люди, деревья, дома, тем они меньше. Мне стало очень легко и хорошо, все встало на свои места, страх превращения в уменьшение улетучился, а катание с горки превратилось в сплошное удовольствие.

Мы вновь и вновь поднимались на горку, садились на санки, скатывались и опять поднимались, и снова скатывались. Ах, какое это было счастье для меня, не думая ни о чем страшном, в папиных крепких руках катиться с горки, а потом вроде бы как ненароком свалиться с санок в сугроб и барабататься там, будто бы никак не получается подняться.

Домой я возвратилась счастливая, довольная, в приподнятом настроении и с радостной улыбкой на лице. В коридоре, который был очень просторным, нас встречали мама, бабушка и дедушка. Всех интересовал вопрос: понравилось ли мне кататься с горки? И я, пока снимала с себя комбинезон, взахлеб рассказывала о своих впечатлениях, о том, что «ух, какая горка!», и о том, что мне все очень понравилось, и ни чуточки не страшно было кататься с такой крутой горки. А самое главное, что все люди как люди, никто не стал маленьким, а это просто какое-то странное слово. Повернувшись к папе, я попросила:

— Папа, скажи им, пожалуйста, ну как это называется, когда все вдалеке становится маленьким.

Все перевели вопросительный взгляд на папу. У папы был слегка удивленный, но довольный вид, его очень порадовало то, что я, хотя и не запомнила само слово «перспектива», зато поняла его значение. Папа нежно посмотрел на меня, а потом, подняв указательный палец, гордо произнес:

— Пер-спе-кти-ва!

— Да, да, — подтвердила я.

— Да что ты ребенку голову забиваешь, — заворчала бабушка.

— Нет, бабушка, папа мне голову не забивал, я же в капюшоне была, — встала я на папину защиту.

Все дружно засмеялись. Мне было очень приятно находиться в центре внимания моей семьи, в атмосфере заботы, любви, понимания. Когда все насмеялись, мама сказала:

— Теперь пойдемте обедать, нас ждет вкусная еда, а к чаю сегодня шанежки, они получились просто «пальчики оближешь!»

Обед, действительно, был очень вкусным, впрочем, как всегда, но после прогулки на свежем воздухе и порции положительных эмоций я уплетала все за обе щеки. За обедом мы продолжили обсуждение нашего похода на горку и полученную мной новую информацию. Конечно же, я тогда не понимала всех заумных слов, которые говорили мне родители о перспективе, но где-то там, в подсознании, возможно, что-то из всего сказанного зацепилось и отложилось.

Эта новая информация пригодилась мне несколько лет спустя, когда папа учил меня фотографировать. Учил, как правильно надо выстраивать кадр, объяснял, что в данный момент мне важнее: показать первый план или дальний, то есть перспективу кадра я должна определить соотношением этих масштабов. И на удивление мне самой, я понимала, о чем говорит папа, и то, что требуется от меня при съемке. Видимо, та зацепившаяся в раннем детстве информация всплыла на поверхность моего сознания, давая возможность быстрее понять и усвоить, как использовать перспективу в фотосъемке. Но эта уже совсем другая история.

❖❖❖

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

У КАЖДОГО — СВОЕ

Ростовчанин Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Четверть века отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В центральной печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, №4). Публиковался во многих зарубежных журналах, в центральных и региональных российских изданиях, в Интернет-ресурсах. Имеет более двухсот публикаций в периодике. Автор десяти книг. Причислен к направлению «жестокого реализма. Отмечен Почетной грамотой журнала «Новый свет» (Канада) «За творческое упорство и множественные публикации в литературной периодике». Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

Над затихающим селом стыл морозный зимний вечер...

Вдруг задремавшая под яркой луной улица ожила и на ней раздались частые нетерпеливые выкрики: «Пошла-а! Ну же, пошла!»

Молодой мужчина, стоя в санях, безжалостно нахлестывал взмыленную, закусившую блестящие удила караковую лошадь, бешеным скоком несущуюся меж сугробами рыхлого, поутру выпавшего снега.

Рывком натянув задубевшие на холоде вожжи, мужчина еще на ходу прыжком вымахнул из саней. Подбежав к большому крестовому дому, настойчиво застучал кнутовищем в одиноко светившееся окошко.

Человек за стеклом привык к неожиданным визитам — обязывала профессия врача...

На крылечке дома, в теплой болоньевой куртке нараспашку, стоял агроном из хутора — человек редкой, почти медвежьей силы. Из-под затертой пыжиковой шапки, искрящейся блестками морозной пыли, выбивались темные пряди мокрых волос; руки в меховых перчатках нервно сгибали упругое вишневое кнутовище.

— Доктор, скорее! — прерывисто выкрикнул поздний гость.— Жена с утра не разродится!

Врач молча скрылся в сенях. И через минуту выбежал на порог дома, хрустнув утоптаным снегом под зимними полусапожками и на ходу застегивая пальто. В руках держал чемоданчик с намалеванным на его крышке красным крестом в центре белого круга.

— Когда начались схватки? — привычно поинтересовался врач, бережно укладывая чемоданчик на цветное одеяло, подоткнутое поверх умятой, слабо пахнущей овсяной соломы.

— Утром, часов в восемь еще,— скороговоркой отозвался агроном, торопливо запрыгивая в сани.— Я только на работу ушел...

— А кто с роженицей сейчас? — перебил врач, боком садясь в сани и натягивая на длинные пальцы с аккуратно остриженными ногтями перчатки козьего дымчатого пуха.

— Кто? Да мать же и...— тут агроном на секунду запнулся было, взмахнув кнутом.— Ну и соседка-повитуха. Акушерка наша в отпуске, к родственникам укатила...

— И что же?

— А то! Чтоб у этой коновалки руки отсохли! Ч-черт...— и агроном, не окончив фразы, зло рассек воздух кнутом. Вздымающая парующие бока лошадь испуганно дернулась черным крупом и нехотя тронула с места...

До хутора — километров шесть по накатанной санями и машинами проселочной дороге. Понукаемая лошадь мчалась, обидчиво подтянув нижнюю губу и отрывисто выступивая копытами частый ритм по глухо отзывавшейся мерзлой земле. Крепко придерживая на одеяле свой чемоданчик, врач, сочувствуя агроному, подумал: «При родах солнце не должно заходить дважды! Сутки, не больше суток, иначе... Спешить! Спешить!!!»

Неожиданно в сухом, выжимающем из прищуренных глаз слезу воздухе, перекрывая легкий скрип полозьев на льдистых местах дороги, послышались голоса, кричащие не в лад игривым переборам гармошки. Ближе, четче становились развеселые голоса.

— Эгей! Побереги-ись! — зычно крикнул вперед агроном.

Вот они уже — рукой подать — две разукрашенные, с колокольцами на дугах, тройки.

— Давай, родимые! Еще давай! — деловито и радостно покрикивал на вороных лошадей с вплетенными в гривы разноцветными лентами дюжий возница-бородач передней тройки, одетый в белую дубленку и по-ямщицки подпоясанный брусничным кушаком. Рядом, на этих же санях, нескладно выкрикивали: «Горръко!» хмельные дружки с полотенцами, переброшенными через плечо, а гармонист перебирал перламутровые клавиши трехрядки.

Второй тройкой (коренник — гнедой жеребец и серые в яблоках пристяжные) молодецки правил статный лейтенант в распахнутой ветром парадной шинели. В центре расписных саней жених обнимал обложенную шубами, закутанную пуховым платком невесту с раскрасневшимися щеками; здесь был и ряженый в костюм полногрудой цыганки парень, и кто-то в бурой медвежьей шкуре...

— И-эхх, гуляй, так твою перетак!

— Маэстро, дави на клавиши!

— А ну, пошли, родимые!

Смех. Крики. Цокот копыт. Частье переборы гармошки. Свадьба!..

— Доктора везу! Пропустите! — вновь зычно и резко прокричал агроном.

Но голос его, наполовину заглушаемый голосистой гармошкой и пьяными криками, относил ветер. Агроном крикнул еще, еще, уже почти догнав вторые свадебные сани. На тройках его наконец хорошо рассыпали, но не поняли. А вернее, не захотели понять.

«Чего надрываешься, дурень? Неужели не знаешь, не понимаешь, что мы — свадьба — просто не можем пропускать вперед никого? Плохая примета: тогда, по поверью, молодым всю жизнь не будет в доме счастья», — возможно, подумалось на тройках тем, кто был потрезвой. А вернее всего, что и нет...

— Бесполезно! — сквозь зубы, по-звериному, прорычал агроном.— А что, если...— и, сплюнув через угол рта, нервно дернул вожжами влево, пытаясь обогнать свадьбу обочь, но запаренная в беге лошадь сразу увязла в глубоком придорожном снегу.

Агроном, чертыхнувшись, круто и трудно вывернулся на грунтовку. Врач с тревогой приподнялся и крикнул ему:

— Опоздаем!..

Агроном затравленно молчал, до боли сжимая в руках твердые от мороза вожжи с ременными наконечниками, а в прищуренных от ветра глазах его зарождался невиданной силы гнев.

Со свадебных саней заорали неприличную частушку про обрюхатевшую в девках. И тут агроном, придержав вожжи и наполовину даже сам не осознавая, что же делает, закричал — отчаянно и исступленно, что есть мочи и срываюсь на хрип. Он страшно, грязно обругал невесту...

Резко тормознули тройки. Так резко, что парень, одетый в костюм дородной цыганки, и еще кто-то с передних саней кувыркнулись в снег. Захлебнулась на высокой ноте трехрядка, с растянутыми мехами полетела в сани...

Лейтенант пытался остановить разом рванувшихся к агроному парней, но успел лишь сшибить с ног гармониста и тут же упал сам, намертво сцепившись в яростном объятии драки с бородачом-возницей, оравшим лейтенанту: «Уйди!» — вперемешку с руганью; жених грубо волочил за собой плачущую, ухватившуюся за полы его тулуна невесту и тоже через слово матерился; запутавшись в длинной юбке, подвернула ногу «цыганку»; неумело ломал оглоблю из саней трусоватый дружка, а его товарищ первым набегал на агронома; испуганно визжали, съежившись в санях, невестины подруги...

Завернув лошадь, агроном швырнул вожжи врачу, который неловко поймал их. Стеганув напоследок мокрый от пота конский круп, агроном спрыгнул с саней, сжимая в руке кнут.

— Гони!!!

Объезжая по сугробам остановившиеся вдоль дороги свадебные тройки, чуть не сцепившись отводами с передними санями, врач еще успел заметить, как агроном в два движения сдернул с плеч стеснявшую его куртку и с силой, с оттягом, дваждыолоснул нападающих кнутом, а дальше все смешалось в один рычащий, бесформенный клубок дерущихся, каждый за свое.

Стиснув зубы, врач хлестнул вожжами тяжело бегущую лошадь, заставляя ее наддатать ходу. Совсем рядом мучилась жесточайшей человеческой болью роженица, уповающая на его помощь, истово надеющаяся на нее...

— Но-о! Но-о! — понукал врач лошадь.

Да, умом он сейчас понимал, что при родах солнце не должно заходить дважды, а значит, надо мчаться и мчаться, и только вперед, сквозь ночь, к будущей матери. И как же он ненавидел в душе это понимание...

Вот и замелькали по сторонам дома соседней деревни, за которой уже был виден нужный хутор, и по улице прокатился заливистый собачий брех. Припозднившийся прохожий, остановившись, проводил удивленно-любопытным взглядом мчащиеся сани. Еще минуты две — и лошадь сама остановилась у родного порога.

В простищенном от снега дворе, у калитки, сосредоточенно дымили отец и младший брат агронома — парень лет восемнадцати, которые тут же поспешили навстречу долгожданному гостю.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул отец, отбрасывая в сторону и окурок, и пустую смятую пачку из-под «Примы».— А почему один?

— Он на дороге со свадьбой дерется,— единственным духом выпалил врач и стремительно взбежал на крыльцо...

Отец и брат агронома примчались на место драки, вконец загнав несчастную лошадь, со страхом прижимавшую уши под нещадными ударами вожжей и кнута. К тому времени агроном уже давно не сопротивлялся свалившим его наземь и теперь насмерть забивающим парням, лишь в полуутяме сознания инстинктивно прикрывал голову.

Лейтенант оттаскивал озверевших парней от лежащего ничком агронома; невеста, до бровей вывалаенная в снегу, плача, все цеплялась за жениха; стонал возле саней дружка, получивший первый удар кнутом, бережно прикрывая ладонью поврежденный глаз и ритмично покачиваясь тулowiщем влево-вправо; держался за свернутую челюсть второй, трусоватый дружка; кое-как поднимался на ноги гармонист, в свалке оглушенный кем-то из своих же; снова мешала «цыганке» юбка, не дающая сильного размаха для удара ногой... Вокруг места драки на снегу и исчерканном каблуками ледяном покрове дороги валялись оторванный рукав грязно-белой дубленки, несколько рукавиц, затоптанная ондатровая шапка.

То один, то другой нападающий прорывались мимо лейтенанта к агроному и пинали его ногами: в живот, в лицо — зло, лютко, иной раз с хакающим вскриком мясника, разрубающего тушу.

Брат агронома еще из саней выстрелил в воздух из захваченной тулки-двустволки. От грома выстрела парни разом опамятовались, остановились и молча, с тупым удивлением уперлись взглядами в человека, недвижно лежащего перед ними на испятнанной кровью снегу.

Агроном с помощью отца тяжело, со стоном поднялся и сделал шаг, закусив губу. Потом выхаркнул на истоптанную и продранную до сизого льда дорогу темнокровавый сгусток. Еле взятое произнес:

— Не по злобе я, парни. Не по злобе. Ведь жена умирает... Но и вы-то... Э-х-х!

И, слабо оттолкнув отца, со словами: «Я сам», шатаясь от нечеловеческого напряжения сил, медленно побрел к саням.

❖❖❖

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

Чмыр Олеся Владимировна родилась в 1973 году. Художник. Публиковалась в журналах: «Приокские зори» (Тула, Россия), «Волга XXI век» (Саратов), литературная газета «Изюм» (Тула), «Чешская звезда» (Чехия), «Север» (Карелия), «Кольцо А» (Москва), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток»

Член редколлегии журнала «Приокские зори» (Тула). Является одним из авторов двухтомного сборника «Мантрицы» (изд-во «Карпатська вежа», Украина). В сборник включены иллюстрации.

Как художник работает в области станковой живописи и оформления книг.

СНАЧАЛА БУДЕТ НЕБО (Последний день Земли)

Сначала будет небо.
Яркое, летнее, безмятежное.
И люди, живущие под этим небом.
И будут боги. Боги из золота, боги из глины, боги из дерева и боги из камня.
И будут жить они среди людей.
И все будут играть в войну. И никто не будет знать страха.
Но игра закончится. И придет страх.
И небо заполнит гул. Он оглушит людей. И люди заткнут уши.
И небо заполнит свет. Он ослепит людей. И люди закроют глаза.
И поймут — пришел конец. Но ничего не смогут сделать.
И беспомощно падут на колени. И вспомнят богов.
Богов из золота, богов из глины, богов из дерева, богов из камня.
И тот, кто не успел закрыть глаза, увидит страх на лицах богов.
И дрогнут боги и побегут искать спасения под землей.
Испугается золото, возопиет глина, и дерево, и камень.
Распрямят ноги каменные идолы и сойдут в глубокие ямы.
Но никто не спасется.
Это будет последний день.
И нового неба уже не будет.

Я НЕ МОГУ СТОЛЬКО НЕСТИ...

— Так, а где мои ключи? Не оставил ли я их, как всегда, в двери?
— Ну! Включайся! Ты вчера смазывал замки на воротах... Ну... что с тобой!

— После того, что я узнал, у меня все вылетело из головы!

Муж, уже одетый, пошел в котельную. Раздался звон ключей. Он вышел, подошел к входной двери.

— Пакет возьми. Нечего лишние деньги платить. И зонтик не забудь,— Ирма на кухне, возится с обедом.

— Я твой возьму.

— Хлеба купи, и пачку чаю. Ты деньги взял?

— Взял, взял. Ну, я пошел.

Дверь закрылась, щелкнув замком.

За окном моросил ноябрьский, промозглый дождь вперемешку с мокрым снегом. Наметившаяся прогулка к морю отменилась сама собой. Сейчас хотелось тепла и уюта. Жена зашла в котельную и, заложив в котел дрова, быстро растопила. Скоро станет теплее.

«Французы выбирают кандидата от правоцентристов. В Риме протестуют против конституционной реформы. Всемирный марафон защитников окружающей среды стартовал в Австралии. Посадочный модуль разбился о поверхность Красной планеты. Найденная в пустыне Наска капсула...»

Навязчиво тараторило радио. Она выключила его. Поморщилась.

— Надоeli! Как можно верить в подобную чушь!

Уже вторую неделю все вещательные источники твердили о новой сенсации, перевернувшей сознание. Найденная в пустыне Наска капсула раскрыла секрет возникновения жизни на Земле. Все, во что верило цивилизованное человечество вот уже две тысячи лет, рухнуло как неумело выстроенный дом. Мир шумел, его лихорадило. Забылись прежние распри, выборы президента Америки, наводнение в Италии. Все ушло на второй план.

Она нарезала лук, натерла морковку. Сегодня решила сварить харчо. Юлик любит его. Выглянула в окно. Дождь все больше становился снегом. За дверью послышались шаги. Пришел муж.

— Солнышко! Солнышко? Пока шел, мне пришла в голову мысль. Я чувствую, мне посыпаются импульсы. Вот, послушай. Так. Значит... Это серьезно! Люди делают попытки жить как прежде, они стараются сохранить традиции. Но, заметь, теперь стали странно относиться к животным и растениям. И еще, заметь, у всех повысился сексуальный интерес. А это о чем говорит? А?

— А о чем это говорит?

— Это говорит о том, что... Понимаешь, это все идет от мозгов. Заметила, сейчас стали часто слышны сирены скорой помощи? А видела, как сейчас смотрят на небо? Не так как раньше. Это теперь тебе не поэзия. Небо перестало быть объектом красоты. Это теперь угроза.

— Ты, вообще, понимаешь, о чем ты сейчас говоришь?

— Раньше человек твердо стоял на Земле, благодаря подпоркам. Всем тем устоям, понятиям и представлениям о жизни. А сейчас, представь себе, подпорки сбиты. Все рухнуло. И что остается человеку? А человеку остается одно — делать вид, что ничего не произошло! Продолжать прежнюю жизнь. Ходить на работу, покупать продукты, пить чай по вечерам вместе с семьей.

— Вечером ребята приедут.

— Вот и отлично! У Сонечки разумный муж. Будет с кем порассуждать. Ты извини, но я чувствую, тебя не очень-то волнует все это.

— Ты прав, меня больше волнует, что чесноку маловато. Харчо не получится таким крепким.

— Я все равно люблю тебя, солнышко. И весь этот твой скептицизм, он наигранный. Я же знаю, ты тоже переживаешь.

Муж ушел в зал, включил телевизор. Комнату наполнили бурные обсуждения очередного ток-шоу о прошлом и будущем цивилизации.

В кипевший бульон она положила уже поджаренную приправу, автоматически добавила соли и перцу. Юлик любит, чтобы перцу было побольше. Раздался телефонный звонок. Они еще продолжали пользоваться городским телефоном. В основном для разговоров с сестрой. И, конечно же, сейчас звонила она. Ирма с неохотой сняла трубку.

— Мунечка, ты слышала?! Теперь уже достоверно известно об эксперименте. Меня аж трясет всю!

Лана, хоть и старше, но умом не блистала никогда. Блистала красотой. А вот ум... хотя, зачем он красивой женщине?

— Лана, во-первых, прекрати называть меня Мунечкой. Ты же знаешь, я это не навижу, во-вторых, я не желаю слышать весь этот ваш бред! И если ты не прекратишь, я брошу трубку! Ты меня знаешь.

— Ой, ну... Мунечка, лапочка, опять ты не в духе. Что, с Юличкой поссорились?

— Не ссорились мы с ним. Просто мне уже надоели все эти ваши разговоры про инопланетян и прочую ерунду. Сколько можно! Радио, телевидение... в Интернет нельзя зайти, чтобы нормально рецепт поискать. Тут же лезут с этой чертовой капсулой.

— Мунечка, я одинокая женщина, мне не с кем поделиться. Сижу тут целыми днями одна, перед телевизором. У тебя хоть Юличка, дети,孙女. А я одна. А ты вот так...

Раздались приглушенные всхлипывания.

— Ну, ладно, ладно. Рассказывай, что там за эксперимент.

Ирма смягчилась, пожалев сестру, и подумала пригласить ее на сегодняшний вечер, и может оставить с ночевкой. Они все же любили друг друга. Конечно, придется выслушивать до двух ночи все ее безумные идеи и мысли. Но ничего не поделаешь, она единственная сестра, и, действительно одинока.

Пообщавшись с сестрой, положила трубку, помешала суп, убавила огонь, прикрыв кастрюлю крышкой. Надо еще испечь кекс.

— Подумай, что говорят!

Юлик вошел на кухню, раскрыл холодильник, и тут же забыл, что хотел там взять. Обернулся к жене.

— Говорят, что мы появились в результате...

Раздавшийся звонок с мобильного спас Ирму от новой «сенсации».

— Сонечка, вы уже едете?.. Регина перестала кашлять?.. А Эрик?.. У меня еще остался сироп от кашля. Юлик, закрой холодильник.

— Скажи ей, пусть Макс захватит флешку, я обещал ему кое-что перекинуть.

Юлик вновь заглянул в холодильник.

— И пусть пива по дороге купят.

— Какое пиво, у нас белое вино! Я же мясо запекла.

— Солнышко, ну, вино вином, а потом...

— Сонечка, пива купите. Ой, чуть не забыла! Тетю Лану по дороге захватите.

— Что я хотел тебе сказать?..

— Иди, не мешай. Мне еще кекс испечь надо.

— Солнышко, сбила меня с мысли. Я бы чаю выпил. А что там Лана? Как она?

— У нее на уме какой-то эксперимент.

— Вот, вот! Об этом я как раз и хотел сказать. Вечером будет официальное выступление президента в прямом эфире. Можно задавать вопросы по телефону.

Зашумел чайник. Юлик нарезал колбасу и хлеб.

— Это не шутки, солнышко. Поверь мне, будут еще крутые перемены! Это переломный момент. Запущен нешуточный механизм.

— И кому все это нужно?

За окном послышались тревожные звуки сирены, и долго еще звучали, удаляясь вдали.

Ирма устало села на стул, вытирая руки полотенцем.

— Раньше жили себе спокойно. Пеклись о семье, о завтрашнем дне. Слушали эти дурацкие новости в пол-уха. И, чтобы там ни происходило, все более-менее было в рамках разумного. А что сейчас твориться? Все посюднили с ума!.. И ты в том числе!

— Солнышко, я трезв как никогда. Поверь мне! Я просекаю ситуацию, и способен анализировать. Что бы это ни было, это будет иметь свои последствия. Эдакая волна, которая набирает силу, и ее уже не остановить.

Небольшой, но вместительный журнальный столик накрыли в зале. Юлик, сделав телевизор погромче, носил тарелки из кухни и внимательно слушал очередные часовые новости.

«А последствия весьма плачевны,— гнусавил какой-то эксперт с экрана,— даже незначительный рост процентных ставок приведет к серьезным проблемам. Инвесторы по всему миру пытаются поймать волну...»

— Ой, сделай потише! Ты что, решил меня с ума свести сегодня?

Вошла Ирма с салатом. Поставила его в центре столика.

— Иди лучше мясо из духовки вытащи.

— Ты погляди, что делается! А пенсию-то уже задержали. Заметь! Задержали! То ли еще будет, солнышко!

— Я на тебя смотрю, тебя это все прямо веселит.

— Муу-унечка!

Муж подошел, приобнял жену, поцеловал в щеку.

— Все это жизнь наша. Кто знает, может в результате и мир сплотится. Сколько же можно дербанить все?

Раздался звонок в прихожей, Юлик поспешил встретить гостей.

— Пап, ты представляешь, сразу три «скорые» проехали! Мам, прям страшно!

Дочь Соня раздевала шестилетнего Эрика, который не стоял на месте и стрелял из мигающего синими огоньками пистолета.

— Пф! Пф! Я разумная плесень. Ра-зум-на-я-пле-сень,— твердил он, подражая роботу и стреляя в деда Юлика.

— Эрик, стой спокойно. Вспотеешь и опять простудишься.

— Давай я раздену его.

Ирма присела на низенький стульчик и успокоила на минуту Эрика.

— Плесени столько одежды не нужно. Давай-ка курточку снимем.

— А у нас на работе третий выходной сделали. Так что, Юлий, кризис дает себя знать! — воскликнул зять Юлика.

— Макс, сынок, все это еще цветочки.

— Ох, мне страшно! Мунечка, однажды ночью я умру. Я это знаю точно. Мне уже сон приснился,— Лана, поправив прическу, вошла в зал.

Регина, не отрываясь от планшета, села на диван.

— Тетя Лана, ничего вы не умрете. Вот уже официально пишут, в той капсуле формула бессмертия есть.

— А я в это верю! — Лана с вызовом посмотрела на Ирму.— Да и не надо так на меня смотреть, дорогая. Должна же я в этой жизни хоть еще во что-то верить. У меня же все отняли! Все! Раньше мне было понятно, что человек произошел от... ну, Бог с ним, пусть от обезьяны. Но чтобы от...

— Давай, хоть при детях не будем...— посмотрела на нее Ирма.

— Я разумная плесень, разумная плесень,— Эрик бегал вокруг стола и стрелял во всех подряд.

— За стол, за стол, друзья! Я уже проголодался,— воскликнул Юлик.
«В этом году рост добычи нефти уже не будет таким ощутимым, как в прошлом...»
— Выключи! Выключи его совсем! — повысив голос, взмолилась Ирма.
— Мунечка, потерпи. Надо выступление президента не пропустить.
— Только разве нам эту формулу откроют? Они же все засекретят,— Лана принялась накладывать салат.
— А зачем нам все это бессмертие, когда начнутся сокращения? Нет уж, лучше сразу, того... Доча, давай тарелку,— Макс протянул руку к Регине.
— Ну уж, папочка, и скажешь! Я, может, еще только жить начинаю. Дай хоть универ закончить.
— Да, наш папочка, как ляпнет, так ляпнет,— прожевывая салат, сказала Соня,— вчера о чем ты целый день твердил?
— Плесень возвращается,— голосом робота, произнес Эрик, допивая вишневый компот.
— Ну, я же имею право на свое личное мнение. Или у нас в семье только вы, миссус, можете изрекать разумные мысли?
— Соня, Макс, перестаньте пререкаться. Давайте лучше за встречу! — воскликнул Юлик и поднял бокал.

До прямой трансляции оставалось каких-нибудь пять минут, как вдруг неожиданно телевизор погас. Юлик потряс пультом.

— Что такое! И надо ему было в такой момент сломаться.
— Может радио? — предложил Макс.
Все поспешили на кухню.
Радио не работало.
— Этого еще не хватало! Мунечка?
— Что ты на меня смотришь? С утра оно работало.
— Мам, позвони соседке,— попросила Соня.
— Вам надо, вы и звоните,— нервно ответила Ирма и села на стул у окна,— с ума все посходили! — тихо произнесла она.
— Ой, Мунечка у нас всегда была до боли прозаична,— вздохнула Лана, пытаясь набрать чей-то номер.
— Ну, кто-то в этой семье должен трезво мыслить, — парировала Ирма.
— Тихо девочки, тихо,— примирительно сказал Юлик, и взглянул на Лану.— Ну, что?
Лана посмотрела на светящийся экран, еще раз нажала на вызов.
— Странно, кажется, сети нет,— с удивлением и намечающимся страхом в голосе произнесла она.
— Ну, все, конец света! — иронично воскликнула Ирма, и, не выдержав, ушла в зал.
— Это уже не смешно, друзья мои,— серьезно произнес Макс,— телевидение не работает, радио молчит, мобильной связи нет.
— Регина, а Интернет? — спросила Соня.
— Хм, нет сигнала. Деда, может вы не заплатили? — спросила внучка у Юлика.
— Ну, уж за Интернет не заплатить! — воскликнул Юлик и с тревогой выглянул в окно.
Неожиданно хлопнула входная дверь.
— Эрик, ты куда? — Соня кинулась в прихожую.
За окном показалась фигура Эрика с кое-как нахлобученной шапкой и расстегнутыми сапожками.

— Я к Алику. Спрошу, работает ли у них телевизор,— раздался через окно приглушенный голос мальчика.

Алик, друг Эрика, жил неподалеку за углом. Соня, нервно прождав три минуты, не выдержала, накинула пальто и выбежала во двор.

— Мам, я с тобой,— крикнула Регина, и побежала в прихожую.

— Ой, мне нужны сердечные капли,— воскликнула Лана, и пошла в зал, театрально вздыхая и держась за сердце.

— Юлик, надо все это как-то выяснить, в конце концов,— сказал Макс.

— Идем! — Юлик быстро оделся, и они тоже вышли из дома.

— Мальчики, я с вами! — Лана поспешила за ними.

Ирма осталась одна. Тишина была такой оглушительной, что звенело в ушах.

Вначале все это смешило, вызывало кривую улыбку, мол, придумали новую развлечалочку. Но когда уже весь мир, как заведенный, твердил об одном и том же, причем на полном серьезе — начало раздражать. Вот и муж, и дети, и сестра включились в эту безумную «игру». Остался ли еще кто-то в мире, сохранивший разум? Судя по Новостям — нет.

Неожиданно и громко затараторил телевизор.

«...взрыв. Объявлено...»

Вновь отключился.

— Господи! Как нарочно!

Ирма выглянула в окно. Фонари нехотя высвечивали соседний дом и темневший лес напротив.

«...на выяснение подробностей. В ряде стран эвакуация...»

Вновь загремел телевизор. Ирма схватила пульт, убавила звук и с силой бросила пульт на столик. Экран вновь погас. Она стояла у окна, высматривая своих. Но улица была пустынна. Лишь легкий снег спокойно и уверенно покрывал землю.

«...объявил президент. Вооруженный...»

Нервы не выдержали. Последней каплей был резкий звук — с железной крыши съехала оттаявшая сосулька. Ирма накинула пальто и выбежала на улицу. В соседнем доме было темно, на улице ни души. Она побежала в строну дома, где жил друг Эрика. Поскользнулась на повороте, упала в снег и заплакала. Она чувствовала, что паника коварно подступает к сознанию. Еще немного и она закричит. Почему никого нет? Ни в одном доме не горит свет. И вдруг раздался смех. Они возвращались. Впереди бежал Эрик.

— Ба! — он подскочил к ней, уселся рядом и обнял.

Показались и остальные.

— Ну, и как мне теперь прикажете жить? — возмущенно, высоким голосом твердила Лана.

— А что, собственно говоря, тебя не устраивает? — смеясь, спросил Юлик.

— Все! Меня все не устраивает! Меня вновь обманули. Вновь выбили, как ты это называешь — подпорки. Я только начала привыкать к мысли, что мы произошли от...

— Ой, мама!

— Мунечка! Ты упала?! Сломала что-нибудь?

Все скопом подскочили к Ирме, принялись поднимать, отряхивать.

— Как ты, солнышко? Что болит? — Юлик пытался ощупать Ирму сквозь пальто.

— Ой, прекратите! Все со мной нормально. Я с вами с ума сойду! Как можно?! Ушли, бросили. А тут еще этот телевизор. Какой взрыв? Что произошло? Я слышала только обрывки фраз.

— Взрыв?.. — Макс задумался.— А, ну, социальный взрыв. После того, что натворили эти СМИ, во всех странах произошел социальный взрыв.

— Мунечка, нас облапошили по полной программе. Обманули, как... И все поверили! — причитала Лана.

— Это новый вид кибер-терроризма, солнышко. Сейчас можно ожидать всего что угодно. Я же говорил, будут еще крутые перемены.

— Я кибер-террорист, кибер... Пф! Пф!

Эрик перестал быть плесенью. Выбрав жертвой Регину, он целился в нее из-за деда Юлика. Та, не отрываясь от планшета, произнесла:

— О, у нас на следующей неделе все пары отменили. Преподы бастуют! Класс!

Войдя в дом, стряхнув с себя снег и раздевшись, все вновь уселись в зале. Телевизор, как ни в чем не бывало, мирно бубнил рекламу. В соседнем доме зажегся свет. Проголодавшись, с холода, вновь занялись салатами и мясом. Юлик увеличил громкость телевизора.

«Через несколько минут слушайте экстренный выпуск новостей»...

ГДЕ-ТО В МОРЕ...

Берег почти пуст. У моря севера короткое лето. Еще вчера пляж был заполнен людьми. Плеск волн перекликался с веселыми криками тех, кто осмелился войти в холодные воды. Люди подставляли свои тела солнцу, прячась за невысокими дюнками. Еще было лето...

Еще собирались люди в пляжных кафе, проносились по берегу загорелые велосипедисты.

И сегодня светит солнце. И до конца августа еще целых пять дней, но берег почти пуст. Редкие фигурки виднеются вдалеке. Бредут вдоль берега, подставляя лица утомленному солнцу, готовящемуся к долгой зиме.

Волны нервно кидаются на берег. Ветер порывист и дерзок, и сложно угадать его направление. Мужчина задумчиво бредет почти у самой кромки воды и только чудом волны не заливают его ног.

Из пляжного кафе выбегает девушка. Ее стройное и худенькое тело в купальнике на долю мгновения задерживает на себе взгляд мужчины. Он мысленно съеживается, когда она бесстрашно вбегает в холодные волны. Наверное, он думает — вряд ли я сейчас рискнул бы окунуться.

Он отходит от берега и садится на лавочку. И смотрит, и не смотрит, как фигурка девушки, удаляясь, становится все меньше. Она играет с волнами, дожидаясь той, что выше других. Подпрыгивает, расставляя руки.

Наверное, он думает — не одиноко ли ей одной испытывать восторг? Возможно ли испытывать радость в одиночестве? Он бы не смог, думает он.

Он смотрит на небо. Он видит чайку. Та запуталась в ветре, но, быстро справившись, легла на крыло. Чайки ближе к стихии, чем люди, думает он.

Он вновь отыскивает девушку взглядом. Ее белокурая головка почти рядом с буйком. Большая волна стремится к ней. Девушка подпрыгнула. Мужчина встал с лавки и медленно побрел дальше. Он уже не оборачивался и не отыскивал взглядом девушку. Да и вряд ли он смог ее отыскать.

*Сидя на берегу
И радуясь солнцу и свежему ветру,
Помни! Где-то в море
Сейчас тонут люди.*

(Иранская мудрость)

Кажется так. Не дословно, но смысл верный. Мне вспомнилась эта мудрость...

Николай Макаров
(г. Тула)

ПОЧЕТНЫЙ САПЕР ВДВ
(Из цикла «Краснознаменные афганцы»)

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), заместитель исполнительного директора Фонда поддержки земляков «Тульский край», член Российской Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори».

Лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого (2015), премии имени С. И. Мосина (2016).

Синицкий Олег Степанович, родился 28.05.1954 г.

В представлении многих, саперы — люди с невероятным хладнокровием, потрясающей выдержкой и железобетонными нервами. Я тоже так думал. До встречи с гвардии майором Олегом Синицким в восемьдесят седьмом году, когда он прибыл после окончания Военно-инженерной академии имени Куйбышева в нашу Тульскую 106-ю гвардейскую воздушно-десантную Краснознаменную ордена Кутузова 2-й степени дивизию командовать 112-м отдельным инженерно-саперным батальоном. Он никого не боялся; за правду, за свою правоту, за справедливость он, как говорят в народе, мог глотку перегрызть любому. Невзирая на чины и звания.

Однажды заместитель командира дивизии полковник Кротик в категорической форме потребовал (не попросил по-человечески, по-людски) оказать ему не совсем вписывающиеся в уставные взаимоотношения услуги, и майор Синицкий ему вежливо отказал. На такое «вопиющее» поведение подчиненного полковник Кротик вмиг отрастил здоровенный зуб (по меньшей мере — волчий клык) и стал ждать удобного случая, чтобы «чревато боком вышло» строптивому саперу. Случай подвернулся летом восемьдесят девятого года в Белоруссии, где подполковник (к тому времени, с восемьдесят восьмого года — уже подполковник) Синицкий со своим батальоном принимал участия в строительстве полигона ВДВ, а заместитель командира дивизии приехал его инспектировать-контролировать. И в первый же день по приезду приказал (опять — не попросил по-человечески, по-людски), чтобы ему не только насобирали грибов, но и засолили, «закатали» их в трехлитровые банки. Ни много, ни мало. Вот тут-то и высказал этому полкану сапер Синицкий все то, что он о нем думает в самых неподнадежных выражениях вперемешку с ненормативной лексикой (это в армии-то матерные слова — ненормативная лексика?) Самыми мягкими прозвучали первые слова комбата: «Я сюда с солдатами приехал строить полигон, а не грибы тебе собирать!». На что полковник Кротик пожаловался, естественно, опустив грибную составляющую, командиру дивизии генерал-майору Лебедю. Подполковник Синицкий не стал дожидаться унизительного для его офицерской чести «перетряхива-

ния грязного белья» и в девяностом году написал рапорт об увольнении из рядов тогда еще Советской Армии.

— Олег,— мы с ним сидим за столом в его уютной квартире, перебирая груду фотографий,— вот сейчас, по-прошествии стольких лет, ты не жалеешь, что тогда поддался минутной слабости и уволился из Армии?

— Был вначале осадок на душе. Но... но минутной слабости тогда не было, все взвесил, все обдумал, подготовил семью к неожиданным переменам и, поверя: останься в Армии, я бы не заработал и малой толики, что имею сейчас.— Он не вздохнул, вспоминая те дни, а только — конечно же — ненормативно выразился. — После увольнения я недолго раздумывал: махнул на Чукотку, подался в подрывники. Два года рвал золотоносные горные породы на открытом воздухе, три года рвал в шахтах.

— Потом?

— Потом мне пришел вызов за подписью губернатора области Стародубцева, что мои знания и опыт сапера-подрывника срочно нужны здесь, в Туле...

— Так, стоп! — прерываю его на полуслове.— Об этом — позже. Почему ты, имея сто двадцать один прыжок с парашютом (как мне известно: ты начал прыгать с пятнадцати лет) подался в саперы?

— Родом я из украинского села Хмельницкой области. И хотя мои родители всю жизнь проработали учителями в сельской школе, меня с раннего детства тянуло к машинам. До винтика знал всю колхозную технику: от «Беларуси» до зерноуборочного комбайна. Поэтому поступал и поступил в Калининградское военно-инженерное училище в десантный взвод. По окончании училища в семьдесят пятом году — служба в Болградской 98-й дивизии от командира саперного взвода до командира инженерно-саперной роты.

— И первая награда...

— Первую награду — нагрудный знак «За разминирование» — очень почетная награда для каждого сапера — я получил будучи лейтенантом в семьдесят седьмом году. За восемь лет службы в Болградской дивизии меня с моими саперами постоянно, каждый год, с апреля по октябрь, привлекали для разминирования всевозможных боеприпасов, оставшихся в земле с войны.

— Много было работы?

— Считай, «пропахал» всю Одессскую область и большую часть Молдавии. И наши боеприпасы, и немецкие, и румынские, и венгерские. И патроны, и мины, и артиллерийские снаряды, и авиабомбы. И не разорвавшиеся после применения, и на складах.

— Были несчастные случаи с личным составом?

— У меня — ни одного.

— Афганистан...

— В восемидесят втором году летел в одном самолете с Грачевым: я менял командира инженерно-саперной роты 345-го отдельного парашютно-десантного полка в Баграме, Грачев менял командира полка. По приземлении самолета в Баграме нас встречал еще не сдавший должности, но, считай, уже бывший командир полка, Герой Советского Союза Кузнецов. Грачев раскинул руки для объятия, но Кузнецов устремился ко мне и мы с ним крепко, по-мужски обнялись — мы же служили вместе, в Болграде.

— Как складывались отношения с будущим министром обороны?

— Да нормальный он парень. И какие отношения могут быть у командира с подчиненными? Уставные, но в то же время дружеско-боевые. Как-то раз, на боевых, авиационный и артиллерийский наводчики оказались не в том месте, где нужно, и в это время полк попадает под перекрестный огонь «духов». Грачев дает мне команду типа того, делай, что хочешь, но наводи авиацию на противника. Связываюсь с «Грачами» и трассерами из ДШК, показываю им цели.

— Естественно, под вражеским огнем?

— Тогда об этом не думал — выручал полк.

— Орден Красной Звезды — за это?

— И за эту операцию — тоже.

— Орден Красного Знамени...

— Проходила большая армейская операция: два полка и бригада выдвигались по узкому ущелью на Ургун в сторону Пакистанской границы. Бомбить ущелье нельзя: вблизи границы, горы в деревьях — видимости для летчиков никакой. Вдобавок, подорвался армейский саперный БТР, на котором находился командир отряда обеспечения, и мне, по приказу командира группировки, пришлось возглавлять этот отряд обеспечения.

— Я так понял, что ты со своим отрядом двигался в самом что ни на есть авангарде всей группировки?

— Так оно и происходило с поправкой на местную экзотику: высота над уровнем моря 2200 метров, мороз 15—18 градусов, снег выше колен, узкое Ургунское ущелье, под завязку нашпигованное минами разной степени сложности.

— Много у тебя было в отряде потерь в той операции?

— Ни одного из восемнадцати саперов, с кем мы обезвредили больше двухсот мин в этом семнадцатикилометровом ущелье, которое преодолевали четверо суток. Правда, три подрыва техники было. Ну и — что? Заменили гусеницы — и вперед, продолжать выполнять задачу.

— И тебя представили к Красному Знамени?

— Представить-то представили, но на следующий день из штаба ВДВ пришла телефонограмма, что, вместо Красного Знамени, меня представили ко второй Красной Звезде. Командир полка Федотов, сменивший Грачева, пришел в ярость, тут же по закрытой связи связался с командующим ВДВ генерал-полковником Сухоруковым и...

— Справедливость была восстановлена?

— Орден мне вручал через несколько месяцев сам Сухоруков в штабе ВДВ, когда я вернулся в Союз из Афганистана для поступления в академию...

— Вернемся к телеграмме Стародубцева.

— В девяностые годы создалась весьма своеобразная ситуация. Не только в нашей Тульской области. В земле постоянно находили разные боеприпасы еще той войны. А разминировать их было некому — бардак сплошной творился в стране. Да что я тебе это объясняю — все мы выварились в этом беззаконии и беспределе. Короче, армия отказалась от разминирования этих отголосков войны. И мне пришлось с нуля, впервые в стране создавать при Тульском ГО-МЧС «Группу выполнения специальных работ» с государственной лицензией на все виды подрывных работ с боеприпасами любой сложности. Написал программу подготовки специалистов и пять лет беспрерывно выезжал на разминирование не только в Тульской области. Ко мне приезжали со всей страны за помощью в создании подобных групп. Даже Лебедь, будучи губернатором Красноярского края, позвонил и попросил помочь. Не отказал и ему, конечно, только спросил о том, какие могут быть в далекой сибирской земле захоронения боеприпасов.

— Ты обмолвился, что пять лет возглавлял созданную тобой группу.

— Кроме разминирования боеприпасов и подрыва льда на реках меня стали привлекать на разминирование дверей квартир и домов определенного сорта людей. Привлекали и МВД, и ФСБ. А разминирование дверей от разминирования боеприпасов намного отличается в худшую сторону. Если сотрудники МВД и ФСБ в случае ранения при разминировании получали огромные компенсации, то мне приходилось работать за одну зарплату. Хотя основная, самая опасная, работа возлагалась на меня.

Нас, саперов, даже не бралась страховать ни одна страховая компания. Пошел к Стадорубцеву, объяснил ситуацию — он развел руками: дескать, ничем помочь не могу.

— И, зная тебя, ты его, конечно, послал куда подальше.

— Не так грубо, но, по сути, — правильно...

Это он в повседневной жизни вспыльчивый, не терпящий компромиссов и несправедливости, а во время работы с ВВ (взрывчатыми веществами) он — сама собранность, само совершенное хладнокровие с железобетонными нервами.

Май 2009 года,
Тула.

Через год с небольшим после выхода книги «Афганцы Тулы» я попросил Олега написать самому воспоминания о войне в Афганистане, кои с удовольствием и представляю во второй книге о тульских афганцах, с незначительными сокращениями и правками.

...В конце октября 1982 года оперативным командованием 40-й армии была предпринята очередная операция по нейтрализации «духовских» бандформирований в ущелье Панджшер. Там в это время в населенном пункте Анава находился 2-й батальон 345 отп.

Колонна в составе 1-го и 3-го батальона 345 отп, усиленная батареей БМ-21 «Град» (6 единиц), вошла в ущелье в районе Дехи-Нау утром. Отряд обеспечения движения (ООД) двигался на «броне», изредка останавливаясь и проверяя подозрительные места на наличие мин и фугасов, для чего саперы спешились на дорогу. Установки «Град» были распределены по колонне между боевыми машинами батальонов для их защиты в случае нападения «духов».

Когда ООД, штаб пола во главе с П. С. Грачевым и 3-й подб уже втащились в населенный пункт Анава, по оставшейся колонне 1-го подб (командир батальона В. В. Пименов) с правой стороны ущелья «духи» открыли огонь из ДШК (12,7 мм). Били целенаправленно по БМ-21. До Анавы оставалось 2—3 километра.

Огнем противника была поражена одна установка БМ-21, в результате чего она загорелась. О чем комбат-1 доложил по радио П. С. Грачеву. Командир полка приказал комбату-1 принять решение на месте. Ввиду того, что установка БМ-21 горела, а на направляющих находились сорок штатных боеприпасов калибра 122-мм, В. В. Пименов принял решение: для успешного продвижения батальона вперед сбросить горевшую установку в ущелье. Что и было проделано в считанные секунды, благо дорога проходила по «полке»: слева — горы, справа — ущелье. Экипаж установки эвакуировал, а саму установку БМД-1 столкнула в пропасть. Во время втягивания колонны 1 подб с техзамыканием в Анаву горевшая установка БМ-21 взорвалась. Взрыв был такой силы, что личный состав, находившийся в населенном пункте Анава, почувствовали удар воздушной волны, как хлыстом по телу. П. С. Грачев, располагавшийся в то время в штабе 2 подб, тут же закричал по радио: «Что взорвалось?», на что В. В. Пименов спокойно ответил: «Что горело — то и взорвалось».

...В апреле 1983 года командованием 40-й армии была организована операция по очистке зеленой зоны северо-восточной части Черикарской долины от «духов» в районе населенного пункта Сайд. Операция проводилась подразделениями 103-й вдд совместно с 1-м и 3-м подб 345-го отп. Руководил операцией командир 103-й вдд генерал-майор А. Е. Слюсарь. Населенный пункт Сайд располагался на правом берегу реки Панджшер, ширина которой в том месте составляла 80—100 метров, а берега реки соединял мост, нависший на 20—30 метрах над водой.

ООД 103-й вдд первым вошел на мост, и первая машина отряда БТС, отъехав от моста на 100—150 метров, взорвалась на фугасе и загорелась. Одновременно «духи» из «зеленки» открыли шквальный огонь из стрелкового оружия и гранатометов,

подбив еще и БТР-70 из отряда обеспечения движения. Бойцы успели эвакуироваться и вытащить раненых из БТРа. К сожалению, механика-водителя БТС вытащить не удалось — он сгорел в машине.

Саперам 345-го отряда было приказано ночью вытащить сгоревший БТС с трупом механика-водителя на нашу сторону. Лишь только стемнело, БТС с командиром взвода инженерно-саперной роты 345-го отряда лейтенантом В. И. Пахомовым двинулся через мост к сгоревшему БТС, но через 50—100 метров за мостом был обстрелян из гранатометов и возвратился обратно.

Ночью руководитель операции генерал-майор А. Е. Слюсарь собрал оперативное совещание, на котором обвинил командира 345-го отряда П. С. Грачева в том, что тот не может выполнить поставленную перед ним задачу, т. к. боится потерять личного состава.

Надо отметить, что П. С. Грачев очень берег людей и все делал для того, чтобы минимизировать потери. Тогда 345-й отряд находился в оперативном подчинении командира 103-й дивизии только на период проведения операции, и П. С. Грачев тут же связался с командующим ВДВ Д. С. Сухоруковым, доложил обстановку и высказал свое предложение: «Мы эту задачу сегодня не выполним, но выполним завтра и без потерь». На что командующий ответил, что утверждает решение П. С. Грачева.

П. С. Грачев собрал оперативное совещание командиров подразделений 345-го отряда и выслушал предложения по выполнению указанной задачи. Командир 3-го подразделения С. Н. Быстров предложил, руководствуясь Боевым Уставом ВС СССР, с утра развернуть в боевую линию машины батальона с десантом и по воде форсировать в районе моста реку Панджшер; затем, при выходе на противоположный берег, спешить десант и под прикрытием огня орудий и пулеметов боевых машин оттеснить «духов» с «зеленки», тем самым дать возможность нам (саперам 345-го отряда) эвакуировать сгоревший БТС. П. С. Грачев, выслушав предложения комбата-3, утвердил его.

С рассветом двадцать семь БМД-1 3-го подразделения развернулись на исходном берегу в боевую линию и по команде командира полка начали форсировать реку. Огонь из орудий БМД-1 «Гром» и огонь из курсовых пулеметов заставил «духов» отступить, что позволило десантникам спешиться на противоположном берегу, открыв при этом огонь из автоматов и пулеметов все по той же «зеленке». Практически не встречая сопротивления противника, войска вошли в населенный пункт Саяд. Естественно, саперы после такой атаки смогли пересечь мост и эвакуировать БТС 103-й дивизии со сгоревшим механиком-водителем и подбитый БТР-70. После чего началась плановая очистка от «духов» всего населенного пункта Саяд.

...В мае 1983 года оперативным командованием 40-й армии 345-му отряду была поставлена задача: войти в ущелье Ниджраб, форсируя реку Панджшер, и оттеснить «духов» из этого ущелья.

От базы 345-го отряда в Баграме до реки Панджшер — около 20—25 километров. Впереди, как обычно, шли саперы, т. к. на пути продвижения колонны техники полка имелось 5—6 переездных железобетонных мостиков через арыки, которые приходилось проверять на минирование. В основном шли вдоль проложенных дорог по целине, страхуясь от возможных мин на дороге. Но все мосты приходилось тщательно проверять на наличие мин, что оказалось архиважно, как говорил вождь пролетариата, — обнаружили и обезвредили шестнадцать мин итальянского производства ТС-6,1.

При подходе к реке Панджшер пришлось искать место входа в воду для перевары и место выхода из реки. За 6—8 километров от серпантина на гору перед Ниджрабским ущельем река имела ширину 80—100 метров и довольно быстрое течение (2—3 м/сек). Командир полка П. С. Грачев приказал мне определить места

входа и выхода из реки. Плавающих средств, кроме БМД-1, БТРД и командирской машины связи «Чайка», в полку не было; все остальная техника с боеприпасами и продовольствием — колесные автомашины ГАЗ-66, УРАЛы и КАМАЗы. Проверяя скорость течения и глубину реки, мой БТРД от конечной точки выхода из реки течением снесло на 250—300 метров. Возвратившись обратно, я предложил командиру полка пересечь реку на БТС, перетащить трос с лебедкой длинной в 100 метров на исходный рубеж и закрепить его на другом БТСе. Затем, используя буксирные крюки и тросы колесных машин, вроде поводков для собак, переправить всю колесную технику полка и приданые нам «Грады». Командир полка утвердил мое предложение, собрал оперативное совещание, поставил всем подразделениям боевую задачу на форсирование своим ходом реки Панджшер. В пределах 11—12 часов местного времени полк начал переправу. БМД-1 и БТРД шли своим ходом, но для тех механиков, которые не смогли справиться с течением, ниже было выставлено два БТРД моей роты для перехвата, в случае необходимости, и буксировки этих машин к берегу. К 17 часам переправа завершилась, и полк двинулся к серпантину с перепадом высот в 200—250 метров для подъема на гору перед ущельем Ниджраб. На полтора километрах серпантина саперы роты обезвредили три самодельных фугаса с электровоспламенителем на батарейках и восемь мин ТС-6,1 и МК-7. К 21 часу полк вышел на плато перед ущельем Ниджраб и расположился на ночлег. Во время марша заместитель командира взвода инженерно-саперной роты сержант Г. Пызин подстрелил варана, которого вечером подготовили на костре. На жаркое пригласили заместителя командира полка С. И. Родионова, который всячески расхваливал мясо «барана».

...По правому берегу реки Панджшер со стороны Джелалабада вдоль Джелалабадского водохранилища проходили караванные пути из Пакистана в Черикарскую долину. В июне 1983 года по оперативным разведанным со стороны Джелалабада по этому маршруту должен был проходить караван с оружием. Разведрота полка под командованием В. Пинчука, высланная в засаду, захватила у «духов» более 130 единиц стрелкового оружия, боеприпасы, около 200 мин и около 250 килограммов лазурита.

...В августе 1983 года на тот же маршрут в засаду направился разведбат 108-й мсд. Но в это же время на одном из блок-постов на дороге Кабул—Черикар «духи» захватили в плен бойца этой дивизии, и две роты разведбата с засады были сняты для поиска пропавшего бойца. Штаб 40-й армии отдал распоряжение командиру 345-го опд выслать на место засады разведбата свое подразделение. Разведрота В. Пинчука в ночь в пешем порядке начала выдвижение в указанный район, который находился в 15—17 километрах от расположения полка в Баграме. А бронегруппа, находясь в режиме ожидания на территории дислокации полка в готовности, в случае непредвиденной ситуации, должна выдвинуться к разведроте и поддержать ее огнем. Операцией руководил начальник штаба полка А. А. Сигудкин.

Но «деятели» из штаба 40-й армии забыли предупредить командование 345-го опд о том, что две роты разведбата сняты с засады, а одна — осталась на месте. При подходе к месту засады передовой дозор подал знак командиру разведроты В. Пинчуку, что впереди обнаружены люди, но уже было поздно. Залп из стрелкового оружия и подствольных гранатометов разметал разведроту 345-го опд, находящуюся на марше. Командира разведроты капитана В. Пинчука спас боец,шедший перед ним, прикрывая его. Он получил гранату из подствольника в голову и погиб; осколками был ранен и командир разведроты. Услышав русский мат, оставшиеся бойцы разведбата 108-й мсд после команды прекратили огонь по своим. Результат — шестеро погибших, семнадцать раненых разведчиков 345-го опд.

После первых выстрелов вся бронегруппа из расположения полка ринулась — иначе и не скажешь — к месту столкновения, не дожидаясь радиодоклада, ввиду очень хорошей видимости осветительных ракет над местом так называемого боя. Впереди — БТР-70 с начальником штаба А. А. Сигуркиным, но мне пришлось его обогнать, так как впереди колонны, однозначно, должна идти машина отряда обеспечения движения. По прибытии на место увидели «братание»: бойцы разведбата 108-й мсд, разобравшись в обстановке, оказывали посильную помощь братьям по оружию. Вот так недоработка кого-то из штаба 40-й армии привела к трагическим безвозвратным потерям и выводу из строя около 30 % личного состава разведроты 345-го отп.

Через день командир полка П. С. Грачев на построении полка объявил всему личному составу, что любой желающий из любого подразделения по собственному желанию будет переведен в разведроту для ее пополнения. Желающих нашлось много, но с моей инженерно-саперной роты желающих не нашлось. Собрав после построения свою роту, предложил перевод в разведку, на что последовал ответ: «Мы все равно впереди их идем — какой смысл переводиться?».

Надо отдать должное, в последующем командующий 40-й армией генерал Генералов извинился перед П. С. Грачевым за бессмысленные потери, но этим матерей, потерявшими своих сыновей, не успокоишь.

...21 июля 1983 года по замыслу оперативного командования 40-й армии 345-й отп был направлен на оперативную операцию в район Пагман — северо-западную часть Кабула. В принципе, это ухоженные, очень красивые, кои у нас именуются, дачи довольно зажиточных граждан Кабула и окрестностей. Руководил операцией командир 103-й вдд А. Е. Слюсарь.

Утром 23 июля наш полк (345-й отп) во главе колонны начал движение по плато в сторону населенного пункта Пагман. В очередной раз бронегруппа с ОДД шла без прикрытия слева и справа. Около семи часов утра нас обстреляли из стрелкового оружия и гранатометов. К этому времени мы продвинулись на 5—7 километров вглубь населенного пункта Лагман.

Я возглавлял ОД; впереди шел БТС с механиком-водителем Владимиром Юденковым и оператором ДШК Алексеем Ичетовкиным. И вот в этот БТС справа из-за дувала был произведен выстрел из гранатомета. И хотя я заставил Ичетовкина сесть вглубь машины и не торчать на броне с ДШК, выстрел гранаты попал в бронешиток на башне, распылился и ушел вниз в башенку, где задел стальной шлем, надетый на танковый шлем Ичетовкина. Механик-водитель Юденков доложил мне, что Ичетовкин ранен, но еще шевелится. Я принял решение вывести БТС из зоны огневого соприкосновения и попытаться спасти раненого оператора. Связался с комбатом-1 В. В. Пименовым, батальон которого шел за ОДД, и нас прикрыли из боевых машин, открыв огонь по засадам «духов» и справа, и слева. Запросив механика-водителя БТС В. Юденкова о состоянии машины, я распорядился, чтобы он попытался развернуть машину на 180 градусов влево по ходу колонны и вывезти раненого оператора для дальнейшей эвакуации. По моему запросу к нам спешил по обочине на БТРД, невзирая на возможное минирование, начальник медицинской службы 345-го отп С. С. Яковлев.

Развернув БТС, Юденков по обочине смог уйти навстречу «Филину», т. е. С. С. Яковлеву, но спасти Лешу Ичетовкина, к сожалению, не удалось (в 2005 году мы ездили в Кировскую область на могилу А. Ичетовкина и установили там хороший памятник). В это время комбат-1 В. В. Пименов, ведя огонь из всех видов оружия, развернул колонну на 180 градусов и последовал за мной.

Вечером на разборе боевых действий руководитель операции генерал-майор А. Е. Слюсарь поднял меня, как начальника ОДД, и спросил, на каком основании я

прекратил продвижение колонны вперед и развернул ее обратно. Я ответил, что пытался спасти жизнь своего бойца. За меня заступился командир 345-го отдельного подполковник А. Н. Федотов и начальник штаба полка подполковник В. В. Безруков. Они констатировали, что решение командира ОД было единственным верным в той ситуации, иначе бы мы потеряли еще и технику, и бойцов. Комбат-1 В. В. Пименов предложил следующим утром развернуть десантников в боевую линию и под прикрытием огневых средств БТР-70 и БМД-1 начать выдавливание «духов» из населенного пункта Лагман.

Утром 24 июля так и произошло. Десантники 1-го отдельного подразделения под прикрытием огневых средств бронегруппы, двигались параллельно с ОД, и к 15.00 24 июля населенный пункт Лагман был полностью под контролем оперативного командования.

...Самая длительная, на моей памяти, операция армейского масштаба проводилась командованием 40-й армии в январе 1984 года.

8 января в три часа утра 345-й отдельный полк в составе 1-го и 3-го батальонов, двух батарей артдивизиона, батареи АСУ «Нона» и подразделений обеспечения начала движение в район плато Ургун на юго-восточной границе Афганистана с Пакистаном. Впереди 345-го отдельного полка шел ОД 45-го отдельного армейского саперного полка в составе отделения саперов на БРДМ. Мы встретились с ними на Т-образном перекрестке дорог Черикар — Баграм, и далее я только следил за маршрутом движения, а все обеспечение марша лежало на ОД 45-го ОИСП.

До Кабула от Баграма около 75—80 километров. Около 5.30—6.00 наша колонна начала спускаться в Кабул и перед городом повернула налево. Поначалу я не придал этому значения, доверяя ОД 45-го ОИСП, который шел в авангарде нашего полка. Но по истечении 30—40 минут после поворота налево перед Кабулом у меня зародилось сомнение. Мы должны были двигаться на юг, в сторону Гардеза, через весь Кабул. Дорога же простиралась на «полке»: слева — горы, справа — река. Плюс — в глаза было восходящее солнце: мы шли на восток. Я по радио запросил начальника штаба полка В. В. Безрукова. Он ответил, чтобы я не вмешивался, так как нас ведет «Крот» (ОД 45-го ОИСП) и он знает, что делает. Еще через 10—15 минут я окончательно убедился, что мы движемся по дороге на Джелалабад. Об этом я в очередной раз доложил начальнику штаба полка, что движемся не туда, куда надо. Спустя 4—5 минут радиостанция голосом командира полка приказала, чтобы я бросил этого долбанного «Крота» и разворачивал колонну в нужном направлении. Пришлось на горной дороге разворачивать колонну из почти девяноста единиц техники на 180 градусов, на что угрожали полтора часа драгоценного времени. И в Кабул вошли где-то в 10—11 часов, пройдя город без происшествий, в сопровождении афганского спецназа «Царандой».

К утру 10 января полк, пройдя мимо населенного пункта Гардез, вышел к ущелью Ургун. По замыслу наша оперативная группировка в составе 345-го отдельного, 66-й одиши и полка дислоцирующегося в Гардезе, должна пройти по ущелью в Ургунскую долину на границе с Пакистаном, куда ушли «духи», скрываясь от преследования. Буквально при входе в Ургунское ущелье БРДМ ОД 45-го ОИСП подрывается на мине и у него отрывается колесо. Командир 345-го отдельного полка, связавшийся с руководителем операции начальником штаба 40-й армии, предложил возглавить ОД оперативной группы 40-й армии саперам своего полка. На что получил «доброе», и мне приказал возглавить ОД 40-й армии на все время проведения операции в ущелье Ургун и Ургунской долине.

Высота Ургунского ущелья и Ургунской долины — 2200 метров над уровнем моря; январь, глубина снега — 30—40 сантиметров. Мои саперы, по колени утопая в снегу, шли по дороге и где щупами, где руками искали мины и фугасы (по разведданным — все дороги в долине были заминированы). На первых пятистах метрах при входе в ущелье подрывается ИМР из ОД, за ним в течение 30—40 минут подрыва-

ются два танка из ОД. Проблемы небольшие — оторванные катки, за замену которых уходило 30—40 минут.

По истечении двух часов мы продолжили движение, но у меня где-то в глубине души закралился страх. Хорошо, если подрываются машины на базе танка, а если БТР-70, БМД или БТРД? От такой мины (ТС-6,1) может пострадать и экипаж. Связавшись с начальником инженерных войск 40-й армии генералом А. Рябухой, получил приказ, чтобы все машины на гусеничном ходу ОД давили мины, пропущенные саперами.

Решив все же не рисковать техникой, расчищая новый путь ИМР (инженерная машина разграждения) рядом с существующей дорогой, начал прокладывать путь по руслу замерзшей реки и по обочинам. Однако, мои саперы все равно шли по дороге и снимали мины и фугасы. За первый день пути по Ургунскому ущелью мы прошли 3,7 километра, затем остановились на ночлег.

При остановке на третий ночлег, расставив технику полка, выслав на сопки справа и слева боевое охранение, в 18 часов нас собрал на постановку боевой задачи командир полка подполковник А. И. Федотов. И тут нас стали обстреливать «духи» из безоткатки. Два выстрела легли вхолостую, а третий — угодил в «Нону», батарея которых балы развернута на боевых позициях в готовности прикрытия в случае необходимости боевого охранения. Снаряд безоткатки угодил в борт установки и убил механика-водителя; загорелись матрасы, которые экипаж брал с собой на боевые действия. Ввиду большого огня пожар в машине потушить не удалось и по приказу командира полка находящийся рядом личный состав и технику срочно рассредоточили на безопасное расстояние. От установки после взрыва через двадцать минут двадцати штатных снарядов остался казенник от пушки и двигатель, который угодил в палатку афганцев, убив одного человека.

На следующий день радио «Голос Америки» передало, что в Ургунском ущелье моджахеды уничтожили русский танк.

В третий день пути по ущелью нас постоянно обстреливали «духи», хотя справа и слева по сопкам у нас шло боевое охранение. К 16 часам третьего дня мы подошли по ручью к водопаду высотой 3—3,5 метра, который наша техника, кроме машин на базе танка, преодолеть самостоятельно не могла. Пришлось закладывать под водопад взрывчатку и после взрыва делать съезд ИМР, и долго саперам вручную носить камни.

В момент руководства этими работами по мне открыл огонь «духовский» снайпер. Вначале я не понял, почему огонь ведется по мне, ведь одет был как все остальные бойцы: валенки, ватные штаны, бушлат, солдатская шапка и бронежилет. Пришлось «качать маятник» и бежать к своему БТР-70, краем глаз замечая с обеих сторон от себя фонтанчики от пуль снайпера. Но, не добежав 5—6 метров до укрытия, поскользнулся и упал на спину. Ко мне из укрытия бросился командир отделения моей роты Николай Зибров, ухватил за полу бушлата и затаскал меня за БТР. На том месте, где я мгновенье назад лежал, взметнулся очередной фонтанчик льда от пули снайпера. Только в укрытии мы поняли, почему стреляли именно по мне: за спиной у меня находилась радиостанция Р-148 — поэтому-то «духи» и решили, что перед ними советский офицер. Связавшись с разведчиками, которые шли по правой стороне ущелья, мы навели их на «духов», и стрельба прекратилась.

Четвертый день пути по ущелью Ургун новостей не принес; саперы снимали мины и фугасы, и к исходу дня вся колонна армейской группировки вошла в Ургунскую долину. Так за четыре дня пути нами было преодолено семнадцать километров Ургунского ущелья, снято более двухсот мин и фугасов, потеряна одна «Нона» с механиком-водителем.

За эту операцию меня представили к ордену Красного Знамени.

Йосси Кински
(г. Москва)

СЭНДВИЧ ДЛЯ ПОЭТОВ

Окончил Университет культуры и искусства по специальности «Художественное творчество и экранная драматургия (сценарист)».

Публиковался в литературных журналах России, США. Автор более 10 киносценариев, нескольких театральных пьес.

Буйная осень Люксембургского парка, перещеголяв своими красками от цветающие, бледноватые и пыльные, но все еще ароматные розарии, подмешала к их запаху нотки прелой листвы и раннего утреннего морозца. Пожелтевшие листья клена живописно кружились в воздухе, падая на одинокие столики кафе и изящные скамейки. Дождливая свежесть серого камня королевского дворца словно шептала о вечности своей незабвенной красоты.

Казалось, Виктор и Вильям, уютно усевшиеся на креслице у фонтана, как и все остальные посетители Люксембургского сада, решили немного погреться на солнце, отдохнуть, вдыхая аромат свежего парижского утра, а потом прогуляться по роскошному саду, который в утренние часы просто великолепен. На самом же деле Виктор и Вильям просто безумно устали от ходьбы и голода, и поэтому им было не до прогулок, ведь со вчерашнего дня они ничего не ели. Здесь можно было перекусить в роскошном летнем кафе с ажурными коваными столиками, утопающими в кленовых звездах. Каждое утро тут пекли восхитительные круассаны, похожие на пышные мягкие облака, и багеты, буквально тающие во рту. Однако в этом парке только благоухающий воздух был бесплатным. А у Виктора и Вильяма карманы были пусты.

Вильям не был Шекспиром, а фамилия Виктора была вовсе не Гюго, чтобы из уважения к ним не требовали денег. У них не было ничего общего с великими гениями, но оба наизусть знали сонеты Шекспира. Иногда они декламировали их друг другу, проверяя память.

Порой друзья уходили в иллюзорную реальность. Виктору казалось, что он автор знаменитого романа «Собор Парижской Богоматери», а Вильям видел в себе Шекспира. В знак признания они пожимали друг другу руки, давали дельные советы.

А если бы и в самом деле Шекспир и Гюго жили в современную эпоху, какова была бы их участь? Интересно, они бы также, как эти два глупца, нищенствовали?!

Вильям был уроженцем одного из городов Флориды — Порта Шарлотты. Как и Виктору, ему было около шестидесяти лет. Долго рассказывать, как он попал во Францию. Он не любил говорить на эту тему. Он был дантистом. Кажется, однажды, когда он удалял зуб одной высокопоставленной особе, по неосторожности или преднамеренно он подхватил неизлечимую болезнь. Чтобы не заразить своих родных, он навсегда покинул свой дом. Виктор же, наоборот, с большим удовольствием расска-

зывал о своей красивой прошлой жизни. Но в какой-то момент, когда он осознавал ужас своего нынешнего положения, он мгновенно замолкал.

Жена Виктора скончалась десять лет тому назад. Он жил вместе с сыном. Однажды сын дал ему пощечину, и Виктор сгоряча выпалил: «У меня больше нет сына!» С тех пор он ушел из дома, куда больше не возвратился. То, что его взрослый сын, которого он вырастил и воспитал, смотрел до глубокой ночи порнографические сайты в Интернете, а по телевизору странные передачи с помощью параболической антенны, для отца, придававшего огромное значение национальным обычаям и следовавшего традициям, становилось невыносимым. В оскверненный таким образом дом Виктор не мог больше вернуться. Оставил все нажитое за долгие годы вместе с женой, занимавшей высокий пост: трехкомнатную квартиру в центре города, дорогую автомашину, а самое главное, очень ценную коллекцию книг, он предпочел скитаться по свету.

Вытянув ноги и картино сложив на груди руки, друзья откинулись на спинки кресел. И теперь они, закрыв глаза, повернулись лицом к небесам и закрыли усталые веки, словно прося в безмолвной молитве у Господа кусок мяса или хлеба, который стал бы для них счастьем. Им казалось, что Господь не слышит их нехитрых молитв.

В парке неподалеку от кафе располагались теннисные корты. На них носилась молодая пара, которая, не так давно соединив свои судьбы, была занята забавной игрой, с азартом стремясь к победе над супругом любой ценой. Их пятилетний толстенький сын с кудрявыми волосами и сэндвичем в руках гулял с бабушкой в парке. Его маленькое личико лоснилось, словно булочка в сэндвиче. Казалось, что крохотные глазки и носик утонули в мясистых и румяных щеках.

Проходя мимо фонтана, малыш вдруг споткнулся и упал. Звонкий рев навзрыд звучной сиреной огласил окрестные красоты. С соседнего клена сорвалась испуганная стая грачей и, подняв возмущенный гвалт, закружилась в воздухе. Виктор и Вильям открыли глаза. Но голод не позволил им перебороть себя и подняться, чтобы помочь ребенку встать. Уставившись на ароматный сэндвич в руках карапуза, они молча таращились на него во все глаза.

На вой сирены отреагировали и играющие родители. Мать, обернувшись на крик, пропустила удар, и под громкие торжествующие вопли отца, мяч, подпрыгивая на ходу, покатился в угол корта. Бабушка помчалась на звук мгновенно и с такой скоростью, словно его издавал не ее откормленный сородич, а пожарная машина, приехавшая тушить горящий жилой квартал.

Когда бабушка поднимала ребенка, два больших куска мяса из сэндвича Патрика упали на едва тронутую желтизной траву. Бабушка, стряхнув с одежды мальчугана налипший мусор, повела ребенка к родителям. Виктор и Вильям проводили жадными взглядами удаляющийся сэндвич, затем огляделись вокруг и переглянулись. Отбивные на траве манили их, как в дешевой рекламе: «Заберите нас с травы, придавите своими зубами, овладейте нами! Сегодня, вырвавшись из ада кипящего масла на огромной сковороде, мы нашли успокоение, попав в объятия теплого хлеба, укрытого листом чуть влажного хрустящего салата. Но это лишь временное облегчение, ведь так варварски нас лишили уютного местечка, выбросив на мокрую осеннюю траву, словно это достойный финал наших мучений! Спасите же нас, смойте обильной слюной пятно пренебрежения и позора с наших поддумяненных бочков!»

Виктор и Вильям прекрасно понимали друг друга без слов. В мире иллюзий, где они вдвоем спасались от голода, витиеватые словесные баталии давно уже приучили друзей понимать друг друга с полуувзгляда. Вильям, бросая на друга сердитый взгляд, казалось, хотел сказать: «Извольте, сударь?» А Виктор, едва заметно пожав плечами, будто ответил: «Как можно, дорогой друг? Не смею прикоснуться к нему прежде вас,

жившего и творившего раньше меня на пару веков!». «Ах, оставьте, Виктор, давать дорогу молодежи — наш священный долг!» — благосклонно и едва заметно кивнул старший. «Извольте, милостивый государь, рассудить со всем вниманием, каково будет поднять Виктору Гюго с земли что-то перед таким количеством соотечественников, не уронив своего достоинства?» — легкая тень брезгливости пробежала по лицу младшего. «Где слабеет дружба, там усиливается церемонная вежливость! Теперь я понимаю, за что меня причислили к гениям! Прошли столетия, а как свежа эта мысль! Быть может, станем титулами и знатностью мериться? Извольте...»

Увлекшись беседой, писатели не заметили, что в реальном мире с восточной стороны парка приближался шоколадный с золотистыми подпалинами бульдог. Поравнявшись с друзьями, он покрутился вокруг Виктора и Вильяма, что-то исследуя своей слюнявой мордой. Затем кусок мяса быстро исчез в его цепких челюстях, а тягучая слюна повисла из угла захлопнувшейся пасти. Через долю секунды пасть снова распахнулась, и, щелкнув, подняла с травы второй кусок. Недолго подержав его во рту, пес шумно глотнул, а затем, высунув широкий язык, стал ехидно поглядывать на этих двоих, словно на одурченных шулером, простофилю.

ଓঝোড়ো

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ФЕДЬКА

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 года. Печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Бенский литератор», «Бельские просторы», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Мастерская», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и других.

Лауреат Международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, Международного конкурса им. Де Ришеље, Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Автор книг: «Поиски графских сокровищ», «Одна, но пламенная страсть» в соавторстве с Сергеем Малашко.

Член товарищества детских и юношеских писателей России, международного творческого объединения детских авторов (МТОДА), творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Скрипели старые, рассохшиеся двери под резкими порывами ветра, не в силах прикрыть внутреннее убожество домов. Темными провалами смотрелись оконца. Видно было, здесь уже кто-то побывал — по-хозяйски себя вел, ничего не опасался, влезая в старые избы. Да и кого бояться-то в заброшенных деревушках, коих немеряно развелось повсюду. Все перевернули, искорежили, что-то выискивая, и, громко топоча, уходили — пакостники. А ежели с ночевьем оставались — считай, пропала избенка: подпалят, покидают, и далее отправляются, не оглядываясь, не задумываясь, что с деревней-то будет. Ветром сорвет петуха красного, и начнет он гулять по всей деревне, и нет ее больше, исчезла с лица земли, осталась лишь память о ней да печные трубы закопченные, что сиротливо в небо уставились.

Так и стоят деревни и села там и сям, глядя на мир темными прорехами оконцев. Старики уж почти все на погостах, молодежь перебралась в города, в надежде, что там жизнь легкая. Лишь те остались, кому ехать некуда, да и незачем. Остались, чтобы свой век дожить, докуковать.

...Федор вздохнул, устало растер ладонями вспотевшее лицо, размазывая прилипшую пыль, присел на корточки, внимательно всматриваясь в едва заметную надпись на покосившемся кресте.

— Ну, здравствуй, батя,— сказал он. Торопливо начал искать в потертой сумке и достал початую бутылку с мутной жидкостью.— Вот я и вернулся домой...

Он снова стал шарить в сумке, вытащил граненую рюмку, пластмассовый стаканчик, наполнил до краев и, поставив рюмку возле креста, выдохнул, выпил из стаканчика, громко закряхтел и, морщась, взглянул на просевший бугорок земли.

— Знаешь, батя, а я не нашел материну могилку. Ходил, ходил по кладбищу и не смог отыскать, где она покоится. Памятники ржавые, кресты покосившиеся, а надписей нет. Одним словом — безымянные. Завтра сюда приду, мамаку разыщу и ваши могилки поправлю. Понимаю, некому было за вами ухаживать. Теперь я займусь, все исправлю. Ты прости меня, дурака, что не послушал тебя и в молодости в город сбежал за легкой жизнью. Да уж, легкая,— Федор опять тяжело вздохнул, вылил остатки из бутылки, выпил и передернул плечами.— Фу, гадость! Что я говорил? А, да... О легкой жизни рассказывал. Кому-то она как мать родна, а мне словно мачеха. Закружила, завертела и выбросила на обочину. Все повидал, всюду побывал, даже в тюрьму угодил. Там-то и вспомнил твои слова, что везде хорошо, где нас нет, и то, что дом — это родина, мать родная. Так и получается. Шлялся-мотался, за длинным рублем гонялся, полстраны проехал, а в кармане — вошь на аркане: все проел, прогулял, а пришло время — в родной дом воротился и каюсь, что прозрение поздно пришло. Кнутом, вожжами нужно было меня хлестать до крови, до визга, на цепь сажать, чтобы никуда не рвался, тогда и не пришлось бы мыкаться — это я сам виноват, что так получилось. Ничего, теперь вернулся, надо думать, как жить, чем заниматься. Прошлое не вычеркнуть, батя, да от него и не уйдешь. Не знал, что теперь автобусы не ездят по деревням. Пришлось на шоссейке водителя просить, чтобы остановился, а потом пешим ходом столько верст сюда добирался. Издаля глянул на деревню, что от нее осталось, на разруху, и сразу на кладбище отправился. Да уж, сильно разрослось... Читаю, вижу знакомые имена, а вспомнить никого не могу. Эх, жизня...

— Чего шляешься по погоду, нехристь? — услышал Федор, хотел повернуться и почуял сильный удар по спине.— Мало вам, что все избы изгадили, так еще и сюда добрались. Креста на вас нет, разбойники!

Извернувшись, чтобы еще раз не получить по хребтине, Федор отскочил в сторону и прижался к старенькой ржавой оградке.

— Бабка, хватит меня костерить! — рявкнул он и посмотрел на сгорбленную, сухонькую старушонку, одетую в золотистую черную юбку до щиколоток, из-под которой виднелись замызганные галоши, на плечах был ватник, весь в дырях, голова повязана коричневым шерстяным платком, седые прядки выбились, закрывая морщинистый лоб, и были заметны блеклые голубоватые глаза.— Отстань от меня, карга старая! Нашла место, где клюшкой своей махать.

— Вот ужо погодь,— опять намахнулась клюкой старуха.— Покличу народ с деревни, вмиг бока намнут!

— Да какой народ, с какой деревни, бабка? — Федор оглянулся на редкие дома, видневшиеся среди кустов и деревьев.— Нет ее — умерла! А люди... Остались два старика и три калеки, да ты в придачу — и все!

— Покудова последнего не отвезут на погост, жива будет деревенка, жива,— старуха погрозила скрюченным пальцем и снова намахнулась клюкой.— Вот отхожу тебя, ирод, тогда узнаешь! Откель тебя занесло в наши края, лихоимец?

— Я местный, бабка, здешний,— Федор кивнул на могилу.— Тут мой батя лежит, а мамаку так и не нашел. Эх, жизня...— он тяжело вздохнул, снял засаленную кепку и пригладил взъерошенные волосы.

— Местный, говоришь? Погодь, погодь,— прищурившись, старуха начала всматриваться.— Да ну... Неужто Федька? Не может быть! Ты же...— не поверив, она перекрестилась и отмахнулась: — Сгинь!

— Да, бабка, я вернулся,— перебил ее Федор, смял в руках кепку и повторил: — Домой вернулся... А тебя, старая, что-то не припомню.

— Дык у нас болтали, будто тебя уже давным-давно схоронили, а ты живехонек стоишь передо мной,— продолжая всматриваться, бабка опять быстро перекрести-

лась.— Даже заупокойную заказывали батюшке. Твои, пока живы были, каждый год, на родителей, тебя поминали. Говоришь, не помнишь, да? — и, прикрыв ладошкой беззубый рот, дробно засмеялась: — Я же бабка Ляпуха, баб Катя... Ну та, которая тебя, когда начал женихаться, отстегала крапивой, а потом засунула ее тебе в штаны, чтобы за девками в бане не подглядывал. Опозорила на всю деревню. Хе-х!

Федор исподлобья посмотрел на нее. Да уж, он помнил этот случай, а потом еще и батя несколько раз ремнем отстегал, когда соседи проходу не стали давать.

— Не забыл,— насупившись, буркнул Федор.— И тебя, баб Катя, частенько вспоминал. До сих пор небо коптишь, старая? Ну живи, живи, сколько наверху отпущенено...

— А я и взаправду думала, что тебя уж давно на свете нету,— покачав головой, сказала бабка Ляпуха.— Сколько лет ни слуху, ни духу, а сейчас заявился. Ох, шустер был, однако...

— Да жив я, жив,— поморщившись, пробормотал Федор.— Вот вернулся... Домой не заходил, сразу сюда подался.

— Господи, а что стоим-то? — перекрестившись, прошамкала баба Катя.— Ты же с дороги, чать, голодный. Пошли ко мне, покормлю, а там и поговорим,— и, не оглядываясь, она засеменила по узенькой заросшей тропке.

Подняв сумку из холстины, где лежали смена белья, пара книжек, кусок дешевой вареной колбасы и четвертинка хлеба, Федор взглянул на отцовский крест, окинул взглядом заросшее сиреню да черемухой неухоженное кладбище и, неторопливо шагая, стал нагонять старуху.

Приноравливаясь к мелким шагам бабы Кати, он спотыкался на разбитой дороге. Обходил глубокие рыхвины. Цепляя на мятые штаны колечий репейник, растущий по обочинам. Крутил башкой, с любопытством оглядывая деревню, когда-то большую и зажиточную, а сейчас почти безлюдную — избы вросли в землю, в некоторых мерцали огоньки лампадок, а другие смотрели в небо пустыми глазницами окон.

— Танюха,— Федор вздрогнул, услышав резковатый шамкающий голос бабки и увидел, что она приостановилась возле высокого глухого забора, где тяжкнула собачонка и, заскулив, умолкла.— Заходь ко мне! Твой хахаль бывший возвернулся, Федька, которого я крапивой отстегала. Не забыла? Хе-х! Отметим приезд-то... — и, поступив клюкой по забору, засеменила к приземистому дому с покосившейся трубой, с крышей, где местами чернели дыряя, и скамейкой возле палисадника.

— Ага, разбежалась,— донесся женский голос.— Тоже мне — хахаль. Кобелина! Нагулялся, нашлялся и вернулся. Отмечу... Кочергой да по хребтине! Ишь, женишок выискался...

— Ох, строга наша Танька, строга! — приостановившись, зашамкала баба Катя.— Вдовая... А хозяйственная — страсть! Сынки в город подались, а она не пожелала. Так и живет одна-одинешенька...

Распахнув калитку, она прикрикнула на козу, привязанную к столбику в глубине двора, поднялась, держась за поясницу, по просевшим ступенькам, толкнула скрипучую дверь и скрылась в избе, которая чуть ли не по оконца вросла в землю.

— Проходь в избу, Федька,— донесся шамкающий голос бабы Кати.— Сейчас на стол соберу, самовар вздую и покормлю тебя, горемыку.

Заметив рукомойник, Федор умылся, оставил на лице грязные потеки, вытерся носовым платком, присел на ступеньку, невесело посмотрел по сторонам и прислушался. Вдалеке одиноко пропел петух и умолк — отзоваться-то некому. Сидел, глядел на соседние избы, на просевшие крыши, на буйно разросшиеся кусты, на крапиву да репейник, что заполонил все места, откуда ушли жители,— это первый признак необжитости. Там, через два двора, находилась родная изба, где он играл с дружка-

ми. Где помогал бате и мамаке. Где вечерами сидел на скамейке и дожидался, когда подаст знак Танька — его первая любовь, чтобы с ней ушмыгнуть к речке, целоваться до первых петухов, а потом крадучись прошмыгнуть в избу и завалиться на печку, пока не поднялась мать, чтобы подоить корову. Да, все было... Было, пока не уехал из родного дома. И понесло, закружило по жизни: каждодневные шабашки, деньги дурные, пьянки, бабы, драки; а потом, когда из бригады выгнали, начал воровать, и как итог — тюрьма. Там-то он и понял, что жизнь зря прожита. Ни дома, ни семьи, ни детей — один как перст остался на этом свете. Более двадцати лет вычеркнуто, с корнем вырвано из жизни, пока шлялся по стране, потому что не заметил ее, жизнито, не почувствовал ни вкуса, ни радости. Так, перекати-поле, по-другому он не мог себя назвать. Эх, жизня...

Не выдержав, Федор поднялся, спотыкаясь, добрался до родной избы. Рванул, вырвал щеколду, распахнул скрипучую дверь и остановился на пороге, прислонившись к косяку. Затхлый воздух, запах мышей — что они грызут в пустом доме, бедолаги? Кругом свисает клочьями старая паутина. И пыль... Повсюду толстым слоем лежит пыль. Напротив, в простенке между окнами, висят в простеньких рамочках поблекшие от времени фотографии деда с бабакой и большой снимок отца с матерью, подретушированный заезжим фотографом. Под ними, на самом виду, — комод, как богатство и украшение дома. Федор помнил, что его смастерили их сосед, мастер на все руки, и даже вырезал на ящиках по паре цветков да целующихся голубей. Сверху стоят запыленные флаконы, наверное, какие-нибудь лекарства. Стопочкой лежат бумажки, а может, фотографии, да в середине возвышается пузатый графин, в который наливали самогонку, когда наступал праздник, приходили гости и его торжественно ставили возле горки нарезанного хлеба, чашек с винегретом, щербатых тарелок с помидорами и огурцами, с картошкой и прочей незамысловатой деревенской едой. В углу — божница с иконами, с лампадкой и парой свечных огарышей. Под ней притулился стол с одиноко стоящей на нем граненой рюмкой. Возле него — две рассохшиеся табуретки. Тускло сверкнула дугами старая никелированная кровать; в детстве он откручивал с нее блестящие шарики и играл с ними, пока не терял, а потом от отца получал ремнем; в изголовье чудом сохранились две большие подушки — удивительно, как не своровали, а по полу простились самотканые дорожки, старые и запыленные. В задней избе — лоскунтое одеяло на обшарпанной печи, невесть откуда взявшийся цветочный горшок с засохшей геранью, ухваты и рядом, на полу, два-три разнокалиберных чугунка. А в шкафчике, что висел над столом, если открыть, Федор помнил, были кружки и чашки, несколько щербатых тарелок и горка ложек с вилками да пара стертых ножей...

— Федька, Федька,— донесся с улицы голос бабы Кати.— Куда умызнул? Это неугомонный! Я на стол собрала, вышла, а его ужо и след простиш. Подъ сюда, пора вечерять!

Вздохнув, Федор еще раз осмотрел внутреннее убранство дома, медленно вышел, прикрыл дверь и направился к дому старухи.

В сенях, где пахло разнотравьем, чесноком и луком, он скинул стоптанные туфли, поставил рядышком с галошами бабы Кати. Куртчонку повесил на гвоздь. Поправил смятый ворот рубашки. Пригладил давно не мытые волосы. На ощупь нашел дверь и, стукнувшись лбом о низкий косяк, прошел в избу, потирая ушибленное место и продолжая держать смятую кепку. Обшарпанная печь, щелястый пол и потолок, напротив двери раскорячился допотопный стол, тронь — и развалится, а за ним засиженное мухами оконце с застиранным сероватым куском тюля. Все, как в их доме...

— Проходь, сидай,— смахнув застиранным полотенчиком невидимую пыль, баб-

ка Ляпухина придвинула к столу табуретку.— Гостей не ждала, угощайся чем Бог послал.— Присела на краешек табуретки, наклонилась и чем-то зазывала.

На середине стола — початый каравай, горкой высятся отхваченные крупные ломти хлеба. Из чугунка вкусно пахнет вареной картошкой в мундире. На тарелке лежат с пяток яиц вскрученные. Рядом — солонка с крупной сероватой солью. В чашке желтеет горка квашеной капусты, из которой виднеются небольшие огурчики, а поверх разлеглись мятые красновато-бурые помидоры. Отдельно на щербатом блюдце — нарезанное сало, пожелтевшее, с темной прослойкой и с высохшей твердой шкуркой. Видно, что сало берегут и достают в редких случаях, когда гости приходят или наступает какой-нибудь праздник...

— Ну, Федька, с возвращеньицем,— прошамкала баба Катя и придвинула гранный стаканчик с мутной белесой жидкостью.— Выкушай стопочку с устатку, с дороги, а потом повечеряем.

Опрокинув стаканчик, Федор передернул плечами, отломил кусочек хлеба и шумно выдохнул.

— Ух, сильна! — поперхнувшись, пробормотал он, ухватил пальцами капусту и громко захрустел.— Не, баб Кать, мне хватит. Я на могилке выпил, да у тебя — этого достаточно, а вот повечеряю с удовольствием.— Он достал картошку, обжигаясь, очистил, ткнул в солонку, откусил и зажмурился от удовольствия: — Ох, соскучился по родимой!

И быстро начал есть, хватая помидоры, огурцы, высохшее прогорклое сало, лук, картошку и — жевал, жевал, жевал, причмокивая. Подавившись, исходил натужным кашлем. Смахивал крошки в ладонь и кидал их в рот, что-то бормотал, отвечая на вопросы старухи, вытирая вспотевший лоб и снова тянулся к тарелкам.

Сдвинув шерстяной платок, баба Катя поправила выбившиеся прядки седых волос, опять надвинула платок, закрывая лоб, вытерла сухонькой ладошкой морщинистый рот и, сложив руки на столе, наблюдала, как Федор торопливо ест, изредка сокрушенно качала головой.

— Да, Федька, потрепала тебя жизнь, потрепала,— сказала она, когда Федор наконец-то откинулся к стене, расстегнул ворот рубашки, утерся грязным носовым платком и осоловело взглянул на старуху.— Где же тебя носило, горемычный?

Федор достал из кармана помятую пачку дешевых сигарет, посмотрел на бабу Катю.

— Чего уж там, смоли,— она придвинула грязную банку.— Хоть в избе мужиком запахнет.

— Везде побывал,— Федор прикурил, выпустил густое облако дыма и с неохотой сказал: — Многое повидал, более двадцати лет промотался на чужой стороне, оглянулся назад, а там пшик — пустота, ничего в жизни не оставил. Так, ветер в поле... И такая тоска взяла, хоть волком вой, хоть башкой об стену — все одно. Собрал вещички и подался сюда. Сидел на могилке, с батей разговаривал, и на душе полегчало, словно он рядышком примостился, как в детстве. Я же в молодости, как сбежал из дома, так ни разу в гости не приезжал. Некогда было! Эх, жизня...— и, выбросив окурок, снова достал сигарету, прикурил дрогнувшей рукой и опять скрылся в густом облаке едучего дыма.

— И чего же ты, милок, собираешься делать? — поджав губы, прошамкала бабка Ляпухина.— Проведал батьку и вновь в бега подашься? Опять начнешь щастье в жизни искать?

— Нет, баб, никуда не поеду,— натужно кашляя, прохрипел Федор.— Сызнова надо жизнь начинать. Сызнова, но по другой дорожке, по настоящей, а не по той, что опять в болото заведет, где сгинуть проще простого, да и...

— Вот и правильно говоришь, правильно,— перебила, махнув рукой, бабка Ляпухина.— Оставайся и налаживай свою жизнь. Впереди еще много годочков, а назад не оглядывайся, не тревожь душу, но и не забывай. Соседи, кто в деревне остался, тебе подмогнут, а остальное сам сообразишь-сделаешь. Так и поднимешься на ноги, так и станешь жить, как твои папка с мамакой. Правильно, Федька, правильно! — повторила она и хлопнула по столу ладошкой.

— Ну, а как в деревне жилось, пока меня не было? — попыхивая сигареткой, спросил Федор.— Я же почти ничего не знаю. Первые годы получал письма, а потом, когда стал ездить из города в город, почта запаздывала. Последнюю весточку с год назад от тетки передали. Сообщила, что мамака давным-давно померла, а батю недавно схоронили, и все на этом. Как здесь жилось-то?

— Нормально жили, нормально,— поджав губы, прошамкала баба Катя.— Работали, покуда колхоз был. А когда развалился, многие в город подались, другие устроились к этим... Как их... Ну, к хапугам, кто землю выкупил за копейки... А-а-а, фермеры! Что в колхозе от зари до зари работали за трудодни, что у хапуг за зерно да мелочишку — копейки. Ничего жилось, нормально,— повторила бабка Ляпухина.

— А сейчас работа есть? — затушив окурок, спросил Федор.— Посмотрел — только ржавые косилки да комбайны возле деревни стоят.

— Кто хочет работать, тот всегда найдет,— махнув рукой, сказала баба Катя.— Вон Танюха каждый день в соседнее село мотается. Пристроилась дояркой. Дождь ли, снег ли, а она тащится. Потеплее укутается и бредет по дороге. Привыкла! То молочка, то с пяток-десятка яичек занесет, а хлеб поставит, так каравай-другой обязательно притащит. Остальные, кто здесь живет, тоже пристроились. В соседнем колхозе, как говорили, фермер всех мужиков излечил от пьянки. Надоело ему смотреть, как через пень-колоду работают, подогнал автобус, загрузил мужиков, кто самогонку хлестал, и отвез в город. Сейчас фермер не нарадуется, глядя на работничков, да и бабы расцвели, похорошили: ни пьянок, ни ругани, ни драчек, благоверные деньги в дом несут, а не за бутылкой в магазин бегут. Где это видано, чтобы деревенские мужики не хлобыстали самогонку? А ему удалось всех приструнить. Благодать, да и только! А давеча, по весне, Петруха с жинкой из города вернулись. Говорят, в деревне легче прожить. Хе-х! А может, и правда, не знаю... Домишко новый хотят себе ставить. Лесу понавезли — страсть! Уже свинок держат, гусятки-курятки бегают. Надо жить, Федька, жить...

Федор сдвинул тюль, посмотрел в мутное оконце, за которым сгущались вечерние сумерки. Вздохнул, помял кепку в руках, поднялся и сказал:

— Засиделись, баб Катя, заговорились. Пора и честь знать. Благодарствуя за хлеб да соль! Пойду домой. Поздно уже...

— Куда тебя понесло? — посмотрев, как под осенним промозглым ветром гнутся кусты, она всплеснула руками.— Холодно, Федька! Здесь оставайся, переночуешь. Вон, на печке проспишь...

— Нет, баба Катя, пойду домой,— направляясь к двери, повторил Федор.— Слишком долгим был мой путь, слишком... Ночку перекантуюсь, а завтра надо крышу подлатать, печку подправить да в доме убраться. Много дел скопилось, пока шлялся. Думаю, справлюсь. А потом, как наведу порядок, куда-нибудь устроюсь на работу. Ничего, проживу,— и, подхватив сумку, он шагнул за порог.

— С возвращением, Федька,— прошамкала бабка Ляпухина и перекрестила вслед.— Утром заверну к Танюхе. Уговорю, чтобы по хозяйству помогла. Глядишь, жизнь-то и наладится...

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

СЧАСТЬЕ ИЗ-ЗА МОРЯ

Родился в 1947 году на Смоленщине, в д. Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Живет на Брянщине, в г. Сельцо. Работает учителем истории и права в школе-интернате. Публиковался в «Литературной России», в «Дне Литературы», в журналах: «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Приокские зори», «Сельская новь», «Нана», «Огни над Бией» и других. Лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор восьми сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Изба Анюты Азаровой стоит на окраине поселка, на взгорье. Отсюда хорошо видно все окрест: широкое поле, засеянное хлебами, шоссе, по которому без конца снуют машины, речушка, опоясывающая поселок, а за ней, у кромки леса, старинное село с полуразрушенным храмом.

Здесь вольно душе, особенно ранней осенью, когда вспыхивают яркими огнями сады, сверкают серебром на солнце тонкие нити паутины, а на полях золотятся копны свежей соломы, вокруг которых важно разгуливают стаи готовящихся в дальний путь журавлей.

В эту пору Анюта всегда встает чуть свет и идет в поле. Велико желание насладиться свежестью раннего утра, алым сиянием утренней зари, нежными красками осенних садов.

Поле открывается сразу за ее огородом, огороженным пряслом. Дойдя до ближайшей копны соломы, она не может удержаться от соблазна окунуться в мягкую перину, пахнущую хлебом, полюбоваться бездонной просинью неба и, как бывало в юности, подумать, помечтать. В дымчатой пелене утреннего тумана, стелящегося по земле, Анюта замечает стаи больших красивых птиц. Они неспешно бродят по стерне, кормятся, тихонько курлычат, не обращая на нее внимания. Глядя на них, Анюта невольно погружается в воспоминания...

— Дочка, хватит нежиться, беги в поле за свежей соломой для скота, пока бригадир спит,— тихим певучим голосом будит Анютку мать.

Белокурая, сероглазая девчонка с ямочками на пухлых щеках, отогнав дрему, в мгновение ока уже на ногах. Сменив ночную рубашку на платье и кофту, хватает с изгороди тоненькую льняную веревку и бежит в поле.

На востоке занимается заря. Огромный огненный диск медленно поднимается из-за кромки горизонта, и сизые клубы тумана тают на глазах. Постепенно светает. Утренняя прохлада понемногу уступает место теплу.

Прежде чем набрать вязанку соломы, Анюта с разбега бросается в душистую

копну и, раскинув руки, долго глядит в высокое чистое небо. «Окончу школу, выучусь на агронома, вернусь в свое село и буду каждое утро встречать рассвет в поле, пить свежий воздух, настоящий на травах, любоваться волшебными красками утренней зари...»

На поле шумно опускается стая больших красивых птиц. Анюта радостно встречает журавлей:

— Здравствуйте, журавушки-красавушки! Отдохните, подкрепитесь, соберитесь с силами перед дальней дорогой!

Побродив по полю, журавли дружно взлетают и, громко курлыча, делают круг над живицем, прощаясь с родными местами, с уходящим летом. Выстроившись в клин, ложатся на курс и тянут к югу. Анюта вскакивает с копны, срывает с головы косынку, машет ею птицам, громко кричит:

— Журавушки, милые, доброго вам пути! Возвращайтесь домой по весне, принесите мне счастье из-за моря!

Та весна выдалась ранней. С первым теплом зашумели вешние воды, белой пеной покрылись сады, запах черемухи поплыл по округе, в кустах лозняка над рекой заливались соловьи.

Чудным весенним вечером Анюта отправилась с подругами на дискотеку в ближайший военный гарнизон. Там и положил на нее глаз смуглый кареглазый сержант-контрактник.

Он проводил Анюту до ночной электрички, вкратце поведал о себе.

— Зовут Артем Азаров. Южанин, родом из Краснодара. Здесь служил срочную, решил остаться...

Услышав про юг, Анюта усмехнулась про себя: «Видно, журавушки и впрямь услышали мою просьбу и принесли мне счастье из-за моря...»

Анюта рассказала парню, что живет в небольшом поселке, в пяти verstах от гарнизона, оканчивает школу и намерена поступать в сельхозтехникум.

— Не думал, что так бывает — увидел тебя и не смог отвести глаз,— признался Артем.— Хочу покорить твоё сердце, если оно не занято другим.

— Пока не занято, а там — посмотрим,— загадочно улыбнулась Анюта.

Весну и лето они провели вместе. Артем купил мотоцикл и в свободное от службы время регулярно заглядывал в поселок. Они колесили по проселочным дорогам, купались в реке, загорали, говорили о любви. А осенью сыграли свадьбу.

Артем предложил Анюте переехать в военный городок, но она настояла, чтобы жили в ее поселке. «Мама уезжает в город к моей старшей сестре нянчить малышей, а нас слезно просит не покидать родительский дом»,— убеждала мужа Анюта. Артем уступил и не пожалел об этом. Ему пришла по душе сельская жизнь — вековые деревья, простор, река, лес. Можно рыбачить, заниматься тихой охотой. А Анюте здесь все было до боли родное: с малых лет жила в окружении полей и лесов, помогала матери на ферме, занималась домашним хозяйством.

Молодые быстро обжились, завели живность. Анюта перевелась на заочное отделение техникума, устроилась продавцом в поселковый магазин.

Соседями Азаровых были старики Герасины. Вскоре они переехали в город, а свой домишко оставили внучке, Анютиной школьной подруге Даше Купреевой, выскочившей замуж за разбитного местного красавца Игоря Колесникова.

— Анют, я так рада, что мы стали соседями. Будем с тобой как сестры, поддерживать друг друга, выручать в трудную минуту,— с радостью говорила подруге Даша.— После смерти мамы не только не с кем поделиться сокровенным, но и словом перемолвиться.

Анютка и Даша сошлись настолько, что друг без друга не могли прожить ни дня. Как встретятся утром у колодца, так расстаться не могут, пока не обговорят все посел-

ковые новости. Анюта изредка заглядывала к подруге, помогала Даше присматривать за малышом, которому исполнился годик. Ждала, что скоро появится свой первенец, но пока у них с Артемом ничего не получалось, о чем Анюта очень печалилась.

Муж Даши работал в местном лесничестве. Часто выпивал с друзьями — обмывали аванс, получку, удачную сделку. И незаметно пристрастился к спиртному. К концу рабочего дня Колесников загружался под завязку, а в пьяном угаре был агрессивен.

Даша долго скрывала от подруги попойки мужа и семейные скандалы на этой почве, пока однажды вечером Анюта не услышала дикие крики возле дома соседки. А поутру, встретившись с Дашей у колодца, заметила под глазом подруги лиловый синяк, который та прятала под спущенным платком.

— Что случилось, Даша? — поинтересовалась Анюта.

Даша заплакала.

— Последнее время Игорь пьет безбожно, а потом устраивает скандалы, обвиняя меня во всех грехах. А вчера руку поднял... Не знаю, что с ним происходит, будто бес в него вселился. Боюсь оставаться с пьяным...

— Господи, да что же это такое?! Семейная жизнь только начинается, сыночек маленький. О чем он только думает?! Семью на водку променял,— посочувствовала подруге Анюта.— Будет скандалить, бросаться на тебя с кулаками, хватай Стасика и беги к нам. Мы в обиду не дадим.

Не прошло и недели, как поздним осенним вечером во дворе дома Азаровых залаяла собака. Анюта выглянула в окно и в свете уличного фонаря увидела подругу. Анюта поспешила на веранду, открыла дверь. У крыльца стояла Даша. Без пальто, волосы растрепаны, с сынишкой на руках.

— Игорь вновь явился пьяный, бушует, громит все, что попадает под руку, угрожает расправой,— выпалила Даша,— еле вырвалась...

— Входи быстрей. Вот беда-то...— обняла подругу за плечи Анюта.— Он что, озверел совсем, даже ребенка не щадит?!

Даша весь вечер плакала, рассказывая о зверствах пьяного мужа. Около полуночи хотела разбудить сына и уйти.

— Оставайся на ночь. Не рискуй и сына не мучай,— предложила Анюта.

Рано утром Даша тихонько собрала ребенка и ушла. Когда дверь за ней закрылась, Артем сказал Анюте:

— Зря ты оставила ее на ночь. Посидела бы часок-другой, пока Игорь угомониться, и ушла бы.

— Тема, как ты можешь такое говорить? — возмутилась Анюта.— Неужели ты не сочувствуешь моей бедной подруге, с малым дитем на руках? Мало ли что может натворить по пьяни этот деспот?!

— Я о том, что не надо приучать, а то чуть что, будет бежать к нам...

— Даша бежит, когда немоготу — спасает себя и ребенка. И мы обязаны ей помочь,— обиженно надула губы Анюта.— Она моя лучшая подруга...

— Ну, как знаешь,— сказал Артем.— Тебе виднее.

Той осенью и зимой Даша еще несколько раз обращалась к Азаровым за помощью. Однажды прибежала босая, в одной легкой кофточке, с кровавленным лицом. Анюта обработала ей раны и ссадины, согрела ее и ребенка, напоила горячим малиновым чаем, поплакала вместе с подругой и уложила гостей спать.

Поутру, провожая подругу, сказала ей:

— Как ты можешь прощать Игорю такое зверство?! Уходи от него, пока цела сама и сын. Игорь уже неисправим. Ты заслуживаешь лучшей доли.

А по весне в семье Колесниковых случилось горе. Теплым апрельским вечером друзья-собутыльники привезли Игоря домой мертвецки пьяным, затащили в избу,

уложили на диван. Утром Даша как обычно стала будить мужа на работу, но он не подавал признаков жизни.

Даша плакала, убивалась по мужу, а потом замкнулась, отгородилась ото всех. Аньота все понимала, сочувствовала подруге, но в душу не лезла.

Так прошел год. А потом случилось то, что Аньота не могла представить себе даже в самом дурном сне. Как-то приди домой, она застала мужа в странном состоянии. Артем сидел на диване, обхватив голову руками. У его ног стояла большая сумка-баул, набитая вещами. Аньота растерялась, нерешительно спросила:

— Что случилось, Тема?

Артем долго молчал. Наконец, вздохнул и, не поднимая глаз, произнес:

— Аньот, прости меня, если можешь. Я ухожу к Даше. Ей сейчас очень трудно. Ты проживешь одна. Ты сильная...

Аньота не закатила истерики, не стала упрекать и уговаривать мужа. Она присела на диван и тихонько спросила:

— А Даша примет тебя?

— Примет. Мы любим друг друга...

— Тогда иди... — выдавила из себя Аньота.

Она страдала ужасно, но не подавала виду. По ночам плакала в подушку и по-прежнему сильно любила Артема. На Дашу зла не держала, не считала ее разлучницей, но всячески избегала встречи с ней: смущалась, не знала, что ей сказать.

Вскоре Даша забеременела и родила сына. В поселке говорили, что сын Даши Павлик очень похож на Артема. Аньота не спала ночами, сильно переживала. «Оказывается, по моей вине мы с Артемом были бездетными. Поэтому он и ушел к Даше», — думала она.

Когда мальчик подрос и стал играть во дворе со старшим братом, Аньота сама убедилась, что Павлик действительно очень похож на Артема: темные вьющиеся волосы, карие глаза, ямочка на подбородке. Возвращаясь из магазина, она уговаривала соседских мальчишек сладостями. Маленький Павлик, принимая угощения, улыбался в ответ до боли знакомой ей улыбкой.

Как-то ранним весенним утром, когда Аньота возилась во дворе со своей живностью, Артем с сыновьями заглянул к ней, поздоровался, присел на чурбан и нерешительно попросил:

— Аньот, выручи ради Бога — посмотри за ребятами. Даша заболела. Ее направляют в областную больницу. Мне надо отвезти ее.

— Оставляй. У меня сегодня выходной. За детей не беспокойтесь...

Артем вернулся в конце дня. Усталый, почерневший. Сыновья бросились к нему, стали обнимать. Когда вышли во двор, Артем закурил и дрожащим голосом сказал:

— Спасибо тебе, Аньот, что не затаила обиду. Светлая у тебя душа... Даша плохо чувствует себя. Положили на обследование. Боюсь, что может покинуть нас, — посмотрел он с нескрываемой тревогой на сыновей...

Через месяц Артем привез Дашу домой. Болела она тяжело, буквально таяла на глазах. Артем обратился за помощью к Аньоте.

— Даше назначили сильные уколы. Я не могу их ставить. Помоги, пожалуйста. Вся надежда только на тебя.

Аньота не узнала подругу: от былой цветущей пышки осталась лишь мрачная тень. Только глаза небесного цвета светились в глубоких впадинах. Аньота поздоровалась, осторожно присела на кровать.

— Спасибо, подруга, что откликнулась на просьбу, — тихо, с большим усилием, произнесла Даша. — Я очень виновата перед тобой, и Господь покарал меня за мои грехи. Сама не знаю, как все случилось. Однажды, когда ты отлучилась куда-то, Артем подлез, приласкал меня, и я не смогла устоять... Прости меня, — заплакала Да-

ша.— Если бы я могла, стала бы перед тобой на колени, молила бы о пощаде. Хотя я знаю, что ты добрая душа и давно простила... Анют, милая, Артем любит тебя, вернется к тебе. Об одном прошу — не обижай сыновей. Я вижу, как они тянутся к тебе.

Аньюта крепилась, но не могла сдержать слез. Однако быстро взяла себя в руки, обняла подругу, поцеловала.

— Не казни себя, Даша. Виноваты мы все. Видно, нам надо было пройти через это, пережить, осмыслить, оценить. На роду было написано...

Даша умерла той же весной, звенящим и поющим майским днем. Буйно цвела черемуха. Белой кипенью были укрыты сады. Когда гроб опускали в могилу, Артем заплакал. Заплакали и дети. Плакала и Анют.

После похорон поселковые жители на каждом углу судачили, что у Артема только один исход — вернуться к Анюте. Но возьмет ли она его назад, простит ли старую обиду — это большой вопрос. Те же, кто хорошо знал Анюту, утверждали, что она давно простила Артема. Еще при жизни Дарьи нередко выручала их семью, присматривала за ребятами, а потом, когда Даша заболела, ухаживала за ней, делала уколы, мыла и кормила.

Однажды у магазина Анюты услышала разговор двух женщин. Одна из них, примеряя ее ситуацию на себя, призналась, что не смогла бы поступить так, как поступила Анют. «Ни за что не простила бы ни подруге-разлучнице, ни мужу-изменнику». Другая сказала: «На такое способен только человек большой души, любящий сильно, бескорыстно, для которого счастье любимого превыше личного. Может, это и есть настоящая любовь, о которой нам неведомо...»

Оставшись вдовцом, Артем все чаще обращался к Анюте за помощью. То за сыновьями надо было присмотреть, то за домом, то за огородом. Ребята так привыкли к Анюте, что с радостью бежали к ней, когда отец отлучался по делам службы. И сам Артем старался помочь Анюте: то дров заготовить, то сена накосить, то крышу починить.

А осенью, когда ушло тепло и зачастили дожди, Артем пришел с сыновьями к Анюте и сказал:

— Анна Максимовна, мы пришли к тебе совсем. Не прогоняй нас. Зимой нам будет холодно в одиночку...

Анют сидела на диване, хотела привстать, но ноги вдруг стали тяжелыми, будто чужими. Ребята подошли к ней, стали ласкаться. Анют обняла их, дала волю слезам.

— Сыночки мои милые! — только и смогла произнести она...

...Из воспоминаний Анюту вывели крики взмывающих в небо журавлей. Она встала из копны и, как в детстве, помахала журавлям рукой. Глянув в сторону дома, увидела, как по полю к ней бегут дети.

— Что случилось, мои милые? — бросилась она им навстречу.

— Мама, мы тебя везде ищем, — обрадовался Стасик.

— Родные мои, вы так легко одеты, бежим домой! А папа где?

— Он готовит завтрак, — доложил Павлик и немножко замялся. А потом, тихонько спросил:

— Мама, правда, что аист весной принесет нам сестричку?

— Правда, — улыбнулась Анют и посмотрела на старшего сына. Тот кинул взгляд на ее округлившийся живот и тоже улыбнулся.

— А как мы ее назовем? — спросил Павлик.

— Дашенкой, — взволнованно ответила Анют.

У крыльца дома под развесистой яблоней стоял Артем. Заметив жену и детей, идущих по полю взявшихся за руки, улыбнулся и поспешил им навстречу.

За полем догорала алая заря. Зарождался новый благодатный день.

Игорь Белкин-Ханадеев
(г. Москва)

НИМФА

Родился в 1972 году в Москве в семье военнослужащего. В девяностые годы после службы в армии работал грузчиком, охранником, продавцом книг, внештатным корреспондентом в газетах, менеджером в коммерческих структурах. Учился на факультете истории искусства РГГУ, пробовал себя в литературе и живописи.

Поэтические подборки и эссе были опубликованы в газетах «Комсомолец Заполярья», «Столичная ярмарка», журналах «Пограничник» и «Смена», ряде альманахов. С 2002—2003 годов посвятил себя изобразительному искусству, работая в самобытной манере в технике масляной живописи. Участвовал в ряде московских, областных и международных выставок. В 2016 году неожиданно вернулся к литературному творчеству и дебютировал в прозе повестью «Петли для рябчиков», которая была опубликована в сетевой версии газеты «День литературы». Рассказы публиковались в журналах «Молоко», «Камертон», «Клаузура», «Новая литература», «Русская жизнь», «Парус».

Август на исходе. Еще месяц-другой, и облетит клен, который, распускаясь по весне, семь лет подряд загораживает вид из Володиного окна на исторический центр. К концу октября уже чьему-нибудь новому взору откроется россыпь золоченых монастырских куполов и на холме — остатки белокаменного детинца семнадцатого века: два фрагмента старой стены. Половину кремля разобрали в тридцатые годы на нужды метростроя и вывезли в столицу, а остальное растаскал на камни частный сектор уже в девяностые. Нынешние домики, облепившие холм до самого верха, не чета средневековым посадским клетям-лачугам, что Володя видел на макете в краеведческом музее — теперь все больше в ходу кирпич и сайдинг. Сейчас удачливые хозяева, будто соревнуясь, перекрывают крыши черепицей и монтируют спутниковые тарелки — целое «радарное» поле белеет на северном склоне... Река под холмом обмелела, заросла пальмой и ольшаником.

Вид портят грязные, крест-накрест, полосы на окне. Когда в том году в июне был ураган, тот клен, что растет у подъезда, исхудалой угловатой веткой разбил внешнее стекло. Володя наспех прихватил крупные осколки скотчем, надеясь, что мера временная пока не закажет стекольщику новое. Не сбылось. Прозрачная лента потемнела, истрепалась, а осколки ходят ходуном и почти что поют на ветру, звякая друг о друга... Иногда ночью кленовая ветка, виновато похлестывая поувечному окну, нудно просится внутрь...

Володя живет, а точнее, доживает оставшиеся ему две недели в пятиэтажном доме постройки тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Фасад с барельефной датой и часами на башенке-обманке отреставрирован и, умытый дождем, смотрит на вычи-

щенную площадь, но из комнаты эту часть города не видно — окно, полузакрытое кленом, выходит на другую сторону. Задний двор — неубранный, нехожий — срывается книзу в овраг рыжими промоинами дороги, убогими коробками гаражей, послевоенных кладовых и сараек. Ниже заросли и речка, за которыми подъем в кремлевскую гору, удобренную костями татар и русичей, бившихся на этом склоне одни с другими в достопамятные времена. И на костях, как на сваях, закрепился, мертвый хваткой цепляясь в холм, новый частный сектор.

Комната в коммуналке в доме с часами была Володиной единственной недвижимостью. Третий этаж, квартира пятнадцать дробь два. Площадь имени величайшего вождя или злодея — это кому как больше нравится, а Володе уже и не важно. Дом двадцать пять и тоже с дробью. Это его последний городской адрес. Рядом, в центре площади, фигура в два человеческих роста держит в чугунной руке свернутую в трубу литую бумагу — скорее всего, по задумке скульптора, это декрет о земле.

Подъезд темный, пропахший сыростью из подвала, кажется уже совсем чужим и то ли приветствует, то ли провожает Володю парой взметнувшихся по лестничному пролету котов и паутиной на облезлых стенах.

Сделка состоялась в середине августа, и по договору ему позволили еще немного пожить здесь, пока он не переведет деньги в соседнюю область. Как странно: тамошние люди продают дом в тихой, почти не тронутой цивилизацией деревне, чтобы уехать в районный центр и ютиться, как это делал Володя последние семь лет, в какой-нибудь четырнадцатиметровке, а он, оставляя эти прожитые годы на память дальнему подмосковному городку, уезжает в лесную глушь.

Ксюша ему не нравилась ни в последнюю их встречу, чуть менее полугода назад, когда она, со скандалом вырвавшись из родительского дома, почти что по первому свистку приехала к нему на майские праздники, ни тогда, еще в другой жизни, в Москве. Нет, она в целом была «ничего», особенно если не вглядываться и не привередничать, как это раньше любил делать Володя. В Ксении даже присутствовало что-то такое, от чего наутро, после дня, проведенного вместе в кино или на выставке, на качелях в нескучном саду или на прогулке по набережным все ее маленькие недостатки мнились вдруг шармом, изюминкой, признаком редкой, на ценителя с изысканным вкусом, породистой красоты. Но при ближайшем рассмотрении, едва они встречались вновь, его взгляд становился критичным, беспощадным, въедливым: взгляд перфекциониста, взгляд-микроскоп, Володя досадовал на разные мелочи, которые нудными занозами начинали саднить в эстетствующей душе, рушили идеал, рвали в клочья сотворенный за ночь канон. Иногда в метро, когда они стояли, держась с ней за руки, на них посматривали другие молодые люди — скользнут глазами по девушке, присмотрятся, оценят всю целиком и, отводя охватистый озорной взор, улыбнутся кавалеру сочувственно: «Ну-ну! Не повезло тебе, мужчина, с пассией! Не пара вы с ней!» И Володя отмахивался от странных мыслей: а вдруг эта полная сил молодежь своим сочувствием имела в виду как раз обратное, что молодая, оригинальная, яркая, но, увы, не красавица искусствовед Ксюша и он, не успевший еще повзропеть до зрелого мужчины, но уже скучный стареющий реставратор Володя, и есть идеальная пара? А Ксения, прислоняясь к поручням возле вагонных дверей, было, потупится как-то скорбно, печально, улыбка углами вниз, думая, что у нее, наконец, любовь. Володя проникается, и жалко ее до безумия, потому что глаза у нее печальные, медово-шоколадных оттенков, и вроде красивы сами по себе, но слишком близко посажены к тонкому, длинноватому для ее лица носу, и шикарная вишнево-золотая коса ниже талии лишь подчеркивает, что дюже широки бедра, и зубы далеко не жемчуг, грудь маловата, а талии, глянешь, и вовсе нет. Ксюша яркая — этого не

отнять, даже позировала, как она говорит, какому-то живописцу для «Речной нимфы» в итальянском стиле, но Володя недоумевал: уж какая тут может быть нимфа с розовыми ушами, с розовой кожей у корней волос и розовыми кляксовыми пятнами по всему телу — от малейшего волнения, расстройства, стыда, желания... А вдруг ничего лучшего, более соответствующего его тонкому художественному вкусу он уже и не найдет? Вдруг Ксюша — его крест — вдруг она, как он подумал, хороня себя в ее скорбной улыбке, его последний причал? Ведь когда еще только они стали встречаться и изредка ночевать друг у друга, ему уже было тридцать девять, а ей едва исполнилось двадцать шесть девичьих, невинных лет, и ее родители восприняли весть о «престарелом» друге дочери в штыки.

— Старый. Профессия грязная, будешь ходить вечно перепачканная в его красках! — мама любила чистоту, опрятность, гигиену.

— Надеюсь, это не всерьез? Ну не замуж же за такого? — пapa мечтал совсем о другой партии для своей «принцессы».

И когда Володя лишился своей московской квартиры, поселившись в области, Ксении запретили даже думать о нем:

— В провинции грязь, тараканы, антисанитария — мы же знаем, мы ведь жили...

Раньше он приводил ее в свою громадную трешку на Алексеевской и медленно покорял своей интеллигентской неспешностью, за которой скрывалась робость, своей старомодностью, своим собранием этюдов девятнадцатого века.

Чем же зацепила его она? Невинностью? Непроявленным, постоянно ускользающим шармом, которого, приглядеться, и не было никакого в помине? Может быть, общими с ним, как казалось на первый взгляд, интересами? Или, неужто, как любого среднего твердолобого самца, своей некрасивой яркостью? Так чем же?

Володя в ту пору консультировал в аукционном доме, выполнял на заказ поновления, готовил живописные лоты к торгам, чтобы все блестело стариной, тайной, временем, смотрелось солидно и дорого. Таким же дорогим и чинным выглядел интерьер Володиной квартиры на проспекте Мира в сталинском доме, так же солидно смотрелся и он сам — в черной водолазке, немецком сюртуке и при серебряных часах на цепочке.

А Ксюша долго, вдумчиво и талантливо писала диплом.

...Слишком сильно все изменилось с тех пор: который год он жил в коммуналке без малого в сотне километров от столицы, в захудалом районном городишке, даром, что со славной древней историей. И ходил потерянным, махнувшим на себя рукой неряхой — грязные штаны да лоснящаяся от старости куртка. Раньше для таких, как он было в ходу меткое слово «бич» — бывший интеллигентный человек. И яркая Ксюша теперь любила его только на расстоянии.

Комната изначально числилась за Павлухой — Леней Павловым из городской наглой братвы. Эта банда и забрала у Володи ту самую наследную московскую трешку, в которой реставратору покорилась после долгих ухаживаний Ксения. Бригада в лихие годы так разошлась в криминальном раже, что городка и окрестностей ей стало мало, братва начала «дерзить» в первопрестольной и даже, мало что соображая в новой для себя сфере, умудрилась дебютировать в антикварных делах.

Володе позвонил человек, по голосу приблестенный, в интонациях за деланной распальцовкой читалась неуверенность дилетанта, влезшего со свиным рылом в клашный ряд.

— Есть икона. Семнадцатый век. Надо отреставрировать. Это подарок серьезному человеку — дань, так сказать, уважения.

Володя хорошо понимал, откуда у людей с такими голосами берутся иконы семнадцатого века, и хотел было положить трубку, но названная сумма гонорара заставила обратить на себя внимание и уточнить детали:

— Иконография?

Кажется, его не поняли, и вопрос пришлось подкорректировать:

— Сюжет? Что изображено?

— А-а... — наконец, сообразил человек, — женщина с ребенком...

Володя взялся. Даже, увидев Богородицу воочию, был восхищен тем, что ему посчастливилось прикоснуться кистью к явно алтарному намоленому веками образу.

Он сделал все на совесть и в срок, отдал работу, и Павлуха, просияв, щедро расплатился.

А вскоре Ленькина братва жестоко избила реставратора в подъезде: дескать, отданная после трудов икона — новодел, а Володя якобы подменил ею оригинал, оставив бесценный шедевр себе. Кто именно его «кинул» — сам Павлуха или «серые люди» — Володя так и не узнал. Его поставили на «счетчик», съевший за считанные недели гонорар, коллекцию этюдов, накопления и квартиру. Павлуха, подумав, что хороший мастер еще может пригодиться, без крыши над головой одинокого реставратора не оставил и в обмен на московскую квартиру отдал ему свою областную комнатуху, которой и сам владел недавно.

С тех пор минуло несколько лет, Павлуха не появлялся, поначалу иногда звонил, так, поговорить за жизнь с человеком искусства, с которым свела Божья матерь Казанская, узнать, чем «терпила» живет-дышит, лишний раз подпугнуть для остротики... А потом пропал после того, как сообщил, что продал бывшую Володину недвижимость солидным и опасным людям. Позже был слух, что Павлов отбывает срок, еще болтали, что его застрелили свои или конкуренты, но никто не проверял...

— Твой Павлуха полный отморозок! — когда-то предупреждала мощно сложенная соседка Людмила из комнаты дробь один. — Если ты той же породы, то учти — отмужу и сожгу вместе с домом! Мне этой коммунальной халупы не жалко. Все равно жизнь в ней не мила. Я самбистка, закалка у меня старая, советская, себя в обиду не дам!

Но Володина порода была совсем другая, настолько до робости интеллигентная, что даже на кухню он старался неходить, когда там, нагло перегородив квадратным станом все подходы к плите и раковине, гремела шкворчащими кастрюлями баба-богатырь.

— Людмила, а кто здесь раньше жил, до Павлова? — пытался он выяснить время от времени.

— Ой, и не спрашивай, — зло отмахивалась соседка. — Что до Павлова грязь и вонь, что с Павловым. Раньше ацетоном тянуло и в краске все ходили, а как Ленька въехал, блат-хату тут устроил явочную, сам редко являлся — деловой, все в Москве пропадал, а здесь... То шпана с пистолетами живет, то бабы голые в мою ванну мыться лезут. Ор, пьянки... Тыфу, толчок хлоркой после них чистила каждый раз, вдруг больные? Это я, я всю сантехнику нашла и приволокла на своем горбу! Сама! Леня ни копейки не дал. Ну, это ж надо, в моей ванной — шмары бандитские!

Словно дойдя до кипения вместе со своим супом, Людмила потихоньку остывала, выключала газ в плите, шваркала шумовку в раковину и туда же гадливо сплевывала. И успокоившись после очередной волны дурных воспоминаний о Леньке, вдруг принималась плакаться:

— Я ведь дом в поселке продала, в совхозе бывшем, чтоб комнату эту купить, двадцать километров отсюда... Там ни газа, конечно, ни водопровода — топи дровами или углем, но... жалею теперь. Думала, в городе поденежнее будет да полегче, а то на то, и выходит. Ты спрашивал, отвечу: художник тут жил до Леньки, вроде тебя, старый только совсем. Рассеянный. Я прежнюю раковину никак забыть не могу, вся была краской загажена, кисти в ней мыл, здесь, на кухне. Ты вот аккуратно за собой моешь, даже не скажешь по тебе, что художник...

— Да я и не художник,— ответил в тот день Володя,— реставратор...

— А лаками все равно попахивает,— не преминула соседка ввернуть намек.

Вселяясь, никаких живописных следов в комнате он не застал. Павлуха, понятное дело, затеял косметический ремонт после того старика, не любоваться же «бандитским шмарам» на чужие муки творчества...

— А как его фамилия была, этого художника?

— Зотов. Известный он,— помолчав, отозвалась Людмила.

— Зотов?!

Володя бывал в местном краеведческом музее, видел образцы его этюдов: самобытно, и манеру не спутать ни с чьей другой! И когда-то в Москве на аукционе промелькнули редкими и жутко дорогими лотами зотовские выпукло-барельефные вешицы из ранних, в массивных резных рамках, крашенных под бронзу. Так старик писал и оформлял свои работы, чтобы в итоге получался не легкий гладкий образ, а тяжелая зрячая картина-вещь — весомая, скульптурная, основательная.

Людмила промышляла помойками — уходила вечерами с тележкой и обшаривала, где баки, где кучи, в поисках цветных металлов: медных катушек, плат, алюминиевого лома. Часто в сумерках возле домов можно было услышать ее басовитый клич, которого боялись окрестные бомжи:

— Я самбистка! Мне все равно! Жизнь моя и так насмарку! Пришибу, не поморщусь! Моя территория!

Временами одного из той рвани, которую прогоняла от мусорных баков, крещеного татарина по имени Дамир-Иван, Людмила брала домой. Отмывала тоже чуть ли не в хлорке, как после «шмар» унитаз, и оставляла, грустного и трезвого жить с собой до тех пор, пока мужика не одолевала тоска, и он не сбегал от благодетельницы на неприятную холодную волну. Татарином Дамир был половинным и внешность имел такую же, как и большая часть рязанских, тульских да калужских мужиков: синие лохмы и серые глаза с косовым, когда смех растягивал скулы вширь, прищуром. Ночами Володе было неприятно слышать за стенкой возбужденный соседкин шепот, когда под мерный скрип койки она, невзирая на Дамиров православный крест, низким голосом называла мужика: «Мой басурман!» и всхлипывала от приступа внезапного счастья.

С помойки она притащила к себе не только сожителя, но и всю комнатную обстановку, которую регулярно обновляла, заражая всю квартиру оживающей от тепла и человечьего духа клоповьей молодью. Мелкие прозрачные твари бегали, словно через стены, селились в Володиных шкафу, диване и ночами не давали спать. В сан-эпидстанции сказали, что у молоди есть специальное название — нимфа, и очень удивились внезапному Володиному смеху. Комнату приходилось несколько раз проправливать, пока до Люды не дошло, что от добра, добра не ищут, и мебель с коврами у нее и так хорошие, других не надо.

За окном передела кленовая корона, на горизонте, за кремлевским холмом, стал виден монастырь. В щетине строительных лесов — проблески свежей позолоты. Поновляли, старались успеть к очередному Покрову. Володю изредка посещали мысли о послушничестве, однажды, на пике религиозного вдохновения, он собрался было идти беседовать с настоятелем, но по дороге его обляла собака, а у монастырских ворот обматерила юродивая, и он не рискнул. К тому же, воспоминания о Москве не давали покоя, сподвигали непременно выстоять в миру, манили вернуться в азартное чрево большого города.

Однажды Дамир после очередной вольницы оказался снова в их коммунальной квартире: был уже прощен, вымыт в жарком пару и чистил на кухне картошку. Вечерело. Людмилы не было — ушла, видно, на промысел.

— Иван, я давно хотел вас спросить... — осторожно начал Володя, тщательно промывая под струей воды тончайшую колонковую кисть.

— Лучше — Дамир, — подавленно поправил татарин и тихо спросил: — а выпить нету? Мне чуть-чуть, чтобы выветрилось до прихода Людмилы...

— Есть. Как раз чуть-чуть.

Володя принес бутылочку с настойкой и плеснул в стакан.

— Дамир, так вот...

— Теперь можно — Иван, — сипло оборвал собеседник, занюхал горькую жидкость желтой сырой картофелиной и, откусив кусочек, упокоенно захрустел.

— Вы давно живете в городе? — Володя решил задавать вопросы прямо, поняв, что имеет дело с человеком простым и открытым.

— Да я родился тут. Все меня знают, каждая собака, — охотно отозвался Дамир-Ваня, и залюбовался пятнами на потолке, под которым покачивалась и весело жужжала уютная пыльная лампочка.

— И вы знаете всех?

— Да мно-огих...

— И художника, который здесь жил раньше? В моей комнате, еще до Павлухи?

— Зотова, что ли? Конечно, знаю, — с легкостью сказал татарин, потом нервно повел носом, шмыгнул и поправился, — знал.

Володя вдруг пожалел о том, что разговор этот не состоялся раньше, что он в глубине души Дамира презирал и сторонился этого бесхитростного человека, столь униженного властной бабой и жизнью. А следовало бы не задирать нос, лучше относиться к людям и не гнушаться теми, кто потерял себя в последние десятилетия. Самто он, чем лучше? Вышло так, что он все эти годы жил в этом райцентре гордым отшельником, и кому принес этим радость, кого осчастливили?

— И что с ним?

— Умер. Давно. Родня какая-то дальняя комнату сразу на торги выставила. А Павлуха купил. Посадили Леньку за какую-то ерунду, слыхал, наверно? Ну, говорят, выйдет скоро по УДО. На рынке народ судачит.

Собеседники помолчали немного. Володя задумчиво слушал лампочку. Потом Дамир отглотнул еще.

— А Зотов старик чудной был.

Кстати, на барахолке сейчас его картину продают... Деревенский пейзаж, исторический. Володь, ты это... Сам-то выпей... Нет?

А Володя молчал и в тревожном мерцании кухонного света изводил себя насущными вопросами: «Неизвестно, на что бандита Павлова сподвигнет тюрьма: вдруг решит остепениться? Где он надумает жить, когда выйдет на свободу, в какой из своих многих хат? Остались ли они у него? Выйдет по УДО, а квартиру мою бывшую продал. Куда пойдет теперь? Сюда? А куда я? Надо что-то решать. Да и в Москву пора возвращаться, нагостился уже на сто первом километре. Вот только как вернешься? Жениться? О-ох... Позвонить надо, позвонить Ксюше, если еще не выдали ее замуж привередливые родители, кому же еще...

Барахолка вытянулась вдоль полукилометрового железного ангара, в который, как городская речка в трубу, был закован прежде широкий и бурливый поток местного вещевого рынка. Народ, пройдя до конца по тесному руслу, накупив тряпок, модных, новых, актуальных, выходил на свет божий и расслабленно возвращался назад по широкой тенистой аллее. На всем ее протяжении, под деревьями, росшими напротив жестяной гофрированной стены рынка, сидели, стояли, переминались поодиночке, группами, иногда под гармонь или песню, кто с чем, продавцы старых вещей. Торговали, в основном, пенсионеры, нищая братия и проходимцы — скарбом из до-

ма: вязанными носочками, зачитанными книжками, чем-нибудь с помойки, что мнилось востребованным и сулящим барыш. И особняком, с осознанием своего права здесь находиться, того права, которое дает утонченный товар и связи, стояло хорошо одетое жулье со всей той предметной мозаикой старинного быта, которую называют антиквариатом.

У них, у жучков-антикварщиков, хорошо зная подноготную их ремесла, Володя и нашел замшелую, пыльную от скитаний зотовскую картину-этюд «Русь небывалая», тускло подписанную с обратной стороны — «Зотов. Пленэр в деревне Заречье, Тверская область». Торгаясь, жулики упирали на оформление. «Одна рама чего стоит!», — сказал очкарик в черном кителе, с усиками, стриженными под австрийского ефрейтора начала века. — Ну, музейная ведь рама! Сам же понимаешь! Третьяковка отдыхает!»

Потом продавец что-то уронил и торопливо нагнулся — оказалось, собрать с земли рассыпавшиеся веером открытки. С факсимильных карточек глядел все тот же образ бесноватого австрийца — в солдатской шинели, в штатском, наконец, во френче и надвинутой на рачьи глаза фуражке «седлом». Поклонник чужого фюрера казался испуганным, будто его поймали за каким-то очень срамным, всеми поругаемым делом. А Володя был рад и невежеству продавца, и его страху, рад, что, сосредоточившись на своих открытках и достоинствах тяжелой рамы, самое ценное — работу тихого провинциального гения Зотова, теперь уступят ему задешево.

На полотне была изображена деревня, каких до сих пор реставратор воочию не видел, северной планировки дворы, избы с резными коньками и причелинами, колодцы-журавли... По очертаниям натуры, по тому восхищению, с которым, чувствовалось, автор ухватил и набросал пейзажную и архитектурную канву, наметанному Володиному глазу стало ясно, что деревня существует на самом деле и она вовсе не вымысел, а такова и есть в реальности, какой ее передал на холсте художник. От пейзажа веяло той изначальной, неведомой уже, лишь в сказках сказываемой дохристианской, домонгольской и даже докняжеской Русью, которую нигде больше не увидеть ни в городах и пригородах, ни в селах, ни в кино. И четыре фигуры, вписанные в пейзаж, в белых льняных рубахах, подпоясанные кушаками, были небрежно наброшаны со спины: как бы уходят крестьяне не то на общинные работы в поле, не то и вовсе долой из истории.

Был дождливый сентябрь, снаружи кирпичную кладку дома косо заливало студеной моросью. Стены пятиэтажки, возведенной еще в пылу индустриализации двадцатых годов, за последние восемьдесят лет состарились и теперь впитывали влагу, словно песок после засухи. К ранним холодам засутились коммунальщики. Воду, пока еще стылую, подали внутрь, в проржавевшие трубы, и комнатные батареи отопления уже неделю плакали конденсатом в черную плесень половиц. Не лучшее место для исторического пейзажа кисти хорошего мастера, но другого помещения у Володи не водилось, да и из этого, того и гляди, каким-нибудь криминальным способом его выкурит, когда выйдет из тюрьмы, бандит Павлуха.

Полотно с деревней, с рекой и небом, уходящими книзу и кверху в тяжелое подрамье, висело теперь на гвозде, который хозяин с легкостью вбил, даже, как самому показалось, вдавил в сырую рыхлую стену, отделявшую комнату от слякотного внешнего мира. Выдержат ли гвоздь и волгая кирпичная крошка такую тяжесть? Рама деревянная, с фигурными гипсовыми накладками,крашенная под бронзу, и сам холст, со многими слоями густых масляных наляпов — все вместе тянуло килограммов на десять. Пейзаж за годы скитаний по барахолкам, вернисажам, чуланам, квартирам и гаражам пропах плесенью, нафталином, пихтовым лаком, табаком и клопами. Как, впрочем, пропах всем этим за века и приросший бараками, промзонами, многоэтажками — кирпичными, бетонными, промышленными — издревле мона-

стырский и ратный город. Теперь видавший виды холст форматом полметра на метр, наконец, попал в умелые руки, и Володя счел своим долгом спасти шедевр, вернуть ему первоначальный лоск. Сделает это, и останется позади череда промежуточных владельцев: мелких антикваров, агентов, перекупщиков, старьевщиков и горе-ценителей, отчистятся пятна гаражного мазута и грибка. Работа заиграет, наберет глубину, перспективу, цвет, обретет достойное место в какой-нибудь частной коллекции. Вопрос, остались ли у Володи связи в Москве, найдется ли, кому и как предложить спасенное творение? И снова, как мантру, он повторял: «Позвонить, позвонить Ксюше. Она же искусствовед, может, возьмется, подскажет, кого заинтересовать, напишет статью... Позвонить и пригласить ее приехать, в конце концов! Хоть на Новый год... Только захочет ли она с ним зваться после такого перерыва?»

К новогодним праздникам Володя закончил реставрацию пейзажа с общинной деревней и, гордясь работой, ждал в гости из Москвы Ксению, свою давнюю любовь-привязанность, с которой развела когда-то судьба. Коммунальщики наконец-то заработали как надо — к батарее не прикоснувшись, в комнате стало тепло и сухо. Молодую подругу, значительно моложе его, все еще яркую и с той же толстой, ниже пояса, тугой вишневой косой, на Новый год не отпустили родители, она вырвалась лишь к Первомаю, приехала, улыбаясь по-прежнему грустно и влюбленно, но в глазах затаилось сомнение. Правильно ли она поступила что, хоть и выдержав паузу прилиния, но все же сдернулась с места, ждала на вокзале, почти два часа тряслась на обратительных жестких лавках вагона? Она нарушила родительский запрет. Пара они все-таки — искусствовед и реставратор, или все это лишь долгий морочный нелепый самообман? В настороженной задумчивости осталась ночевать вместе суженым на узком раскладном диване.

Но сна не получилось — всю ночь москвичку кусала маленькая белесая очень верткая тварь, которую с трудом увидели, а изловить так и не смогли — клоп спрятался на стене в старой зотовской картине, между холстом и рамой. Ксюша дрожала, всхлипывала, теряла голос от жути, которой, мгновенно ее отрезвив, обернулась реальность. Невероятно: как ее Володя мог так низко пасть — постель кишит насекомыми! Как он, все-таки, постарел и опустился за эти годы! Для кого она берегла себя все это время, тешась пустыми надеждами: поживет, поднимется, вернется в столицу на белом коне. А мама была, оказывается, права... Старый, грязный...

— Это нимфы! — пытался объяснить он.— Нимфы, понимаешь? Людка, наверно, притащила...

И он снова, на этот раз нелепо и невесело, захохотал. А гостья заплакала.

Утром, еще затемно, Володя взглянул на Ксюшу, на общинных крестьян, поблескивающих свежей краской, и принял решение: в любом случае, все уже в прошлом — он едет в заветную деревню Заречье в Тверскую область, где наобум, по объявлению в газете, даже не взглянув, купит старый дом с участком. И в этом доме, в красном углу, будет висеть зотовская картина «Русь небывалая». Этим же утром на первой электричке печальная, злая, покусанная, в малиновых дорожках волдырей и розовых пятнах горя, гостья отбыла восвояси.

Уездный город сиял ей вслед золочеными куполами недавно отреставрированных монастырских храмов.

СЛОВА

Константин Емельянов
(г. Александрия, шт. Вирджиния, США)

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Родился в городе Алма-Ата, Республика Казахстан, в 1966 году. Окончил Казахский государственный университет (факультет журналистики) в 1989 году. Работал в казахстанских газетах, журналах и на радио. С 1997 года проживаю в США на ПМЖ. Последние публикации — в журналах «Чайка», «Каскад», «Новый Журнал», «Русский Глобус» (США), «Великороссъ» (Россия), «Литературная Алма-Ата» (Казахстан), «TheBombayReview» (Индия).

Первым в доме, где-то в сентябре, появился Блиц. Назвали его так в честь популярной городской газеты — Караван-Блиц. С короткими лапами и маленьkim туловищем, покрытыми черной выьющейся шерстью. Уши его всегда были прижаты, а взгляд, если может быть такой у собаки, опущен вниз. Как будто он постоянно боялся получить по башке. Зато красная и мокрая пасть постоянно ощерена в усмешке. Был он неказист, незлобив, но очень активен. Радостно ввязывался во все дворовые собачьи свары, когда Хозяйка водила его выгуливаться дважды в день. Визгливо заливался в ответ на любой шум в подъезде или звонок в дверь. Правда, при виде хозяев и вообще людей, приветливо стучал поседевшим хвостом об пол. Если бы Блиц родился человеком, он бы стал мелким воришкой, клептоманом. Тащил он ежедневно, у Хозяйки новые бюстгальтеры на резинке, у Хозяина — пачки сигарет и импортные зажигалки. Затаскивал добычу к себе в логово — под кровать в спальню — и с хрустом сгребал все до мелких крошек.

Как-то раз Хозяин поймал его, что называется с поличным, с новой зажигалкой в зубах, и сгоряча дал ему легкого пинка под зад. Какую истерику закатил тогда незадачливый воришко! С визгом и воем, как будто его убивают, пронесся пес из гостиной в спальню и оскорбленно затих под кроватью. Хозяйка ничего не сказала Хозяину тогда, только губы недовольно поджала.

Покурив на балконе и успокоившись, Хозяин стал искать Блица. Чтобы помириться. Тот лишь тихо поскучивал под кроватью, но на уговоры не отзывался. Пришла ночь, и все в доме легли спать. Да только Хозяину, томимому муками совести, не спалось. Все ворочался он с боку на бок, пока вдруг не уперся рукой в горячий прощающий язык, облизывающий его из-под кровати.

— Хороший мой! — приговаривал Хозяин, растроганно лаская морду пса.— Прости меня! Никогда не буду больше!

Негромко стучал об пол хвост в ту ночь и еще долго слышны были уговоры, извинения и поскучивание. Все были прощены и воцарился мир.

А потом появилась Макс. Красавица кошка с белой мордашкой и тельцем в черную крапинку. Шикарным розовым носом, похожим на маленькое мокрое сердечко.

Когда она сердилась, розовый нос становился темно-малиновым. Еще подушечки лап у нее были нежно-розовыми. А назвали ее так в честь Хозяйкиной любимой радиостанции.

Первое, что Макс сделала, запрыгнув на кресло и изящно выгнув спину — когтистой лапой поддала под зад Блицу. Тот как раз копошился с очередной добычей под креслом. Но вместо того, чтобы наказать нахалку, пес опять с воем и визгом позорно бежал через всю квартиру в убежище.

Он, правда, иногда пытался похотливо пристроится к Максу сзади, для своих мужицких надобностей. Но ловкая кошка либо прыгала с места на спинку кресла, цепляясь когтями за обивку. Туда, где Блицу было ее не достать. Или, если бежать было некуда, била насильника острой лапой по морде. Тот вскоре и сам перестал к ней приставать.

Пришел декабрь. Хозяйке предложили работу. Получше, но в другом городе. А была она тогда уже на пятом месяце. Решили, что двоих животных, да еще с ребенком семья не прокормит. А потому решили, что Хозяйка с Максом поедут на новое место, а Хозяин будет продавать квартиру и искать Блицу «хорошие руки». Через знакомых нашли бабку, живущую в частном секторе за городом. За небольшую плату согласилась она собаку взять. И вот в морозный зимний день Хозяин повез пса на новое место на городском автобусе. Всю дорогу Блиц отчаянно трусил и даже мелко дрожал как будто везли его на убой.

— Да не бойся ты так, дурень! — утешал его Хозяин, почесывая пса под ухом,— никто тебя там мучить не будет!

Однако последние несколько метров до нового дома испуганного Блица пришлось нести на руках. Так как сам он был идти не в состоянии.

Но как только перешагнули через деревянную калитку, Блиц вдруг успокоился. По чистому, выметенному двору как по проспекту деловито вышагивали несушки со своим выводком. В углу, позякивая ржавой цепью, дружелюбно виляла хвостом очень старая дворняга. Внутри дома понравилось еще больше. Из кухни вкусно пахло вареным мясом, а по деревянному полу из комнаты в комнату носились друг за другом два молодых и нахальных кота. Один из них, рыжеватый с тонкими лапами, на ходу перепрыгнул через опешившего Блица, продолжая забавы.

Позже бабка расскажет Хозяину, что Блиц иногда играет с котами, а еще очень хочет стать сторожем. Для этого он теперь отважно лает на всех прохожих из-за забора. И зажигалки с биостгальтерами воровать перестал. Да их у бабки и нету.

Между тем у Хозяйки с Максом в аэропорту сложилось не все гладко. Не нашлось стандартной клетки для перевозки. Так что кошку поместили в обычную картонную коробку, заклеив изолентой и оставив маленькую дырку в стенке — для воздуха. И поместили в таком виде в багажном отделении.

По прилету, когда затихли звуки мощных двигателей, в салон с пассажирами из багажного донесся дикий вой. При получении багажа Хозяйка обнаружила, что коробка изодрана изнутри, а из дыры торчит белая кошачья лапа с розовой ладошкой. В дырке виден малиновый от страха нос Макса, а мякует она столь отчаянно, что это больше похоже на ругательства. Пока Хозяин продавал квартиру на старом месте, Макс с Хозяйкой обживались на новом. Будучи уже на восьмом месяце, одна в чужом городе, да еще зимой, Хозяйка часто плакала по ночам. Было бы еще хуже одной, если бы не Макс. Верная кошка всегда была в такие минуты рядом, мурлыча и свернувшись в позе сфинкса на коленях. Очень часто сворачивалась она клубочком на хозяйкином боку, спине, а то и на животе. Так и засыпали в обнимку, коротая долгие зимние ночи. С той зимы всем другим в доме кошка предпочитала Хозяйку.

Маленьким детям, появившимся вскорости, она тоже позволяла многое. Терпеливо сносила, когда рвали шерстку маленькими ручонками или пыхтя носили по комнате. Никого из малышни ни разу не укусила и не поцарапала. Однажды двухлетнего сына даже вырвало на нее испорченными пончиками. Макс, как и все кошки, будучи чистюлей, очень тогда страдала, но терпела. И продолжала дремать в позе сфинкса на Хозяйкиных коленях и животе. Еще любила спать на козырьке от газовой плиты, а ночью воевать с ногами Хозяина, прыгая и царапая их как диковинных чудовищ. Каждое утро просыпалась она раньше всех, съедала завтрак и провожала мурлыканием взрослых на работу, детей в садик и школу. Вечером также радостно встречала их у двери, мурлыча и потираясь щеками об ноги. А когда кто-нибудь в доме плакал или болел, Макс была рядом, урча негромко на коленях или под боком. И сразу становилось легче.

Подросли дети, превратившись в подростков. Разменяли пятый десяток Хозяйка с Хозяином, а Макс так вообще по всем кошачьим меркам стала старушкой. Все-таки почти двадцать лет прожила она в семье — срок жизни для кошек немалый. Теперь она долго спала днем на диване, а по ночам бродила по дому неверным шагом и истошно орала: «Н-Нар-Воол!». Иногда пыталась мяукать, даже рот открывала, а слышно не было. Как телевизор с выключенным звуком. Налицо были и другие признаки угасания. Перестал работать желудок как раньше, и пища все чаще оставалась на полу. Случались и прочие недоразумения, когда не успевала добегать до коробки с песком, служащим ей туалетом. Все в доме знали к чему это, но мысли отгоняли. Хотя и ветеринарный врач, старый друг семьи, уже в открытую предлагал назначить день. Но пока все лишь вздыхали и тянули время. До последней минуты.

Однажды утром Хозяин нашел Макса сидящей в своей привычной позе сфинкса, только в ванной без воды. В начале лета было жарко и дом прогревался за день как духовка, да и ночью остывать не успевал. Сидела кошка на прохладной эмалированной поверхности, вся какая-то потухшая, вялая. Даже ночью не голосила как обычно. На вошедшего Хозяина не отреагировала, даже хвостом не помахала. Вечно такая чистюля, умывавшаяся по десять раз за день, сейчас сидела она растрепанная, с торчавшими линялыми космами вместо гладкой и лоснящейся когда-то черно-белой шерстки. Просто как комок шерсти на дне пустой ванны. Лишь смотрела полузакрытыми глазами перед собой. Никого и ничего не замечая. С тяжелым сердцем ушел Хозяин на работу. А когда вернулся, Макса уже не было. Хозяйка с дочкой в слезах отвезли ее к ветеринару. Откуда кошка уже не вернулась. Так и осталась в памяти она тихо сидящей в ванной без воды, растрепанной и с потухшим взглядом.

Три месяца никто и слышать не хотел ни о новой кошке, ни о собаке и даже о рыбках в аквариуме. Дома стало тихо, грустно и пусто. Лишь исчезли из кухни две миски для корма и воды, да коробка с песком из прихожей. На четвертый месяц пошли в воскресенье в ближайший приют для животных. Так, посмотреть. В приюте коты и кошки приблудные и людьми обиженные, но по-прежнему в них нуждающиеся, очень хотели семье понравится. И спины выгибали, и мордашками об клетку терлись, и мурлыкали приветливо. Чуть только по-человечески не говорили. Но как-то все это было не то.

Так и продолжали Хозяйка с Хозяином и с дочкой ходить из одного приюта в другой. Через месяц эти походы стали чем-то вроде воскресной привычки. Но постоянно возвращались домой одни. А в доме иногда казалось, что Макс вот-вот вылезет из-под дивана, как раньше, и, мурлыча, усядется в позе сфинкса на колени.

Но вот однажды, уже осенью, на очередных смотринах вдруг понравилось всем, как потянулась доверчиво носом к вытянутому пальцу Хозяина серая дымчатая кошка. Когда-то также тянулась к людям Макс.

Новую гостью звали по-простому: Лиза. Конечно, была она не такая красавица как Макс. И не такая смышленая. Как-будто кто-нибудь смог бы Макса заменить! Но Лиза была симпатичная, с большими глазами, серой короткой шерстью в разводах, и таким же серым и мокрым носом. Только подушечки лап были у нее не розовые, а черные. Как будто носила бархатные черные перчатки и носки. Когда принесли Лизку домой, она сразу же спряталась. День-два не появлялась и даже не притрагивалась к блюдцам с едой и питьем, вновь появившимся на кухне. А пообвыкнув немного, стала Лизка новым хозяевам всячески показывать свою любовь. То, запрыгнув на диван, подлезала под руку Хозяину, тыкаясь в ладонь мордашкой: давай, мол, гладь! То ночью, держа в зубах полузадушенных кузнецика или паука, приносила и оставляла как гостины возле хозяйкиной подушки. То, урча и выгибаясь, поворачивалась серым задом к детям. И чем больше зад гладили, тем больше он выгибался. Иногда на потеху всем гонялась за собственным хвостом или билась с хозяйственным ботинком. С топотом, как конь, носилась по квартире по ночам. Из всех домашних никого не выделяла и ни разу не замирала в позе сфинкса ни на коленях, ни на руках. Может из-за этой легкой отчужденности дети стали вдруг заводить разговор о новой собаке. Даже Хозяйка заколебалась. На что Хозяин категорично отвечал, что не представляет, как вечно спешащие подростки, которых и дома не бывает, смогут гулять с собакой два раза в день. Как всегда, решили подождать и все обдумать. Лизке, понятное дело, подобные разговоры были безразличны. Даже если бы она их понимала. Свой то дом она уже нашла. Вот и сейчас, проводив всех в школу и на работу, она улеглась на подоконнике, как когда-то Макс. И стала смотреть свой «кошачий ТВ»: на прыгающих за окном птиц и белок. Как когда-то это делала Макс. И в те минуты не было ей дела ни до чего остального. Она же не может обо всем сразу думать. И Макс не могла. И, налаявшись за день, Блиц не мог, когда отработав сторожем, валился на свой коврик и засыпал, похрапывая. А так они почти такие же, как мы. Только ростом поменьше.

❖❖❖

Дмитрий Шарабарин
(г. Бийск)

РАССКАЗЫ

Автор родился в Томской области, школьное и высшее педагогическое образование получил на Алтае. С 1983 по 2016 год — руководитель Бийского литературного объединения «Парус». Автор более двадцати сборников стихов, повестей, рассказов и очерков. Публиковался в центральных, сибирских, краевых и местных издательствах. Лауреат муниципальной и трех краевых литературных премий. Награжден некоторыми медалями, в том числе «За служение литературе». С 2014 года — руководитель Бийского отделения писательской организации РФ. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

БОМЖИ

На автобусной остановке, когда скапливаются люди, появляется рослый рыжеватый пес, помесь овчарки с дворнягой. Это наскоро сляпанное природой в бродячих условиях рыжеватое существо с внимательными хитрыми глазами и чутко настороженными ушами хорошо адаптировалось в рыночных условиях.

Пес внимательно изучает пассажиров, заглядывая людям в глаза. Выбрав чаще всего какую-нибудь пожилую женщину с продовольственной сумкой, он начинает заученный ритуал выпрашивания. Прогибает спину, склоняет голову, смотрит просящим долгим взглядом и подобострастно машет хвостом. Но сам всегда настороже. Знает, что не все любят попрошайек. Правая задняя нога покалечена. На пробегающих мимо собак грозно рычит. Конкуренты. Он прошел суровую школу нищенства, заматерел. Родился от бродяг и закончит свои дни бродягой.

Другой собачий бомж, маленький, темно — рыжий, с торчащими ушами и по — азиатски реденькой ершистой бородкой на морде, все время отирается у крайнего подъезда нашей пятиэтажки, тоскливо взглядываясь в лица входящих и выходящих жильцов. Он ищет хозяина. А его все нет и нет. Может, съехал отсюда, а может, выбросил своего друга за ненадобностью. Такое сейчас сплошь и рядом. А песик-то домашний, к теплу привык. Холодно ему по ночам. Зима близится. Скоро настоящие морозы нагрянут с метелями и снежными сугробами.

Бегает песик вокруг ближайших домов, лает, воет по ночам. С бродячими собаками не общается, убегает от ребятни, к взрослым относится недоверчиво.

Вспомнилось, что несколько лет назад здесь уже был такой же бездомный пес, тоже маленький, только черный, лохматый. Его подкармливали прохожие, ребятишки играли с ним. Поймают, тормошат его, а он упадет на спину и повизгивает от удовольствия. Никто не обижал его. Так было целое лето. А потом он исчез. Хочется думать, что нашлись добрые души и пригрели, одомашнили бедолагу. Мир-то на таких держится. Иначе бы давно уже рухнул от жадности и злобы.

Возле гаражей во дворе ребятишки соорудили из коробок и досок два общежития. Одно для бродячих кошек, другое для собак. А сердобольные женщины ежедневно приносят туда остатки от обедов. Вот и пробивается этим все окрестное бездомное собачье — кошачье население.

Несколько дней песика не было видно. Но потом снова послышался его голос. Сидит, как всегда, возле подъезда и лает с привыванием. Холодно.

Жалко песика. Набрал в пакет из холодильника еды и пошел кормить отшельника, собачьего сына. Тот съел кусочек, сел и посмотрел на меня благодарным долгим взглядом. Может быть, хотел показать, что не совсем одичал. И не подачки ему нужны, а верный хозяин.

Проблема собачьих бомжей, сбивающихся в голодные стаи, все более обостряется. Это очередной ответный вызов природы. В милых, верных, ласковых существах вдруг хищно просыпаются гены дикого прошлого. Братья наши меньшие требуют к себе должного внимания.

ЛЕВША ИЗ МАНЖЕРОКА

Недавно один из бийских литераторов, встретив меня, выдрал исписанный карандашом лист из своего блокнота:

— Возьми. Был в селе Манжерок и там, в краеведческом музее, переписал материал об удивительном человеке с твоей фамилией. Может, сгодится для размышлений.

Я стал читать. Человек по прозвищу Манжерокский Левша прожил в селе Манжерок несколько десятилетий и умер в конце прошлого века.

Сообщение это заинтересовало, потому что фамилия моя встречается не часто даже в том сельском предгорном районе Алтая, откуда родом мои деды и прадеды. Судьба исконно крестьянского рода нашего оказалась трагической. Подрубали корни его и гражданская резня, и чума сталинских репрессий, и Великая Отечественная война. Перемололи жернова истории мужское племя моих родичей, оставив длинные списки имён на городских и сельских мемориалах, в архивах и Книгах Памяти. Вот и пошли ветви от родового ствола по женской линии, с другими фамилиями. А фамилия наша образовалась, прочитал у В. И. Даля в «Словаре», от названия домашнего скарба, всякой мелочи (оренбургский говор) — «шарарабара». С южного Урала, значит, пришли наши далекие предки на Алтай. Возможно, не по своей воле. Здесь и расселились. А корень рода там, в казачьей земле, остался. Там его искать надо.

Немного удалось узнать из блокнотного листа, но достаточно для того, чтобы представить этого человека. Его поступки, привычки, мысли. Его чудаковатость. Надо бы специально съездить в Горный Алтай, поговорить с теми, кто еще помнит Манжерокского Левшу...

Звали его Иваном. Жил он одиноко, работал пастухом по найму. Спал на сене в сарае. Такая у него была странность. А еще Иван был отменным мастером. Фигурки зверей и людей из дерева делал — загляденье! Работал левой рукой, потому и Левшой прозвали. А поделки раздаривал сельчанам и приезжим.

Иван был удачливым охотником и рыбаком, хорошо знал и любил Катунь, окрестную тайгу, горы. По осени уходил с ружьем на несколько недель заниматься промыслом. Жил в кордонах. А еще он умел обездить молодую лошадь, набросить аркан на жеребенка метров за тридцать и мог на лодке пройти любой перекат на Катуни.

Однако Манжерокский Левша остался в памяти односельчан прежде всего за то, что всегда был готов прийти на помощь тому, кто оказался в беде. Однажды он спас одного приезжего смельчака, что спьяну доплыл до скалистого островка посреди Катуни, где выдохся, замерз и готовился уже отдать Богу душу. Никто из местных не

решался подойти на лодке к скале. Уж больно сурова здесь Катунь — стремнины и водовороты. Бросились искать Ивана, которого нашли только к вечеру на дальнем кордоне.

Манжерокский Левша перебросил петлю аркана через протоку, зацепился за макушку скалы на острове, а другой конец веревки укрепил за дерево на берегу. Получилась переправа, при помощи которой Иван спас едва живого, окоченевшего до синевы Робинзона, и снова молча ушел в горы.

Мне этот эпизод с переправой напомнил случай многолетней давности времен моего студенчества.

Мы, несколько студентов, работали в археологической экспедиции, организованной нашим краеведческим музеем, на раскопках стоянки древних людей на левом берегу Катуни прямо за мостом у села Усть-Сема. Работы проводились в августе. В один выходной день мой друг Саня, художник в отряде, парень сильный, решительный, приглядев на катунском островке, примерно в километре от лагеря, кедры с шишками и, раздевшись, мощными саженками одолел протоку. Оказавшись на островке, он набрал шишек, но плыть обратно не смог. Ни сил, ни смелости не хватило. Вода грохочет, как ошалелая, а он сидит в плавках на камнях и кричит нам, собравшимся на берегу, напротив островка:

— Ребята! Помогите! Замерзаю!

Солнце к закату. Мы бегом в деревню за лодкой. Рыбаки дали старенькую плоскодонку. Сами плыть отказались. Посоветовали:

— Сразу выграбайте на середину реки, а потом — к носу острова. Там течения сталкиваются, и образуется обратный поток. Только надо грести во всю мощь.

Саню мы выручили, но пережили немало страха за свою жизнь. Поэтому я проникся особым уважением к своему незнакомому однофамильцу, Левше из Манжерока.

Был он коренаст, молчалив, смел и решителен в действиях. Но почему-то не обзавелся семьей и не оставил потомства. Странно все это. А то, что он был человеком стоящим,— правда истинная. Вон даже в музее о нем кто-то записки оставил. Значит, не зря жил человек с моей фамилией на земле.

СЛОВА

Кира Крестьянкина*
(г. Тула)

СКАЗКИ

Пишет для детей и всех, в ком живет ребенок. Неоднократно занимала призовые места в районных и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Печаталась в альманахах «Иван-Озеро», «На крыльях Легаса», журнале «Приокские зори».

ЧЕЧЕТКА

Жил да был лягушонок, который хотел бить чечетку. Но все вокруг говорили:

— Что за глупости? Не лягушачье это дело! Как ты собираешься этим заниматься? У тебя нет копыт. И вся твоя чечетка — это шлепанье по воде. Выкинь эту ерунду из головы и присоединись к своим братьям. Они выводят чудесные трели по вечерам. Лягушачий хор! Что может быть интереснее?!

Но лягушонок не соглашался, он не пошел в хор, продолжая грезить своей мечтой.

Когда никто не видел, он выпрыгивал на плитку и шлепал по ней задними лапками, пытаясь выступить в ритм.

Чувство ритма, несомненно, было ему присуще. Но настоящей чечетки все же не выходило. Оно и не удивительно, лапки лягушек мало были к этому делу приспособлены, но лягушонок не отчаялся. Каждую ночь, когда братья уже посыпывали в две дырочки, он выпрыгивал на плитку и продолжал тренировку. Проходя мимо можно было услышать ритмичные шлепки по земле. И если бы кто-то захотел узнать об источнике этих звуков, то, раздвинув высокую траву, он увидел бы лягушонка, который отбивает чечетку в лунном свете...

А днем каждый раз, когда лягушонок проходил мимо, братья смеялись над ним. Кричали ему вслед:

— Царь чечетки идет.

— Смотрите, это же царь чечетки!

Конечно, лягушонку было обидно. Но он ничего не отвечал обидчикам, а скакал дальше. А когда становилось особенно грустно, ему на помощь прибегал друг. Хотя слово «прибегал» тут не совсем уместно. Ведь его друг был черепахой. Могут ли черепаха и лягушонок быть друзьями? Конечно, да!

Разве есть правила, запрещающие это? Не важно, что один из них носил на спине панцирь, а второй высоко прыгал. Они были настоящими друзьями. И вместе их можно было встретить и на суще, и под водой. Они часто были вдвоем. Несмотря на разницу в скорости перемещения, разницы в образе мышления у них не было. Кто-то, а они-то друг друга понимали...

* Иллюстрации к сказкам художницы Е. Рамсдорф (Германия).

— Слушай, лягушонок, тебе нужно что-то делать с лапами — сказала однажды черепаха.

— Что ты имеешь в виду? — Не понял лягушонок.

— Ты ведь бьешь чечетку, но тебя совсем не слышно. Не подходящие у тебя для этого дела лапки, понимаешь?

— Да уж, — вздохнул лягушонок. — Это я понимаю, как никто другой. Но что я могу сделать?

— Вот об этом нам с тобой и надо поразмыслить.

И принялись они думать.

И стоя думали.

И лежа.

И плавая.

И во время еды.

И во время игры.

Молча думали.

И вслух.

Пока, наконец, черепашка не сказала:

— Камешки! А почему бы тебе не смастерить себе ботинки при помощи камешков! Они будут стучать по каменной поверхности, а это создаст нужный звук.

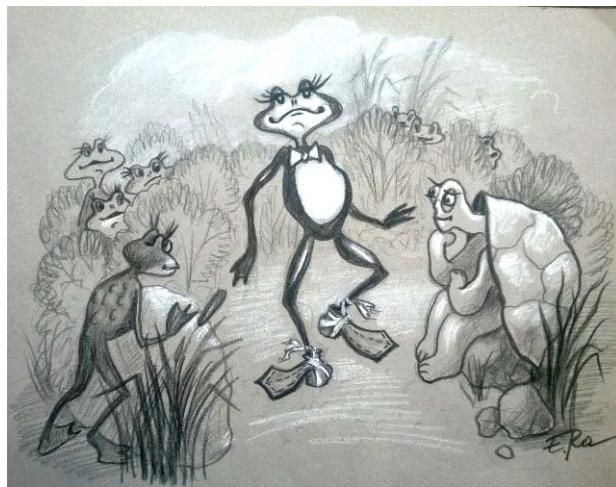
И они принялись собирать материал для чечеточных ботинок! Потратили на тщательный отбор весь день. Навыков шитья обуви у них, к сожалению, не было, поэтому они решили воспользоваться помощью знатного обувщика.

Это была сороконожка. У нее столько ног, и каждая должна быть в тепле и комфорте, поэтому она научилась делать отменную обувь. Вот к ней-то и обратились наши лягушонок и черепашка.

Немного поворчав о небывалом заказе, сороконожка все же решилась сделать пару обуви для лягушонка из принесенного друзьями материала. На самом деле она любила преодолевать трудности, а небывалый обувной заказ — это как раз то, что нужно для поддержания ее профессионализма.

Три дня упорного труда, и сороконожка преподнесла лягушонку его чудо-обувь прямо на подносе, и даже ленточкой перевязала.

Лягушонок и черепашка не сккупились на слова благодарности. Оставив сороконожку довольную и счастливую, они поспешили на плитку, им не терпелось испробовать башмачки.

Лягушонок сначала примерил свою обновку, она оказалась впору! А потом выпрыгнул на каменные плиты. И задал такой ритм, что у черепашки дух захватило. Звук был громкий и четкий! Он разносился по всей округе, и вот то из одного куста, то из-за другого стали появляться его собратья-лягушата и с удивлением глядеть на это представление.

А лягушонок ни на кого не смотрел, он просто бил чечетку так, как ему подсказывало сердце. Слушая музыку в своей голове и отбивая ее ритм. Действовал он так ловко, что присутствующим стало совестно за их издевки над лягушонком. Ну, может, и не всех совесть стала мучить (ведь, она, к сожалению, у некоторых отсутствует), но большинство осознало свою неправоту по отношению к этому, как оказалось, талантливому лягушонку.

А вот черепашка смотрела на лягушонка с нескрываемой гордостью.

Мы не знаем, что станет с лягушонком и его чечеточным талантом дальше, но сейчас он занимался любимым делом! Несмотря ни на что, он продолжал свою чечетку. И с этими ботинками, наконец, смог бить ее по-настоящему хорошо. Мечта его сбылась, и он был рад.

А еще он был рад, что у него есть черепашка, и она будет с ним, тоже несмотря ни на что...

РАНЕЦ

Это был чудесный ранец. У него было множество различных карманов и кармашков, замочеков и застежек, он был красного цвета, с яркими нашивками. И самое главное — он был совершенно новый, только что из магазина, никто еще с ним никуда не ходил. И девочка Люба ждала первого сентября, когда она впервые сможет взять его с собой в школу.

В жизни каждого человека наступает такой день! Первый звонок, первая линейка, первый урок, первый учебный день... Волнительно? Страшновато? Неизвестно? Интересно? Некоторые дети очень хотят пойти в школу, им хочется увидеть тот мир, о котором постоянно твердят взрослые. Нельзя сказать, что Любочка была из их числа. Вовсе нет, она приняла новость о том, что скоро в школу, спокойно. Девочка знала — все дети идут туда, что тут радоваться или расстраиваться? Но рюкзак был то, что надо, она сама его выбирала вместе с родителями, а еще к нему присоединились: множество тетрадок, пенал с попугаями, всевозможные карандаши, ручки, стерка со слоником, линейка и многое другое.

Но, конечно, все эти предметы без ранца просто не имели смысла. Он был главный, и он объединял их вместе.

— Вот и выросла наша кроха, — шептались ночью ожившие игрушки. Вы ведь знаете, что стоит нам всем заснуть, как предметы в доме ожидают?

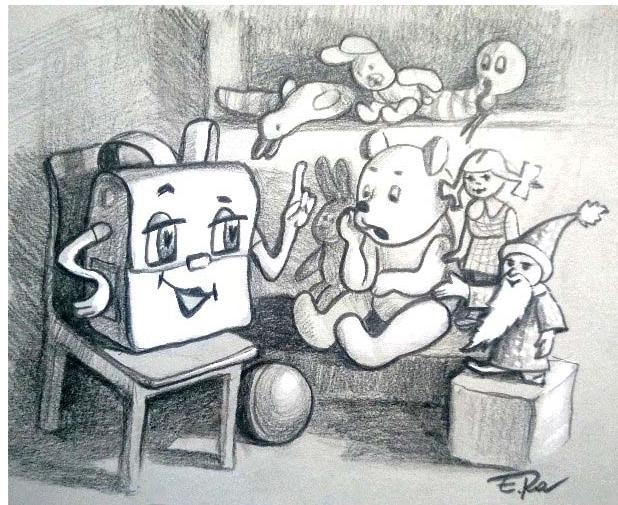
— Да-да, совсем большая, и теперь у нее будут совсем другие «игрушки» — вздыхали куклы.

— Эй, ранец! — Позвал плюшевый мишка, — следи за ней в школе как следует, мы-то не сможем ее больше оберегать, теперь ты за нее отвечаешь.

— Не беспокойтесь! — Заверил жизнерадостный ранец, — она попала в надежные «руки». Я буду всегда рядом. А каждый вечер стану рассказывать вам обо всем, что было интересного в этот день, и вам не придется скучать.

— Похоже, товарищи игрушки, у нас появился хороший новый друг. — Заметила большеухая собака. — Кажется, ему можно доверить нашу Любочку.

— Как же все-таки быстро растут дети, — покачал головой гномик с длинной белой бородой, его уже потрепанный красный костюмчик и колпак напоминали, что он знал еще маму Любы совсем маленькой.

Вдруг девочка зашевелилась в своей кроватке, и все притихли. Перед первым школьным днем она все же немного волновалась, поэтому проснулась среди ночи. Потерла глаза и, откинув одеяло, потопала босыми ножками в сторону своих игрушек, схватила гномика, и побежала обратно на кровать, пока еще не успела испугаться ночных монстров. Забравшись под одеяло, Люба крепко прижала гномика к себе и вскоре уснула.

— Надо же, вспомнила про меня, кроха.— Расчувствовался старый гномик.

— Похоже, не совсем наша девочка выросла, на что-нибудь мы ей еще пригодимся.— Улыбнулся медвежонок. Все куклы согласно закивали.

— Вот так, новых друзей приобретай, а про старых не забывай.— Прозвенел всевозможными застежками ранец.

ЧАСТЬ II

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Юрий Токарь

(Украина, Житомирская обл., пос. Городок)

Родился 5 января 1967 г. в г. Днепропетровске. В 1988 году окончил Днепропетровский государственный университет и начал преподавать математику и физику в сельской школе, расположенной в районе, пострадавшем от аварии на Чернобыльской АЭС. С 1996 по 2003 г. работал директором школы в военном городке (Житомирская обл.). Теперь учитель математики, физики, информатики. Стихи, рассказы, очерки Юрия Токаря более пятнадцати лет публикуются в центральных украинских изданиях, в России и Беларусь: в газете «Курьер Карелии», литературно-художественном журнале «Южная Звезда», газете «Беларусь сегодня» и других. В декабре 2016 г. в виде электронной книги в Российском издательстве вышел его роман «Учитель».

РАЗОРВАННАЯ ВЕРА

* * *

Над этой Землей удивленное небо:
Внизу разделяют великую Русь.
Но Вера сильнее и денег, и хлеба,
За эту единую Веру молюсь.

Нельзя вековечные связи разрушить
И наш православный народ разобщить.
Россия спасет заблуждавшие души,
А злобной Европе нас не разлучить.

Всегда поднимались из пепла Славяне
И вновь возрождали величье страны,
Стояли у края, и были на грани,
Немало хлебнули беды и войны.

У Неба попросим единства Святого,
Ведь час испытаний сегодня настал,
И мира попросим все вместе у Бога,
Чтоб ОН никогда бы нас не оставлял.

* * *

*Светлой памяти покинувшего этот мир
друга моего Василия, и иных ушедших,
близких мне людей*

Я вместо Майдана ходил в Монастырь,
Там Церковь и чистые души.
Ведь именно их Божий Свет освятил,
Они меж водою и сушей.

И музыке не было места в тиши,
А только шептались о чем-то
Ушедшие друг мой и ученики,
И мама являлась, ночами.

Она и при жизни казалась всегда
Устало-спокойной и тихой,
И Вася, когда приключилась беда,
Ушел без надсадного крика.

За эту мою Православную Русь,
Единую и неделимую,
Хоть грешный, но все-же крещусь и молюсь
Спасти, от непоправимого.

* * *

Зимнему Днепропетровску 2014 года

Снежный город мой или не мой?
И в стране — как-будто за границей.
Что же происходит со страной?
Ведь вокруг знакомые все лица.
Только я друзей не узнаю,
Раньше мы ругались и шутили,
И делили боли и уют,
А теперь все доброе забыли.
Ветры нас уносят к берегам,
Разным берегам, бесповоротно.
Кем же старт тому разлету дан?
Кто всех пересорил так жестоко?
Я по снегу грубому иду,
Он от фонаря немного синий.
Или наша музыка в бреду,
Или не растает летом иней.

* * *

ВСЕМ солдатам

«Без улыбки на лицах детей не бывает»,—
Так я думал когда-то, не зная войны.
Только жуткую правду теперь мы читаем
По глазам малышей, потерявшим родных.

Их угрюмые взгляды застыли надолго,
И, пронзая, морозит недетская боль,
Не помогут игрушки и доброе слово,
Ведь бессильно стала сегодня любовь.

А немирные, злые рассветы запомнив,
Не забудут уже даже годы спустя.
«Так когда ж, наконец, мы войну остановим?» —
Ты спроси откровенно друзей и себя.

* * *

Молиться, молиться и снова молиться,
Наверное, этот возможен лишь путь.
Раскол отпечатался болью на лицах,
А люди не в силах надежду вернуть.

На Бога мы все уповаляем сегодня,
А тот, кто не верит, бессильно молчит.
Над нами задумчиво высится полдень,
Но стая ворон беспокойно кричит.

И Крест устремляется в Вечное Небо,
Хоть купол Церковный в недобром дыму.
У речки замерзшей все старые вербы
В поклоне застыли, стыдясь за войну.

* * *

Над лесом растерянно птицы взлетели,
Бессмысленно в небо поднявшись с земли,
Они покружили, но песен не пели,
А если б хотели, уже не могли.

Снаряды тут тесно ложились недавно,
Откуда упали — теперь не понять.
И снег опускался в воронки неплавно,
Боясь, что в него тоже могут стрелять.

Донецкое небо с луганским оттенком
Немного наивным казалось всегда.
Вчера же оно пробиралось по стенкам
Ко дну блиндажа, где гнилая вода.

Расстрелянным лесом беда поперхнулась,
Но только живучा она и хитра.
Как жалко, что взрывами не захлебнулась,
Лиши черною стала у дуба кора.

ДОНЕЦКОЙ ДЕВОЧКЕ

Не обманет детская слезинка,
В полумраке правою блеснув:
Где-то колбаса и мандаринки —
Тут счастлива, что-нибудь хлебнув.

И смешались в раненных подвалах
Души, заклинанья, возраста.
Веры же осталось очень мало,
А надежда только на Христа.

По-донецки в Землю зарываясь,
Выстрелы пытаясь обмануть,
Понимают молодость и старость,
Как непредсказуем этот путь.

Не по-детски уши закрывая,
Девочка под скатертью лежит.
Вроде бы она еще живая,
И от смерти, может, убежит.

Даже и с закрытыми ушами
Крики различает хорошо,
Вовсе не расслышанная нами,
Спрятанная в каменный мешок.

* * *

Я в город, отмеченный кровью, приеду.
Вот он заплатил за Майдан уж сполна.
Обидны любые одесские беды,
Но только такая, конечно, одна.

Не вражие полчища дом поджигали,
Потом добивали спасенных людей.
Фашисты же, точно, когда-то не знали:
Фанаты быть могут страшнее зверей.

И слезы в глазах над притихшей Одессой,
Вопросы немые над морем и сном.
Полощет белье бестолковая пресса,
А мы лучше в память невинных споем.

Споем колыбельную, добрую песню,
Которую мамы им пели давно.

И облако, думаю, тихо и честно
От боли захочет спуститься на дно.

Стыдливо и я сторонюсь одесситов,
Как-будто причастен к трагедии той.
Ножи и кастеты, бутылки и биты
На поле принес, все-же, кто-то другой.

Но все мы виновны в несчастии южном,
Ведь раньше молчали, молчим и сейчас.
Но только не смейте слезою ненужной
Отмыться от крика растерянных глаз.

* * *

*Памяти погибших россиян в авиакатастрофе
самолета ТУ-154, что случилась
над Черным морем в декабре 2016.*

Доктор Лиза, зачем же вы в небо шагнули?
На Земле оставляя друзей и дела.
Обреченно огни самолета моргнули,
И, конечно, уже не помогут слова.

Музыканты, пилоты, что с вами летели,
Где они? Может вместе вы там, в вышине?
Тихо ангелы грустную песню запели
О дороге любви, о беде, о войне.

И славянскою болью исходит планета,
И прощается с вами Земля и Москва.
Вы уже не увидите жаркое лето,
Но останетесь в памяти, доброй всегда.

ДОНБАССКИМ ДЕТЯМ

Мультик помноженный на пониманье,
А за окном новогодняя тайна.
Правда, она не заснежена вовсе,
Может, снега и появятся после,

И Дед Мороз своей палкой ударит,
Да настроенья немного подарит.
Хоть убежать бы от правды скорее,
Не открывать ей, стучащейся в двери.

Только не сказочный праздник военный,
Бомбы с враньем перемешаны скверно.
В детских глазах ожидание чуда,
Может, не страшными станут минуты?

В ванной осколки никак не достанут.
В сказке по окнам стрелять перестанут?
В это, конечно же, мало кто верит,
Как и в наполненный радостью берег.

Все же глаза у детишек наивны,
Если б достались им мандарины!
Сможет Снегурочка ящик доставить,
И хоть немного подарков оставить?

НА УКРАИНЕ «ВК» ЗАКРЫВАЮТ?

Обрываются связи паутинок судьбы,
Только зло равнодушно смеется.
Удивленно-наивны, растеряны мы,
Пустота вместо слов остается.

Черный ветер и в щели проникнуть сумел,
Неужели расколятся нервы?
Над надеждами ворон по небу летел,
Успевая на тризне быть первым.

А добро притаилось пока. Почему?
Неужели оно безоружно?
Божий Свет, безусловно, поможет ему,
Но молчать только долго не нужно.

ДЕТИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

И, с задачкой не справившись, девочка плачет,
Удивленно на книжку упала слеза.
А ее успокоить пытается мальчик,
Жаль, задачки решать за подругу нельзя.

В пятом классе окно приоткрыто немного,
Глупый ветер под парту отправил листок.
Что же вас ожидает за школьным порогом,
Будет ли от задачки какой-нибудь толк?

Перемешаны добрые мысли с бедою,
И обидой не детской стучится война.
И по разные стороны линии боя
У детишек отцы. Чья же в этом вина?

А над школой вдруг стало немного темнее,
Это туча закрыла пути для лучей,
Им бы надо домой уж бежать поскорее,
Только ведь хорошо и за партой своей.

По-мужски он молчит, а глаза вопрошают:
«Чем могу я помочь после двойки твоей?»
Она взглядом ему отвечает: «Не знаю»,
Но от сомкнутых рук им обоим теплей.

ДНЕПРОПЕТРОВСКОМУ ПАМЯТНИКУ-БРОНЕПОЕЗДУ

Этот город не стер свою память еще,
Даже если в ней были ошибки.
Бронепоезд порой заливало дождем,
И под солнцем он млел с непривычки.

В нем детишки наивно играли в войну,
С той гражданской до этой, беззлобно.
А теперь так не верится здесь в тишину,
И на кладбищах юность в надгробьях.

Кто же кашу со злобной травой заварил,
Одурманив своим заклинаньем?
Подложить под того бы надежный тротил!
И не надо минуты молчанья.

А надежда осталась на чудо с Небес,
Что подарит спокойствия сладость.
И дурман пусть уходит в затерянный лес,
Где вся нечисть, что людям не в радость.

Сергей Лебедев*
(г. Тольятти)

ДЕРЕВЯННАЯ РОДИНА

ДЕТСТВО

*Отрывок из поэмы
«Воспоминание о деревне»*

Ветлуга, милая Ветлуга,
Как мало видел я тебя,
Лишь в пору летнего досуга
Меня ласкала ты, любя.
Тогда мальчишкой несмышленым
Бродил с отцом в лесах твоих,
И на коре по мхам зеленым,
Где север, юг — учил, как стих.
В бочагах черных под березой
Наметкой черпали щурят,
И вдоль коровников колхозных
Шли под мычание телят.
Бывало, средь кустов прибрежных
Мы разводили свой костер,
И, комаров кормя прилежно,
С туманом ждали рыбий жор.
Сорожки, окуни, плотвички,
Порой — лещи или елец,
Улов бывал вполне приличный
Для наших радостных сердец.
Узнал и тихую охоту:
Волнушки, грузди, белый гриб,
То под березой вдоль болота,
То в сосняке, то среди лип.
Ходили мы и по чернику,
Какая радость среди мхов,
Здесь открывались поелику
Красоты ягодных ковров!
Язык и руки — все в «чернилах»,

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Кружит от вкуса голова...
Все это было, было, было,
А память радостью жива.
И помню тетку Евпраксию,
К ней часто в дом я заходил.
Тиха, похожа на Россию,
Ее, как матушку, любил.
Всегда приветлива, с улыбкой,
Иконы, травы по избе,
И простота с таким избытком,
И святость в слове, как в мольбе.
Так и запомнил. Как икона
Она в душе моей всегда,
Достойна низкого поклона,
Свята, как чистая вода.
Любил чердачный мир, открытый
Под крышей деда моего,
На прялки, ружья и корыта
Здесь время тайнами легло.
Здесь запах был неповторимый —
Ремней, бересты, лыка, ржи...
Тот русский дух — такой родимый,
Что в сердце памятью лежит.
А утром в доме — запах хлебный,
Стучит заслонка у печи,
Блеск самовара желто-медный,
И сало весело скворчит.
И, ловко двигая ухватом,
Меняя в печке чугуны,
Казалась бабушка когда-то
Мне главным поваром страны.
Метровых пирогов со щукой,
Ржаных, где рыба в два ряда
Под корочкой хрустящей с луком —
С тех пор не видел никогда.
И детства мне святая память
Опорой будет до конца,
Незыблем дом, его ведь ставят
На крепость нижнего венца.
Дожди и бури, и ненастья
Порой испытывал в судьбе,
Но одолел я все напасти,
Ведь сила русского — в родне.

ДЕРЕВНИ

Я как песню пою,
И как сказку читаю,
Имена деревень повторяю.
Не названия,
нет.
Имена повторяю.

В этих русских словах,
Как в доспелых хлебах,
Как в парном молоке,
Как в душистой траве.
На горе Югары,
В Поляках топоры,
А в Поспелихе лен,
Неколючихой я удивлен.
В Елевую Заводь за рыбой,
Бархатиха, прыгай,
Коровиха, дай молока,
Жилиха, погоди пока.
В Поспелихе черника поспела,
Лапшанга, принимайся за дело,
Непогодиха подскажет погоду,
Выползиха пойдет в хороводы.
Имена деревень называл мне отец,
И от мамы я многое знаю.
И сейчас ощущил, словно стук их сердец,
Когда вновь имена повторяю.

НА ПОЧТОВОМ ТРАКТЕ

Осторожно подняв на закорки,
Избы держит почтовый тракт.
От того и название — Горки*,
Отбивает булыжник в такт.

Сколько лет эта музыка слышится?
Да не лет уже, сколько веков?
И летят над Ветлугой и крышами
Перестуки дорожных стихов.

За полями и старыми ригами
Обветшальные крыши видны:
Югары, Поляки и Кулигино
Русским духом и песней родны.

Подпевает листва своим шорохом,
А зимою — пурги пересвист.
Лучше песни ветлужского говора
Я не слышал за всю свою жизнь.

Это что-то особенно чистое,
Как наречие доброй души.
Луговое, лесное, душистое...
Лучше слов на Руси не ищи.

* Горки, Югары, Поляки, Кулигино — названия деревень Варнавинского района, Нижегородской области.

НЕ ВЕРНУСЬ

Югары*... Деревянная родина...
Отзвеневшие косы в лугах.
Под угром в осоке болотина,
И Ветлуга за лесом в песках.

Избы смотрят пустыми глазницами,
А «журавль» все о небе грустит.
Только память наполнена лицами,
Только сердце о прошлом болит.

Не цветет в палисадах черемуха,
Лиши крапива везде, лебеда,
Время в окна стреляет без промаха,
Пустотою чернеет беда.

Ты прости, моя милая родина,
Не вернусь я к тебе, не вернусь...
Я в пленау бетонной уродины
Предаю деревянную Русь.

СЮЖЕТЫ

* Югары — деревня в Варнавинском районе Нижегородской области.
196

Роман Круглов
(г. Санкт-Петербург)

Поэт, критик, редактор. Проживает в городе Санкт-Петербурге. Кандидат искусствоведения. Автор четырех книг стихотворений. Член Союза писателей России.

* * *

Есть на свете ветер и соловьи,
В небе лунный пятак —
Если Бог уже не пошлет любви,
Я согласен и так.

Я давно пыльцой ее опален —
Тлеет боль в седине.
Я насквозь огнем ее опылен —
Пламя зреет во мне.

Если не пошлет, значит я готов
Уже просто за так
Согревать и ветер, и соловьев,
И холодный пятак.

ЗВЕЗДЫ

Стволов сосновых охряные нити
Между закатом и водой озерной
Натянуты, по ним звенит огонь,
Они дрожат, стекая в отраженье.
Молчи, кузнецик!

Нет, милый, пой. До головокруженья
Гляжу в небес открытую ладонь,
В которой к ночи прорастают зерна.
Стары, как мир. Но чем же заменить их?
Ничем. И нечем.

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать ее себе —
Самодовольство мещанина.

Поди присвой июль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты, — все слезет, как загар,
Излечится, как воспаленье.

И ты пройдешь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнущий скелет.
Белесый день и талый свет
К закату ближе — ровный, желтый.
Ты понимаешь все живей
Серьезность маленьких вещей,
Таких, как ракушка и желудь.

Как память бывших встреч, легки
Святые эти пустяки.
И вот однажды вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из желудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

СЛОВА

Марк Поляковский
(г. Ашдод, Израиль)

О, КАК ЖЕ ЭТА СКАЗКА ХОРОША
Эротический венок сонетов

Поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатриировался в Израиль. Живет в городе Ашдоде. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Вслед за ним вышли в свет несколько сборников стихов и переводов с английского. Печатается в журналах Израиля и за границей. Литературный редактор издаваемого в Ашдоде журнала «Начало».

1

Божественные тело и душа...
Природа сотворила совершенство,
Пью это несравненное блаженство —
Тихонько, шаг за шагом, не спеша

Ласкаю упоительный простор,
Его долины, впадины, ложбинки,
Гряды холмов, священные глубинки —
Творцом был гениальный фантазер,

Он знал, он сам прочувствовал заране,
Установил пленительный рубеж —
Не где-то на поверхности, а меж...
Там страсть, там взрыв, там ангелов лобзанье!

Душа и тело, страстью одержимы,
В тебе едины и нерасторжимы.

2

В тебе едины и нерасторжимы
Тоска и грусть, еврейская печаль,
Рациональный разум и мораль...
И я твержу: «Мой Бог! Как хороши мы!

Возрадуйся на плод любви твоей
И возликуй! Кто свел нас как не Ты!
Ты видишь, что сбываются мечты?
О нас поет ночами соловей...»

Ответь мне только: «Почему сейчас?!
Не двадцать и не тридцать лет назад?
Ты указал дорогу в райский сад,
Когда... когда морщинки возле глаз.

Ты думал, Боже, мы непогрешимы? —
Душа Твоя поет, когда грешим мы».

3

Душа Твоя поет, когда грешим мы...
Да разве же объятья — это грех?!
У внуков это вызвало бы смех,
Для них загадки эти разрешимы.

А мы живем, мы продолжаем жить,
Давно оставив позади вершины,
Спускаемся с горы,— через лощины
И через время вьется, вьется нить,

Указывая путь из лабиринта...
Плутаем там уже который год,—
Найдем ли выход, или снова вход
Предстанет перед нами, сеньорита?

Когда поет бессмертная душа,
Трепещет тело, тканями шурша.

4

Трепещет тело, тканями шурша...
Мы молоды, как лет тому назад
Не меньше ста... Вновь осень, листопад
Несет куда-то, листьями кружа...

В осеннем вальсе кружим — раз, два, три —
Как желтые кленовые листочки,
И почему-то «Как у нас в садочке»
Запело неотвязно изнутри...

Забытая мелодия из детства —
Не вальс, но тоже, помню, на три счета...
Никто давно не требует отчета
О милых увлеченьях малолетства.

Пусть под ногами листьев желтизна —
В твоих глазах всегда живет весна.

5

В твоих глазах всегда живет весна,
Готов в них — словно в омут с головою...
Нет! — в микву с очищающей водою...
И если прежде жизнь была грустна,

Отныне грусть лишь легким нежным флером
Окрашивает бег ночей и дней.
И что с того, что юный Гименей
Нам вслед опять глядит с немым укором —

Наш бог — Эрот, пособник Афродиты.
А Гименей? — его пусть зависть гложет,
Не он, не он для нас готовил ложе...
Мы — верные Эрота прозелиты.

Я погружен в мир нежности и ласки,
В тот час, когда твои лучатся глазки.

6

В тот час, когда твои лучатся глазки
И рвется из груди протяжный вздох,
В моей душе опять переполох...
Не требуя услужливой подсказки,

Ищу руками трепетными путь,
Скользя вдоль нежной, ласковой равнины
К холмам. Их напряженные вершины
Манят и не дают передохнуть,

Я нахожу упругость их губами...
Все ниже, ниже... Дальше — островок
Курчавых кущей, нежный желобок,
Влекущий в гrot, сочащийся слезами...

Милее нет любимой кареглазки,
Так хочется остаться в этой сказке...

7

Так хочется остаться в этой сказке,
Где для любви и счастья нет предела,
Где злобы нет — кому какое дело?!
Где не живут с оглядкой, по указке,

Где нам с тобой лет тридцать пять, ну, сорок,
Мы молоды, с врачами — только дружим,
Ни кальций, ни клистир пока не нужен,
Пушкинкою взлетаем на пригород,

Где седина — и та еще не снится,
Где лысина моя пока в проекте,
Где фонари ночные на проспекте,
Где светятся от счастья наши лица,

Где можно верить: каждый день — весна, —
И быть с тобой и день, и ночь — без сна...

8

И быть с тобой и день, и ночь — без сна,
И предаваться сладостным утехам,
Любить — до стона, гнать печали — смехом,
Знать — честен пред тобой, и ты — честна.

Друг другу слепо верить — без оглядки,
Встречаться — ну хотя б в неделю раз,
И — прядь волос, и — лучики из глаз,
Прикосновенья губ — нежны и сладки.

И не нужны затертыe слова, —
Лишь взгляды — в каждом взгляде откровенье,
Сулящее отраду и забвенье...
О, Господи! Кружится голова...

Едина наша грешная душа, —
О, как же эта сказка хороша!

9

О, как же эта сказка хороша,
Где по утрам разбудит птичье пенье,
Где нет нужды искать успокоенье,
Где, если за душою ни гроша,

Помогут, не потребовав взамен
Ни тела, ни души, ни обещаний.
Здесь не услышишь вечных причитаний,
Здесь царствует любовь, здесь нет измен,

Здесь — что ни шаг — везде следы влюбленных,
И наших ног следы — они средь них,
И я сложил о том свой нежный стих —
О нас с тобой, любовью окрыленных.

Мы вновь одни, все в мире опустело,
Когда слились едины с телом тело.

10

Когда слились едины с телом тело,
Ток времени потек внезапно вспять,—
О, Господи, мы молоды опять,
Мы снова любим истово и смело.

Я вновь неудержим, а ты полна,
Как амфора, изысканной любовью.
Дай, бережно приникнув к изголовью,
Испить напиток вечности сполна.

Давай с тобой забудем обо всем
На миг, который длится бесконечно,
И снова поведем себя беспечно,
Как пешка, побывавшая ферзем.

Мы вместе. Время длится не спеша,
Когда едины тело и душа.

11

Когда едины тело и душа, —
Что в этом симбиозе необычно?
Вторичности здесь нет, тут все первично.
Телесность — до чего же хороша!

Кто мог бы изваять тебя — Пракситель? —
Чтоб высветить внезапный переход
От шеи через грудь, через живот —
Туда, где притаился искусствитель?

А что душа? Страдает ли, поет
В минуты наивысшего блаженства?
Как знать, быть может, в том и совершенство,
Что все душа предвидит наперед...

И этому единству нет предела,
Когда друг другу преданы всецело.

12

Когда друг другу преданы всецело, —
Как море и песок, как свет и тень,
Любовь и ненависть, как ночь и день
(Лишь нет подобия для мушки и прицела) ...

Один подумал, а другой — сказал,
Когда порой достанет только взгляда —
И нет как нет причины для разлада,
Когда мудры, как древний аксакал...

Когда понятны нежный шепот моря,
И шорох дюн, и звучный плеск волны,
Когда мы молоды, любовию полны,
Когда нас ангелы хранят от горя...

Мы вместе, и не может быть иначе,
И души слиты накрепко, однаже...

13

И души слиты накрепко... Однаже
Не так ли рассудило провиденье:
«Пусть сбудется желанье ли, виденье,
Пусть им всегда сопутствует удача!»

Сюжет для сказки вечен и банален:
Как две души метались по планете
И по какой-то сказочной примете...
Был сказочник, конечно, гениален,—

Ведь эти две души, два человека,
Нашли друг друга в городе у моря,
И полюбили, и не знали горя,
И жили дружно до скончанья века...

Как чудно было б в сказке жить, однаже
В реальности все чуточку иначе...

14

«В реальности все чуточку иначе...» —
Так начинала в детстве сказку мама,
И я искал настойчиво, упрямо
Ответ неразрешимой той задачи —

Где сказка превращается в реальность?
Я все искал, не находя ответа,
Мелькнули зимы, пролетели лета...
Я не нашел дороги в зазеркальность,

Где будущее с прошлым вперемешку,
Где мыслимое — ярко, четко, зrimo,
Где все реальное — вообразимо,
Где все вокруг — немного впересмешку,

Где вечно обитают, не греша,
Божественные тело и душа.

15. Магистрал

Божественные тело и душа
В тебе едины и нерасторжимы.
Душа твоя поет, когда грешим мы,
Трепещет тело, тканями шурша.

В твоих глазах всегда живет весна.
В тот час, когда твои лучатся глазки,
Так хочется остаться в этой сказке
И быть с тобой и день, и ночь — без сна...

О, как же эта сказка хороша,
Когда слились едины с телом тело,
Когда едины тело и душа,
Когда друг другу преданы всецело,

И души слиты накрепко...
Одначе,
В реальности все чуточку иначе...

ЖЕСТЬ

Екатерина Володина
(Тюменская область, д. Зубарево)

Екатерина Владимировна Володина — поэт, член Союза российских писателей. Неоднократный победитель региональных и международных литературных конкурсов, лауреат регионального конкурса «Книга года 2016». Стипендиат государственной стипендии для выдающихся деятелей культуры и искусства России за 2015 год. Обладатель Гранта Правительства ХМАО — Югры в области журналистики. Автор 7 книг. Проживает в Тюменском районе в д. Зубарево.

РУСЬ

Пускай твердят: «Она забыта Богом...»,
Пусть назовут немытой, пьяной, странной,
Легко — судить и рассуждать о многом...
Как ей хватает сил, многострадальной?

И все же не найти ее роднее,
Люблю — ее и синь, и грозы с неба,
И я с утра твержу
душою с нею,
Молитву свежевыпавшего снега.

* * *

Лето дышит ароматом чайным.
На веранде белые цветы.
Теплый дождь, нагрянувший — нежданный,
Окропил фантомные мечты.
Дышится и чище, и вольнее.
Отрещенные от суеты,
Ни о чем на свете не жалея,
В этот день мы вместе, я и ты.
Тихий вздох, касание губами.
Грусть моя, твоя подруга здесь...
Ближе расставанье между нами,
Уверяет: в жизни счастье есть.

БАБЬЕ ЛЕТО

Золотая осень...
Бабье лето...
Осиянна в солнечных лучах,
Жизнь моя до дитятки, согрета,
Чудо продолженья — на глазах...
Как бы даль дождями ни рябило,
Все яснее небо поутру.
В гроздьях,
в бусах, алая рябина
Пуще пламенеет на ветру.
Ягодой горят у нас корзинки.
Половодье красок...
Любо мне!
Скоро загорятся в лужах льдинки,
Но еще осинники — в огне!
Осерчало на плите варенье,
Хватит нам и меда, и вина,
За столом, богатым угощеньем,
Будет песня долгая хмельна.
Золотая осень.
Бабье лето.
Края нет и дна голубизне.
Пощади же, жаркое, поэта
И не дай сгореть в твоем огне!

* * *

Летняя память, не преломляясь в лицах,
В полдень, в жару, в июле варим варенье.
Перелистнув очередную страницу,
Словно роман — вишневое созворенье.
В сладкие пенки оса погружает лапки,
Смело копается в липкой тайне,
И поднимаются вверх кипучие шапки,
Жизнь обретает новое содержанье.
Как расточимы подтеки страсти, сласти,
Не обжигаться мы зарекались впредь,
Это варенье — воспоминанье счастья,
Им одиночество сможем зимой согреть.

* * *

День завтрашний придет с добром, красив. И сомневаться нечего...
Гляди ж, волнуется закат обветренный багряным вечером.
Венок мой незамысловат. Красива в нем твоя головушка,
Переложу я на стихи, что утром пел в саду соловушка.
Все отпустив, что не по мне, по ветру я в полях развеяла,
То, что нам не принадлежит, во что я, кроткая, не верила,—
Не зря потеряно оно... Пусть счастье улыбнется каждому,
Хоть люди взянут в мелочах и душу не склоняют к важному.

Услышишь ли ты шепот трав под вековечными туманами?
Назавтра вызреют они, чтоб стать и сильными, и прямыми.
Молитвы тихие мои небесный Ангел слышит, ласковый,
Ведь, если живы мы с тобой, то, безусловно, милый, счастливы...

* * *

Февраль. Интерпретация хрупких снежинок,
Полуоттаяв, чувства опять устремляются в детство.
В калейдоскопе праздника льдистых искринок,
От меланхолии — самое верное средство.
Опыт обратен, с весною снега вновь растают,
Призрачна прелесть мерцанья изящных кристаллов.
От дуновения с перчатки легко слетает
Белое чудо!.. И за секунду его не стало.
Неистощима зима со своею свитой,
Выюги, мороз, метели — служители злого рока,
И до ознона с судьбою давно уже квиты,
Каждая из снежинок более чем одинока.

* * *

Солнечно, сладостно у весны в объятьях,
Сердце и чувства опять тяготеют к выси,
Прошлые годы, эх! Повернуть бы вспять их,
Вечность и время снова приводят к мысли —
Все подчиняется в жизни тебе, светило,
Мудрые притчи и летопись страстных романов,
Все под твоими лучами когда-то было,
Было... и будет! Под сенью цветущих каштанов.
Скоропись времени, снова двоятся прогнозы,
Что будет потом... со мной, с тобою,
Нам не известно, но неизбежно точно —
Чувство предчувствия, предвосхищенья весною!

* * *

Утопает в туманах пейзаж,
Осень время сонетов и нег,
Но октябрь, старательный паж,
Торопливо готовит нам снег.
За окном доживает тепло,
Листья жаждут в альбом и в тетрадь,
Дни чудесные мне под перо,
И ночами Любить, не спать.
А когда по прошествии лет,
В понимании — жизнь есть мираж,
Ты найдешь в свою осень ответ:
Утопает в туманах пейзаж...

❖❖❖

Александр Савостьянов
(г. Клинцы, Брянская область)

Серебряное Перо Руси Международного конкурса «Национальная литературная Премия Золотое Перо Руси-2016», лауреат 5-го Международного конкурса детской литературы «Пегасик-2013» (1 место в номинации «Разные жанры»), лауреат поэтической премии им. Алексея Маресьева, лауреат серии Международных литературных конкурсов «Большой финал» (2016—2017) в номинации «Мне лира для того дана», дипломант 1 степени конкурса «Мгинские мосты» без границ IX Международного фестиваля «Мгинские мосты» без границ, дипломант Восьмого Международного конкурса хайку-2016. Член Союза брянских литераторов, Русского литературного клуба и Футурсобрания.

РЯБИНА КРАСНАЯ

Рябина красная стоит-печалится,
Спилили недруги дремучий лес.
И в каждой веточке сквозит отчаянье —
Несет Русь-матушка тяжелый крест.

На дно глубокое ужом не спрячешься,
А небо черное от воронья.
Рябина-ягода горчит, горячая,
Как недопетая любовь моя.

Мерцают в памяти огни купальные,
Бьют ветры шквальные. Звезда и смерть.
Тут впору взглядами объять прощальными
Всю необъятную земную твердь.

Боль — нитью красною. Стон — под полозьями.
Пора недобрую забыть молву.
Снега нарядными осыплю гроздьями
И в свете солнечном вновь оживу!

А в каждой ягодке — исток трепещущий,
Пространства спутались и времена,
И песней нежною любимой женщины
Минута вечности возрождена!

ДОЛЯ

В этот мир приходят
и уходят
в мир иной
чужие
и свои.
Тайны сохраняют перехода
две переплетенные змеи.

Две сестрицы — Доля и Недоля
днем и ночью не смыкают глаз.
За глаза
и правда-крайда колет
здесь,
сегодня,
прямо
и сейчас.

Где удача
рядом с неудачей,
а добро сражается со злом,
счастье от несчастья
тоже плачет.
С колыбели так вот и живем.

В этот мир приходят
и уходят
в мир иной,
откуда и пришли —
стражи генетического кода —
две переплетенные змеи...

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

Дым по крыше заснеженной стелется,
Белокаменный дом замело.
Спят на небе две белых Медведицы,
Зapasая под пледом тепло.

Сон — рекою. Волшебную мельницу
Раскрутить на ветру суждено,
Взяв на дне сундука у Метелицы
В путь-дорожку билет проездной.

Дно колодца до дна не измерено,
В свете солнечном — заячий луг.
Видно белого в яблоках мерина,
Соловыиное царство вокруг!

Хлеб да соль! — Утомленною белочкой
Счастье спит в теремочке своем.
С лунной груши плоды-скороспелочки
Осыпаются сладким дождем.

Миновали осенние хлопоты.
В гости просится сам Дед Мороз.
Будит нежно Снегурочку шепотом
В хороводе мерцающих звезд.

...Снег постелью заоблачной стелется,
За окном — новогодняя ночь.
Взбив перину небес для Метелицы,
Змей Горыныч уносится прочь!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

Снова в свинцовом августе бьет метроном.
Выстрел крупнокалиберным в сорок втором.
Голод и смерть на улицах. Смерть — в блиндажах.
Стынут во тьме нашествия слезы в глазах.

От небывалой стойкости голос осип...
Шквалом живая музыка — главный калибр.
Палочка дирижерская, соло трубы.
Дробь барабанная целится в медные лбы.

Дрогнули осаждавшие, словно от ран:
Огненная симфония — как ураган.
Музыка Шостаковича. «Враг у ворот»...
По ленинградским улицам враг не пройдет.

ГОЛОС

«Продли Бог веку на сорок сороков»
Русская пословица

Сорок сороков —
Наворочено...
Горы черепков —
На обочине.

Сорок сороков —
Тьма ли тьмущая?
Споры «мудрецов» —
Жалость сущая...

Горе от оков —
Всполох мнения:
Сорок сороков —
Голос гения!

Шорох змей под стать.
Воскресение.
Сорок дней Поста.
Вознесение!

СТАРАЯ РУССА

Светлой памяти Алексея Маресьева

Старая Русса.
Старая Русса.
Вот и лежал бы я тут...
Вечная память витязям русским,—
Грустные мысли гнетут.

Подвиг бессмертен в миге от смерти.
Даже не чувствуя ног,
Сильная птица — верьте, не верьте,
В сердце — летающий Бог.

Действовать первым, биться искусно,—
Дрогнет и целая рать.
Двигатель воет, палец на спуске —
Рано еще умирать.

Резким маневром ставится точка
В схватке с врагом роковой.
Бьет истребитель быстро и точно:
Следом за первым — второй.

Купол глубокий, легкая дымка
Тает внизу — у земли.
Выстоял, выжил.
Смерть-невидимка,
Наши пути разошлись.

...Старая Русса.
Старая Русса.
В небе — воркующий звук.
Вечная слава витязям русским,
Мчащимся вдаль наяву!

Пользуясь случаем, хочется отметить, что после тяжелых ранений, приведших к частичной ампутации одной или обеих ног, кроме А. П. Маресьева вновь сумели подняться в воздух еще, по меньшей мере, 8 человек. Из них, 7 были летчиками-истребителями: майор Л. Г. Белоусов, майор А. Ф. Белецкий, Гвардии полковник А. И. Грисенко, Гвардии капитан З. А. Сорокин, старший лейтенант И. М. Киселев, Гвардии капитан Г. П. Кузьмин, Гвардии подполковник И. С. Любимов. Один пилот, старший лейтенант И. А. Маликов, представлял бомбардировочную авиацию.

Алекс Акулов
(г.Тула)

Стихи пишет с юности. В 2017 году вышел авторский сборник стихотворений «Мои окна выходят на север...». Публиковался в периодических изданиях. Стихотворения основаны на реальных событиях, личных чувствах и эмоциях.

НАТИОРМОРТ

Как сбежавший заложник,
Клею ссадины мазью.
Этот странный художник
Небо вымазал грязью.

В этом городе славном
Все абстрактно теперь...
Но ни слова о главном...
Хоть в кабак, хоть в бордель.

Мне бы только за хлебом
И в аптеку за мазью...
Это синее небо
Кто-то вымазал грязью.

ПРОЩАЙТЕ, МЕРТВЫЕ МОРЯ

Прощайте, мертвые моря,
Уснувших волн пустые реки.
Прощай, истлевшая заря,
Я покидаю вас навеки!

Моих надежд разбитый флот
Давно растаял в океанах.
Пиратский флаг, прогнивший плот,
И вместо рома пыль в стаканах.

Меня не взять на абордаж.
Я тихо растворился где-то.
Домой распущен экипаж,
Чуть-чуть осталось до рассвета.

Я не вернусь, печаль моя!
Я грустью затыкал все щели...
Прощайте, мертвые моря,
Вы мне чертовски надоели!

ПОЛУНОЧНЫЙ БРЕД

Хрустальных звезд мне тайны не сберечь.
Вино Луны прокисло... Стало ядом.
Я так устал от всех ненужных встреч.
Обманчив рай, мне кажущийся адом.

Я мало брал, но много отдавал.
Искал у февраля весны истоки.
Я часто падал, падал и вставал.
Не одинок, но все же одинокий.

На эти звезды тихо помолюсь.
Одна Луна... Хоть ты меня согреешь?
Тебя терять я больше не боюсь,
Нельзя терять того, что не имеешь...

ПИСЬМО

Что написать тебе? Не знаю...
Все как-то стерлось, рифмы нет.
Во сне пою, а утром лаю.
Курю кальян, ношу вельвет.

Давно не пью... и неохота.
Дождливой ночью спорю с Ним...
Какая странная работа,
Любить одних — дарить другим.

И что, скажи, еще мне надо?
Моих постелей страсть и стресс...
Неблагодарная награда —
Считать испорченных Принцесс.

Давно не двадцать — вот потеха!
Работа — дрянь, желаний нет...
Ну прочитай хотя б для смеха...
Курю кальян... ношу вельвет...

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Борисова — поэтесса, переводчица. Автор четырех поэтических сборников. Переводит с болгарского, македонского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер многих международных поэтических конкурсов и фестивалей. Обладатель премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства Культуры РФ. Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

ДОМИК САМАННЫЙ

Домик саманный покрыт черепицей,
Флюгер скрипит на ветру.
Рвется он в небо бескрылою птицей,
Спать не дает поутру.

Стражами мальвы стоят у амбара.
Радуют красками взгляд.
Шепчет о чем-то у дома чинара,
Звонко цикады звенят.

Крым. Деревушка, забытая богом —
Тихий степной уголок.
Смотрят оконца печально и строго
На перекрестье дорог...

ЭТО ОСЕНЬ

Птицы ль качают упругие ветви,
Ветер скользит по ветлам?
Стонет ли кто? Или в домике ветхом
Мыши пищат по углам?

Нет! Это осень бредет по округе,
В тощей котомке — дожди.

Скука с печалью — две верных подруги,
Тенью снуют позади.

Осень-скиталица сыплет листвою,
Стелет лиловую мглу.
Желтые, алые — над головою,
Рыжий — прилипший к стеклу.

Скоро зима... Ждать осталось немного —
Засеребрятся леса...
Снова уходит своею дорогой
Путница, осень-краса.

НА КОНЧИКЕ ПЕРА

Стекала с кончика пера,
Листы маrary всяkim бредом,
Моя печаль. И слов игра
В октавы складывалась следом.

Рождалась музыка стиха,
Сливалась с ритмами Вселенной.
Была она еще тиха,
Почти беззвучна, сокровенна.

А следом — новая строка,
Несовершенна и нелепа,
Срываилась к жизни с языка...
За ней рука спешила слепо.

СКАЗКА НА НОЧЬ (ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ)

Кот-баюн, поведай сказку
Мне про небыль и про быль.
Я даю тебе подсказку —
О красотке Корефиль,

Что томится в башне древней
За решетками окна,
За которым скалы дремлют,
Да шумит внизу волна.

А по замку бродят волки,
Стерегут входную дверь.
И у девичьей светелки —
На цепи свирепый зверь...

Что же ты смыкаешь глазки?
Промурлычь мне, мудрый кот,
Продолженье этой сказки,
Что и где произойдет.

И о карлике-злодее
Ты мне тоже расскажи.
О заморском чародее,
Что скрывается в глухи.

Как он путает дороги,
И наводит чары сна.
Как грустят единороги
В подземельях колдуна.

Как в пещерах темных злато
Охраняют сто пантер.
Сотня воронов крылатых
Стерегут покой гетер.

Околдованные жрицы
Служат верой колдуну,
И прислуживают львицы,
Что живут в его плену...

Кот-баюн мурлычет тихо.
Бывают часы двенадцать раз.
В сказке принц сразился с лихом...
Засыпаю... свет пога-с-с.

ВАЯТЕЛЬ

В моих руках комочек глины —
Сейчас ваятель я... творец.
Беру из старенькой корзины
Ножи, бумагу и резец...

И в след спешу за вдохновеньем
(Рисунки птицы на листах)!
Творю... Вот-вот... Еще мгновенье —
Забывается жизнь в моих руках.

Резцом подправила ей крылья.
Живи! Я верю в чудеса.
Расправь крыла! Одно усилие!
Лети, Журавка, в небеса!

АПРЕЛЬ

Апрель. Седьмое. Выходной!
На стеклах луч плетет узоры.
Соседи громко за стеной
Ведут о чем-то разговоры...

Смотрю в окно... Спешит старик,
(Он этажом живет пониже);

Красивый был, видать, мужик!
И, говорят, что жил в Париже.

Поэтом слыл в чужой стране,
В салонах гостем был желанным.
Теперь один... По чьей вине
Жильцом он нынче безымянным?..

А вот дворовый рыжий пес,
В лучах купаясь, греет спину.
Он зиму еле перенес —
Плешивый, старый... Жалко псину!

На ветке клена — воробей.
Шумит малец на всю округу.
Давай, пернатый, не робей!
Зови в гнездо свою подругу!

Весна смеется за стеклом...
Я с радостью ее встречаю.
Согретая живым теплом,
Иду на кухню выпить чаю.

СЛОВА

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск Мурманской области)*

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Частым покаяньям зная цену,
В покаянный час очередной
Не стучите головой о стену,
Грех пугать соседей за стеной.

И себя увечить проку мало:
Суньтесь, предъявляя синяки,
Дескать, совесть гнула и ломала,
Вас же записные остряки

Наизнанку вывернут ретиво,
И всерьез ославят (поделом!).
Ну, а впрямь смущает перспектива
Оказаться искренним ослом,

Чем вздыхать о подлости недавней
Или о напрасной доброте,
Сочините список оправданий
На любом попавшемся листе,

И бумага стерпит, уж поверьте,
Материал выносливый такой.
Вы же в повседневной круговорти
Обретете, если не покой,

То ему надежное подспорье.
Супротив хворающей души
(Не ангиной или, скажем, корью)
Все, пожалуй, средства хороши,

Особливо — здравое мышленье
(Пусть порою верится до слез
В сказочное «щучье повеленье»).
Если разум хладен и тверез,

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2017 год.

Вера — только следствие расчета,
И любви надежнее стократ.
А на кой, ответствуйте, еще-то
Полыхает школьный маскарад

«*От Москвы до самых до окраин»?*
«*Общим выражением лица*»
Гордые, живем и помираем.
Но «*отряд потерю бойца*»

Не смутить. Стартается исправно
Тот, кто вместо выбывшего взят.
И психологические травмы
Никому при этом не грозят.

* * *

Плечи печали.
Юркая тень свободы.
Бальные танцыбросивших костили.
Мы не скучали
Все эти злые годы.
Ну, и вполне естественно, обрели

Тусклые лица,
Толщу бывалой кожи,
Трупные пятна слишком нормальных глаз.
Где уж тут злиться!
Повод всегда ничтожен.
Вот пообвыклись, и не тревожат нас

Сумерки речи,
Пытка колхозной браны,
Липкие междометья согласных рук.
Черная речка?
Кто там сегодня ранен?
Мало ли кто! Постой-ка, возможный друг,

Будем знакомы!
Пасынки ноу-хау,
Ищем для жизни сносной любой мотив.
Ведь по закону
Наш интернат — дахау
Не оставляет радужных перспектив,

Выпускникам.
И где от судьбы спасенье?
Сбавь обороты, взвинченный гражданин!
Что-то пока
И в праздник не до веселья.
Искренне же веселящихся извиним,

Даже смурными
Веруя безоглядно
В высшую справедливость и высший суд.
Вот уповать на иные,
Увы, накладно,
И ничего они толком не принесут

Кроме позора.
Далее лишь осина
(Пальма предательства)... Только вот, ай-люли,
Галстук разорван.
Чем недоволен, псинка?
Или совсем не дышится без петли?

Смачная пресса.
Шкварки убойных фактов.
Скисшая правда, найденная с трудом.
Верное средство
(В частности от инфаркта)
Это — свалить куда-нибудь за кордон...

Ваши манатки!
Драпайте на здоровье
(Только черкните тамошний адресок).
Хлористый натрий
Часто мешая с кровью
(Как в заводской столовой томатный сок),

Мы, остальные,
Наглые сверхурочно,
Ваньку валяли, скажет любой эксперт.
Да и поныне
Сами себя морочим,
Изобретая ржавый велосипед.

ОБ УТРАЧЕННОМ

И вот так каждый день: вздохи, реплики, целые речи.
Осуждаем, пугаем, и все-то бормочем мораль.
Головами практическими скорбно качаем при встрече:
— Мог бы стать человеком... Очень жаль, господа, очень
жаль.

Констатировав факт, неприятный и, в общем, случайный,
(Ну попался на сотню нормальных один ротозей!),
Торопливо уходим, еще заскочить обещая,
На ходу корректируя список достойных друзей.

Как спокойно и тихо без глупых мальчишеских стычек!
Без случайностей диких, почти неизбежных тогда!

Это вечер вчерашний, наутро дурные привычки
Рассовать по углам не составило вовсе труда.

С каждым годом теперь мир все более необитаем.
И не только вокруг, но и в сердце звенит пустота.
И окликнуть-то некого, друг, мол, айда полетаем!
Ибо напрочь забыто великое слово — мечта.

* * *

Итак, забвением
Лечит время?
А ну, расскажите!
Как интересно!
Будто бы это
Целебное снадобье,
Неотвратимо,
И безотказно
И так далее,
Вперемешку
С убедительными примерами
И конкретными именами
Излечившихся
От последствий
Горькой памяти,
От безумия,
Ежедневно
Несовместимого
С душным кодексом
Уцелевших,
Научившихся
Мыть в ладонях
Злые, мелкие
Крошки хлеба
Ради будущего
И прочая.
Все понятно.
И спорить не о чем.
Лишь истощное
Одиночество,
Изdevаясь
Над чистым разумом,
Барабанит
В кармане внутреннем,
Ибо сердце
Не переделаешь,
Да и боль
не имеет возраста;
Сроком давности
Не откупишься...
...а в могилу —
Добро пожаловать.

ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

**ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 95-ЛЕТИЮ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

30 декабря 1922 г. образован Союз Советских Социалистических республик. В этом году исполняется 95 лет этому событию.*

Конечно, понимаем, что мы живем уже в другой стране, но историческую Родину никто не отменял. Поэтому в Тульском областном художественном музее всегда существовало, есть и будет пространство СССР, в том числе и благодаря серии выставок, о которых идет речь ниже. Это пространство существует и в журнале «Приокские зори». Мы помним события, связанные с Великой Отечественной войной. В этом году исполняется 100 лет Великой Октябрьской Социалистической революции. Можно по-разному относиться и к современным реалиям, все зависит от взгляда, от точки зрения, позиции, которые дадут возможность со временем оценить случившиеся события в истории Земли.

Искусство, живопись, архитектура, как и литература — являются результатом творения рук человека. Тульский областной художественный музей представил в 2017 году свой выставочный проект «К 95-летию образования СССР», который задуман как серия художественных выставок из запасников музея, подготовленных и реализованных творческим коллективом. Выставки представляют искусство республик, входящих в СССР, которые позиционируют себя сейчас как самостоятельные государств.

* Союз Советских Социалистических республик, Советский Союз, СССР — государство, существовавшее в 1922—1991 гг. на большей части территории бывшей Российской империи. Площадь — 22,4 млн км², население 286,7 млн человек (1989 г.). Столица Москва. Согласно подписанному 30.12.1922 года Договору об образовании СССР в его состав вошли РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР (включала Грузию, Армению и Азербайджан, которые с 1936 г. входили в состав СССР как самостоятельные союзные республики). В дальнейшем в составе СССР образованы Узбекская ССР, Туркменская ССР (обе в 1924—25 гг.), Таджикская ССР (1929 г.), Казахская ССР, Киргизская ССР (обе в 1936 г.). В 1940 г. в состав СССР были включены Молдавская ССР, Латвийская ССР, Литовская ССР и Эстонская ССР. В 1940—56 гг. существовала в качестве союзной Карело-Финская ССР (в дальнейшем Карельская АССР в составе РСФСР). В 1944-м Тувинская Народная республика вошла в состав РСФСР. По условиям Беловежских соглашений от 8.12.1991 г. СССР прекратил существование, все входящие в его состав союзные республики стали суверенными государствами (Новая Российская Энциклопедия, т. XV (2-й) М., Энциклопедия, с. 159).

ХУДОЖНИКИ ЗАКАВКАЗЬЯ

Первая выставка из этого цикла, прошедшая с 30.03 по 14.05. этого года и посвященная искусству Закавказья (Грузии, Армении и Азербайджана), отличается своей колоритностью и красотой. В работах художников живет яркая природа, его люди, обычаи и нравы, история и сегодняшний день, вековые традиции и современность.

На выставке представлены работы художников Закавказья 1970—1980-х гг. Художники много и интересно — на языке изобразительного искусства — размышляют о традициях, об истории, о понимании красоты в современном мире. Они иначе, чем художники предыдущего десятилетия, понимают образно-выразительные средства и возможности искусства: колорита, композиции, линейного и ритмического строя. Им близок язык символов, их живописная форма отличается яркой зрелищностью, насыщенным цветом.

Аракел Седрикович Аракелян (1927—1991), Заслуженный художник Армении. В творчестве А. Аракеляна преобладают лирические пейзажи. Природа в его картинах согрета теплом, тонкой, трепетно раскрытою навстречу жизни души художника.

Разной и неповторимой была седая вершина Арагата в работах художника — своим освещением, очертаниями, цветовой гаммой, своей мощью. Одна из любимых тем — тема аистов в гнезде. Аист символизирует приход весны и новой жизни.

Аракелян А. С. (1927—1991). Весна. Из цикла «Моя Армения». 1982

Рзакулиев Э. М.-Г. оглы (1926—2007). Апшеронцы (водители). 1982

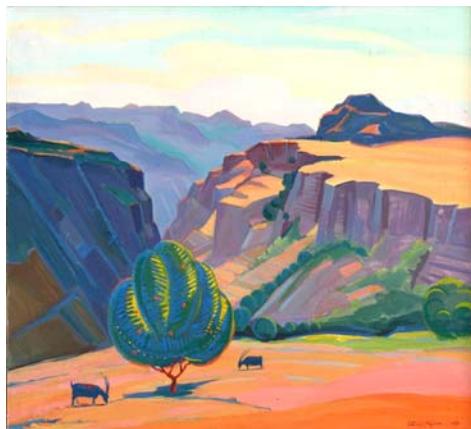
Эльбек Мирза-Гасаноглы Рзакулиев (1926—2007), Народный художник Азербайджана. Полотно «Апшеронцы (водители)» посвящено людям, работающим на соляных разработках Апшеронского полуострова.

Радиш Терентьевич Тордия (р. 1936). Грузинский художник в своей композиции объединяет человека с природой с очаровательной непосредственностью художественного восприятия. Нежная, прозрачная, воздушная живопись, золотисто-розовые тона с вкраплениями красного, желтого, синего, голубого — это песня, воспевающая красоту грузинской женщины.

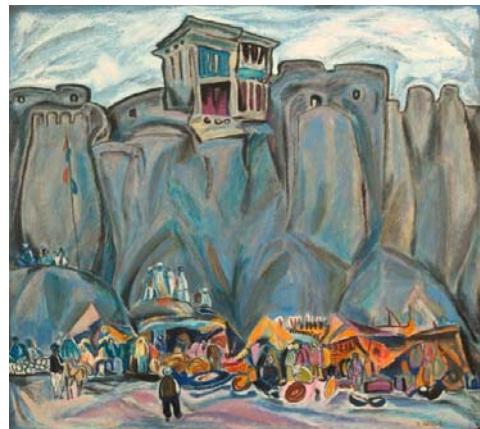
Мгер Манукович Абегян (1909—1994), Народный художник Армянской ССР. Иджеван — город в Армении у подножья Иджеванского хребта. Это горы с мягкими очертаниями, сплошь покрытые лесами. По этой долине проходил один из древних торговых путей Армении и Закавказья. Часть города расположена на склонах этих гор. В переводе с армянского Иджеван — «постоялый двор».

Известное влияние на творчество художника оказала живопись Мартироса Сарьянса.

яна. Это проявилось в декоративности и интенсивности цвета, в мажорно-оптимистическом настроении пейзажей. Абегян создал свой образ армянской природы. Самое значительное место в творчестве Абегяна занимает пейзаж. Его любовь и восхищение родной землей передаются зрителю.

Абегян М. М. (1909—1994). В Иджеване. 1971

Н. Г. Абдурахманов (1925—2008). Газни. 1975. Из серии «Ирак-Афганистан»

Надир Гамбароглу Абдурахманов (1925—2008), Народный художник Азербайджанской ССР, лауреат государственных премий.

Пейзаж «Газни» 1975 года входит в серию «Ирак-Афганистан», созданную по впечатлениям от поездки в эти страны. Энергичный колорит и ритмическое построение пространства картины создают эмоциональную и эстетическую выразительность живописного полотна.

Григорий (Гиви) Вахтангович Тойдзе (р. 1932), Заслуженный художник Грузинской ССР.

Гиви Тойдзе принадлежит к поколению грузинских художников, которые активно проявили себя на арене изобразительного искусства в 60-ые годы XX века. Он начал познавать изобразительное искусство в мастерской своего дедушки, видного грузинского художника Моисея Тойдзе.

В творчестве Гиви Тойдзе соединены пейзажи разных уголков Грузии, Тбилиси и других городов мира. Кроме того, им созданы натюрморты, портреты, жанровые картины и многофигурные композиции.

Пейзаж «Осень в лесу»* поражает красотой живописной палитры. Осень в горах Грузии необычайно красива и живописна. Густая пастозная живопись построена на сочетании красных, вишневых, малиновых, желтых, оранжевых, коричневых, зеленых и ярких синих тонов. Вдали, в горах, церкви, а внизу, под раскидистыми деревьями, семья кабанов, которые всегда появляются ранней осенью. Природа дышит романтикой, поэзией и тишиной.

На выставке представлена также картина **Гагнидзе Отари Павловича** (1928—2011). Сервиз для восточных блюд.

О. П. Гагнидзе можно назвать одним из самых заметных мастеров художественного фаянса II половины XX столетия. Уже с молодости его творчество оказалось связано с конаковским фаянсом. Национальные мотивы его творчества органично

* См. 3-ю страницу обложки № 4, 2017 «Приокских зорь». Здесь и далее: материал для 2-й и 3-й страниц обложки сверстала ведущий специалист Е. И. Оленич.

вливаются в художественные образцы традиционного фаянса. Его произведения демонстрирует удачный союз взаимопроникновения национальных культур, которые обогащают и дополняют друг друга. В своих работах он своеобразно выразил богатство грузинской культуры, интонации грузинской керамики благодатно прижились на заводе и никогда не выглядели инородными. Главная любовь художника-майолика. Художник всю жизнь и с удовольствием работал с майоликовыми потечными глазурями, добиваясь необыкновенных декоративных эффектов.

Черезова Людмила Германовна

«ИСКУССТВО ЭСТОНИИ. XX ВЕК»

Продолжила цикл выставка, посвященная искусству Эстонии (19.05.—09.07.). Основную часть экспозиции составили произведения графики, выполненные в различных техниках. В 30-е годы XX века в Эстонии сложилась самобытная школа, сформировался присущий только этой стране графический стиль, который раскрывается в творчестве крупнейших художников-графиков, чьи работы зритель увидит на выставке. Эвальд Окас, Виве Толли, Алекс Кюйт, Хэнно Аррак, Кальё Пыллу, Херальд Ээльма, Пээтэр Улас, Велло Винна в темах и мотивах выразили любовь к своей стране и ее людям, к старинному Таллинну, к родным пейзажам, к обычаям и мифологии эстонского народа.

В линогравюре «Башни древнего Таллинна» талантливый эстонский график Херальд Ээльмаза запечатлел величественный облик знаменитого средневекового памятника, передал особую атмосферу этого города. Произведение принадлежит раннему творчеству автора, в дальнейшем оно развивается из области субъективных переживаний художника, изобилует сложными, метафорическими образами.

Трудно представить эстонское изобразительное искусство без произведений Эвальда Окаса — живописца, графика, педагога, Народного художника СССР, Народного художника ЭССР, Героя Социалистического Труда, Почетного академика Флорентийской Академии изящных искусств. Окончив Высшее художественное училище в Таллине в 1941 году, он много лет преподавал в Художественном институте Эстонской ССР. Графическое наследие художника многообразно. Он работает сериями, вдохновляясь впечатлениями своих путешествий. Тонкими наблюдениями пронизана серия «Париж» (1962), из которой на выставке представлен лист «Уличный художник». Фрагментарная композиция, сложный ракурс, выразительная пластика силуэта передают динамику уличного события. Офорты «Девушки» (1968) навеян образами эстонских крестьянок, возделывающих и пекущих хлеб, поэзией их труда.

Офорты Виве Толли, Народного художника Эстонии, созданные на бытовые, фольклорные темы, иллюстрации к произведениям эстонских писателей, отличаются лиризмом, тонкостью эмоциональных состояний. В представленных на выставке работах «Кнутов день. Зима» (1975), «Мартов день» (1977), «Котерман — хранитель моряков» (1982) чувствуется их сказочная, мифологическая основа.

Традиции празднования Дня святого Кнута пришли в Эстонию из стран Скандинавии.

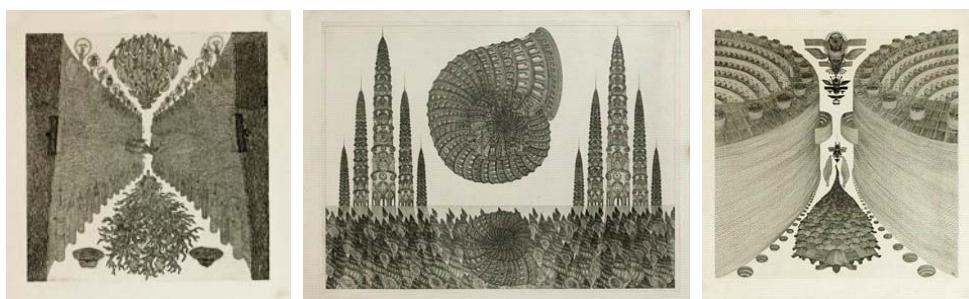
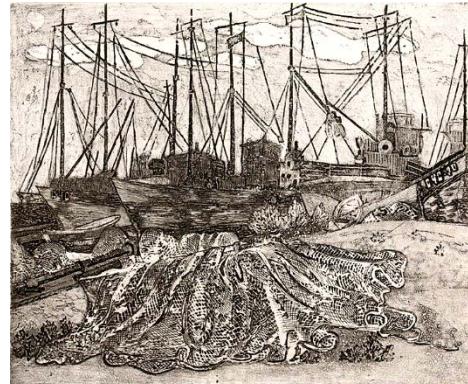
навии. Отмечают его 13 января и связывают с окончанием Рождества. Самый веселый обычай существует в Швеции, где сооружают из соломы чучело человека в натуральную величину, незаметно прислоняют к двери соседа и устраивают на улице шум. Когда ничего не подозревающий сосед отворяет дверь, чучело падает в его объятья. Шутника нужно найти и наказать, либо подкинуть чучело другому соседу. Оставшийся к концу ночи с чучелом будет неудачником весь год.

10 ноября в Эстонии празднуют Мартов день. Март — покровитель хлеборобов. Мартов день считался в народе началом зимы и в старину к этой дате уже завершались все полевые работы. В Мартов день резали скот, готовили кровяную колбасу, варили пиво, пекли ячменные лепешки. В этот день жители хуторов устраивали игры и рядились. Ряженые надевали наизнанку вывернутые шубы, бороду из пакли и маски и ходили по домам, прося подаяние. За угощение они пели благодарственные и славильные песни.

Виве Толли одна из ведущих мастеров в технике офпорта в Эстонии. В ее работах обращает на себя внимание сложная, изысканная разработка поверхности листа с обилием персонажей, где эмоциональная выразительность создается разнообразными тональными, фактурными и ритмическими эффектами. Ее работы очень национальны и внешним обликом героев, и всем строем мыслей и ассоциаций.

Алес Кютт, заслуженный деятель искусств ЭССР, учился в Таллинском государственном институте прикладного искусства, затем там долго преподавал. Кютт — великолепный график, работавший в технике офпорта. На выставке — его работы «Рыбацкая сеть» (1960-е) и «Эстонский пейзаж» (1960), в которых автор рассказывает о жизни и труде эстонских рыбаков.

Невозможно не остановиться и не полюбоваться триптихом видного эстонского графика **Кальё Пыллу**, выполненном в технике меццо-тинто. Условные, обобщенные формы в пейзажах и в композиции «Сон», крупные тональные пятна, яркий контраст черного и белого великолепно передают суровое своеобразие природы и людей родного для художника края.

Одно из центральных мест в экспозиции выставки занимают работы самобытного графика **Велло Винна**, выпускника Таллинского художественного института. Его офпорты «Песочные часы», «Ракеты» и «Шлемы» начала 1970-х годов выполнены в стиле сюрреализма. Великолепное владение техникой офпорта, сложнейшие композиции, тонкие решения задуманных тем заставляют зрителей подолгу размышлять око-

ло графических листов Велло Винна. Работы мастера хранятся в музеях Эстонии, России и многих европейских коллекциях.

Хэнно Аррак в своем листе «Пейзаж с птичьим крылом» (1973), выполненном в излюбленной мастером технике офорта, на сложной вязи пейзажного фона рисует чудесный образ молодой женщины с ярко выраженными национальными чертами.

Живопись Эстонии на выставке представлена двумя старейшими художниками. Автор «Портрета Эллен Нейт» (1960) — **Лейла Мууги**. Образ эстонской поэтессы отмечен сосредоточенностью, погруженностью в размышления. Сдержаненный, холодный колорит портрета строится на тонко разработанной серо-голубой тональности.

Выразительный, эмоциональный натюрморт «Камбала» (1967) написан **Валдуром Охакасом**. Произведение относится к тому периоду его творчества, когда манера художника становится экспрессивной, живописный язык — смело-упрощенным в форме и цвете.

Дополняет экспозицию выставки скульптурная работа «Сборщица картофеля» (1961) Народного художника Эстонии Эллионор Пийпуу. Мастер работала преимущественно в технике шамота в сочетании с глазурью. Ее произведения отличаются пластичностью форм, сохраняющих обаяние рукодельной вещи, и сдержанностью цвета.

Зоя Николаевна Скопинцева, Елена Ивановна Оленич

ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ

В экспозицию выставки, работавшей с 27 июня по 13 августа 2017 года, были включены произведения живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, выполненные художниками Туркмении, Узбекистана, Киргизии, а также республики Казахстан. Многие из представленных авторов считаются классиками национального изобразительного искусства, их творчество известно далеко за пределами их родной земли: это — Народные художники Туркмении Чары Амангельдыев, Дурды Байрамов и Кульназар Бекмурадов, Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Давлат Умарбеков, Заслуженный художник Киргизской ССР Джамбул Джумабаев, казахи Кенжебай Дуйсенбаев, Анаур Игенбаев, Зульхайнар Кожамкулов.

Родившись в 1930—40-х годах, они получили образование в Российской художественных ВУЗах в 1960-е годы, освоив профессиональные основы художественного творчества и обогатившись знаниями об общеевропейских культурных традициях. Вернувшись в родные края, мастера в своем творчестве, языком изобразительного искусства, талантливо, каждый по-своему, рассказали о своих народах, выразили их

национальную самобытность, показали богатый мир природы Средней Азии, передали атмосферу загадочного Востока.

Почти все произведения, включенные в экспозицию, выполнены в 1970—1980-х годах — в то время, когда к их авторам пришел первый успех и известность. Так Чары Амангельдыев, Дурды Байрамов и Кульназар Бекмурадов были в числе «Великолепной семерки» — художников, которые представляли профессиональную живопись Туркмении на знаменитой выставке в Москве в 1971 году, и буквально ошеломили публику своим талантом и своеобразием живописных образов.

Чары Амангельдыева (род. 1934) считают одной из монументальных фигур в туркменской живописи. На выставке его творчество представлено полотном «Качели» (1976). Смелая композиция, где на фоне ночного неба, высоко над землей взмыли качели с четырьмя молодыми женщинами. Их движения напоминают танцевальные, характерная для художника пастозная манера сообщает фигурам пластическую выразительность, а поверхности холста фактурное богатство. Темный мерцающий колорит придает полотну таинственность, атмосферу вдохновенного полета к звездам. К слову, тема космоса всегда интересовала художника, склонного к романтическому восприятию жизни.

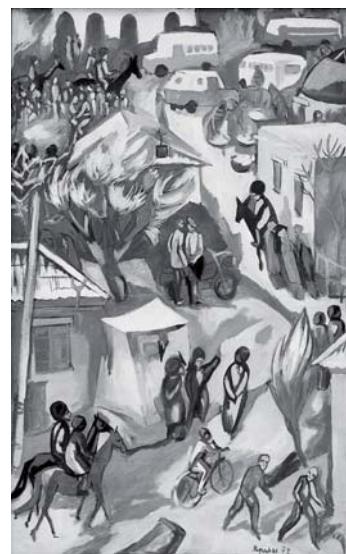
Крупнейшим художником Туркмении был **Дурды Байрамов** (1938—2014). Главным жанром в его творчестве стал психологический портрет, соединивший в себе лучшие традиции национальной школы, наследие классического реализма и новаторство импрессионистов. В картине «Таджигуль» (1980) Дурды Байрамов передал образ женщины Востока. Молодая женщина изображена в тени солнечного сада, одета в яркие национальные одежды.

Она красива, задумчива и вместе с тем строга, словно внутри нее жесткий стержень. Женщина — основа туркменского общества, на ней держится все: и жизнь, и земля, и традиции.

Колоритный облик жителей далеких мест, своеобразие среднеазиатской природы, реалии социалистического периода в жизни республик — все это запечатлела кисть художников.

Д. Байрамов «Таджигуль», 1980

Я. Байрамов «Праздник урожая», 1972

Автор картины «Праздник урожая» (1972) **Ярлы Байрамов** (1942—2013) в вертикальной ковровой композиции кажется вместил целый мир своей страны — яркое солнце, дающее резкие тени, самобытный облик жителей и их жилищ, характерные занятия. Выразительный строй произведения заставляет вспомнить о французском фовизме с его условностью и колористической смелостью.

Д. Умарбеков «За водой», 1975

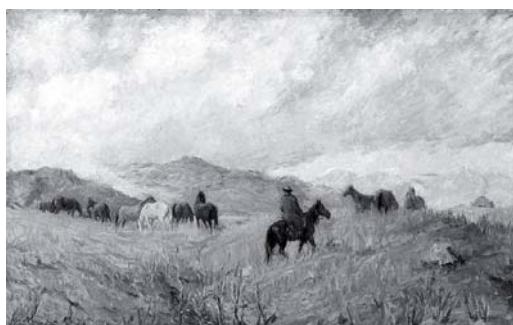
Мастерство крупного узбекского художника **Джавлията Умарбекова** (род. 1946) раскрывается в картине «За водой» (1975). Преломляя традиции европейского модернизма, он создает нежный образ девушки с кувшином воды, полный поэзии, лирики и тихой гармонии. Важную роль в этом играет колорит, с тонко разработанной гаммой неярких пастельных тонов.

В формировании национальных художественных школ в 1920—1940-е годы важную роль сыграли русские художники: Павел Беньков — в Узбекистане, Семен Чуйков и Александр Игнатьев — в Казахстане, Илья Мазель и Александр Владычук — в Туркменистане.

Александр Илларионович Игнатьев (1906—1999) еще в 1930 г. был направлен в далекую азатскую Киргизию поднимать искусство молодой республики. И за долгие годы творческой деятельности он создал множество образов, посвященных жизни киргизского народа. Природа Средней Азии, красота гор Тянь-Шаня показана в полотне «Осень на джайлоо» (1971).

Выбранный автором мотив захватывает дух, в нем ощущается величие, бескрайний простор и вольное дыхание природы. Художник часто писал лошадей. «В их изображении я вижу символ киргизского пейзажа», — объяснял мастер, постигший национальное своеобразие далекой страны. А белый конь у народа — символ счастья.

Безмолвием и вечностью веет от картины **Кульназара Бекмурадова** «Вечер на Копетдаге» (1981). Изображение части уникальной горной цепи сдержанно во внешних проявлениях, но в нем чувствуется внутренняя напряженность, особый внутренний накал, характерный для живописи К. Бекмурадова. Этому ощущению способствует и колорит картины — при общей коричневатой и сизо-серой гамме в нее почти всегда врываются яркие цвета, в данном случае — зеленый.

А. Игнатьев. «Осень на джайлоо» (1971)

К. Бекмурадов. «Вечер на Копетдаге», (1981)

Жизнь простого народа нашла отражение в картинах «На стройке» (1976) киргизского художника **Джамбула Джумабаева** и «Соседи» (1980) казаха **Анаура Игембаева**. Особым смыслом наполнена картина **Кенжебая Дуйсенбаева** «Тандыр» (1986). Древняя печь, тысячелетия кормившая азиатские народы, корова и женщина-хозяйка, изображенные столь лаконично, приобрели значение знаков, архетипических символов жизни.

Дополнить образ экзотического Востока помогает цветная глиняная скульптура «Сидящая девушка», выполненная русской художницей Валерией Григорьевной Ленской (род. 1916), открывшей для себя этот яркий своеобразный мир. Светлый взгляд мастера на мир, наблюдательность и любовь к людям позволили ей создать выразительный, запоминающийся образ.

В изделиях из керамики нашли преломление народные гончарные традиции, колористические и орнаментальные особенности, характерные для декоративно-прикладного искусства народов Средней Азии.

Елена Ивановна Оленич

ИСКУССТВО ЛИТВЫ И ЛАТВИИ

Выставка «Искусство Литвы и Латвии. Живопись» является четвертой в цикле, посвященном дате образования СССР. В ее экспозицию включены произведения из фондов Тульского областного художественного музея.

Живопись Литвы представлена полотнами известных во всем мире художников. Народный художник Литовской ССР, Лауреат государственной премии Литвы **Августинас Юргевич Савицкас** (1919—2012) — автор картины «Увядшие цветы» (1979). Условность изобразительного языка, колорит, построенный на сочетании напряженных красно-зеленых, синих и серых тонов, придают натюрморту аскетизм и суровость. Вместе с тем для композиции характерна декоративно-ритмическая целостность.

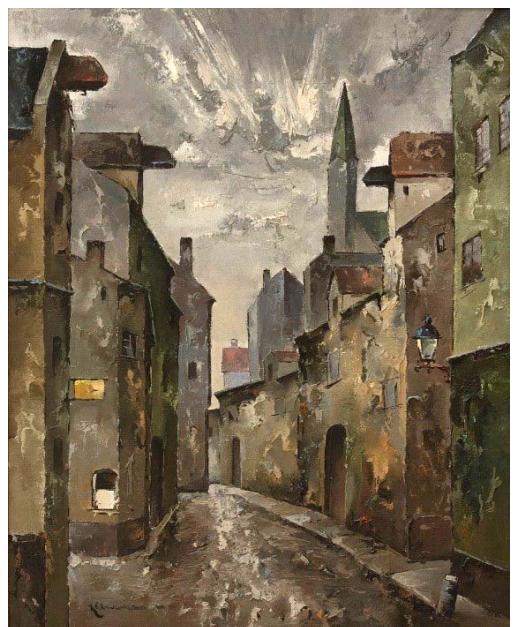
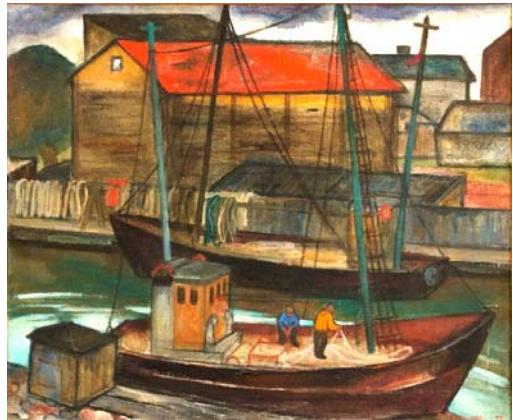
Внимание зрителей привлечет декоративная, яркая по живописи работа Заслуженного деятеля искусств Литовской ССР, Лауреата государственной премии Литвы **Инаса Казио Шважаса** (1925—1976) «Вечер»* (1965), в которой на фоне реки и сине-зеленої травы большого луга изображены три лошади в насыщенных вишневых и синих тонах. Животные, луг, деревья, белые домики с красными крышами, поля освещены лучами заходящего солнца, которые бросают красноватые отблески на изображенные предметы и животных.

Необычна и трагична по содержанию композиция «Прошлое» (1990), выполненная художником **Валентинасом Прановичем Антанавичюсом** (род. 1936) с использованием техники коллажа, где на живописном темно-зеленом фоне, написанном пастозными мазками, закреплены металлические элементы, вызывающие ассоциации с деталями разбившегося самолета. Между ними, как бы на земле, изображены в темно-красных тонах тела погибших людей.

Живопись Латвии представлена произведениями старейших латвийских художников. Привлекает внимание работа **Бируты Фрицевны Баумане** (1922—2017) «Вентспилская рыбачья пристань» (1972), выполненная как бы в графическом стиле, в котором преобладает четкий рисунок. Колорит картины изобилует различ-

* См. на 3-й странице обложки № 4, 2017 «Приокских зорь».

ными оттенками охристо-коричневого, изумрудно-зеленого цветов, яркими нотами звучат алые, желтые, синие детали. На первом плане на водной глади Рижского залива изображены большие рыбацкие лодки с вертикалями мачт, на берегу — домики с живописными разноцветными крышами. Работы Баумане Б. Ф. хранятся во многих государственных музеях и частных коллекциях.

Можно долго любоваться полным поэзии произведением **Валдиса Карловича Калнрозе** (1894—1993) «Старая Рига» (1965). В сложной живописной манере, при помощи излюбленного автором мастихина, изображена влажная узкая уличка средневекового города, по которой глубокая перспектива ведет взгляд зрителя. Над невысокими старинными зданиями нависло серое небо. Сложно разработанная переливчатая гамма пепельных, серебристых, серо-коричневых, оливковых тонов с яркими вкраплениями сообщает колориту изысканность, а образу привлекательность.

На многих выставках в Латвии и России, в европейских странах экспонировались произведения **Индулиса Августовича Зариня** (1929—1997), Народного художника СССР, Лауреата государственной премии Латвии. В экспозиции выставки представлена его картина «Портрет художника Карлиса Падегса» (1988). Легендарный латвийский художник, известный под прозвищем Рижский денди, изображен в эффектном черно-белом наряде с широкополой шляпой на голове стоящим на балконе сложной формы. В его руке — кисть, рядом — бокал красного вина. На площади, внизу под балконом, вереницы гуляющих людей, конные экипажи, вдали шпили средневековых соборов. В своей картине Индулис Заринь осознанно соединил жанр портрета, бытовые сцены и пейзаж, что нередко он делал во многих своих произведениях.

Джемма Отовна Скулме (род. 1925) происходит из известной династии латышских художников. О ее творческой манере дает представление масштабное полотно «Далекое-близкое» (посвящается братьям Кокарсам и Хору «Аве Сол») (1982). Картина является частью триптиха, посвященного знаменитым латвийским музыкантам Иманту и Гидо Кокарсам, хоровым дирижерам, основателям Рижского камерного хора «AveSol» («Слава солнцу»). Мастер-монументалист Д. Скулме мыслит крупными обобщенными формами, изображая фигуру сидящей женщины в национальном костюме на фоне декоративно решенного пейзажа. Сложная, местами рельефная фактура холста повышает его декоративность, преобладание в колорите красного цвета во множестве оттенков придает образу торжественность, величественность и вместе с тем тревожность.

Все художники Латвии и Литвы, представленные на выставке, были постоянными участниками выставок в Риге, Вильнюсе, Москве, Туле и других городах СССР в 1970—1990-е годах. Замечательно, что целый ряд произведений этих великолепных прибалтийских живописцев находится в собрании нашего музея. Их можно изучать, ими можно любоваться на выставке, которая продлится до 3 сентября.

**Зоя Николаевна Скопинцева,
Елена Ивановна Оленич**

ТУЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ И ГОРОДА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ К 500-летию Тульского кремля

В одном из залов Тульского областного художественного музея открылась выставка, посвященная большому юбилею — 500-летию Тульского кремля. Экспозиция выставки составлена из живописных произведений тульских художников: Б. И. Вагина, В. П. Голубова, А. И. Пенькова, Ю. В. Пузырева, Э. В. Шурлаповой, И. М. Путятиной, В. В. Шатрова. В своих полотнах художники обращаются к историческим событиям, которые происходили на Тульской земле, на Куликовом Поле, к древней архитектуре родного города — ансамблю Кремля, великолепным храмам, старинным улицам, к дорогим нашему сердцу Яснополянским пейзажам, к красоте тульских лесов, к старым городам Белеву, Епифани, Богородицку. Эти темы всегда были интересны тульским художникам и в течении многих лет они воплощали их в своих произведениях, большая часть которых влилась в коллекцию нашего музея.

Одно из центральных мест в экспозиции выставки занимает картина **Вагина Бориса Ивановича** (1920—2002) «Праздник в Туле»* (1973). Центр города, площадь перед Кремлем, яркий весенний солнечный день. Праздник. Группы гуляющих и танцующих людей. Нежная зелень, теплый солнечный свет, розовые стены и башни Кремля, яркое голубое небо с белыми пушистыми облаками — все создает праздничное настроение. Второе произведение Вагина Б. И. «Осенние дожди. Тульский Кремль» (1991) привлекает внимание великолепной жи-

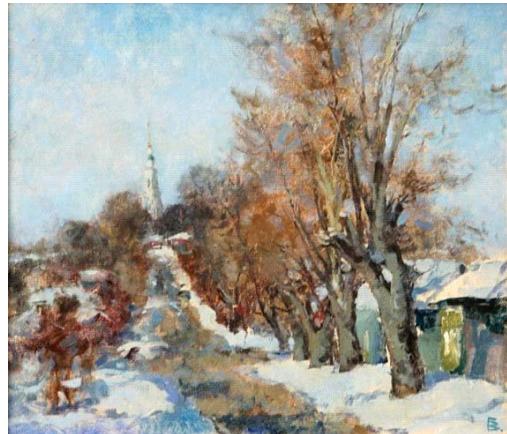

* См. 2-ю страницу обложки № 4, 2017 «Приокских зорь».

вописью, умением художника почувствовать и передать мощь и красоту Тульского Кремля, великолепие его соборов, вырисовывающихся на фоне пасмурного осеннего неба, ощущение влажного воздуха, когда моросит мелкий холодный дождь.

Голубов Владимир Павлович

(Род. 1952) много лет в своих картинах изображает самую старую часть родного города, расположенную вокруг Все-святского собора. Его произведение «Тульская улица» (1991), написанное зимним днем, притягивает нас своей тишиной, уютом, приземистыми деревянными домиками, могучими, раскидистыми деревьями, а вдали, на фоне серо-голубого неба, четким силуэтом вырисовывается соборная колокольня. Художник выбрал для этого произведения серебристо-серый, нежно-коричневый колорит, соответствующий мотиву картины.

Пеньков Алексей Иванович (1905—1995), заслуженный художник РСФСР, много путешествовал и писал свои картины в Ясной Поляне, на Оке в Белеве. Он не мыслил своего существования без природы, а именно без Тульского края, без плавного течения Оки, ее притоков — Упы и Воронки, просторов полей, лесов Щегловской засеки. Картины «Ясная Поляна» (1967), «Ока у Белева» (1954) имеют для нас особую притягательную силу, так как не только живописец воссоздает тонкие, едва уловимые оттенки настроения природы ее переходные состояния, но и воспевает красоту родной Тульской земли.

Пузырев Юрий Викторович (1922—1980) своим любимым местом называл Ефремовский край, его поля, леса, обширные заливные луга по берегам Красивой Мечи.

Им он посвящает свою картину «Красивая Меча» (1968), в которой мы видим широкую красивую реку с ее плавными поворотами, еле видимое ее течение, берега, покрытые кустарником и мягкой травой, а вдали темно-голубое небо над обширными полями.

С Тульским краем связано творчество Эммы Васильевны Шурлаповой (род. 1937) и Ивана Михайловича Путятинова (род. 1934). Многие их произведения посвящены

старинным городам нашей тульской земли. На выставке одно из центральных мест занимает их полотно, результат большой многолетней работы «На поле Куликовом»* (1980). Сложная, многофигурная композиция, с ритмичным расположением русских и татарских войск, детальная проработка форм и светлый, жизнерадостный колорит великолепно передают ощущение победы русского воинства над татарами.

Куликову Полю с его великолепным храмом и памятником, расположенными среди чудесной русской природы, местом, где произошла огромная битва, посвящены картины **Шатрова Валерия Владимировича** (1948—2001) «Куликово поле» (1977), «Куликово поле. Сумерки» (1997), «Ковыль цветет» (1997).

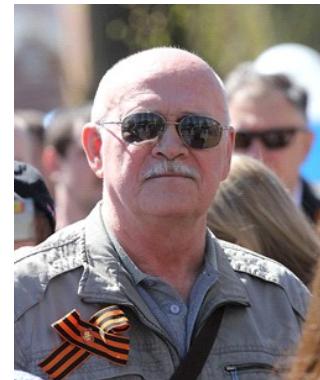
Зоя Николаевна Скопинцева

Составитель Марина Баланюк

Составитель

* См. 2-ю страницу обложки № 4, 2017 «Приокских зорь».

Олег Каширин и Виктор Федюшкин
(г. Тула)

Родился в г. Туле, в семье военнослужащего. После окончания в 1970 г. историко-филологического факультета Тульского государственного педагогического института (ныне университет) им. Л. Н. Толстого служил в рядах Советской Армии, с 1971 г. по 1998 г.— в органах КГБ СССР — ФСБ РФ. Полковник в отставке. Ветеран Воинской службы России. С 1998 г. состоит в Союзе писателей России. В настоящее время председатель ревизионной комиссии правления Тульского отделения СП. Автор ряда книг, повестей, киносценария и многочисленных рассказов, опубликованных в восьми самостоятельных книгах, журналах, сборниках, литературных альманахах и периодической печати. Повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности.

(Олег Каширин)

Родился в с. Красная Дубрава Чернского р-на Тульской области. После окончания средней школы поступил на физико-математический факультет в Тульский государственный педагогический институт (ныне университет) им. Л. Н. Толстого, по окончанию которого служил в рядах Советской Армии. С 1976 года работал в школе учителем математики. С 1982 года проходил службу на офицерских должностях в органах КГБ СССР — ФСБ РФ. Участник боевых действий в Чеченской республике. В 2001 году уволен в запас по выслуге лет. Подполковник в отставке. С 1997 г. член Союза журналистов России. Автор поэтических сборников «Свет дружеской улыбки», «Еще надеемся на счастье».

(Виктор Федюшкин)

ИЗ АРХИВА ФСБ. К 100-ЛЕТИЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АРЕСТ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА **Как это было на самом деле**

О судьбе Русской освободительной армии (РОА) написано немало и статей, и книг. Но странно: никогда и нигде мы не читали, как арестовали командующего РОА, предателя номер один генерала Андрея Власова. Известно только, что он «понес справедливое возмездие», то есть был в конечном итоге расстрелян.

Даже в мемуарах Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» сказано лишь, что Андрея Власова захватил специальный отряд под командованием капитана

M. И. Якушева (правильно: Якушов). И в публикациях на эту тему вопрос оставался открытым. В них история захвата Власова называлась «полутаинственной и до сих пор не разгаданной».

Мы представляем документы из архива Тульского Управления ФСБ, позволяющие рассказать, как все это было.

«Секретно»

СПРАВКА

Командующий 1 Украинским фронтом Маршал Советского Союза КОНЕВ и члены Военного совета фронта КРАЙНЮКОВ и ПЕТРОВ

№ 13857/ш от 15.05.45 г. донесли Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза тов. Сталину следующие обстоятельства захвата изменника Родины Власова.

12.5. с/г. командир мотострелкового б-на 162 т. бр. 25 т. к. капитан Якушов Михаил Иванович получил приказ командира бригады полковника Мищенко задержать часть власовской дивизии генерала Буняченко, которые по данным разведки находились в районе Катовицы, в 40 км. Ю-в г. Пильзен и стремились выйти в расположение американских войск.

Выполняя это задание, капитан Якушов привлек на свою сторону командира власовского б-на Кучинского Петра Николаевича. Кучинский указал, где находится штаб Буняченко и предупредил, что там Власов.

Вместе с Кучинским капитан Якушов обогнал штаб Буняченко, поставил поперек дороги машину, задержал движение этого штаба и быстро отыскал машину, в которой был Власов, накрытый одеялом.

Власов сопротивлялся и пытался из машины уйти, но с помощью его же шофера Комзолова Ильи Никитовича был водворен в машину. На ней Власова вывезли из общей колонны.

Основным и непосредственным исполнителем захвата Власова был командир батальона 162 т. бр. 25 т. к. капитан Якушов.

По представлению командира 162 т. бр. и командира 25 т. к. содействовали оперуполномоченный отдела «Смерш» 162 т. бр. ст. лейтенант Игнашкин Илья Петрович и начальник отдела «Смерш» 162 т. бр. майор Виноградов Пахом Тимофеевич.

Вся работа по ликвидации и пленению власовцев проводилась под личным руководством командира 162 т. бр. полковника Мищенко. Общее руководство по ликвидации власовцев в расположении 25 т. бр. осуществлял командир 25 т. к. генерал-майор Фоминых.

Из власовцев пленению Власова особо активно содействовал капитан Кучинский и помогал шофер Кучинского — Довгас Александр, шофер машины Власова Комзолов. Комзолов и Довгас находятся в 25 т. к., а Кучинский вместе с колонной сдавшихся власовцев из расположения 25 т. к. убыл и место его нахождения уточняется.

Тов. Конев просит наградить:

1. Якушова Михаила Ивановича.
2. Ст. лейтенанта Игнашкина Илью Петровича.
3. Майора Виноградова Пахома Тимофеевича
4. Полковника Мищенко Ивана Петровича.
5. Генерал-майора танковых войск Фоминых Е. И.

Утешин 17.5.45 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

О награждении власовцев, участвовавших в захвате,— Кучинского, его шофера А. Довгаса, и водителя автомобиля Власова И. Комзолова — Конев просить не стал,

предложив ограничиться для них прощением за совершенные преступления перед Родиной. Но Москва решила по-другому.

#

**«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ ГЕНЕРАЛОВ, ОФИЦЕРОВ
И РЯДОВОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ»**

За успешное выполнение особого задания командования фронта наградить:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА 11 СТЕПЕНИ

1. Майора Виноградова Пахома Тимофеевича.
 2. Старшего лейтенанта Игнашкина Илью Петровича.
 3. Полковника Мищенко Ивана Петровича.
 4. Генерал-майора танковых войск Фоминых Евгения Ивановича
 5. Капитана Якушова Михаила Ивановича.
- ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1 СТЕПЕНИ**
1. Капитана Кучинского Петра Николаевича.
- ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 11 СТЕПЕНИ**
1. Довгас Александра Степановича.
 2. Комзолова Илью Никитовича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 19 июня 1945 года.

#

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

25 декабря 1945 г. Лагерь Алкино БАССР

Я, старший следователь отдела контрразведки «Смерш» 12 запасной стрелковой дивизии капитан Мирошниченко, допросил в качестве свидетеля

Кучинский Петр Николаевич, 1904 г. рождения, уроженец д. Долгое Старобинского района, Минской обл., русский, гражданин СССР, бывший кандидат в члены ВКП(б), по соцпроисхождению из крестьян-батраков, образование среднее, в 1932 году судим по ст. 180 а УКБССР, Военным Трибуналом 4 стр. корпуса к 2 годам лишения свободы, освобожден досрочно. Находится на службе в 40 зсп. 12 12 зап. Стр. дивизии,— лагерь Алкино БАССР.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР предупрежден.

Вопрос: Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вами был задержан изменник Родины, бывший генерал Красной Армии Власов?

Ответ: Бывший генерал Красной Армии, изменник Родины Власов Андрей Андreeвич при моем непосредственном участии был задержан при следующих обстоятельствах. Я продолжительное время служил в так называемой «Русской освободительной армии», сформированной Власовым при помощи германского военного командования из числа бывших военнослужащих Красной Армии находившихся в плену у немцев и изменивших Родине. Эта РОА, командующим которой немцами был назначен изменник Советской Армии Власов, предназначалась и вела совместно с

германскими войсками вооруженную борьбу против Красной Армии. Я, в составе РОА, находился на службе в первой (600) ее русской дивизии в должности командира батальона 3 стрелкового полка, звание имел капитана.

Незадолго до капитуляции Германии, командовавший РОА бывший генерал Власов, созвав весь командный состав первой (600) русской дивизии, где присутствовал и я, всем нам объявил, что он на сторону частей Красной Армии переходить не собирается и со своим штабом ведет переговоры с командованием американской армии о переводе на сторону последней всех частей РОА. 10 мая 1945 года первая (600) русская дивизия перешла на сторону американской армии, сосредоточилась в Розенталь (в Чехии) и разоружилась, а 11 мая 1945 года, когда поступил приказ от Власова углубиться на территорию, занятую американскими войсками, стала выходить на марш.

В результате нераспорядительности и не планомерного отхода, на шоссе, где мы сосредотачивались, создалась пробка и части первой (600) русской дивизии никуда по назначению (по приказу) продвинуться не смогли и простояли на месте, на шоссе, до утра 12 мая 1945 года. К этому времени к месту сосредоточения дивизии прибыли представители от советских частей и стали предлагать нам — командирам РОА, переводить свои части и подразделения Красной Армии. Я, повстречавшись тогда с командиром батальона автоматчиков 162 т. бр. (представителем от советских частей) капитаном Якушевым и переговорив с ним об этом, отдал приказ своему батальону следовать на сторону Красной Армии, а сам с Якушевым занялся переводом на сторону советских войск других подразделений своего полка первой (600) русской дивизии РОА.

Это нами было сделано и части дивизии РОА стали в большинстве своем двигаться в сторону Красной Армии и мы с капитаном Якушевым приехали в расположение штаба 162 т. бр. доложить о проделанной работе. В то время, повстречавший меня случайно там, майор контрразведки Виноградов, поскольку я был одет в одежду немецкого офицера, обратил на меня внимание и после ознакомления, узнав кто я есть такой, дал мне задание — разыскать, задержать и доставить ему командира первой (600) русской дивизии РОА. Одновременно, он же майор Виноградов, попросил меня постараться узнать местопребывание командующего РОА Власова. Я, согласившись с этим, совместно опять же с капитаном Якушевым, на автомашине выполнять задание майора Виноградова выехал на территорию, занятую американскими войсками.

На одной из развилок дороги нас задержали американские солдаты-танкисты, находившиеся там с машиной (танком) и дальше в глубь территории своих войск не пустили. Пока мы с ними на ломанном немецком языке объяснялись, в это время мимо нас, вглубь, на сторону американских войск проследовала американская танкетка, а вслед за нею легковые автомашины, в числе которых мною была опознана автомашина командира первой (600) дивизии РОА.

Увидев это, я сел управлять своей автомашиной и, вопреки [протестам] американских солдат-танкистов, не пускавших нас вглубь территории своих войск, вместе с капитаном Якушевым поехал догонять американскую танкетку. Догнав ей и выскочив на перед, я свою автомашину развернул и поставил поперек дороги, в результате чего движение было преграждено, танкетка и следовавшие за нею автомашины остановлены.

Просмотром эти автомашины, мы с Якушевым обнаружили в них все командование первой (600) дивизии РОА и в одной из автомашин закрытого (замаскированного) одеялами и плащ-палатками командующего РОА Власова, в одной машине с которым находился и его первый адъютант капитан Антонов.

В начале мы всех указанных лиц из автомашин повысадили, а потом, закончив

просмотр всех машин, посадили их обратно и, развернувшись, стали следовать в составе всех семи автомашин на сторону войск Красной Армии. Якушев ехал в голове колонны на одной автомашине вместе с Власовым и его адъютантом, а я ехал замыкающим на своей автомашине вслед за автомашиной командира первой (600) дивизии.

#

КОПИЯ

**«Председателю Совета Министров и Министру
Вооруженных сил СССР —**

товарищу Сталину И.В.

**капитана Кучинского Петра Николаевича,
находящегося в 7-м отделении Подольского
проверочно-фильтрационного лагеря № 174,
Москва, Стромынка дом № 10**

ПРОШЕНИЕ.

...Я Кучинский П. Н. в Красной Армии был на должностях: командира взвода, пом.командира роты, адъютанта старшего батальона, помощником начальника штаба полка, начальником 4 отделения штаба дивизии и командиром отдельного батальона. С начала Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.) был назначен командиром 53 отд. Батальона обслуживания станции снабжения юго-зап. Фронта с местом дислокации в г. Киеве...

Далее Кучинский рассказывал о участии в обороне Киева, скитаниях в окружении, пленении, причинах вступления в РОА и службе в ее рядах во Франции, Бельгии, Голландии, в г. Мюнзингене (Германия), где... был назначен адъютантом командира батальона и в этой должности пробыл до моего перехода в сторону Красной Армии. За время нахождения РОА на фронтах, как против Красной Армии, так и против союзных войск, не участвовал.

После проведенной операции по переводу войск РОА 1-й дивизии на сторону Красной Армии и после задержания Власова — я оставался до 14 мая-45 г. в расположении 162 т. бр.

14 мая-45 г., утром, мне была выдана справка командиром 162 т. бр. полковником т. Тищенко Иваном Петровичем в том, что при моем непосредственном участии войска 1-й дивизии РОА переведены в сторону Красной Армии и что при моем непосредственном участии задержан генерал-лейтенант Власов А. А. С этой справкой 14 мая я отправился в расположение частей РОА, перешедших на сторону Красной Армии, и по дороге был задержан контрразведкой 2-го Украинского фронта и доставлен в опергруппу контрразведки «Смерш» Украинского фронта.

25 мая-45 г. был вызван из тюрьмы в кабинет начальника контрразведки 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта т. Королева, которому в четырехчасовой беседе доложил свою автобиографию, службу в Красной Армии, нахождении в плenу, службу в РОА и о подробностях перевода частей РОА на сторону Красной Армии, и о задержании Власова А. А. По окончании беседы, распоряжением генерал-лейтенанта т. Королева, был преодолен в форму Красной Армии и помещен на частной квартире. 2 июня-45 г. вторично был вызван в кабинет начальника контрразведки 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта т. Королева, который сообщил мне, что по распоряжению Москвы меня судить не будут и за проведенную операцию по задержанию Власова А. А. и за перевод частей 1-й дивизии РОА на сторону Красной Армии — наградят правительственным орденом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19-го июня-45 г. я в числе гене-

ралов и офицеров Красной Армии за успешное проведение особого задания командования (за проведенную операцию по задержанию Власова А. А. и за перевод частей 1-й дивизии РОА на сторону Красной Армии) награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. (Указ опубликован в газете «Правда» за 20 июня-45 г.).

27 декабря-45 г. в 4-00 ночи я был вызван в отдел контрразведки 12 зап. стр. дивизии и вместе с оперативным работником «Смерш» 12 зап. стр. дивизии ст. лейтенантом т. Романовым был направлен в Москву вместе с моим следственным материалом.

На основании изложенного прошу:

1. Ваших указаний об ускорении разбора моего дела и объявлении мне результатов решения.

2. Считаю себя виновным в том, что боясь голодной смерти в плену, нарушил присягу, а по-большевистски храбро не умер в плену, до конца не перенес всех невзгод и лишений голодного плена, что не осуществил мечты перехода на сторону Красной Армии ранее.

Разобрать прошу мой вопрос по всем правилам существующих законоположений, дать мне возможность свободным, честным, добросовестным и продолжительным путем со всеми моими умениями и способностями — искупить свою вину перед Родиной. Буду работать там, где буду полезен и где мне будет указано. Мой следственный материал находится в Главном Управлении контрразведки «Смерш» у генерал-полковника т. Абакумова.

12 Апрель 1946 г. Капитан Кучинский»

(Сохранена орфография и стилистика подлинников)

СОКРАЩЕНИЯ:

б-н — батальон

т. бр. — танковая бригада

т. к. — танковый корпус

зсп. — запасной стрелковый полк

зсд. — запасная стрелковая дивизия

На долгие годы подробности операции по захвату Власова были запечатаны грифом «секретно». Предать гласности этот факт, что Власова обнаружили и задержали власовцы, государство не могло.

Случилось так, что Указ увидел в газете сын Кучинского. Четыре года семья считала его погившим, жена Кучинского вышла замуж еще раз...

В Москве Кучинскому жить не разрешили и отправили фактически в мягкую ссылку в Тульскую область. Там он жил и работал до конца своих дней.

В многочисленных архивных материалах есть рассказы об охоте органов безопасности на Власова. Судя по этим документам, Кучинский после захвата Власова использовался в качестве опознавателя для выявления командного состава 600-й дивизии, официальных сотрудников и агентуры разведывательных и контрразведывательных служб. Не исключено, что на каком-то этапе этой работы он попал под подозрение и был направлен на фильтрацию в общем порядке. Пожизненная «мягкая» ссылка в Тулу, скорее всего, была обусловлена его осведомленностью в деятельности СМЕРШа.

По данным Службы государственных наград Президента Российской Федерации — ни Кучинский, ни Довгас, ни Комзолов наград никогда не лишились.

Я ВИНОВАТ В ЕГО СМЕРТИ...

При царе он сидел три раза, при большевиках — четыре

Этот тульский крестьянин три раза сидел в тюрьме при царской власти и четыре — при советской.

«Такие люди, как вы,— восторженно писал ему Горький,— нужны русскому народу как воздух и свет».

Сегодня, однако, имя этого человека народу ничего не говорит. Отчасти, видимо потому, что 15 из отпущеных ему 67 лет крестьянин села Боровково Лаптевского района (ныне Ясногорский район) Тульской губернии Михаил Новиков провел в тюрьмах и ссылках.

До революции за него вступался Л. Толстой, после революции — М. Горький. «Уж такое мое счастье — быть гонимым от всякого строя»,— пишет он не без иронии французскому издателю Толстого Шарлю Соломону в 1926 году после выхода из Бутырки.

Новиков Михаил Петрович, 1870 г. р.,— самобытный крестьянский писатель, близкий друг Л. Н. Толстого. С великим писателем Новиков впервые познакомился в 1895 году в Москве. Он тогда служил писарем в Московском окружном штабе. С тех пор и до самых последних дней жизни Л. Толстого их дружба не прерывалась. Л. Н. Толстой принимал деятельное участие в судьбе Михаила Петровича. Страстный искатель истины и правды, находившийся под впечатлением книг Толстого, М. Новиков постоянно вступал в конфликты с властями. Однако, несмотря на все трудности, Михаил Петрович до конца своих дней оставался верен идеям правды, доброты и справедливости.

Именно к нему, в его крестьянскую избу в село Боровково предлагал приехать Л. Н. Толстой, обдумывая свой уход из Ясной Поляны. О чем он написал в письме, прося приюта и ночлега. Трагедия была в том, что это письмо задержалось в пути. М. Новиков на него ответил, с восторгом предложив скромное пристанище своему великому учителю. Но было поздно. Не дождавшись ответа, Лев Николаевич покинул Ясную Поляну.

Уже при Советской власти, публикуя свои воспоминания о встречах с Толстым, Михаил Петрович однажды напишет: «Я виноват в его смерти...»

История не признает сослагательного наклонения. Тем не менее — неизвестно, как бы сложилась жизнь великого писателя, состоявшись его переезд в село Боровково.

А тогда:

Циркуляр калужского губернатора-церемонимейстера князя Горчакова:

«По имеющимся у нас сведениям, граф Лев Николаевич Толстой со знакомым своим доктором скрылся из имения Ясная Поляна Тульской губернии. Предписываю на случай появления графа Толстого или вообще странника, возраст и приметы которого подходили бы к личности графа Толстого, не применять к нему предусмотренных законом мер как против беспаспортного».

Скандала все-таки боялись, но слежка шла.

Телеграмма из Козельска:

«Доношу граф Толстой прибыл ночным поездом Оптино доктором ночевал утром выбыл извозчике Шамордин монастырь сестре обещал вернуться Оптино. За исправника Чуфаровский».

Рапорт губернатору из Перемышля:

«Граф Толстой отправился к проживающей в монастыре своей сестре монахине Марии Николаевне, у которой и провел остаток вечера. На другой день, в семь часов утра, один отправился пешком в прилегающую к монастырю деревню Шамордино и

пытался там нанять квартиру у крестьян, в чем ему было отказано. Администрация монастыря была крайне недовольна пребыванием графа Толстого и решила в случае его намерения оостаться отказать ему в сдаче на продолжительное время помещения. По сведениям, добытым мною в монастыре, граф Толстой уехал из Ясной Поляны вследствие семейных неприятностей, возникших по поводу составленного им духовного завещания и, по-видимому, возвращение его в данное время в Ясную Поляну для лиц, его окружающих, является нежелательным. Отъезд его из монастыря был столь внезапен, что сестра его монахиня не успела прийти в гостиницу проститься с ним. В Козельске он отправился к поезду, отходящему на Белев, но, по-видимому, с тем, чтобы на одной из промежуточных станций тайно свернуть на Москву. Исправник Кормилицын».

Вот так... Бездомного, больного 82-летнего старика, только что потерявшего все на свете — жену, детей, крышу над головой, кусок хлеба и даже права на свои книги — гоняют по России, как бродячего пса. За что? За то, что имел свое, выстраданное мнение о существующей власти, войне и мире, судьях и церковниках, земле и свободе. И вот монахи стали полицейскими осведомителями, крестьян кто-то настраивал против их же защитника. Сопровождают в его скитаниях только доктор Маковецкий да бесчисленная стая шпиков...

Рапорт из Козельска:

«Доношу Вашему Сиятельству, что граф Лев Николаевич Толстой, отправившись из пределов вверенного мне уезда по Рязанско-Уральской ж. д., в пути следования заболел и остановился на станции Астапово... За исправника Чуфаровский».

Из Петербурга — калужскому губернатору:

«Если в случае смерти графа Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и предоставьте всецело разрешение этого вопроса местной церковной власти. За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите учредить неослабленно наблюдение. За министра внутренних дел — генерал-лейтенант Курлов».

Сразу после кончины Толстого сотрудники службы наружного наблюдения — фильтры доложили руководству о случившимся и затем сопровождали тело до Ясной Поляны.

Циркуляр полицмейстеру и уездным исправникам Калужской губернии:

«Принять меры к тому, чтобы публикации о служении панихид допускались не иначе, как с разрешения полиции по получении письменного извещения подлежащего духовного лица. Вице губернатор Оленин».

1911 год. Телеграмма министра внутренних дел Столыпина:

«Ввиду происходящих в Петербурге беспорядков в высших учебных заведениях, могущих повториться в других городах, благоволите принять к неукоснительному исполнению нижеследующие указания: предупредите учебные начальства, что всякие сходки не должны быть разрешены; предупредите, что если такие сходки состоятся, то для прекращения их в учебные заведения будет введена полиция; не допускается выход из учебных заведений толпой, а отдельно выходящим группам не разрешайте останавливаться и собираться; всякая уличная демонстрация должна быть немедленно подавлена. Предупредите редакторов газет, что помещение статей, поощряющих или одобряющих уличные демонстрации, недопустимо. В случае неисполнения налагайте административные взыскания в высшей мере. Не разрешайте до прекращения всяких беспорядков никаких собраний, на которых по составу лиц или направлению общества можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений».

Это даже год спустя, в 1911-м году, тень Толстого была страшна властям. Охранка в немалой степени приложила руку к травле Толстого на протяжении десятилетий.

Л. Н. Толстой был не только величайшим писателем, но и величайшим русским диссидентом XX века. Как сейчас выяснилось, за ним велась неусыпная слежка и полицией, и охранкой, имевшей множество агентов, в том числе глубоко законспирированных, в ближайшем окружении писателя.

Не цель этого очерка рассматривать философские и монетаристские воззрения М. П. Новикова, его изображения самодержавной власти и критика послереволюционной, которая, к разочарованию, обернулась по его мнению диктатурой ленивых и завистливых. За это он пятнадцать лет отсидел в тюрьмах и побывал в ссылках. Любопытно, однако, что за 70 лет до Егора Гайдара крестьянин Лаптевского уезда Михаил Новиков давал те же самые «монетаристские рецепты». Но об этом отдельный разговор. Как и о его необычайной биографии.

В отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве — крупнейшего хранилища рукописей и документов писателя и лиц из его окружения, хранится 8 писем Л. Н. Толстого к М. П. Новикову, а также письма Новикова к Толстому, переданные в музей самим Михаилом Петровичем в 30-е годы. В 1987 году дочь Новикова передала рукописи своего отца. Однако многие документы, в том числе часть его дневника, который Новиков вел на протяжении всей своей жизни, считались окончательно утерянными. Это и неудивительно. Каждый арест крестьянина Новикова сопровождался конфискацией обнаруживаемых во время обысков рукописей писем, отдельных заметок.

В свое время в торжественной обстановке сотрудники Управления ФСБ по Тульской области передали в музей 36 документов, касающиеся деятельности М. П. Новикова, представляющих историческую и литературную ценность. Документы, а среди них и часть дневника М. П. Новикова, считавшаяся утерянной, были обнаружены в ходе работы с архивом ФСБ. Среди переданных документов находилось письмо к Новикову из Парижа от книгоиздателя Шарля Соломона. Ценность этого письма в том, что написано оно рукой дочери Л. Н. Толстого — Татьяной Львовной под диктовку француза. Этот факт для сотрудников музея стал настоящим открытием. Важно, что документы теперь хранятся в надлежащем им месте.

Многое прояснилось и в биографии самого Новикова. До последнего времени его дочь, да и работники музея считали, что он погиб в 1939 году. Однако, только сейчас, изучая материалы уголовных дел, установлено, что определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 8 марта 1969 года Новиков Михаил Петрович, арестованный 9 августа 1937 года вместе со своим братом Иваном Петровичем, был расстрелян 28 августа 1937 года по постановлению тройки УНКВД по Московской области. Поэтому же определению он был полностью реабилитирован. К сожалению, сейчас уже никак нельзя установить точное захоронение Новикова. Дело в том, что после ареста в с.Боровское он и его брат были этапированы в Серпуховскую тюрьму, где их и ждала страшная участь.

После ареста Новикова у него остались жена, два сына и две дочери. Не получив никаких известий о судьбе родного им человека, они пытались найти правду в различных инстанциях. Жена и средняя дочь Михаила Петровича умерли, не дождавшись в свое время ответа на многочисленные запросы о судьбе старого человека. Его сын, инженер, погиб на фронте в боях за Родину. Не узнала правды о последних днях жизни отца и младшая дочь, ставшая профессором, доктором филологических наук. Она умерла в Москве в 1992 году.

Увы! Трагическая судьба Новикова по-своему закономерна, но от этого не перестает вызывать сочувствия.

Были на Тульской земле великие русские писатели, но были и есть талантливые их последователи и ученики!

Виктор Буланичев
(г. Бийск)

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ СПИРИДОН ДРОЖЖИН

*Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная —
Там родина моя...*

С. Дрожжин. «Родина»

Во время путешествий по Волге мне посчастливилось побывать во многих старинных русских селах и деревнях, больших и малых, красивых и не очень. У всех у них своя многовековая история — частица нашей, общей, российской. Некоторые поселения так потрепала жизнь, что они до сих пор не восстановились и представляют печальное зрелище, но большинство имеют вполне достойный облик. На улицах стоят крепкие красивые дома. На центральной площади села обязательно возвышается белокаменная церковь. Старинные здания достойно гармонируют с современной архитектурой. Палисадники ухожены, в каждом дворе плодоносящий сад, крепкие хозяйствственные постройки. Видно, уважают жители себя и любят свое село. Удивительная чистота, порядок и умиротворение во всем. Особенно красивы волжские селения вечером, когда при закате солнца остывает день и все погружается в полумрак. Появившиеся на небе звезды освещают ровным светом волшебную гладь Волги. Хорошо в это время сидеть на берегу реки, у костерка, в хорошей компании. Пить душистый, заваренный на травах чай, неспешно беседовать, вспоминать историю, даты, имена людей, прославивших эти места. Вспомнили мы и русского поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина, уроженца этих мест, читали стихи и восхищались его природным талантом.

Не всем русским поселениям везло в истории. Многие канули в лету во время войн, некоторые из-за вымирания населения или административных преобразований. Есть в России небольшая река Шоша — правый приток Волги, в устье которой находится знаменитый комплекс отдыха руководителей нашего государства «Завидово». Комплекс расположен на месте старинного русского села Шоша, где Юрием Долгоруким была построена крепость Городок, запиравшая вход в Шошу — путь к Волоколамску. Позже, но еще до нашествия Батыя, здесь возникли два монастыря: Богородский и Воскресенский. Потом Воскресенский монастырь был преобразован в приходской храм, давший второе имя селу — Воскресенское. В 1937 году при строительстве Иваньковской плотины монастырские постройки и село Шоша были затоплены.

На другом берегу Шоши, напротив бывшего села, располагалась деревня Низовка, через которую когда-то пролегал тракт Москва-Петербург. В деревне Низовка родился крестьянский поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин, здесь же он прожил большую часть своей жизни и умер.

Родился он в 6 (18) декабря 1848 года в семье крепостных крестьян. В школе учился неполные две зимы, потом одиннадцатилетнего сына мать отправила на зарплаты в Санкт-Петербург. Следующие годы жизни Дрожжина прошли в скитаниях по России. Он сменил множество профессий. С 1860 по 1871 жил в Петербурге, упорно занимался самообразованием. Здесь он познакомился с произведениями Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Л. Н. Толстого и других известных русских писателей. В шестнадцать лет написал первое свое стихотворение. В 1867 году начал дневник, который вел до конца своей жизни.

Первая публикация Дрожжина появилась в журнале «Грамотей» в 1873 году. С

этого времени Дрожжина стали печатать во многих изданиях: «Дело», «Слово», «Семейные вечера», «Русское богатство» и других. Его стихи печатали и на родине в журнале «Тверской вестник» и альманахе «Зарницы».

Из-за бедственного материального положения и под влиянием встреч с Львом Николаевичем Толстым, в 1896 году возвращается на родину. Здесь он полностью посвящает себя литературному труду. В 1903 году участники «Кружка писателей из народа» организовали вечер, посвященный 30-летию поэтической деятельности С. Д. Дрожжина. Одним из организаторов вечера был Иван Алексеевич Бунин. В своем приветственном слове он назвал Дрожжина «самым даровитым поэтом-самоучкой».

В этом же году Академия наук назначила Дрожжину пожизненную пенсию, а в 1910 году присудила премию за сборники «Заветные песни», «Новые русские песни», «Баян». В 1915 году получает почетный отзыв имени А. С. Пушкина за сборник «Песни старого пахаря».

К концу XIX века С. Д. Дрожжин становится самым известным русским крестьянским поэтом. Летом 1900 года его посетил австрийский поэт Райнер Мария Рильке, переведивший его стихи на немецкий язык.

В первое десятилетие XX века одна за другой выходили книги поэта. В 1905 году Дрожжин был избран почетным членом «Общества любителей российской словесности», получил несколько литературных премий.

Октябрьский переворот Дрожжин встретил в Низовке, вскоре покинул ее, занявшийся общественной работой. В 1919 году он был избран председателем съезда профсоюзов писателей Тверской губернии, а в 1924 почетным членом «Всероссийского союза поэтов».

Умер поэт 24 декабря 1930 года и похоронен в селе Шоша. В 1937 году, после заполнения Иваньковского водохранилища, его прах и дом были перенесены в поселок Новозавидовский, где был открыт дом-музей.

Дрожжин — один самых плодовитых крестьянских поэтов, выпустивший более тридцати поэтических сборников. Для стихов раннего периода характерно воспевание красоты и грусти сельской жизни. Дрожжин-поэт испытывал разнообразные влияния, но его неповторимую поэтическую индивидуальность, его голос мы чувствуем и узнаем сразу.

Многие стихи дооктябрьского периода пользовались огромной популярностью в народе, стали песнями, записывались для граммофонов, проникли в фольклор. Известные в то время композиторы А. С. Чернявский, В. И. Ребиков, В. Р. Бакалейников, Ф. О. Лашек, В. А. Зиринг писали на его стихи песни, которые с успехом исполняли Ф. И. Шаляпин, Н. В. Плевицкая, А. Д. Вяльцева и другие исполнители.

В конце жизни в его стихах повторяются прежние мотивы, которые пересекаются с новым пафосом социалистического утверждения.

Творчество самобытного русского крестьянского поэта мало известно, и многие, кто соприкоснулся с ним, проявляют неподдельный интерес к его поэзии. К сожалению, в настоящее время довольно сложно найти произведения поэта и побольше узнать о его жизни и судьбе. Мало известно и о его личной жизни, но его творчество по-прежнему остается актуальным.

СТИХИ СПИРИДОНА ДРОЖЖИНА

РОДИНА

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная—
 Там родина моя.
Покрытые соломою

Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые,
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят.
И, словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идешь, идешь — и края нет
Далекого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

1871 г.

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Пришла пора весенняя,
Цветут цветы душистые,
Слетаются-сбираются
Все пташки голосистые.
Поют в полях, поют в лесах,
С куста на куст порхаючи:
Заслушалась красавица,
Про друга вспоминаючи.
Стоит, глядит задумчиво
Куда-то в даль незримую
И звонким колокольчиком
Заводит песнь любимую;
Далеко эта песенка
В родных полях разносится,
Звенит, душой согретая,
В другую душу просится.

Все в этой песне слышится:
Любовь, глубоко скрытая,
И счаствие далекое,
И горе пережитое.
Под вечер добрый молодец,
Окончив пашню черную,
Пустил коня и к девице
Пошел дорогой торною.

Никто не знал, что сделали

С красавицей девицею
Певуньи-пташки вольные
С весною-чаровницею.
А ночка, ночь весенняя
Все тайны, что проведала,
Хранить и ясну месяцу,
И звездам заповедала!

1875 г.

РОДИНЕ

Как не гордиться мне тобой,
О, Родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою недвижим я,

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На темные леса.

Как хороша ты в теплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдает!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всем в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

1904 г.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

В деревне, чуть заря вечерняя займется,
Играет молодежь, сплетаясь в хоровод,
Звучит гармоника, и песня раздается
Такая грустная, что за сердце берет.
Но грусть сроднилась с крестьянскою душою,
Она всегда в груди измученной живет
И разгоняется лишь песнею родною.
Отпряжен от сохи, средь поля конь усталый
Пасется в табуне; вхожу я тихо в дом,
Чтоб за ночь отдохнуть — и чтоб на зорьке алой
Проснуться и опять с товарищем-конем
На поле целый день трудиться с силой новой,
Взрывая борозды, иль, срезав рожь серпом,
Душистые снопы возить на ток готовый.
А теплый вечер так порой душист и ясен,
Когда разносится народной песни стих,
О, как ее язык и звучен и прекрасен,
Как много слышится в ней мук пережитых.

1906 г.

САМОЕ ДОРОГОЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ,— ЭТО НАШИ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

9 сентября 2017 года в Ясной Поляне прошли XXII Международные писательские встречи, которые проходят ежегодно с 1996 года.

Открыла новый сезон и литературная премия «Ясная Поляна», соучредителями которой являются компания Samsung Electronics и Музей-усадьба Л. Н. Толстого. В 2017 году премии исполняется 15 лет, и в этом юбилейном сезоне премия меняет свою структуру.

О премии «Ясная Поляна», о ее изменениях, о литературе и о многом другом нашему журналу рассказал член жюри литературной премии «Ясная Поляна», постоянный участник Международных писательских встреч, писатель, публицист, исследователь истории русской литературы XX века, доктор филологических наук, профессор МГУ, ректор Литературного института Алексей Варламов

— Алексей Николаевич, Вы — член жюри литературной премии «Ясная Поляна». В прошлом году, при объявлении длинного списка номинантов на соискание премии, Вы говорили, что у жюри будет нестандартный выбор. Что Вы имели в виду, и был ли нестандартный выбор в году нынешнем?

— В прошлом году нестандартный выбор произошел по причине того, что в номинации «XXI век» премии «Ясная Поляна» было два претендента,— это Наринэ Абгарян со своим произведением «С неба упали три яблока» и Александра Григоренко с произведением «Потерял слепой дуду». Вот что я имел в виду, когда говорил о нестандартном выборе. В этом году премия меняет свою структуру. С этого года она будет присуждаться в трех номинациях: «Современная русская проза»; «Иностранный литература» и «Событие». На соискание премии было выдвинуто 120 произведений, но после тщательного изучения членами жюри в лонг-лист были включены только 30 произведений современных авторов. О том, кто станет лауреатом премии, говорить еще рано.

— В своем рассказе «Антилохер». История одной премии, Вы написали о том, что литературная премия — это всегда политика. Премия «Ясная Поляна» и «Патриаршая премия по литературе», лауреатом которой Вы стали в 2013 году,— это тоже политика?

— Конечно, политика. Понимаете, не нужно заострять внимание, или как-то отрицательно реагировать на слово «политика». Называя литературные премии политикой, я не имел в виду политику международную или политику какого-то миропорядка. Не нужно литературу рассматривать с точки зрения каких-то политических взглядов. В данном своем высказывании я имел в виду политику литературной жизни. Политика — это взгляды людей на какие-то события, в том числе и на события, происходящие в литературной жизни.

— Сегодня большие отечественные литературные премии присуждаются в основном одним и тем же авторам, а сами премии стали походить на переходящий вымпел для определенного круга лиц. Скажите, сегодняшние литературные премии присуждаются авторам за их раскрученные СМИ имена, или все же

за литературные произведения? Отражают ли сегодняшние литературные премии те положительные традиции, которыми всегда славилась отечественная литература?

— В ваших словах есть доля истины в том, что часто премии присуждаются одним и тем же авторам. Но это происходит не из-за раскручивания средствами массовой информации их имен, как вы ставите вопрос, а только по причине того, что произведения этих авторов нашли широкую поддержку в читательских кругах. Они, эти авторы,— читаемы. Понимаете, литература это не кино, и не театр. Чтобы написать литературное произведение, не нужны деньги, нужны только письменный стол, чистый лист бумаги и авторучка. Пиши хорошо и интересно, и найдешь читательский отклик, читательский интерес к твоему произведению, читательский спрос, уважение и читательскую любовь. И все,— ты уже знаменит. А если бездарен, то не поможет никакое СМИ. Вот возьмите, к примеру, такого автора, как Захар Прилепин. Его произведения интересны, а потому нашли читательский отклик, естественно, и члены жюри литературных премий не могли пропустить мимо себя этого автора. Или, например, кто знал два-три года назад такого автора, как Евгений Водолазкин? Никто. Он работал над собой, работал со словом и, естественно, к нему пришел литературный опыт. Или Гузель Яхина? Какие СМИ ее раскрутили? Никакие. Она добилась признания только своим трудом.

— Ну, Бог с ними, с премиями. Давайте сменим тему. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в литературу? Были ли у Вас литературные кумиры?

— Вот сейчас у микрофона была писательница, которая читала рассказ о девочке, читающей под одеялом с фонарем книги Льва Толстого. (*Хорватская писательница Нада Гашич. Авт.*) Я тоже в детстве читал книжки с фонарем под одеялом. Правда, я читал книги не Льва Толстого, я читал книги детские, но тем не менее. С возрастом я стал читать другие книги, не детские, затем решил попробовать написать сам. Вначале получалось плохо, затем стало получаться лучше, и пришла потребность этим заниматься. А были ли у меня кумиры?.. Понимаете, мне не совсем нравится слово кумир. На каждой стадии моего чтения, будь то детские книги, юношеские или взрослые, мне попадались авторы, которых было интересно читать, произведениями которых я зачитывался. А были ли они для меня кумирами?.. Да, наверное, были. Они же были для меня любимыми авторами, а значит, они были моими кумирами.

— Алексей Николаевич, Вы — автор замечательной художественной прозы и не менее замечательной прозы документально-исторической и биографической. Я имею в виду Ваши книги из серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). А какая проза Вам все-таки ближе?

— Конечно же, художественная. В документальной прозе существует тоска по вымыслу, у меня все это накапливалось, и я пришел к прозе художественной, но писать о замечательных людях — это занятие увлекательное, и я его не оставил.

— Сегодня на страницах некоторых книг можно встретить нецензурные выражения. Это происходит от вседозволенности? Из-за отсутствия культуры у автора, или сегодня на это существует читательский спрос? Хотелось бы узнать Вашу точку зрения, как доктора филологических наук?

— Я крайне негативно отношусь к нецензурным словам. К сожалению, нецензурщина сегодня встречается не только на страницах книг, она встречается и в кино, и в театре со сцены доносятся нецензурные выражения. Мат сегодня вошел в нашу повседневную жизнь. Многие люди сегодня матом уже не ругаются, а используют

его просто в разговорной речи, отчего он сегодня отчасти потерял свою агрессивность. То же самое происходит и в литературных произведениях некоторых авторов. Например, тот же Захар Прилепин в своем романе «Обитель» использует нецензурные слова...

— *И в романе «Санька» он тоже использовал мат.*

— Да, и в романе «Санька» он тоже использовал матерные слова. Об этом я и говорю, что сегодня мат вошел в нашу жизнь уже не как агрессивный элемент, а как слова общения, и матерное слово, вставленное в текст, иногда бывает и к месту. Я к этому отношусь нормально, хотя считаю, что такого быть не должно. Писатель должен уметь заменить матерное слово словом литературным, но заменить так, чтобы читатель понял, что именно автор хотел сказать.

— *Лев Николаевич Толстой задавался вопросом: ангел человек или дьявол? И сам же давал на него ответ, заявляя, что человек — пестрый, и он всю жизнь борется с собой. На Ваш взгляд, что всем нам сегодня нужно предпринять, чтобы в нас хорошее побороло плохое? Сможет ли нам в этой борьбе помочь современная литература? Смогут ли современные писатели наше общество вылечить нравственно?*

— Писатель не должен лечить общество. Такое мнение, что писатель сможет сделать общество лучше, нравственнее, мнение ошибочное. Тот же Лев Толстой говорил, что человек должен очистить себя. Именно себя, а не кого-то другого. С очищением себя самого естественно будет происходить очищение и самого человечества.

— *Сегодня в реестре профессий, такой профессии как писатель или литератор не существует. Тем не менее, Ваш институт продолжает готовить литературных работников. Не кажется ли Вам, как ректору Литературного института имени А. М. Горького, такое положение вещей, мягко говоря, странным?*

— Наш институт не готовит писателей. Многие наши выпускники не становятся ни писателями, ни литераторами, они работают в различных сферах деятельности. Литературный институт — это почва, в которой прорастает заложенное в нее зерно. Мы даем основу литературной деятельности, а кем станет наш выпускник — зависит только от него самого, от его желания и таланта.

— *Вы ректор Литературного института и профессор МГУ. Кроме того, читали лекции о русской литературе в университетах Европы и США. Скажите, в чем Вы видите сходство, а в чем отличие между нашими студентами и студентами европейских стран и США? Влияет ли на различие разница в системе образования?*

— Отличие в том, что все люди разные, в этом и отличаются друг от друга, студенты не исключение. А сходство в молодости, задоре и в стремлении получить знания. Я многое ко всему отношусь критически, но только не к нашему образованию. Я бы не сказал, что система нашего образования сильно уступает системе западной, а в чем-то даже ее и превосходит.

— *Ежегодно в Крыму проходит форум «Таврида», в котором принимают участие молодые писатели, поэты и критики. Начинающим литераторам лекции читали многие писатели, в том числе и Вы. Расскажите, пожалуйста, какое у Вас сложилось мнение о работе форума?*

— Форум «Таврида» — это в первую очередь возможность молодым людям почувствовать страну, участники форума приезжают из разных регионов. Во вторую очередь — это дает возможность собраться всем вместе, увидеть друг друга, познакомиться. Например, парень из Калининграда может познакомиться с девушкой из Новосибирска. Это же ведь очень здорово! В «Тавриде» момент такого общения, объединения, соединения разных молодых людей является основополагающим. Встреча молодых людей, их общение друг с другом — это ведь самое важное, даже важнее, чем сама литература, литература там уходит на второе место, хотя она и объединила этих молодых людей. Немаловажный момент и тот, что «Таврида» дает возможность побывать молодым людям в Крыму, познакомиться с местными жителями, увидеть природу, почувствовать этот южный колорит.

— Таланты на форуме выявляются?

— Форум проходит в течение пяти-шести дней, и за этот период чему-то серьезно научиться невозможно. Можно пробудить какой-то интерес, можно предположить, что человек почувствует какой-то толчок, какой-то импульс, произойдет какая-то перемена характера, перемена судьбы. Может быть небольшая, но она произойдет, а в молодости это очень важно. Это как семечка, которую бросили в землю, и при благоприятных условиях из нее обязательно вырастет что-то хорошее, а форум в данном случае и является теми благоприятными условиями. Поэтому с этой точки зрения я к «Тавриде» отношусь очень положительно.

— Были ли на форуме среди молодых авторов студенты Вашего института? Готовы ли молодые литераторы, если потребуется, встать в литературный строй и заменить нынешних именитых писателей?

— Во-первых, мне не совсем понятно высказывание «литературный строй». Мне не хотелось, чтобы литераторы стояли в каком-либо строю, пусть они будут свободными художниками слова. Во-вторых, не надо никого менять. Пусть будут литераторы разных возрастов, и молодые, и опытные. Литература от этого только выиграет. А что касается студентов литературного института, то, да, они в «Тавриде» принимают самое активное участие и я этому очень рад.

— Наши журнал «Приокские зори» из-за прекращения финансирования, кстати, в Год литературы, перестал выходить в печатном варианте. Наше обращение во властные структуры города Тулы с просьбой оказать государственную поддержку единственному в Тульской области литературному журналу успехом не увенчалось. К сожалению, сегодня материальные трудности испытывает не только наш журнал, но и многие другие. А с какими трудностями приходится сталкиваться Вам, как главному редактору журнала «Литературная учеба»?

— У нас такие же трудности, как и у вас. Наш журнал «Литературная учеба» перестал выходить. Ваш журнал перестал выходить в бумажном виде, но продолжает выходить в электронном варианте, и это замечательно. Это прекрасно, что редколлегия журнала, ваши авторы и ваши читатели не распались, а продолжают сотрудничество друг с другом. У нас же журнал вначале перестал выходить в бумажном виде, а затем наши издатели вообще его прикрыли, и он больше не выходит. Но я перестал быть его главным редактором еще до этого, как произошли эти печальные изменения. Я приблизительно два года назад был вынужден оставить эту должность, поскольку стал ректором Литературного института, и соединять эти две должности мне стало очень тяжело. К сожалению, через полгода-год, когда я ушел, прекратился выпуск бумажной версии журнала «Литературная учеба», что я считаю фактом очень

печальным. Это был очень замечательный журнал, с хорошими традициями. Выходил он в течение многих лет, и вот теперь, к сожалению, больше не выходит.

— Журнал «Приокские зори» и Литературный институт уже не один год сотрудничают в творческом плане. Сегодня, повторюсь, журнал выходит только в электронном виде, тем не менее, журнальная рубрика «Тверской Бульвар, 25» в «Приокских зорях» ждет своих авторов — студентов и преподавателей института. Будем продолжать наше сотрудничество, и надеяться на лучшие времена. Что бы Вы, Алексей Николаевич, пожелали читателям и авторам журнала «Приокские зори»?

— Авторы и читатели «Приокских зорь» не покинули журнал в его трудные минуты, а продолжают присыпать свои произведения, продолжают читать его электронную версию, а значит, журнальные публикации вызывают в них какой-то интерес. Интерес к современной литературе, литературе классической. Я бы им пожелал читать как можно больше хороших книг, читать литературные журналы, чтобы от чтения получать удовольствие. Также мне хочется всем пожелать, прежде всего, хорошего, доброго здоровья, прекрасного настроения. Чтобы на работе были прекрасные взаимоотношения с коллегами, и, конечно же, всем желаю простого семейного счастья. Ведь семья, наши близкие люди — жены, мужья, дети, родители, братья, сестры — это самое важное, самое главное и самое дорогое, что у нас есть.

*Беседовал Геннадий Маркин,
фото автора*

©ФОТО

Анатолий Коновалов
(д. Хмелинец, Елецкого района Липецкой области)

ВЗЛЕТ И ТРАГЕДИЯ УСПЕНСКОГО

Родился в семье лесника 6.10.1946 года в с. Становое Становлянского р-на Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Работал строителем, в газетах, в Становлянском и Елецком райкомах КПСС, заместителем главы администрации Елецкого района, помощником ректора Елецкого госуниверситета им. И. А. Бунина, доцентом кафедры журналистики, заведующим кабинетом истории университета. Член Союза российских писателей, Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов, действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Автор 27 книг прозы, публицистики и учебных пособий для студентов вузов. Лауреат международных и российских конкурсов, литературной премии им. Е. И. Замятиной, журналистской — им. А. А. Вершикова. Почетный гражданин Становлянского района. Награжден медалью «Во славу Липецкой области».

**В 2017 году исполнилось 180 лет со дня рождения
Николая Успенского**

*Забвение — возмездие для зла
и несправедливость для добра.
Эдуард Севрус*

На липецкой земле о нем вспоминают, пожалуй, только тогда, когда посещают то место, где когда-то было село Шипово, от которого к концу двадцатого века не осталось ни одного дома. А что тут был большой населенный пункт и православный приход, свидетельствует лишь полуразрушенная церковь, которая мрачно и вроде бы с укором оглядывает окрест.

Да и то люди будут память по слуху. Ведь членов делегаций из разных концов России и других стран интересует этот становлянский уголок в первую очередь потому, что он связан с именем Михаила Юрьевича Лермонтова. У стен храма похоронен отец поэта — Юрий Петрович Лермонтов, его родители и сестры. Вероятнее всего, поэт был в последний раз в Шипово в апреле 1841 года, когда за три месяца до своей гибели ехал на Кавказ и на один день заезжал в имение отца в Кропотово. А, зная какое трепетное отноше-

ние у него было к отцу, то он, наверняка, не мог не побывать на могиле Юрия Петровича. Такая версия не исключается и лермонтоведами (И. Андронников, Г. Гулиа, В. Арзамасцев).

А уж потом выясняется, что здесь в раннем возрасте оказался мальчик, которому судьба уготовила славу «крестьянского трибуна». Этим мальчиком был Николай Успенский. И вполне возможно (хотя документально это не подтверждено), что он в свои почти четыре года видел М. Ю. Лермонтова в Шипово.

Успенский родился 31 мая 1837 года в селе Ступино Тульской губернии в многодетной и полунищей семье сельского священника. А детские, юношеские и часть зрелых его лет прошли в селе Шипово Ефремовского уезда (сегодняшнего Становлянского района Липецкой области). Почти сразу же после рождения сына Тульской епархией в церковь Успения Пресвятой Богородицы был переведен его отец, священник Василий Яковлевич. Именно в Шипово формировалось мировоззрение Николая на крестьянский быт. Он своими зоркими и пытливыми глазами видел, в каком бесправии и забитости живут его земляки — односельчане, те, кто рожает детей, пашет землю, ухаживает за скотом. В его душе на всю жизнь остался тяжелый осадок от увиденного и пережитого.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Шипово начала XXI века

Его отец обладал в высшей степени неуживчивым характером, из-за которого вынужден был странствовать по деревням и селам, меняя приход за приходом, становился каждый раз лишь беднее, а на этой почве и обозленнее почти на всех окружающих его людей. Характер отца в какой-то, а может и большей мере, передался Николаю.

Василий Яковлевич хотел, чтобы сын пошел только по его стопам и стал священнослужителем. Потому в 1846 году он определяет мальчика на учебу в Тульское духовное училище, по окончании которого — в семинарию. Но у выпускника семинарии созрели другие планы на дальнейшую свою судьбу, не связанные с церковной службой. В 1856 году он поступает в Петербургскую медико-хирургическую академию. Но Николай не продержался там и года: в какой-то момент у него просто сдали нервы. В приступе злости он изрезал на куски руку трупа, выданную ему для препарирования, изломал инструменты, разбросал их по палате и ушел, за что тут же с пощором был изгнан из академии.

От нищеты Николая Успенского спасла только его литературная деятельность, начатая им в 1858 году. В пору своего недолгого студенчества он опубликовал два рас-

сказа — «Старуха» и «Поросенок» в еженедельном журнале «Отечественные записки», в котором в свое время печатались К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин. Третий рассказ — «Хорошее житье» он отнес было туда же, но в редакции решили, что язык рассказа «слишком народен и непонятен» для читателей журнала.

Видимо, эти первые публикации Успенского повлияли на изменение его жизненных планов. Николай Васильевич решает заняться изучением истории и филологии. Потому поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Но и это учебное заведение не смог окончить. Из-за бедности отца ему нечем было платить за обучение.

Это нанесло незаживающую и глубокую душевную рану уже известному в писательских кругах молодому человеку.

И Успенский, набравшись смелости, явился с рассказом «Хорошее житье» в «Современник», который основал за год до своей гибели А. С. Пушкин, а тогда его редактировал Н. А. Некрасов, с которым активно сотрудничали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев.

Вот как вспоминал Николай Успенский первые мгновения, когда пересек порог «Современника»:

« — Не бойтесь, не бойтесь! — послышался в углу залы тихий и хриплый голос поэта «мести и печали», когда меня встретили у двери два красивых сестера. — Что вам угодно?

Я сказал, что доставил в редакцию «Современника» два рассказа из народного быта, и назвал свою фамилию.

— Я с удовольствием прочитал их,— сказал Николай Алексеевич,— особенно мне понравился ваш «Поросенок»... Прелестная вещь... А вот на вашем рассказе «Хорошее житье», кажется, была какая-то надпись...

— Да! В редакции «Отечественных записок» мне написали, что язык слишком народен и непонятен для публики... Я стер эту заметку...

— Ха-ха-ха... Слишком народен!.. Это превосходно... Вы что же, учитесь где-нибудь?

— В Медицинской академии, но мне хотелось бы перейти в университет по историко-филологическому факультету...

— Напрасно! Кого вы будете там слушать! Все это бездарность страшная... Уж если вы пишете такие прелестные очерки, то вы умнее всякого профессора... Какой вы губернатор?

— Тульской...

— Ну, вот еще одним дарованием больше... В «Современнике» участвуют ваши земляки: Тургенев, Толстой, Григорович... Тургенев обещал проездом из Парижа скоро побывать в Питере. Вы не нуждаетесь ли в деньгах? Я могу с вами поделиться... Вот, не угодно ли вам пока пятьдесят рублей... Если что-нибудь напишете еще, пожалуйста, приносите мне. А эти очерки будут напечатаны в следующей книжке...

— Вы, Николай Алексеевич, сказали, что мне не следует поступать в университет... Что же мне делать?

— Да просто плывите по течению... Читайте Диккенса, Теккерая и пишите...

В скором времени Некрасов известил меня, что на Невском, в зале Бенардаки, устраивается Е. П. Ковалевским литературный вечер, в котором мое участие было бы весьма желательно. Я согласился и в назначенный час пришел к Некрасову, который был не в духе и говорил, роясь в бумагах:

— Терпеть не могу этих вечеров, где нужно выставлять напоказ свою физиономию...

— Карета подана! — возвестил лакей, и мы отправились.

Вечер прошел удачно. На другой день часов около двенадцати мы поехали с Н. А. к Ковалевскому к Красному мосту. Некрасов был очень весел и, расхаживая в кабинете Евграfa Петровича из угла в угол, рассказывал из своей прошлой жизни:

— Нанимал я квартиру на Васильевском острове, в нижнем этаже. Денег у меня не было ни копейки. Пошел я в мелочную лавочку попросить в долг чайку. Купец оказался моим земляком — ярославцем — и большим любителем чтения газет. «Дивное дело, — говорил он, — как это умудрились печатать газеты... Пишет человек, к примеру, первом, а выходит совсем другое». Я объяснил ему, в чем дело, и так ему понравился, что он с удовольствием отпустил мне чаю и сахару. Но положение мое, однако, нисколько не улучшилось. Лежа на полу на своей шинели, я сделался предметом праздного любопытства уличных зевак, которые с утра до ночи толпились у моих окон. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и он приказал закрыть окна ставнями. При свете сального огарка я решился описать одного помещика с женой, у которых я был учителем. Так как хозяин отказал мне в чернилах, я скосил от своих сапог вахсю, написал очерк и отнес его в ближайшую редакцию. Это спасло меня от голодной смерти... В одно утро к моей квартире подъезжает щегольская коляска, из которой выходит бывший издатель «Современника» Иван Иванович Панаев и спрашивает дворника: «Здесь живет Николай Алексеевич Некрасов?» С этого рокового момента судьба сделалась ко мне поблагосклоннее...»

Вот тут-то и началась самая светлая пора жизни Успенского и его творческий взлет. Рассказы своего протеже Некрасов распорядился печатать самым крупным шрифтом на первых страницах ближайшего издания журнала. Автору платили вполне приличный гонорар, а через год даже заключили с ним контракт с условием, чтобы он сотрудничал только с «Современником».

В этом журнале увидели свет и получили высокую оценку критики его рассказы и очерки: «Хорошее житье», «Поросенок», «Грушка», «Змей», «Сельская аптека» и другие.

В отличие от либерально-дворянских писателей Успенский изображал жизнь крестьян во всей ее неприглядности, показывая нищету, забитость, полную их зависимость от помещиков, кабатчиков, полиции. Он смело и ярко критиковал либеральное культурничество («Сельская аптека»), сельскую общину («Хорошее житье»), которую впоследствии идеализировали народники. В рассказах «Федор Петрович» (1866) и «Старое по-старому» (1870) Николай Васильевич создает образ буржуазного хищника в глубоко любимой им деревне, обличает земство.

Н. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» писал, что Н. Успенский сказал о народе «правду без всяких прикрас», что ему удалось «глубоко заглянуть в народную жизнь» и ярко выставить «коренную причину ее тяжелого хода», как никому из беллетристов. Также литературный критик отмечал, что «произведения Успенского отличаются простотой сюжета, мастерством речевой характеристики людей из народа».

В то время рассказы и очерки Успенского печатались один за другим. В 1860 году в «Современнике» появляется статья самого авторитетного литературного критика того времени Н. А. Добролюбова, в которой он настойчиво рекомендовал пополнить хрестоматию для юношества произведениями двадцатиреcхлетнего писателя. Тургенев, Толстой, Григорович — первые писатели эпохи и к тому же аристократы, люди высшего «света» — одарили поповского сына знакомством и лестными о нем отзывами.

Однажды в трескучий мороз Успенский пришел к Некрасову, чтобы передать ему один из своих очерков. У знаменитого поэта и редактора был в гостях известный ветеран беллетристики Д. В. Григорович.

Вот как ту встречу описал сам Николай Васильевич:

«— Знаете, что я вам посоветую, Успенский,— начал Николай Алексеевич,— погоджайтесь за границу.

— Да на какие же средства?..

— У вас есть прекрасные средства...

— Правда, правда,— произнес баритоном Дмитрий Васильевич.

— Средства эти,— продолжал Некрасов,— ваши рассказы... Их в «Современнике» напечатано так много, что из них выйдет довольно солидный томик. Я издам их в свет, а вам дам денег на путешествие, которое для вас будет очень полезно...»

Все складывалось для Успенского наилучшим образом. Он около года пробыл в культурных европейских центрах, где в то время находились и тепло его встретили в Париже — Тургенев, в Ницце — Добролюбов, во Флоренции — Боткин...

Вроде бы надо было за это благодарить судьбу и Некрасова. Но, вернувшись из заграничной поездки, Успенский, к удивлению всех, обвинил своего старшего коллегу Некрасова в эксплуатации его таланта и потребовал платить себе такой же гонорар, какой получал Лев Толстой.

Чем обосновывал такие свои притязания Николай Васильевич?

Обратимся к его воспоминаниям:

«Я отправился за границу, где пробыл около года. Между тем мои очерки вышли в свет отдельной книжкой и раскупались нарасхват...

Возвратившись в Петербург, я узнал из достоверного источника, что Некрасов вместо одного завода, как обещал, напечатал мои рассказы в количестве 6000 экземпляров ценой по 1 рублю за каждый, а я ограничился поездкой за границу, которая стоила мне 1000 рублей. Следуя примеру Тургенева, Толстого, Гончарова и Достоевского, я прекратил всяческие сношения с незабываемым поэтом и издателем «Современника».

Никакие уговоры эффекта не возымели, и перед Успенским навсегда закрылись двери в «Современник».

К тому же, побывав в Европе, он резко пересмотрел некоторые свои жизненные позиции. Теперь ему казались чуждыми взгляды революционных демократов Некрасова, Чернышевского, Добролюбова. На этой почве, после разрыва с журналом «Современник», он начинает печататься в либеральных и даже реакционных изданиях, хотя серьезных перемен в его взглядах на жизнь в деревне и не произошло.

Более того, Успенский, изобразив свой денежный конфликт с редакцией «Современника» как эпизод из истории идейного размежевания писателей — либералов и аристократов, нашел себе новых покровителей в лице И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Лев Николаевич в том же 1862 году пригласил Николая Васильевича преподавать в школе Ясной Поляны, да заодно и его рассказы у себя в журнале перепечатал. Однако Успенский там долго не задержался. После очередного злоупотребления спиртного разругался и со Львом Толстым за то, что тот якобы мало ему платит за его учителяство в местной школе.

Тогда Успенский обращается за помощью к Тургеневу. Иван Сергеевич с удовольствием откликнулся на его просьбу и безвозмездно предоставил ему в своем имении несколько десятин земли, чтобы Успенский спокойно занимался творчеством, не тревожась о своем материальном состоянии. Но Николай Васильевич и тут не ужился со своим благодетелем. Не объясняя причин, покидает Спасское.

Он приезжает в Петербург, где намеревается покорить северную столицу своим творчеством. Живет у своего двоюродного брата Глеба Успенского, который к тому времени был уже хорошо известен в литературных кругах и который старается по-

мочь своему родственнику, чем мог. Но Николай Васильевич относился с завистью и раздражением к Глебу Ивановичу. Тот, видите ли, слишком реалистически показывал в своих ярких произведениях жизнь городской бедноты и не так, как надо бы, по мнению Николая Васильевича, противоречия пореформенной деревни («Нравы Растерянной улицы», «Разоренье», «Власть земли» и др.).

Николай Васильевич как появился у своего брата неожиданно, также и исчез из Петербурга.

Он возвращается в Спасское. И не просто так, а вздумал продать участок земли, выделенный ему Тургеневым в дар. Уговоры Ивана Сергеевича одуматься и отказатьсь от необдуманной затеи оказались тщетными. И тому пришлось заплатить Успенскому за свою же землю и навсегда порвать с ним связи.

С этого момента светлой полосе жизни и творчества Успенского пришел логический конец. «Отечественные записки» вкупе с «Современником» подвергли писателя резкой критике. Сына священника из Шипово в этих изданиях характеризовали теперь как человеконенавистника (в этическом плане), ренегата (в идеологической оценке) и беспаланного беллетриста «с крошечным куриным миросозерцанием и крошечной куриной наблюдательностью».

Успенский поначалу не сдавался. Выдержав экзамен на звание учителя русского языка и словесности, он пытался преподавать то в одной, то в другой школе. Но каждый раз не уживался с руководителями школ, уходя в очередной запой. Без разрешения дирекции покинул и Первую московскую военную гимназию задолго до конца учебного года. Успенскому грозил трибунал — за «дезертирство» и не возврат выданных ему денежных средств, но, слава Богу, этот инцидент удалось уладить.

Пробовал он кроме литературной деятельности зарабатывать «на хлеб» еще и учителством, преподавая русский язык и словесность в уездных училищах, часто переезжая с места на место, и каждый раз увольнялся из них со скандалом.

Видимо, разрыв с самым прогрессивным в то время журналом, его талантливыми сотрудниками, известнейшими в России и за рубежом писателями сильно надломили и без того болезненную психику Успенского. Он все больше и чаще попадает под влияние алкоголя, что послужило его окончательной отставкой с преподавательской работы в 1874 году.

С этого времени Успенский практически перестает писать и живет в крайней нищете, беспробудно пьет, скитается по ночлежным домам. Пробовал он зарабатывать средства на жизнь уличным актером, но это было неудачной попыткой.

В 1878 году Николай Успенский женился «по страстной любви» на семнадцатилетней дочери священника. Казалось бы, жизнь с любимым человеком подарила ему счастье и возможность заниматься писательской деятельностью, как в былые времена. Но вместо этого он вновь погряз в денежных раздорах, на этот раз с тестем — из-за приданого. Через три года жена Успенского умерла, и безутешный муж, то ли от горя, то ли от безысходности, взял гармонику, чучело крокодила и горячо любимую двухлетнюю дочь, чтобы петь и плясать в трактирах. Также Николай Васильевич перед шумной и пьяной публикой произносил монологи за крокодила и рассказывал биографии знаменитых русских писателей.

Его моральная деградация шла по нарастающей. Однажды он выменял у кабатчика четверть водки на свою гармонь, легкомысленно пообещав, что потом ее выкупит. Водку писатель выпил с мужиками, а через два дня к кабатчику пришел полицейский. Успенский заявил, что кабатчик торгует спиртным без патента и к тому же украл его гармонь.

Кабатчик еле выпутался тогда из этой неприятной истории, благо полицейский попался дотошный, нашел свидетелей сделки. Потом он даже попенял Успенскому: «Как же ты можешь напраслину на людей возводить?»

В 1889 году Николай Васильевич покончил жизнь самоубийством, хотя и была версия, что его зарезали в пьяной разборке сбутыльники.

Солидные литературные журналы никак не откликнулись на его трагическую кончину. Лишь в 1890 году газета «Орловская правда» поместила заметки двадцатилетнего Ивана Бунина «К будущей биографии Н. В. Успенского».

«Старою, но в тоже время постоянно юною историей стала печальная участь многих русских писателей. Судьба Никитина, Решетникова, Помяловского, Надсона, Левитова и подобных им несчастливцев, которым словно на роду написано «что-то роковое», всем известна. Одни из них были подавлены нищетой, другие — с чуткою до болезненности душою — не вынесли окружающей их обстановки, третьи... третью унесли с собой в могилу тайну своей ненормальной тяжелой участи,— писал Бунин.— К последним, я думаю, более всего можно отнести недавно зарезавшегося Николая Васильевича Успенского. Его оригинальная и печально своеобразная жизнь положительно ставит в тупик. Я говорю, собственно, про себя, а не про публику, потому что, собственно, мне и еще очень немногим пришлоось узнать некоторые удивительные факты из его интимной жизни».

Знавшие и понимавшие Успенского близкие к нему люди говорили, что Николай Васильевич был «слишком недюжинный человек, слишком глубокая натура». Шипово, Троицкое, Лобаново — тульские селения, помнившие происходившего из духовного звания незаурядного отрока. Бунин воссоздает по крупицам биографию Николая Васильевича (учебу в духовном училище, академии, университете, краткое учительство в Яснополянской школе Л. Н. Толстого, попытку И. С. Тургенева помочь начинающему автору). Женитьба. Смерть жены. Своеобразное воспитание дочери, осуществлявшееся в постоянном бродяжничестве.

Бунин сообщает подробности жизни «Мефистофеля» (так почему-то прозвали Успенского в литературных кругах, а может и потому, что Мефистофель — это дьявол, образ злого духа в фольклоре и художественном творчестве — от автора), а потом горестно замечает:

«...немного спустя, в Москве, на одной из улиц, нашли зарезавшимся одного из первых и лучших представителей народнической литературы. В кармане у него оказалось восемь копеек!..»

Творчество Успенского было предметом острых споров в литературной критике XIX века. Со статьями о нем выступали Чернышевский, Достоевский, Михайловский.

Народническая критика (Скабичевский) резко выступала против Николая Успенского, произведения которого были чужды народнической идеализации общинных «устоев».

Среди многочисленных рецензентов был и липчанин Г. В. Плеханов. Георгий Валентинович наиболее точно определил место Успенского в истории русской литературы: «Это был типичный представитель эпохи 60-х годов, взявшийся за изображение народного быта... Он сочувствовал народу именно по-своему, то есть как «просветитель», то есть как человек, не чувствовавший никакой надобности в идеализации отсталой массы».

Постепенно Николай Васильевич стал «забытым писателем». Его творчество, как одного из «шестидесятников» и соратников революционно-демократической реалистической литературы, снова привлекло к себе внимание лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Его произведения и до сегодняшнего дня не потеряли свою актуальность. А все потому, что очерки Успенского отличаются своей правдивостью, силой критического реализма. Наиболее ярким средством художественной характеристики, каким рас-

полагал писатель, был язык его героев. Писатель умело воспроизводил многообразие оттенков разных говоров, охотно прибегал к сказу (к примеру, «Поросенок», рассказаный деревенской просвирней, «Грушка» — торговцем, «Хорошее житье» — целовальником, и т. д.). Очерки Успенского подчас поднимались до уровня тонко написанных новелл, избегая прямой, голой тенденциозности, выражая идею, прежде всего, показом самой жизни. Так, в «Хорошем житье» он обличает кабатчика, не говоря от себя ни единого дурного слова о нем. У Успенского мы находим ряд рассказов, где он прибегает к шаржу и гротеску («Обоз», «Змей» и др.). Это были зародышевые формы того же рода, какой нашел себе место в творчестве Салтыкова-Щедрина, в его «Истории одного города», в «Сказках». Как и Салтыкова-Щедрина, Успенского толкало к гротеску остро ощущавшееся просветителем противоречие между действительной и разумной жизнью. Его гротескные сцены и образы не имели силы и глубины щедринской сатиры, так как при всех достоинствах своих очерков писатель все же редко шел дальше натурализма и шаржа. Он верой и правдой служил своему отечеству, своим соотечественникам.

Именно Николай Успенский выступил одним из *родонаучальников* деревенской прозы, и влияние его в той или иной мере испытывали все последующие классики, писавшие в этом направлении (Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Валентин Распутин). И даже Л. Н. Толстой, возможно, против своего желания, наследовал традиции Успенского в пьесах «Власть тьмы» и «Плоды просвещения». Тем более он, уже после смерти Успенского, говорил о нем такие слова: «*Я ставлю Николая Успенского много выше превознесенного другого Успенского, Глеба, у которого нет ни той правды, ни той художественности*».

И, оглядываясь на страдальческую, полную муки, горя жизнь моего земляка, невольно думаешь: как же несправедлива судьба к талантливым людям. Хотя, как утверждал один из мудрецов, судьба неизбежнее, чем случайность, судьба заключена в характере человека.

Николай Успенский создал сам свою судьбу, приведя ее неизбежно к трагическому концу.

❖❖❖

«СЛОВУ ПРЕДПОЧИТАЮЩЕ ЧИСЛО...»
(о романе А. А. Яшина «Задушевные беседы об умозамещении»)

*«Слову предпoчitaющie чиcло,
Не разделяю вaшego торжествa
B силu тoгo, что c миром произошло:
Ишь, голосят повсюду, a речь мeртva»*

Каюсь, грешен, подыскивая заголовок для своих заметок по поводу «Задушевных бесед об умозамещении» А. А. Яшина, не удержался, да и выбрал строчку из своей же песни. Да еще и целую строфу эпиграфом поместил. Ну, ежели кто и сочтет сие за тщеславие, так пусть оно мне простится, ибо строки-то имеют непосредственное отношение к «восьмой книге рассказов Николая Андреяновича», героя предыдущих произведений уважаемого автора. Согласен, возможно они не распространяются на все содержание означенного романа, но даже и в частности соответствия, послужат некоей отправной точкой для возможных обобщений. Тем паче, что введенный в название романа термин «умозамещение» (с явной иронической аналогией по отношению к столь популярному ныне «импортозамещению»), трактуется самим автором как «переход от аналогового мышления к цифровому», и полное право на существование несомненно имеет, в виду объективно совершающегося процесса.

Я не намерен в своих заметках методично анализировать все десять новелл, из коих роман, если уж совсем точно, роман-новеллино, и состоит. Опять-таки превращать свою статью в синопсис считаю вообще бесполезным. Пусть каждый сам читает и делает выводы, составляет мнение, хвалит, ругает... Скажу лишь, что композиционно роман построен по классической схеме, очень напоминающей шекспировскую формулу, предлагающую в тесном кругу рассказывать истории о королях. И то сказать, в загородном доме отставного военного моряка Прокофьича по четвергам гостят и, в частности, ведут неторопливые послеобеденные беседы два старинных приятеля, два умудренных жизненным опытом эрудита, прошедших изначально отличную школу местного университета г. Тулуповска, а также многолетнего труда в так называемой «оборонке» или, как выражаться нынче принято, в элитном предприятии военно — промышленного комплекса. О чем речь ведут сии достойные люди, а именно сам Николай Андреянович и его старинный приятель Игорь Васильевич, ранее уже появлявшийся в произведениях А. А. Яшина? О жизни, господа мои, о ней, о прекрасной, о чем же еще?! Прежде всего, конечно же, о тех ее проявлениях, кои непосредственно касаются собеседников — представителей прежде всего науки, но уже и литературы (Игорь Васильевич мало того, что в биофизику ушел, но и журнал издает), ко времени «четвергов» уже распрошавшихся со своим НПО «Меткость» и вернувшихся под сень альма-матер в качестве доцентов-профессоров. И вместе с тем, на мой взгляд, и в мизансцене и, если угодно, в сценографии, «посиделок», в языке самих диалогов, волею автора, проступает некоторая нарочитая лубочность, а порой и «дурашливость». Зачем, казалось бы?

А затем, что авторская ирония — неизменна для всех произведений А. А. Яшина, они ею пронизаны насквозь, и ею же, кроме всего прочего, сшиты. И это отнюдь не ирония ради е — же самой, не пустое ёрничество в тщетной попытке завоевать некие «симпатии» определенной части читательской аудитории; авторская ирония органична и многогранна, так взирают на окружающий мир, на прожитую жизнь, себя в них оценивая, умные, всесторонне образованные, порядком уже усталые, всего повидавшие, но по-прежнему не успокоившиеся и неравнодушные люди. А вот не посвя-

тить себя целиком, следуя вроде бы логике фабулы, «трагическому массажу морщин на лбу» и прочим бесполезным занятиям, героям и помогает ярмарочная лубочная хитреца в разговорах и в самОм очень уж незыблемо благополучном антураже с явными, хоть и сдержанными, эпикурейскими инспирациями.

Ну, ладно, ирония, лубок, антураж, декорации, но есть еще одна особенность «бесед задушевных», и особенность сия не из воздуха возникла, не вдруг народилась. С началом прочтения романа становится очевидным постоянное сравнение беседующими ситуаций «до» и «после», потенциала государства и народа и его реализации во времена красной империи, и теперешние наши кондиции, перспективы и вообще, так сказать. Что ж, казалось бы набивший уже порядочную оскомину «приёмчик», стоило ли автору его использовать? Но в том и фокус, что у А. А. Яшина ничего просто так на божий свет не извлекается и в качестве «лома, супротив коего нет приема» не применяется. Автор в своих сравнениях гораздо более тонок, ибо оными подталкивает читателя к более глубокому осмысливанию произошедшего с родиной и с нами за минувшее столетие, а также происходящее ныне, и долженствующее произойти в будущем. Оттого и нет ощущения, что хотя Николай Андреевич с Игорем Васильевичем лишний раз утвердить благодать прошлую супротив мерзости настоящего и темного омута будущего. Но... зачем тогда весь огород городить?

А вот зачем. Все очень наглядно и вполне логично. Несколько новелл напрямую посвящены ушедшей эпохе советского государства, где наука и искусство, в частности литература, находились, прямо скажем, на высоте мировых стандартов, во многом, кстати, таковые и задавая, или, по меньшей мере, участвуя в установлении оных. Стоп. О цене подобных успехов мы говорить не станем. Это за рамками направленности романа. И хорошо, что так, иначе каша получилась бы при полном крахе романа как литературного произведения. Так вот, какой бы тоталитарной, кривой, жесткой порой, да попросту расточительной к своему народу и его талантливым представителям, ни была красная империя, но масштаб свершений в науке и культуре в те времена был не просто огромен, он воистину достигал космических размеров, и в прямом, и в переносном смыслах. И, что ни говори, но имел самородок из глубинки, простого звания человек, достучаться до небес, которые умели не только отвергать, но и оправдывать надежды самородков, например, сержанта-сверхсрочника, разработавшего принцип действия водородной бомбы. Причем, как наглядно демонстрирует автор на примере новеллы об австрийском военнопленном — будущего лауреата самой престижной премии в мире, и среди наших противников имелись люди уровня «ого-го!» И это в мире, не знавшем глобализма, не стреноженном всемирной паутиной, в еще совсем недавние времена, кажется, руку протяни, и вот они, родимые.

А уж о том, что «тирания рождает литературу, а демократия макулатуру», не на ми сказано, классик изрек. Игорь же Васильевич, повествуя о нынешней писательской «тусовке» регионального уровня, более чем ироничен и открыто симпатизирует союзу писателей страны советов... Предвижу, какими соколами взовьются от сих сентенций поборники либеральных «свобод», которых хлебом не корми — дай лишь поорать по поводу очередной, теперь не царской — советской, тюрьмы народов, а также о приоритете бюджетных ассигнований на производство, условно говоря, «колбасы» над финансированием разработки и строительства новых видов вооружения. Только разве непонятно, что, как только мы перестанем делать ракеты, сама возможность не просто увеличения, а самого производства «колбасы» исчезнет. Наша держава, как она не именуйся, при таких масштабах не может при всем желании уподобляться «кремовым» европейским карликам — мечте наших свободолюбцев, шабашающих за гранты из американского посольства. Что же касается союзов творче-

ских, в частности писательского, то могу лишь обмолвится — были и у него вполне положительные свойства, например, заслон графоманским ордам, ныне, к слову, вольным и деятельным, а также помочь дарованиям истинным, при всем негативе и перегибах, свойственных и прочим общественным институтам страны развитого социализма.

И никакого тут противоречия нет. Просто напросто автор романа никого не кроет в три наката, простите, огульно, никого не возвеличивает без заслуг и не ворит благим матом о вновь утраченной «свободе». Ирония и неторопливый вдумчивый анализ — вот методика оценки былого и происходящего, свойственная автору и главным героям — собеседникам. Повторяю, в романе они не допускают политических оценок, кляуз, конспирологических инсинуаций на темы крушения СССР. Да и воспоминания о мощи советской науки и культуры для них, как мне показалось, главным образом попытка в объективном сравнении показать, сколь много нужно еще сделать в обновленной России, какие гигантские усилия приложить и ресурсы — средства израсходовать, чтобы можно было ощутить реальные достижения в фундаментальных областях, сравнимые с достижениями советской поры. И вот в данной плоскости собеседники действительно могут сокрушенно вздохнуть об очередной имперской эпохе, канувшей, увы, в небытие.

(И не забудем, что собеседники в романе — люди вполне причастные к созданию ракетно-ядерного щита советской державы, весьма действенно оставившего слишком «горячие» и «ястребиные» головы в странах вероятного противника). Вот вам и подтекст. А в нем намек, мол, пока нет у нас причин и даже поводов для самообольщения, помните, как в песне «сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано...», да плюс к тому время на дворе иное, мир изменился за четверть века радикально, и человечество метаморфоз не избежало. Точнее, человек, на белый свет явившийся в новейшее время.

Теперь самое время и об умозамещении, как таковом, вспомнить. Изменение способа мышления человека, причем человека в массе молодого, обусловлено глубинными метаморфозами самого образа жизни миллиардов людей на всей планете. Многие из нас, если не каждый, хоть раз в жизни, да сталкивался с подобным явлением, когда вдруг с удивлением замечали, что твой оппонент не хочет применять столь естественное, казалось бы, аналоговое мышление и «включает дурака» в простейшей ситуации. Проблема вполне актуальна, ибо эпоха всеобщего потребления формирует у человека и соответствующую психологию — зачем же думать, когда все, включая знания, можно приобрести, то есть купить? И потом, на все возникающие вопросы ответ можно найти в сети. «Загуглить», как говориться, куда заманчивее, нежели голову ломать над чем-либо. А ежели и ломать, так уж над тем, как башку покемону срубить в киберпространстве. Опять-таки Болонская система образования, спасибо за неизвестно кому, весьма способствует... Образовательный процесс с вершиной ЕГЭ, тестовый контроль знаний, тестовое мышление — выбор варианта ответа и прочая, и прочая... А главное — жить уж больно охота аки следует, на должном уровне, потреблять, так сказать, с чувством, с толком... И главное — вирус сей всепроникающ, он поражает не только молодое поколение, но и чиновную, и научную среду, и все остальные возможные. И что же, нет от него спасения? Есть, наверное. На любой вирус вакцина найдется. (Лишь от времени спасения не отыскать).

Ну, а в романе-то насчет всего этого как профессор с доцентом, сиречь Игорь Васильевич с Николаем свет Андреевовичем, прошли? А хорошо прошли, согласно научному своему статусу и соответствующему уровню. Ничего не упустили, даже, кажется, лишку немного шарахнули. (Это я к тому, что не понял, например, чем почтенным «профессорам» не угодило изучение двух иностранных языков с первого

года школы? Мне сие всегда наоборот казалось весьма правильным, поскольку я такого был лишен. Да и сегодня подобное встречается только в школах с углубленным изучением языков, и то не сразу. У меня дети в «углубленке» учатся, и то у них второй язык не сразу давать начинают... Паралимпиады как-то вот не одобрили. Наверное все-таки подзанесло собеседников. Такое в пылу полемическом случается... (Впрочем, это частность, к слову больше). А собеседники добрались и до индоктринирования с кондиционированием, и бихевиоризм вниманием не обошли... Проще говоря, до отказа от здравого, самодостаточного мышления, загона обычных ранее умоистин в глухое подсознание, до промывки мозгов, с помощью, естественно, средств массовой информации, до превращения мыслящих индивидуальностей в мировую общность послушных роботов — винтиков глобализированного мира... До сопротивления России всем означенным процессам, до причин сопротивление обусловивших... До того, что Россия не Европа... Что в глобализирующемся мире мы все равно проиграем, но — последними... Интересно? Тогда читайте роман, господа мои, читайте — не пожалеете. Тут ведь как: хотите спорить, спорьте, только сначала ознакомьтесь с темой. А то у нас любят не глядя гвоздить. Вот вам достойнейшая книга, есть куда умственные и душевые силы приложить. Без всякого там умозамещения и пренебрежения словом. Нам таким богатством пренебрегать не пристало.

*Вадимир Трусов,
член СПР,
г. Мончегорск Мурманской области*

©2020

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

Александр Субетто
(г. Санкт-Петербург)

УМОЗАМЕЩЕНИЕ

**Рефлексия на новый роман* Алексея Яшина,
или отражение капиталогенной антропологической
катастрофы и предстоящие «роды действительного разума»**

Александр Иванович Субетто — доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, Лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, Почетный профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Полковник Космических войск СССР (в отставке).

Известный современный ученый, дважды доктор наук и дважды профессор, Заслуженный деятель науки РФ и не менее известный писатель, главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин опубликовал недавно свой роман-новеллино «Задушевные беседы об умозамещении».

Понятие «умозамещение» родилось у него как некий грамматический аналог понятия «импортозамещение». На мой взгляд, это понятие очень удачное, несущее на себя печать сатирического хохота Капитала-Фетиша, воюющего, как и Мефистофель в «Фаусте» Гёте, и затем в одноименной опере Гуно («Сатана там правит бал, люди гибнут за металлы», против человека, вернее, против «человеческого» в человеке, и одновременно превращающего человека в свой придаток (по образу и подобного своему — без души и без ума).

Николай Александрович Бердяев, известный русский философ, певец свободы, в 1918 году записал: «В частном интересе таится по-видимому безумие». Процесс «умозамещения» в современном российском обществе, как плата за рыночные реформы и как отражение колонизаторской миссии происходящей рыночно-капиталистической контрреволюции (вот уже более чем 25 лет, с 1992 г. по 2017 г.), одновременно есть одно из «измерений» той капитализации человека, которая

* Яшин А. А. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Пред. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: Московский Парнас, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

происходит в мире диктатуры капитала — строя мировой финансовой капиталократии. Этот процесс я раскрыл и проанализировал в своей работе по теории капиталократии в 2000 году «Капиталократия». В ней я ввел *понятие глобальной капиталомегамашины*, «движущей силой» которой выступают деньги (в виде мировой валюты — доллара), и которая пытается капитализировать все — и человека, и природу Земли, и входит в конфликт с законами природы и с законами бытия человека, *породив первую фазу глобальной экологической катастрофы*. Теперь уже звучит новая «песня» Капитала-сатаны: «Сатана там правит бал, не только люди, человечество гибнут за капитал, но и гибнет природа Земли».

В своих работах по ноосферизму, теории ноосферного социализма, системогенетике и ноосферной парадигме универсального эволюционизма я показываю и доказываю, что любая прогрессивная эволюция,— в том числе прогрессивная эволюция нашей Вселенной (космогоническая эволюция), эволюция биосфера Земли, эволюция социального человечества в пространстве биосфера, то есть история,— подчиняется действию двух метазаконов: (1) *метазакону сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма «естественного отбора»* — к доминанте Закона Кооперации и механизма «интеллекта»; (2) *метазакону интеллектуализации или «оразумления» прогрессивной эволюции* (как своеобразному следствию действия первого закона).

Отражением действия второго метазакона применительно к эволюции биосфера явились: появление человека, человеческого Разума на Земле, закон перехода биосферы в ноосферу В. И. Вернадского.

На мой взгляд, первая фаза глобальной экологической катастрофы есть экологический приговор стихийной истории человечества, ее последней рыночно-капиталистической фазе развития, который выражает собой экологический конец капитализма, рынка, доминирования закона конкуренции и принципа Гоббса «человек человеку — волк».

Возник императив выживаемости человечества в XXI веке — как императив перехода к управляемой («подлинной», по К. Марксу) истории на базе доминирования закона кооперации и механизма общественного интеллекта, но уже в новом качестве самой истории — в виде управляемой социоприродной, то есть ноосферной, эволюции,— единственной модели устойчивого развития человечества, которую ищут лучшие умы человечества уже более 40 лет, в том числе на конференциях ООН и встречах глав государств мира, и не могут найти. Устойчивое развитие и рыночно-капиталистическая система есть вещи несовместные. В докладе, написанном под руководством ученых-экономистов-экологов Гудленда, Дейли и Эль-Серафи по заказу Всемирного банка, еще в 1991 году, был вынесен вердикт: в экологически заполненной нише, которую занимает человечество, рынок, как механизм развития экономики, исчерпал себя.

Я еще в конце 80-х годах ХХ века в работе «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта — социалистический императив» (1990) показал, что возникший, под «давлением» глобального экологического кризиса, принимающего катастрофический масштаб, императив выживаемости есть единство социалистического и ноосферного императивов, то есть основой выживаемости человечества и его устойчивого развития в будущем является ноосферный экологический духовный социализм, олицетворяющий собой управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Россия, как первая в мире страна и цивилизация, осуществившая 100 лет назад прорыв человечества к социализму, создав, как развитие созидательной функции Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции, Союз Советских Социалистических Республик (СССР), обозначила этим социалистическим прорывом

начало новой эпохи — эпохи социалистического преобразования мира, когда человек труда становится хозяином своей исторической судьбы.

Один из героев романа Яшина в «задушевной беседе» вспоминает фильм «У озера» Герасимова и замечает, что в нем передана «тогдашняя атмосфера всеобщего духовного, нравственно-этического прорыва, что и составляла сущность интеллигентизации советского общества» (с. 164)*. Советский социализм раскрыл таящиеся в русском народе и других народах бывшей Российской империи огромные творческие энергии, поднял труд и разум человека на небывалую высоту исторического созидания, которых не знала история. В новелле, посвященной младшему сержанту Олегу Александровичу Лаврентьеву — автору идеи разработки термоядерного оружия и идеи термоизоляции высокотемпературной плазмы магнитным полем («токомака»), в романе он — Игорь Алексеевич Прокофьев, Яшин словами своего героя — профессора Игоря Васильевича Скородумова, подводит такой итог-оценку: «— Да-а, были люди в наше время, говоря словами Поэта. Самое главное, сколько таких сержантов в сталинском и последующем Советском Союзе народилось? Тот же сержант Калашников... Великий и мудрый Вождь был дарован нашему, в общем-то несчастливому, отечеству. И хрущевская «оттепель», и расцвет державы при Брежневе — до четвертой его геройской звезды — все наследие установки Сталина: прежде думай о Родине, а потом о себе. Что бы там диссидентствующие на кухоньках, а ныне во весь голос вещающая продажная пресса, радио- и телевидение не говорили» (с. 70).

Вместе с русским прорывом человечества к социализму 100 лет назад «поток истории» *разделился на два «потока»:*

— «планово-социалистический», олицетворяющий собой становящуюся «подлинную» (по Марксу), управляемую историю, на базе доминирования закона кооперации, в которой человек, а значит — его ум и разум, поднимаются на высоту «подлинного» субъекта истории,

— и «рыночно-капиталистический», а вернее — «колониально-империалистический», — олицетворяющий собой «предысторию» (по Марксу), стихийную историю, на базе доминирования закона конкуренции, частной собственности на средства производства, рынка и власти капитала над трудом — капиталократии, — рыночно-капиталистическую историю, расчеловечивающую человека.

«Второй поток» истории, отражавший собой стихийную историю эксплуататорских обществ, начало которой положила неолитическая революция 10—12 тысяч лет назад, в конце XX века наткнулся на экологический барьер в виде первой фазы глобальной экологической катастрофы, тем самым отразив собой еще один барьер — барьер капитало-человеческий в форме глобальной антропологической катастрофы. Рыночно-капиталистический «разум», как я показал в монографии «Разум и анти-разум» (2003), превратился в «анти-разум», то есть «разум», экологически самоуничтожающийся, и поэтому олицетворяющий собой не «разум — интеллект», как эволюционный механизм, сопровождающий действие закона кооперации и олицетворяющий собой управление будущим («опережающую обратную связь»), а нечто противоположное, отрицающее человеческий разум, — направляющий человечество по направлению капиталогенной и рыночно-генной экологической гибели.

И это произошло на рубеже 80-х — 90-х годов XX века, спустя 70 лет после Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции, когда наши «либералы-рыночники-диссиденты», так и не усвоив великий урок истории XX века — урок двух мировых империалистических войн, для нашей страны — урок Великой Отечественной войны, запечатленной в великой победе советского социализма над немецким империализмом в самой агрессивной форме — гитлеровским фашизмом, во гла-

* Далее все ссылки с указанием страниц — это ссылки на страницы романа А. А. Яшина.

ве с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным, и их «свитой» в лице Шеварнадзе, Гайдара, Бурбулиса, Чубайса, Явлинского, Ципко, А. Н. Яковлева и других, совершили рыночно-капиталистическую контрреволюцию, отбросив историю России на 100—200 лет назад. Не усвоили они «урок» истории XX века, не осознав величие социалистической истории СССР, что будущее человечества только за социализмом и коммунизмом, потому что началось в их головах «умопомрачение» (погружение в «сумерки спящего или отравленного разума»), переходящее в «умозамещение», замешанное на мелкобуржуазном стремлении к обогащению и наслаждениям для себя.

Первый — «планово-социалистический поток» человеческой истории, который только-только зародился, которому в этом, 2017-ом году исполняется только 100 лет, тогда, как за стихийной историей человечества инерция развития 100—120-ти таких 100-летий, неожиданно, на фоне состоявшейся первой фазы глобальной экологической катастрофы, становится единственным носителем стратегии выхода человечества из «экологического тупика» стихийной, рыночно-капиталистической истории, несущей в себе «ген» будущей экологической гибели, обретая ноосферное содержание — содержание управляемой, ноосферной истории.

Императив выживаемости — это императив установления на Земле ноосферного экологического духовного социализма, и одновременно это «роды действительного разума» как разума, управляющего социоприродной эволюцией, и «роды», соответственно действительного человечества, такой разум собой олицетворяющий.

Итак, раздвоение истории, 100 лет назад, на два «потока» — «новый», социалистический, делающий историю «подлинной» и соответственно делающий человеческий разум «подлинным», и «старый», рыночно-капиталистический, олицетворяющий собой «предысторию» и «предысторическую форму развития разума», сохраняющий «стихийную парадигму» истории, вдруг столкнулось на рубеже XX и XXI веков, в моей оценке, с новой эпохой великого эволюционного перелома, которая ставит экологический предел «старой», в рыночно-капиталистическом формате, истории (и если человечество в этом, «старом», стихийном «потоке» истории «задержится», то, вполне возможно, оно даже не переживет XXI-й век), и «пропускает» в будущее «новый», социалистический «поток», придавая ему ноосферное содержание.

Первая фаза глобальной экологической катастрофы ознаменовала собой начало великого эволюционного перелома в развитии биосферы в единстве с человечеством, а именно переход биосферы в свое новое состояние (как и прогнозировал В. И. Вернадский), или качество — в ноосферу.

Ноосфера — это не «сфера разума», как многие ее трактуют, следуя воззрениям Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, и, как следовало бы ее толковать из этимологии этого слова («ноо», «нус» — разум, «ноосфера» — «сфера разума»), а новое качество биосферы, в котором коллективный разум человечества начинает управлять социоприродной (или социо-биосферной) эволюцией, соблюдая ограничения, диктуемые законами гомеостатических механизмов биосферы и планеты Земля (как суперорганизмов).

Ноосферная парадигма истории, которая идет на смену стихийной парадигме истории, есть «подлинная» (по Марксу), то есть управляемая история, но управляемая история, выходящая за пределы своей социальной автономности, то есть за пределы себя как социальной эволюции, становящаяся управляемой социоприродной эволюцией.

«Стихийная история» одновременно, таким образом, предстает как «беременность» биосферы «человеческим разумом», который должен стать «разумом биосферы», превращая ее в «ноосферу». Это означает, что эпоха великого эволюционного перелома есть эпоха родов действительного разума человечества, как разума ноосферного, как разума управляющего социоприродной эволюцией, когда человеческий разум из состояния «разум-для-себя» переходит в состояние «разум-для-биосферы, Земли, космоса».

И обеспечить эти «роды» может только социализм, но «социализм XXI века» как «социализм» нового качества — ноосферный экологический духовный социализм.

На этом историческом фоне «умозамещение» в концепции А. А. Яшина есть один из аспектов происходящих процессов капиталистической и рыночногенной глобальной антропологической катастрофы.

Императив выживаемости человечества в XXI веке как своеобразный императив, включающий в себя «роды действительного разума» (или действительный разум появится из «куколки» «предысторического» разума человечества, или человечества не будет на Земле, «анти-разум» мировой капиталистии уведет его с собой в небытие через глобальную экологическую катастрофу), таким образом, несет в себе посыл преодоления процесса рыночно-капиталистической деградации человека и его разума (интеллекта), в ряде своих работ я назвал его «денинтеллектуализацией», и соответственно, как его момента, процесса «умозамещения».

Роман-новеллино Алексея Афанасьевича Яшина «Задушевные беседы об умозамещении» состоит из десяти новелл, представляющих собой беседы в «теплой», домашней обстановке, которые ведут регулярно два друга, советских человека, в прошлом два инженера, успешно работавших на предприятиях оборонной промышленности, в частности — ракетостроения, а теперь, в рыночной, «демократической» России, уже в солидном возрасте, нашедших себе место для приложения накопленных знаний и опыта в Тулуповском университете. Один из них — Николай Андреевич — доцент кафедры ракетостроения военно-технического факультета, продолжающий «передавать свой немалый опыт юному поколению оружейников», а другой — Игорь Васильевич Скородумов, профессор, «обремененный всеми мыслимыми званиями и степенями», издающий свой теоретический журнал и работающий «на новомодном факультете с естественно-биологическим уклоном». Друзья они давнишние, еще со времен работы в научно-производственном объединении «Меткость» (НПО «Меткость»), которое «уже третьим по счету американским президентом» объявлено «личным врагом Штатов», наподобие тому, как «личными врагами бесноватого фюрера» были объявлены «подводник Маринеско, диктор Левитан и киноактер Крючков» (с. 5).

«Задушевные беседы» проходят, куда друзья каждый раз направляются, в гостеприимном пригородном доме Прокофьевича, дальнего родственника профессора Скородумова, из военных моряков, служившего в молодости на крейсере «Киров» Северного флота. В круг «героев» новелл романа еще входят супруга Прокофьевича Тихоновна и «матерый кот Мичман — хранитель очага этого дома, пронизанного душевной теплотой» (с. 6).

Но главным «героем» романа является «умозамещение», как категория и как предмет постоянных (периодически происходящих) задушевных бесед Николая Андреевича и профессора Скородумова, в голове которого впервые и появился этот термин.

«Умозамещение», как смысловой «фокус» рефлексии обоих героев в этих беседах, формирует особый философско-научный «пласт» романа, погрузившись в который потенциальный читатель задумывается над судьбами мира, судьбой человека в этом мире, над понятиями ума, мышления, разума, интеллекта, интелигенции, и над тем, куда же «плывет корабль» под именем «Россия».

«Точной отсчета», или вернее «базой определения сущности» феномена умозамещения, для А. А. Яшина служит подъем интеллектуально-творческих сил, трудового энтузиазма советских людей в эпоху советского социализма, СССР, строивших новое, невиданное еще в мире, социалистическое общество, где человек труда приобрел будущее:

— строил новые города, новые электростанции и новые заводы, разводил сады;

- менял климат в засухоустойчивых регионах страны, посадив там лесные полосы (по 15-летнему сталинскому плану создания новых лесозащитных полос в СССР);
- создавал новые научно-технические отрасли — авиастроение, космонавтику, атомную энергетику и др.;
- первым запустил вокруг Земли «спутник» в 1957 году, а потом первым послал человека в Космос в лице Юрия Алексеевича Гагарина в 1961 году;
- ощущал себя творцом нового мира, в котором братство людей, познание тайны мира, созидание, радость трудовых людей становилось былью («мы рождены, чтоб сказку сделать былью»).

СССР развивался во «вражеском» капиталистическом окружении, потому что мировая капиталистическая система в самом ее появлении и его развитии, в «чуде» сталинских пятилеток, с помощью которых отсталая Россия превратилась в мощную социалистическую державу, занявшую по развитию промышленности и производимому национальному валовому продукту второе место в мире уже к началу Великой Отечественной войны, видела угрозу для своего существования, своего будущего, — развивался на собственной основе («СССР оставался автаркией, все и вся производил сам», — замечает А. А. Яшин, с. 123).

«Жить своим умом» — этот принцип лежит в основе исторического развития любого народа, самодостаточного в своем коллективном интеллекте. Он материализован в ценностном геноме любой национальной культуры, отражая особенности взаимодействия хозяйствующего человека на Земле с «кормящим ландшафтом», что и лежит в исторической логике этногенеза по Л. Н. Гумилеву.

Социализм в СССР, раскрепощая человека труда, открыв ему дорогу к книге и образованию, раскрепостило одновременно ум советского человека, поднял его на такую высоту, которая отразилась в невиданном прогрессе в развитии науки, культуры, искусства, литературы, техники и технологий.

Ум, замечает профессор Скородумов, в одной из бесед с Андреяновичем, посвященной феномену «подхалимажа» как «пьедестала чиновника» (с. 229), есть «категория самодостаточности мышления» (с. 244). И этой самодостаточностью мышления обладал советской человек, потому что она формировалась его ответственностью за будущее своего отечества и мира, ответственностью за качество своего труда и за «качество века» (понятие Н. К. Периха), в котором он жил, трудился и творил, строя коммунизм.

«Умозамещение» или «зануление ума» (в определении А. А. Яшина, с. 159) — феномен многогранный: в нем, как в «фокусе», «пересекается» много линий деинтеллектуализации и одновременно «деинтеллигентизации» общества, как выражения рыночно-капиталистической (по источникам) глобальной антропологической катастрофы и как ее отражения — первой фазы глобальной экологической катастрофы.

И если в СССР, в советском обществе, в советском человеке этот феномен практически отсутствовал, разве что за исключением тех «шестидесятников», которые, взяв за «идеал» американский, западноевропейский стиль жизни, вознавидели все советское, назвав советского человека «хомо советикус» или «совком», принялись за «замещение» собственного ума «западным», «рыночным», то в России «ельцинской», «демократической», «рыночной» он расцвел пышным цветом.

«Западничество» как таковое, тем более «обезьянничество» (с. 304) с западной ориентацией («...славны бубны за горами!», с. 13), а вернее, колонизация «Западом» отечественных «умов», имеет в России определенные традиции и всегда находило в русской философии, в русской литературе и русской поэзии достойный отпор: достаточно вспомнить борьбу за русскость науки и за самобытность истории русского народа М. В. Ломоносова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, письма А. С. Пушкина Чадаеву, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, сатирические произведения М. Е. Салтыкова-

Щедрина, «Записки из подполья», «Беседы», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, философские произведения Н. Ф. Федорова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, В. В. Кожинова, А.С. Панарина, И. Р. Шафаревича, С. Г. Кара-Мурзы, А. А. Зиновьева и др. Классическим примером «умозамещения», как оно описано в русской литературе, является образ Смердякова, мечтавшего превратиться из «противного русского» в идеального француза, и на его основе — понятие «смердяковщина».

«Смердяковщина» и есть колонизация сознания русского человека, замещение всего русского, включая и социокультурную, историческую память русского народа, всем нерусским, как правило — или французским, или английским, или немецким, а в современную эпоху — американским (выражаясь «языком» А. А .Зиновьева — «западоидным»).

Пример «официозной» «смердяковщины» в России начала ХХI века — это *слепое подражание* (*«обезъянничанье»*) *«Болонскому процессу» в Западной Европе*. Этот «Болонский процесс» по-российски де-факто, через рыночные реформы применительно к образованию, доставшемуся «смердяковым» (от образования) от СССР, направленные на его переделку под «бакалавро-магистерские стандарты» англо-американской системы, привел к разрушению традиций русской, и затем — советской системы образования, к уничтожению математической, естественно-научной, русско-литературной педагогических школ в образовании, имевших мировой приоритет, к разрушению фундаментальной подготовки отечественного инженерного корпуса, отраслевого педагогического образования, не имевшего аналогов в мире.

Да и как может быть иначе, если процесс умозамещения начался с «голов» некоторых руководителей коммунистической партии и Советского Союза (аналогично тому, как происходило замещение «головы» на «голову болвана», а вернее — «голову-болванку», которая владела простым языком наподобие «Эллочки-людоедки» из знаменитого произведения Ильфа и Петрова, вспомним — знаменитое горбачевское «процесс пошел», в известном повествовании Салтыкова-Щедрина), с М. С. Горбачева, с Б. Н. Ельцина, с Шеварнадзе, с Кравчука, с А. Н. Яковлева и др. вдруг, под влиянием агентов влияния, вознавидевших коммунистический идеал и все советское (по их же собственному признанию) и затеявших расчленение СССР и переделку советской цивилизации и советского народа под эталон «западной колонии».

«Умозамещение» в руководстве КПСС и СССР началось уже тогда, когда решили отказаться в пользу рынка от революционной новации, которую внесла история советского социализма — СССР,— планирования социального экономического развития на базе Госплана, сталинских пятилеток, создавших, как убедительно показано В. Ю. Катасоновым в работе «Экономика Сталина» (2014), советское, сталинское «чудо» — стремительный рост экономического могущества советского государства.

Здесь уместно вспомнить оценку этой революционной, всемирно-исторического значения, инновации, которая в ХХI веке становится важнейшим основанием ожидаемого ноосферного прорыва из России к управляемой истории, в виде управляемой социоприродной эволюции, которую дал знаменитый французский писатель и одновременно коммунист Анри Барбюс в начале 30-х годов XX века в книге «Сталин»:

«Гигантская система «планирования», охватывающая своей сетью целые страны и большие периоды, есть порождение советской власти. Но эта идея распространилась по всему миру. Если конкретное свое осуществление она получила в СССР, то в других местах она существовала абстрактно, на словах. Советский Союз никогда не имел возможности заимствовать что-либо у других стран. Но другие страны сделали у него немало заимствований, в том числе это. Они даже извлекли из идеи планирования понятие управляемой экономики, прикрываемое кое-какими претензиями интернационального порядка... Да, да, управляемая экономика. Для человечества нет

другого выхода из положения. Это действительно универсальное средство... Управляемая экономика подобна миру между государствами: если ее начать резать на части, то она существовать не может... *Само собой очевидно, что именно в материалистических планах всего более разума.* А если мы учтем рациональность всех форм социализма, непосредственность и простоту его связей со всем многообразием действительности, то точнейшее выполнение заданий плана окажется вполне естественным, как бы круты ни были намеченные кривые. Это было бы чудом, если бы это не было социализмом,— говорил Сталин» (А. Барбюс. Stalin, 1997, 188 с.; с. 95—97; выдел. мною, С.А.).

«Рыночные реформы» в России, в соединении их с западничеством, по своей внутренней сути, поскольку они, как и в целом рыночно-капиталистическая контрреволюция, как стратегия глобального империализма мировой финансовой капиталократии, изначально несли с собой «умозамещение» и колонизацию экономики России, то есть превращение ее в экономическую колонию, в первую очередь США, и в первую очередь по линии захвата «командных высот» в системе финансовой власти (банковского капитала) и в системе приватизации по схеме Сакса-Чубайса, а также «вестернизации» образования и науки, то есть на простом языке — превращения их «в видимость» или «в кажимость» образования и науки. *Деиндустриализация и деинтеллигентизация России, выражаясь языком одного из «героев» книги А. А. Яшина — «деинтеллигентизация»,— сопутствующие этому процессы. Их можно назвать колонизацией общественного интеллекта России, интеллекта политической («либеральной») элиты, одним из «измерений» которой и выступает «умозамещение».*

А. А. Яшин в своем романе в первую очередь «умозамещение» связал с глобализмом по-американски, то есть с тем, что Н. Н. Мусеев называл, в связи с созданием Нового Мирового Порядка по-американски, «Pax Americana». Французскими идеологами нового мирового порядка он назван «мондиализмом». Видный идеолог мондиализма, в прошлом возглавлявший Европейский банк развития и реконструкции, Жак Аттали назвал этот «новый мировой порядок» «строем денег» или «цивилизацией рынка». В этом новом мировом порядке будут сняты все «перегородки» между странами и локальными цивилизациями, люди будут переработаны в «новых кочевников», кочующих по миру вслед за долларовыми потоками. Для этого должны быть уничтожены национальные государства с их суверенитетами, национальные культуры, как хранилища социокультурной памяти этих народов — памяти их истории, то есть произведена рыночно-мировая унификация всех людей мира, с «оцифровкой» их паспортов, тотальной чипизацией и «замещением» их интеллектов, умов, как самостоятельных, на подчиненных указаниям капиталократии, то есть с превращением их в капиталороботов.

По А. А. Зиновьеву этот вопрос в системе западного капитализма уже давно идет: *европеец превратился в «заподида», то есть в капиталоробота, исповедующего только «цифровые» ценности — ценности денег и только денег* (на это, между прочим указывает и Дж. Сорос в монографии «Кризис мирового капитализма», 1998).

В шестой новелле «Зеркало эпохи растеряевщины», в воображаемом диалоге между редактором журнала и графоманом Порфирием Дормидонтовичем, Яшин устами «редактора» отмечает:

«Душа истинного читателя и автора, конечно, противится пользованию «гаджетами» в виде компьютерного экрана или электронной книжки, но — против лома нет приема, раз в настоящую эпоху глобализма Тайным (пока) мировым правительством взят жесткий курс на «оцифрование» всего человечества, ибо так легче всего сделать человечество придатком телекоммуникационных сетей, то есть винтиками мирового человейника (мое замечание: — одновременно и глобальной капитал-мегамашины,

С.А.) — очень удачный термин нашего выдающегося ученого-логика А. А. Зиновьева: по аналогии с пчельником, муравейником, термитником и так далее...» (с. 203).

Вот и курс нашего правительства на создание «цифровой экономики» вполне укладывается в стратегию глобального империализма по «оцифровыванию» российской цивилизации как своей экономической колонии, в которой «умозамещение», как замена «цифирью» действительного качества ума думающих людей и как момент превращения их в «неокочевников» — по Ж. Аттали,— часть этой стратегии.

К этому следует добавить следующее. Недавно известный экономист В. Ю. Катасонов, автор разработки теоретической концепции «денежной цивилизации», опубликовал в «Советской России» статью «Государств скоро не останется. Их заменят банки» («Советская Россия» от 9 сентября 2017 года, № 103(14486), с. 1), в которой фактически подтвердил наш исторический диагноз, что Россия превратилась в экономическую колонию Запада, а российская финансовая (банковская) капиталократия — механизм колонизации России под вывеской «рыночных реформ». Он пишет: «...ЦБ РФ не входит в состав правительства*, он от него всячески дистанцируется. Достаточно сказать, что Федеральный закон о Центробанке России прямо гласит, что ЦБ не отвечает по обязательствам государства, а государство не отвечает по обязательствам ЦБ (мое замечание: это уже означает, что этот «Федеральный закон» разрабатывали «эксперты» с уже прошедшими «умозамещением» под контролем мировой финансовой капиталократии, С.А.). В 2013 году Центробанк получил статус финансового мегарегулятора. Его функции и полномочия в сфере экономики становятся безграничными... ЦБ — это государство внутри государства. Государственные банки России также получают полномочия, выходящие далеко за пределы того, что необходимо обычному коммерческому банку... На проходящем сейчас Восточном экономическом форуме (ВЭФ) вице-президент Сбербанка Андрей Шаров заявил, что Сбербанк начнет выдавать россиянам паспорта и водительские права, то есть будет выполнять функции МФЦ (муниципальное казенное учреждение «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг»)... Заявление Андрея Шарова лично я расцениваю как проявление полного правового беспредела в России и как яркое проявление того, как частные банки *участвуют в приватизации государства...* Сбербанк не относится даже к разряду государственных банков... среди иностранных акционеров преобладают организации США. Доля компаний из США составляет 33 % общего числа акционеров».

«Умозамещение» в России, как в «цивилизации рынка» (по Жаку Аттали), со временем отказа от плановой советской экономики и нанесения десяти «ельцинских ударов» по уничтожению самостоятельности России и русского народа (см.: А. И. Субетто. Эпоха Б. Н. Ельцина: десять ударов по уничтожению самостоятельности России и русского народа, 1998, 2017), с отказом «России демократической», в отличие от СССР, от установок в развитии на собственный интеллект, науку, образование, собственные природные ресурсы, а также на технологический и экономический суверенитет, приобрело всеохватный масштаб. И это хорошо показано в «задушевных беседах» двух друзей, профессора и доцента, оставшихся верными своему советскому прошлому, которое продолжает «питать» их человеческое достоинство и самостоятельность их научно-философского и критического мышления, в книге А. А. Яшина.

Одним из механизмов «умозамещения», как показано в романе-новеллино, стали: — исчезновение с интеллектуального пространства России массового чтения (чем славился СССР, который даже называли цивилизацией массового чтения, или

* Символично: только начиная с этого (2017-го) года на дензнаках, пока на монетах, появилось... название нашего государства и официальный государственный герб (!?) (Прим. ред.).

«читающей цивилизацией»), массового издательства доступной, хорошего качества, научной и художественной литературы;

— замена чтения бумажной книги «интернетовским», «компьютерным» чтением, в котором исчезает культура познания глубоких смыслов человеческого бытия;

— фактическое уничтожение сети библиотек и массового посещения библиотек, чем опять славилась советская цивилизация.

За этим возникает метафора «невидимого вселенского костра», в «пламени» которого сгорают книги знаменитых писателей и ученых, во всех странах мира, как в свое время сжигалась запрещенная литература на разожженных на улицах городов гитлеровской Германии кострах в 30-х годах XX века, и когда процесс «умозамещения» ради создания гитлеровско-нацистского «суперчеловека» носил тотальное содержание.

В романе, в беседе с Порфирием Дормидонтовичем редактор журнала «Срединная Россия», приглашенный друзьями «к камину», говорит о себе и о новой эпидемии интернетовского чтения (с. 189, 190):

«Я — человек абсолютно далекий от интернетовского, вообще компьютерного чтения... Прозрение пришло к окончанию деятельного периода десятилетнего издания «Срединной России» в бумажной и электронной формах. Сопоставляя характерные моменты в активной переписке с авторами и читателями журнала, невольно сделал для себя вывод: практически нет отзывов на публикации от авторов и читателей, не державших «бумажный» журнал в руках, это нам легко отследить. Для подкрепления такого неожиданного вывода — на фоне оголтелой рекламы СМИ интернета как всеобщего просветителя — побеседовал (с наводящими вопросами) по «программе-выборке», все же закончил наш прежний политех по кафедре ЭВМ, с этими самыми продвинутыми пользователями. И выяснил, что из собственно художественной литературы изредка читаются только пасквильные стишата... Конечно, все это несколько преувеличено, но неоспоримо, что *интернет (преимущественно) в части художественной литературы используется не как средство познавательно-эстетического погружения в мир творчества, но, в лучшем случае, как эквивалент «перелистывания журнальчика»* (это из телерекламы: «Дэну позвонить или журнальчик полистать?»)).

При этом, как показывает А. А. Яшин, происходит замена «слова» «цифрай». И соответственно происходит замена «языка, выстроенного на словах», то есть вербального языка, с появлением которого в антропогенезе и произошел скачок в развитии разума человека (поскольку вместе с появлением труда и создания с помощью труда простейших орудий производства в стаде протогоминид «сигнального языка» птиц и животных стало не хватать, возник информационный кризис, выход из которого сопровождался появлением верbalного языка), — «языком цифр». И этот «язык» стал вытеснять не только «язык слов», но вместе с этим «языком» — и регулярное чтение книг, тем самым запуская инволюцию человеческого интеллекта, его деградацию.

Примером такого типа умозамещения, как хорошо показано в романе, стала «хиршемания» в науке, за которой стояло превращение науки действительной в «науку рыночную», «покупаемую», «хиршевую».

Сам процесс «хиршевого» умозамещения в науке в какой-то мере нес на себе печать, по А. А. Яшину, замены «интеллигенции» на «интеллектуалов», — своеобразной «западной» («западоидной») рыночной подмены действительного «интеллигента», рожденного русской культурой, «интеллектуалом». Этот процесс активизировал «главный орган умозамещения (говорит профессору Скородумову его друг Андреяныч в очередной беседе возле растопленного камина), будь он не к ночи помянут, Болонский процесс» (с. 159).

И далее следует пояснение в их диалоге по поводу различий в смыслах слов «интеллигент» и «интеллектуал». Приведу этот диалог с купюрами (с. 160 — 169):

— Андреяныч: «...Чем отличается русский интеллигент от западного интеллектуала?

...на Западе и вовсе нет термина «интеллигент» — только у нас, хотя бы само это слово и не русского корня...»;

— Скородумов: «...Я же уточню: оба эти слова латинского происхождения, что не совсем чужеродно русской терминологии. Но смысл их более чем прозрачен: интеллект от *intellectus*, что переводится как понимание или понятие, а интеллигенция происходит от латинского же *intelligens*..., что значит понимающий или мыслящий...»

...с позиции логики (профессор Скородумов сел на любимого коняка, согнав собеседника с коня красноречия...) *интеллектуал есть человек, способный понимать, а интеллигент — сделавший понимание, мышление основой своего творчества.* Чувствуешь кардинальное различие? Вот почему перевод классического русского интеллигента в разряд западного интеллектуала и есть процесс умозамещения. Если, конечно, под умом понимать всю совокупность творческого мышления»;

— Андреяныч: «С тобой трудно не согласиться, Васильчик... Я только по сущности приведенных доводов. Добавлю только: умозамещение в форме обращения интеллигента в интеллектуала ко всему прочему создает элитную касту последних. В отличие от широкого, почти массового интеллигентного сообщества. Не зря в советском бытие интеллигенция декларировалась как прослойка, а на деле была классом, куда мог войти любой способный к творческому труду... хотя бы к труду над собственным совершенствование»;

— Скородумов: «Да-да, в шестидесятые — семидесятые годы наше общество... вплотную подошло к той, невиданной ранее и сейчас в мире ситуации, когда все население страны было готового стать бесклассовым де-факто и де-юре и сугубо обществом интеллигентов: если даже не по образованию, то во всяком случае по канонам этики, морали, главное — стремлению к творческому труду, даже если он был связан с чем-то на первый взгляд рутинным. Обратил, наверное, Андреяныч, что в советское время слово «работа» почти не использовалось?... Преобладало же, особенно в официозе, где знали что и как говорить, слово «труд», что терминологически уже полагало осознанное творчество...» (выдел. мною, С.А.).

Удивительное, замеченное А. А. Яшиным *радикальное различие между советским, почти тотально интеллигентным, обществом*, в котором каждый чувствовал себя творцом, вносящим свой вклад в общее дело (если использовать это понятие Н. Ф. Федорова) творения прекрасного будущего для всех, и *нынешним российским, рыночным обществом — обществом с «элитой интеллигентов-экспертов» и тотальной рекламой в СМИ праздного, бездумного и «без-умного» образа жизни*, в котором «пять дней — опостылевшая работа, а затем два дня — гуляй не хочу!» (с. 162), и в котором, сразу же, вместе с «рыночными реформами» Ельцина — Гайдара и приватизацией по Саксу — Чубайсу (в которой именные ваучеры были отменены, и поэтому эта приватизация была экспроприацией общенародной собственности в пользу кучки олигархов, и стоящей за нею — мировой финансовой капитализации), начался процесс «умозамещения» в единстве с «деинтеллигентизацией» общества.

Замечу только, что процесс «умозамещения» сразу же начался с момента становления «гайдарономики» и чубайсовской приватизации с помощью СМИ, которые превратились, после приватизации, в информационную диктатуру новоиспеченной капитализации, встроенной в диктатуру мировой финансовой капитализации как механизм экономической колонизации России. Карла Сти, корреспондент *Global Research* в штаб-квартире ООН (Нью-Йорк), в своей статье «Совесть не оставляет выбора», так охарактеризовала функцию западных СМИ: «Один из величайших успехов в тотали-

тарном промывании мозгов достигнут западными СМИ, которые влияют на слишком многих людей на Западе и в системе ООН» (Сти К. Совесть не оставляет выбора. КНДР противостоит варварским действиям Совета Безопасности ООН, «Советская Россия», от 24 августа 2017 года, № 96(14479), с. 3). А для чего «промывают СМИ «мозги» своих слушателей и зрителей? — Для умозамещения, превращения их в «марионеток», которыми бы могла управлять капитал-мегамашина.

А какого успеха в умозамещении достигли наши, российские СМИ, после их приватизации, свидетельствует жительница села Ермаковское, депутат районного совета Галина Новикова, рассказав об «учителе-историке, проживающем в селе, которое деградирует, разрушается, где царствует безработица, нищета, пьянство, из которого бежит молодежь», заявлявшем, «что лучше такой капитализм, чем социализм». И Галина Николаева задает вопрос: «Это что? Социальная, политическая неграмотность? Или профессиональная некомпетентность?» — Я отвечаю: «Это — умозамещение, сделавшее из этого учителя-историка «куклу-марионетку», живущую ценностями, которые в нее вложили, в том числе — и СМИ, с помощью «технологий умозамещения».

«Хиршемания» в науке и образовании в современной России предстает именно как такой процесс «умозамещения» и «деминтеллигентизации» в науке и образовании.

«Физик-теоретик по образованию Хорхе Хирш» начал свой путь в науку «в мясомолочной сельскохозяйственной Аргентине», и чтобы как-то обеспечить себе научную карьеру «устроился в Калифорнийский университет в Сан-Диего» (с. 166).

Именно он в 2005 году («на пятом году после миллениума») во время конференции Американского физического общества предложил* для оценки научной деятельности ученых свой научометрический индекс, получивший название «индекса Хирша». Его математическое содержание заключается в особом типе свертки распределения числа цитирований работ конкретного ученого (M): он «имеет личный индекс научной продуктивности q , если q из его статей N цитируется, как минимум, q раз каждая, в то время как оставшиеся ($N - q$) статей цитируются не более чем q раз каждая» (с. 170). Сразу же возникли критические вопросы по поводу такого подхода к научометрии? Если француз Эварист Галуа, один из основоположников ряда современных разделов математики («поля Галуа»), успел до своей казни на гильотине опубликовать всего четыре статьи, то он навсегда и останется в памяти последующих поколений «ученым с индексом 4»? А вот Эйнштейн к началу 1906 годов, когда у него была почти готова теория относительности и опубликовано всего пять статей, имел бы индекс «пять»? (с. 171). Но его, Хирша, и его индекс поддержал Роберт Хоккингс, сравнив работу ученого с работой бизнесмена, вполне капитализированно (если вспомнить понятие капитализации из нашей теории капитализации, которое я использовал выше): «Это как бизнесмен вложил в дело сто долларов, двадцать из которых обернулись каждый не менее чем двадцать раз, а бизнесмен в итоге получил свыше четырехсот процентов чистой прибыли, даже если при этом первоначальные восемьдесят из ста не то, что прибыли не принесли, но и вовсе пропали в неудачной котировке акций. Дело стоящее, господа, предлагаю дать новому индексу имя мистера Хирша!» (с. 171).

И «индекс Хирша» был принят и зашагал по планете, и дошел до России, и сразу же «образованцами» в управлении российскими образованиями и наукой был принят на вооружение и начался «хирше-умозамещение»: по индексу Хирша стали определять научную продуктивность и статусность ученых, профессоров, академиков, преподавателей высшей школы. «На научный мир», и на научный мир России, «надвину-

* Понятно, это не сугубая фактология, но художественная интерпретация в романе А. А. Яшина (Прим. ред.).

лась эпоха хиршемании», — замечает «герой» яшинского романа — профессор Игорь Васильевич Скородумов.

А индекс Хирша, как и положено для капитализированных науки и образования, — достаточно дорогой, потому что он вычисляется по публикациям и цитированию в дорогих американских, западноевропейских и международных журналах, в которых публикация статьи для автора обходится в достаточно большую цену или в долларах, или в евро, и которая остается «подъемной» только для «элиты интеллектуалов» в науке. Иными словами, в точности с циничной ремаркой — сравнением Р. Хоккинса, как она воспроизведена в романе, оценка научной продуктивности, и соответственно — эффективности научных исследований, превратилась в предмет рыночных отношений, в своеобразный сегмент рынка, в котором «интеллектуалы», далекие от науки, но заправляющие механизмом «хиршевой наукометрии», получают прибыли и не малые. Капитал-сатана в науке правит бал, наука гибнет за металл. Но в рыночной России — «ельцинской» и «пост-ельцинской» — на фоне научно-технических прорывов в СССР, на фоне взлета научного творчества в советском социалистическом обществе, давшего миру таких гениев мирового масштаба, как Вернадский, Циолковский, Чижевский, С. П. Королев, Чаплыгин, И. В. Курчатов, Артоболевский, Е. И. и С. И. Вавиловы, Келдыш, С. П. Капица, Семенов, Несмеянов, Л. Берг, А. И. Берг, Ж. И. Алферов, Туполев, В. М. Глушков, Микоян, Сухой, Яковлев, Лавочкин, В. А. Сухомлинский, Н. Н. Моисеев, П. Г. Кузнецов, В. П. Казначеев, Трофимук, Колмогоров, Понtryгин, Б. Г. Ананьев, Выготский, и список этот огромен, — это «хирше-рыночное», направляемое «интеллектуалами» Запада, самоубийство науки и образования, его «умозамещение» как «зануление» в определении А. А. Яшина, особенно заметно.

Я, начиная с 1969 года, уже без двух лет почти полвека, занимаюсь философией и теорией качества, в том числе квалиметрией — наукой об измерении и оценке качества продукции, труда, проектов, НИОКР и вообще любых объектов в сфере деятельности и воспроизводства жизни человека, включая и квалиметрию человека. Квалиметрия, как наука, зародилась в СССР в 1967 году благодаря научным исследованиям и обобщениям в области управления качеством и оценки качества продукции и труда таких советских ученых, как Г. Г. Азгальдов, А. В. Гличев, Э. П. Райхман и др.

В этом 2017 году ей исполняется 50 лет. В концепции синтетической парадигмы квалиметрии или синтетической квалиметрии, разработанной мною, сформулирована система принципов и аксиом теории оценивания качества. Один из принципов называется *«принципом соответствия степени формализации методики оценки уровню формализуемости объекта оценки»*. Если уровень формализуемости применяемой модели оценки намного выше, чем возможный уровень адекватного формализованного описания объекта оценки (вследствие его чрезмерной сложности, нечеткости описания его свойств и признаков, неизученности структуры объекта), то такая оценка будет несоответствовать действительной мере качества оцениваемого объекта, и, будучи примененной в управлении качеством, породит «ошибку ложной цели» (по У. Эшби), будет понижать, если не «занулять» (выражаясь языком А. А. Яшина), эффективность такого управления.

Советская наука не знала наукометрического показателя в форме «индекса Хирша», пользовалась традиционной системой оценок, включая системы защиты разных диссертаций, участием ученых в конкурсах на звание член-корреспондентов и академиков АН СССР (хотя и здесь бывали непростительные ошибки, так, например, Д. И. Менделеев*, наш гений, открывший периодический закон химических элементов, не был принят в действительные члены Российской академии наук), механизмы

* Впрочем, здесь дело «тонкое»: его не утверждал в академиках Николай Второй; здесь много версий, в основном, «конспирологического» характера... (Прим. ред.).

научных аprobаций на научных семинарах, симпозиумах и конференциях и пр. И, однако, она заняла в мире (как и русская наука в досоветской России) достойное место, превратила СССР в мощную самодостаточную научную державу, с которой считалось и у которой училось все человечество.

В нынешней «рыночной», «демократической», «умозамещенной» России, с «современной» системой индексации научных достижений, заимствованных с «Запада» («индекс Хирша», «индекс Scopus»; о последнем в романе профессор Скородумов поведал Андреянычу следующее: «...Кстати, об индексе Scopus недавно узнал. Скопус — это холм в Иерусалиме, где в 1918 году, когда англичане изгнали турок из Палестины, основоположник сионизма Хаим Вейцман заложил первый камень в фундамент будущего Еврейского университета... откуда сейчас и ведают мировой «наукометрией», с. 182), идут процессы сдачи передовых научных позиций, разрушения академической науки как важнейшего социального института, в частности, РАН и системы ее научно-исследовательских институтов, уничтожение научных школ в академии и в системе высшей школы, именно потому, что подчинили их системе рыночных отношений, а наука, образование, культура относятся к категории общественного блага и в своем воспроизведстве «законам рынка» не подчиняются, как и не подчиняется им природа, предъявившая человечеству «ультиматум» в виде первой фазы глобальной экологической катастрофы.

«Умозамещение» в России — явление многогранное, своеобразная пандемия деинтеллектуализации и деинтеллигентизации, охватывающая все сферы «умственной жизни» (а разве может быть жизнь человека «неумственной», «немыслящей», ведь тогда она не есть жизнь человека, а есть жизнь «недочеловека» или «постчеловека», но «постчеловека» не в смысле прогресса человечности, гуманизма как свойства человека, а в смысле его капитализации, замещения его «души» и его «ума» долларом, и через доллар его превращение в «винтик», или «колесико», «зубчатую передачу» глобальной капитал-мегамашины).

Вот, например, умозамещение, которое охватило российскую систему образования, в которой, как указывает профессор Скородумов в одной из бесед, все вузы подверглись менеджеризации: менеджмент — все, а фундаментальное образование, качество подготовки, творчество учителя, профессора, студента, школьника — ничего. Да и как может быть иначе, если один из высокопоставленных «образованцев», определяющий образовательную политику в России, сказал, что задача образования — это формирование грамотного потребителя, а рынок весь построен на манипуляции, через рекламу, сознанием потребителя.

Вот как Игорь Васильевич объясняет ситуацию своему собеседнику в одной из задушевных бесед: «...Качество контроля обучения подменили учетом количества бумажных баллов, коэффициентов и прочей канцеляршины... не раз слышал, как проверяющая из учебной части распинает чем-то провинившуюся в оформлении ведомости — числа им сейчас нет — доцентшу, затем словесно прощает ее оплощенность, как женщина женщину, по доброте душевной, добавляя: «Молитесь богу, миличка, что менеджменту эта ведомость на глаза не попалась!» — И бережно поддержала под локоток обморочно побледневшую молодую преподушу» (с. 126).

Декан факультета Тулуповского университета, в разговоре по поводу «оцифровки» образовательного процесса: «двумысленно усмехнулся — станем переводить слова разума в цифру отчетности» (с. 167). Происходит «тотальное умозамещение научного знания цифрию» (с. 165).

И опять за этим стоит Его величество «рынок образовательных и научных услуг». На фоне деиндустриализации России, закрытия отраслей высоких технологий, понижения научности, интеллектуальности и образованияемкости, в целом экономики, потому что Россия нужна «Западу» не как могущественная держава, сильный

геополитический центр мира, определяющий стратегию его развития, а как «колония» с невежественным «умозануленным» населением.

Вот одна из описываемых фарсовых ситуаций в современном вузе, ничуть не уступающая такого типа ситуациям в «Мертвых душах» или в «Ревизоре» Николая Васильевича Гоголя. В одном из вузов «N», в логике новых специальностей или направлений, которые бы пользовались спросом на «рынке образовательных услуг», одна дама — «преподавша» *K* — решила «в программе новой специальности» остановиться на «менеджменте безопасного секса и средств любовной санитарии» (с. 128). Каково? — Но если бы это было бы писательской фантазией А. А. Яшина? Но ведь в 90-х годах в школах, даже в классах начальной школы, по всей России пытались внедрить «половое воспитание» с обучением безопасному сексу, и сколько было покалечено этим педагогическим нововведением «либералов-образованцев», направлявших образовательную политику страны в нужное «рыночное русло», судеб детей и подростков? «Умозамещение» в системе российского образования — это «умопомрачение» взрослых дядей и тетей, находящихся в «плену» идеализации американской системы образования (в США) и высокомерного отношения к достижениям советского образования, потому что *рыночно-капиталистическая контрреволюция в России*, какими бы демагогическими либеральными «слоганами» она не прикрывалась, *выполняла тот же заказ глобального империализма по уничтожению СССР*, как первой в мире страны прорыва человечества к социализму, *какой выполнял и Гитлер, и в целом нацистская Германия, в войне 1941—1945 гг. против СССР*.

А «умозамещение» в средствах массовой информации (СМИ) и Интернете, как мультиплликатор «умозамещения» среди населения, погруженного в экраны телевизоров, компьютеров, планшетов?

По мере чтения романа, погружения в содержание великолепных «задушевных бесед» двух друзей, ученых, работников высшей школы, глубоких знатоков русской истории и русской, советской литературы, Андреяныча и Игоря Васильевича, возникает жуткая картина «античеловеческой революции», то есть контрреволюции,— антипода «человеческой революции» Аурелио Печчеи, заявленной им в книге «Человеческие качества» в середине 70-х годов XX века, как императива в развитии человечества и базового условия решения глобальных экологических проблем на Земле,— которая спланирована мондиалистами — идеологами мировой финансовой капиталистии, в частности — тайным Мировым правительством, и на это прямо указывается в романе, и которая предстает в научно-образовательном и информационном пространствах России как жуткая, скрытая от глаз обыкновенных людей, занятых своим бытом и проблемами выживания, реальность.

«Умозамещение» захватывает, как процесс, русский язык и русскую литературу, становясь процессом их своеобразного заболевания, отражается в процессах переименования улиц в городах (в одной из новелл романа: «В зал с криками врываются переименователи, скандируя новые название улиц: «Колчаковская», «Деникинская», «Тухачевского», «Шкуро», «Атамана Семенова!..», с. 206, 207), оно проявляется на выборах современной «демократической России», и пр., и пр.

Вот как с юмором и сатирическим смехом описывается проблема «голосования» на Руси и в современной России. Цитирую отрывок из рассказа Скородумова о том, как проводил «табельный день коммерц-коллегии», то бишь «министерства промышленности и торговли по-нынешнему», Петр Первый.

«Дойдя до конца повестки, Петр развеселился, хлопнул штофный кубок аниской. Дескать, голландские купцы бартер предлагают: они нам корабль презервативов, а мы им пять кораблей с отборным мачтовым лесом из заповедных рощ под Калугой. Ваше мнение, господа? Молодые коммерц-советники, «птенцы гнезда Петрова», обрадовались: вот вольно же теперь будет ночами бегать по светелкам боярышен, не опасаясь

обрюхатить молодиц,— в един голос: «Конечно, Петр Алексеевич, соглашаться надо на бартер незамедлительно! Пора нам по европейским меркам проживать».

Старые же бояре... хмурятся, супротивно говорят: «Нет, надежа государь, не православное это дело, богопротивное, супротив обычаяв наших от времен Гостомысла и Рюрика...».

«Что ж, господа,— весело топорщит царь свои тараканы усы,— у нас сейчас все по-европейски, по справедливости, чинами не считаясь. Значит, будем голосовать!». Свежобритые старые бояре оживились: «Во-во, Петр Лексеич, голосовать будем. Отцы-деды наши голосовали и мы будем голосовать!».

— Ха-ха-ха! Все в точку, Андреяныч! Тем и ужасает людей, самодостаточно мыслящих — на вроде нас с тобой, скажем без излишней скромности,— умозамещение, что фактор «моя твоя не понимай», с одной стороны, разъединяет людей в смысле понимания друг друга, даже в рамках семьи и трудового коллектива; с другой — «объединяет» их в утлом единомыслии, диктуемом через вездесущие СМИ теми, кому нужно общество людей-винтиков огромной глобалистской машины человека — нашего несветлого будущего, а во многом уже и настоящего» (с. 234—236; выдел. мною, С.А.).

«Человек-винтик», как результат капитализированного умозамещения, в том числе и с помощью СМИ, в чем-то становится схожей с «человеком-мышью» из «Записок из подполья» Федора Михайловича Достоевского: «считает себя за мышь, а не за человека» (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья, и. III, издан. А. Ф. Маркса, Санкт-Петербург, 1894, с. 77). «Человекомышь» — это человек, отказывающийся от сознания — этой «первоначальной гадости», что требуется, уже на языке теории капиталократии, Капиталу-сатане. «Умозамещение» (по А. А. Яшину) — это процесс замещения человека, умеющего мыслить самодостаточно и поэтому человека опасного для строя капиталократии (с вывеской для прикрытия под именем «демократия»), «человекомышью», для которой такая мыслительная самостоятельность не нужна, поскольку от нее требуется быть «винтиком огромной глобалистской машины человека — нашего несветлого будущего, а во многом уже и настоящего» (с. 236).

На «рынке человеков-товаров», где покупается «человеческий капитал» и действует закон фальсификации качества (если можно получить прибыль, да еще при норме прибыли более 100 %, вспомним высказывание К. Маркса, что если прибыль достигает 300 %, то капиталист готов идти на любые преступления), «умозамещение» становится формой фальсификации знаний, профессионализма, компетенций через купленные на «рынке» «сертификаты ума», например, купленные за определенные денежные суммы дипломы бакалавров, магистров, кандидатов наук, докторов наук и пр.

Как это происходит, хорошо рассказывается в четвертой новелле романа «На цыганском факультете». В ней повествуется история одной энергичной дамы, которая «расширяя и расширяя свой торговый рынок в России и Азии, в то же время неустанно повышала и свое научно-образовательное реноме, хорошо понимая: чем выше это реноме, не в голове, конечно, но на визитке и в официальных анкетах, тем с большим успехом проворачиваются торгово-аптечные дела с солидными, особенно государственными, партнерами. К тому же крепким женским, что дается от рождения и младенческо-детского воспитания, умом понимала какие дни стоят на дворе, улавливая все экономические, политические и иные веяния» (с.130; выдел. мною, С.А.).

Интересным механизмом «умозамещения» в среде «интеллектуалов», особенно «интеллектуалов» в СМИ, является «тусовка».

Андреяныч в 9-й «задушевной беседе» с Васильевичем, то есть с профессором Скородумовым, по поводу глобальной сущности «умозамещение», замечает:

«— Знаешь, Васильич, если главный движитель, опять же выражаясь языком

ракетчика, всеобщего умозамещения суть правящий тайно и явно всемирный «клуб глобализаторов», то приказчиками его, то есть сугубыми исполнителями, являются в явной, открытой для всех ипостаси средства массовой информации. Ни для кого не является загадкой; почему они, вроде как принадлежащие к различным государственным образованиям и их блокам, конфессиям, традиционным этическим нормам и пр., дуют в одну дуду. Даже не особенно обременяя себя маскировкой национальным колоритом, степенью тоталитарного или демократического устроения, опять же «прочая»... СМИ давно уже стали транснациональными субъектами глобализации, а значит и умозамещения» (с. 301, 302; выдел. мною, С.А.).

И одной из технологий умозамещения в СМИ становится «тусовка» (с. 303), ну, например, это я уже добавляю от себя,— передача «Поле чудес» на телевидении российском. «Другой пример,— говорит Андреяныч профессору,— тусовка, запаренная СМИ, случившаяся в Москве в прошлом году. Помнишь, конечно, эту шумиху с выставкой картин Серова, когда число ее посетителей перевалило за всякую мыслимую величину? Как же тему эту муссировало телевидение! Прямо-таки помешательство случилось: люди, в основном экзальтированные в части общедоступного досуга, москвички и пригородные, ночами в музейной очереди стояли... Ну и молодежи ведь толпы?! Самое же занимательное, или уморительное — понимай как хочешь, я это в какой-то газетке прочитал: некий репортер приставал к жаждущим вернисажа: на какого они Серова «стоят» — Валентина Александровича, автора «Девочки с персиками» и карикатур на царя «Солдатушки, браво ребятушки», или на сталинского лауреата, вице-президента советской художественной академии, создателя историко-революционных картин навроде «Зимний взят» и «Ходоки у В. И. Ленина» — Владимира Александровича Серова (настоящая фамилия у него другая...)?» (с. 303, 304). И далее следовали ответы стоящих в очереди, в которых звучали, во-первых, изумление, что «Серовых целых два», во-вторых, полное незнание искусства ни того, ни другого.

Андреянович задает себе вопрос: с какой целью была спланирована СМИ тусовка? И далее отвечает, ведь «вариантов использования принципа тусовки великое множество. Последний органически переплетен с обезьянничеством, двигателем торговли и впаривания обычайству совершенно ненужных вещей» (с. 304). И здесь, даже в мире искусства, рынок все опошляет и фальсифицирует и здесь Капитал-Сатана поет свою «песню», замещая «умы людей» на «болванку»: «Сатана там правит бал, и люди, и искусство гибнут за металл!».

Роман-новеллино Алексея Афанасьевича Яшина продолжает сложившиеся традиции сатирического смеха над теми или иными патологиями российского общества, выходками «процветающих мерзавцев» (понятие М. Е. Салтыкова-Щедрина) в России, наподобие олигархических пьяников в Куршевеле с девочками легкого поведения, в классической русской литературе — литературе Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого, Горького, Маяковского, Зощенко, Твардовского, Шолохова, Леонова.

«Умозамещение» — это колонизация сознания и интеллекта людей в современной «рыночно-капиталистической» России, как экономической колонии, феномен власти капитала над трудом, как манипуляционной власти, требующей, чтобы подчиненный ей «народ» был «умозамещенным», с «манипулируемым» сознанием (феномену манипуляции сознанием С. Г. Кара-Мурза посвятил капитальную научную монографию). Одновременно, «умозамещение», как и проанализированный мною еще в 90-х годах феномен «социальной вирусологии», является инструментом войны глобального империализма — информационной, экономической, технологической, духовной, ценностной — против России, вплоть до полного ее уничтожения как geopolитического противника. Разворачивающаяся «дипломатическая война» администрации нынешнего президента США Трампа в августе — сентябре этого года против

России — это только один из индикаторов «конвульсий» империализма США, как отражение исторического процесса его конца.

Природа, космос на «старте» XXI века взыскиует к человеческому разуму, потому что начинается ноосферный этап эволюции мира, в котором мы живем, в том числе ноосферный этап в эволюции биосферы и в истории человечества. Этот переход в эпоху ноосферы (понятия Н. Н. Моисеева) и есть эпоха великого эволюционного перелома.

Закончилась «предыстория» человеческого разума и наступили его «роды» — «роды» действительного ноосферного разума, которые могут состояться только в единстве с «родами» действительного — ноосферно-социалистического человечества.

А это означает, что за «родами», как за метафорой, скрывается ноосферная социалистическая революция XXI века — прорыв человечества к новому качеству своего бытия в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

«Роды действительного, ноосферного разума» — это, одновременно, и успешная реализация императива экологического выживания человечества — выхода из экологического тупика истории в форме первой фазы глобальной экологической катастрофы.

Русская философия, русская литература, русский космизм, как особое течение русской мысли, направленной на мировидение и мироисвоение, русский ноосферизм, рожденный русским космизмом, всегда были направлены к всечеловечности (по Ф. М. Достоевскому), к раскрытию космического предназначения человеческого разума (об этом писали Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Федоров, С. Н. Булгаков, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, И. А. Ефремов и др.), к возвышению творчества человеческого ума.

Роман А. А. Яшина продолжает эту лучшую традицию русской мысли. Этот роман «укладывается» в его исследовательский «поток», связанный с разработкой «феноменологии ноосферы», которой он посвятил уже полтора десятка томов научных монографий*.

«Умозамещение» — это один из признаков экологической катастрофы рыночно-капиталистической системы, как таковой, своеобразная «теневая сторона» капитализации, которая уже превратилась в «утопию» человечества, которая продолжает жить как «раковая опухоль» на «теле» человечества с помощью империализма, колониализма, расчеловечивания человека, тотальной деинтеллектуализации капиталистического общества.

Мое убеждение: Россия первой открыла для человечества историческую «дорогу» в социализм, Россия (в лице СССР) первой открыла для человечества историческую дорогу в космос, и все это она сделала за прошедшее 100-летие Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции,— России суждено в XXI веке возглавить ноосферный прорыв человечества. Открыть историческую «дорогу» в ноосферный экологический духовный социализм!

И так будет!

А «умозамещение» как «мираж» развеется, исчезнет с исторического экрана человеческого бытия вместе с освобождением человечества от «объятий» мировой финансовой капитализации или «мирового капитализма» (по Дж. Соросу), уже превратившегося в «экологического самоубийцу», — от «объятий» капитализационного анти-разума (каким бы могущественным он не казался некоторым умам).

Правда истории за социализмом, но в новом качестве — ноосферном, — и это подтверждает 100-летие Великой русской (Октябрьской) Социалистической Революции в этом, проживаемом нами, 2017-ом году!

* Яшин А.А. Живая материя и феноменология ноосферы. Тт. 1—15 (Москва, Тула, Тверь; разные издательства). В Интернете см. по поисковику на разных сайтах, в том числе на сайте «Тринитаризм» (Прим. ред.).

О НОМИНАТАХ НА «ЛЕВШУ» — 2017

СЛОВО ЗА ВАЛЕРИЯ КУЛЕШОВА

«Слово идет от сердца,
что не устало гореть.
Будет чем мне согреться,
да и других согреть» (с)

Слово, творящее суть нашего бытия...

В очередной раз перечитывая поэтический цикл «PERSONALIA» Валерия Кулешова, пусть даже и не сразу, но начинаешь понимать, что написаны все стихотворения очень лирично с глубоким философским и жизненным смыслом:

«Устроена жизнь сурово,
и не отводи глаза,
ведь после тебя —
лишь слово,
которое ты сказал» (с)

И, правда, сколько всего мы вовремя не замечаем в нашей поспешной жизни...

Автор вполне сознательно использует Слово как выразительное стилистическое средство для придания каждому предложению особого, только ему одному присущего смысла, максимально усиливая общую выразительность авторского замысла:

«Я не знаю, что там — впереди,
может быть, воцарение стужи.
Все равно, чтоб оттаяли души,
ты поплачь у меня на груди» (с)

Душа — это и есть то, чем мы обладаем, и то, чем мы являемся. Очень пронзительно и точно передано чувство острого ощущения будущего, которое неизменно преследует каждого из нас в реальной жизни. Это и есть настоящая современная российская поэзия во всех ее сложностях и противоречиях. Ради этого стоит жить и творить:

«Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посейнный свет» (с)

Это и есть несущий истинный Свет в нашу великую русскую культуру, о которой еще П. А. Вяземский сказал, что она есть «исповедь народа, его душа и быт родной».

Чувствуется, что Валерий очень серьезно берется за те темы, которые требуют наличия способности к сопереживанию его лирических героям.

Я могу пожелать ему только удачи в конкурсе на соискание всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Спасибо за строки!

*С уважением, Александр Савостьянов,
член Союза брянских литераторов,
Русского литературного клуба и Футурсобрания*

ЖИВОТНЫЕ БЫВАЮТ ЧЕЛОВЕЧНЕЕ ЛЮДЕЙ

(отзыв на публикацию рассказов Виталия Кузнецова
в журнале «Приокские зори»)

С творчеством Виталия Кузнецова я познакомился года два назад, когда на почту редакции журнала «Новый Свет» попала, тогда еще не известная широкому кругу читателей, повесть о собаке по кличке «Рэк». С первых же строк стало понятно: автор не просто обладает захватывающим, увлекательным слогом, он еще и прекрасно разбирается в животном мире. Понимает психологию зверей, если так можно выразиться. Не стоит этому удивляться, ведь Кузнецов — не житель мегаполиса. Для себя много лет назад романтик-бамовец, ставший впоследствии автором замечательной повести, выбрал жизнь в таежном поселении Бурятии — Северомуйске. Этот поселок, расположенный на Байкало-Амурской магистрали, в котором сейчас проживает менее тысячи человек, со всех сторон окружает могучая сибирская тайга, полная пугающих тайн и способная в одночасье поглотить городского жителя. Но для Виталия тайга, с ее реками, тенистыми берегами, ягодами, грибами и живностью — это родной дом. Каждый человек любит и понимает уклад в собственном доме. Так и Кузнецов стал интегральной частью того мира, который создала вокруг него природа. Эти знания, глубокое понимание и любовь к животному и растительному миру нашли отражение в повести «Рэк», удостоившейся литературной премии имени Эрнеста Хемингуэя. Затем «Рэк» завоевал широкое признание и любовь читателей как в России, так и за ее пределами.

С той поры я стал следить за новыми публикациями Виталия Кузнецова в литературной периодике, в том числе и в таком известном, уважаемом издании, как журнал «Приокские зори». Написать отзыв меня побудило известие о том, что Виталия выдвинули на соискание премии Н. С. Лескова за три рассказа, опубликованных в «Приокских зорях» в течение 2017 года. Давайте поговорим о каждой из этих историй в отдельности.

В «Поцелуе медведицы» мы видим поразительную, если вдуматься, историю о том, как раненый человеком зверь, не проявляет агрессии в тех случаях, когда ему не требуется пропитание и не приходится бороться за жизнь. Медведицу подстрелили охотники... Зачем? Она угрожала поселению людей? Этого автор нам не рассказал, поэтому оставим факт стрельбы на совести охотников. Вот раненая медведица, потерявшая в столкновении с людьми медвежонка, выходит к стоянке двух спящих недалеко от берега реки мужчин. Сколько нужно времени взрослой медведице, чтобы растерзать двух безоружных человек? Совсем не много — считанные минуты. Но раненая медведица не выражает агрессии. Она обнюхивает одного из «туристов» (автора рассказа) и убегает в сторону сопок. Так устроена природа — в ней нет места бессмысленной жестокости. По телевизору, кто любит передачи о животных, мы наблюдаем совершенно удивительные кадры: спокойно лежат сътые львы, а вокруг без опаски разгуливают косули. Зверь не убивает ради наслаждения. Он охотится, добывает пропитание, но не испытывает радости от доставленных жертве страданий. Настоящую звериную жестокость проявляет только человек. Об этом как раз следующая история Кузнецова, названная «Варвар».

Здесь мы видим абсолютного разрушителя, оставляющего за собой «руины и кровь». Водитель тяжелого грузовика-лесовоза едет по сибирской тайге, на сиденье держит ружье и полный патронташ патронов. О чем думает водитель, что любит, какие у него интересы? А никаких, он ненавидит абсолютно все вокруг. Единственная его мечта — срубить денег побольше и уехать на «большую землю». Развлекается ненавистник природы на особый манер. Слово автору:

Лишь одна забава отвлекала его от рутинной работы. Это была стрельба из ружья, по всякому поводу, и по любой движущейся мишени. Порою он даже и не старался прицелиться наверняка, лишь бы выстрелить. Потому и возил с собой ружье с большим припасом патронов. «Ух ты, стерва,— вышла,— завидев впереди по трассе матку лося, вдруг грубо оживился водитель лесовоза.— Ну, сейчас я тебя вользу»,— пробубнил он вполголоса и придавил на газ.

Беременная лосиха попадается на глаза человеку. Она не агрессивна, пытается пробиться сквозь твердый наст к кромке леса, где больше пропитания. И что же делает человек — любуется грациозным животным? Слушаем автора:

...показался из кабины и несколько раз выстрелил в ее сторону.

Быстро перезарядив свое оружие, человек вновь выстрелил, одновременно из обоих стволов, дуплетом, и обе пули попали в цель. Но ни одна из них не смогла причинить смертельного вреда животному..

Добить упавшую лосиху выстрелом не получилось. Браконьер по пути расстрелял все патроны, о чем забыл. Последние истратил на лежащую в крови лосиху. И тогда он пускает в ход жестокую изобретательность:

Вновь взобравшись в кабину своего незагруженного лесовоза, он прогнал его немного вперед, а затем дал задний ход, направив полуприцеп в сторону от дороги, в то место, где в кустах уже успела скрыться лосиха. Удар пришелся прямо по хребту животного.

Этого оказалось недостаточно, чтобы умертвить несчастное животное. Тогда, потерявший всякий человеческий облик водитель, хватается за топор. Он не способен нанести точный удар в голову, который освободил бы лосиху от лишних страданий. Топор врубается ей в спину, оставляя вокруг кровавое месиво и продлевая агонию. В утробе лосихи гибнут так и не увидевшие свет лосята. Человек же, ликуя, волочит труп животного на стальном тросе за грузовиком. Вероятно, волочит до дороги, чтобы там погрузить «мясо». Именно так он относится к любому живому существу — мясо. Пусть у него дома холодильник забит сардельками и водкой, пусть рядом магазины ломятся от продуктов питания. Мясо! Убить и сожрать мясо... Ему не хватает говядины? Опять человек убивает не ради пропитания и не для собственной защиты, но забавы ради.

В третьей миниатюре-аллегории «Собачья смерть» примечательная, пожалуй, композиция автора. Вот старый, больной пес еле волочит лапы, силы его покидают и останавливается сердце. Грустная картина. Но тут же мы видим:

...как и минуту назад, высоко в небе, над иссушенной степью продолжала звеньеть трель жаворонка, воспевающего жизнь, и так же над заболоченной луговиной продолжали гоняться друг за другом стрекозы. Никто и не заметил, как на земле одной жизнью стало меньше.

Личная трагедия пса не стала глубинной болью природы. Одна жизнь ушла, истек ее срок, но на ее месте появились другие жизни. Мудрая природа продолжила свою цикличность и проявление в новом радостном дне.

В заключение хочу сказать, что Виталий Кузнецов раскрыл нам, городским жителям, те тонкие штрихи и оттенки природы, которые сами мы, из бетонных квартир и кабинетов, вряд ли бы когда-нибудь увидели. Жили бы и не подозревали, как богат и многообразен природный мир вокруг нас.

*Михаил Спивак,
заместитель главного редактора,
журнал «Новый Свет» (Канада)
litsvetcanada@gmail.com*

МАГИСТРАЛЬНЫМ ПУТЕМ

(О творчестве Виталия Кузнецова)

Зарисовки из жизни животных Виталия Кузнецова выгодно отличаются от большинства художественных вещей на эту тему, регулярно публикующихся на страницах периодики, в частности в «Юном натуралисте» или в «Комсомольской правде». Там, смазывая живое начало в виде интересного наблюдения или необычной сценки, непременно перейдут на дотошное описание характерных свойств данной биологической особи, что более уместно в специализированных энциклопедиях. Но в них уже все основное давно зафиксировано и разложено по полочкам исследователями. Мне возразят: в прессе просто журналистика. Но ведь и она должна быть максимально выразительной, и не все читатели с нетерпением ждут, что в довесок обязательно тебя в который раз снабдят кучей данных о том, сколько живет этот зверек, чем он питается и сколько в нем веса?

Отрадно, что Виталий существует прочно проторенным магистральным путем, проложенным еще Владимиром Арсеньевым, Григорием Федосеевым, Виктором Астафьевым. А недостатка в материале у него нет, можно сказать, что он всегда под рукой — таежные дали еще много таят в себе сюжетов и всего того, что может стать украшением литературы об окружающем природном мире. Именно такую непридуманную литературу я считаю настоящей.

Наиболее сильно меня зацепило содержание рассказа молодого автора «Варвар» с предпосланным к нему коротким пояснением, что все взято, так сказать, с натуры. О случаях немотивированной жестокости или просто зверства, во что зачастую перерастает охота, надо трубить во все трубы. Уже и так напрочь уничтожено столько видов братьев наших меньших, и этот мортролог все расширяется. В рассказе выведен даже не охотник, а любитель попалить походя во что угодно из кабины грузовоза, не жалея патронов. Ему все равно, что попавшая в поле зрения на свою беду лосиха носит в себе двух чад, и ей трудно оторваться от преследования. Это просто убийство.

Настораживает тот факт, что подобные люди испытывают при виде гибели беззащитных острое удовольствие. Оно может далеко завести. Вспомним хотя бы «хабаровских живодерок», снимавших на видео сцены истязания котят и собачек, а потом выкладывавших все это непотребство в Интернете. И ведь находятся любители все это посмаковать. А наказание за такое просто смехотворное.

Писателями еще мало изучен этот феномен, вот где непаханая целина для исследования побудительных мотивов к такой жестокости у совсем юных людей, каковыми их собственно и нельзя назвать...

*Евгений Асташкин,
член омского отделения
Союза российских писателей.*

САМА ПОДБОРКА — УЖЕ АЛЛЕГОРИЯ

(Отзыв на рассказы В. Кузнецова)

С интересом прочитал подборку талантливых рассказов Виталия Кузнецова во 2-ом номере «Приокских зорь» «Поцелуй медведя», «Варвар» и «Собачья смерть» (Аллегория). Последний рассказ обозначен как аллегория. Но и в подборке рассказов я увидел своеобразную аллегорию: вот первый рассказ — даже бережное отношение хищного таежного животного к человеку (олицетворение благорасположение природы к человеку, как бы с надеждой на ответное добре отношение человека к себе), а вот второй рассказ — в ответ на отношение природы человек хищнически, варварски, бессердечно проявляет отношение к ней — олицетворением этого является

убийство с невероятной жестокостью беременной двумя лосятами лосихи. И такое потребительское, варварское отношение человека к себе природа не прощает. Об этом говорит последний рассказ с огромным подсмыслом-аллегорией. Эта подборка сильных рассказов заставляет задуматься о многом, заставляет человека переосмыслить многое в себе.

*Член бюро Омского отделения Союза российских писателей,
главный редактор литературно-художественного
издания-тандема (журнала «Иртыш-Омь» и альманаха «Тарские ворота»)
Игорь Владимирович Егоров.*

В ЖЮРИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША»

В отличие от абсолютного большинства людей, для которых Природа — объект созерцания и ничейный сад-огород, плоды из которого каждый уносит сколько соберет, кандидат на премию имени Лескова в номинации «проза» Виталий Кузнецов, редактор авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни», житель таежного городка строителей БАМа, является частицей самой Природы, что определяет и его отношение к ней.

К пониманию этого приходишь уже после прочтения первого в публикации рассказа «Поцелуй» медведицы. По сути, он из разряда охотничих рассказов, и в нем озвучен эпатажный случай из тех, что рассказывают охотники на привале.

Понятно, что выход раненой медведицы, у которой люди только что убили медвежонка, на двух заснувших у ночного костра рыболовов мог для них (по крайней мере одного из них) закончиться трагически. А оба после удачной вечерней рыбалки и впечатлений от весенней тайги («Всплески воды на поверхности озера, неизвестные всхлипы у берегов, вскрики и встревоженные посвисты болотных куликов; писк свадебно настроенной ондатры, подзывающей к себе самца; лай гурана — таежной косули, раздающийся у отдаленных от озера сопок, и еще множество всевозможных звуков вызывали некое тревожное чувство. Однако, постепенно привыкнув к окружающим нас звукам и шорохам, мы успокаивались...») просто провалились в сон.

Вырвала рассказчика из него медведица, тыкавшаяся мордой ему в лицо... Вспоминая пережитый ужас, разрядившийся истошным криком, он отметил, что, несмотря на ранение, убийство охотниками ее детеныша, зверь не проявил к спящим людям вражды, хотя мог бы сразу же накинуться на них. Он оказался порядочнее охотников и охотоведа, которые стреляли в медведицу только для того, чтобы убить, и не пожалели даже ее малыша.

И совершенно беспощадно писатель обрисовывает еще одного убийцу, не пощадившего беременную лосиху, в рассказе «Варвар». Для того водителя лесовоза нет ничего святого — он держит в кабине заряженную двустволку, чтобы мгновенно разрядить ее в любого встреченного по дороге зверя. В этот раз ему на глаза попалась готовящаяся произвести на свет потомство самка лося, пришедшая к пробитой в тайге трассе, что подкормиться молодыми побегами. Ей было трудно уйти через сугробы от негодяя — он подстрелил ее и добил топором. В туще лосихи, которую он привязал тросом к машине, умерли, когда кончился кислород, два детеныша...

Сила воздействия произведений этого писателя в том, что он, не декларируя, не бичуя антигероев острыми выпадами, а точно выстраивая сюжет и подбирая слова для коротких, но емких предложений, создает картины, вызывающие у читателя естественные чувства — протест против бесчеловечных отношений к Природе, из которой человечество некогда вышло и без сохранений добрых родственных отношений с которой ему не выжить.

Своей выразительностью и точностью проза Виталия Кузнецова сродни лесков-

ской и, на мой взгляд, заслуживает премии имени творца «Соборян», «Очарованного странника» и других выдающихся произведений.

*Лев Рябчиков,
президент Крымской литературной академии,
лауреат международной премии им. Шолохова*

«В СЛОВЕ ПОСЕЯННЫЙ СВЕТ» ИЛИ ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Хорошо литературоведу или критику разбираться в качестве поэзии того или иного поэта. Знай себе, пиши, обращая внимание лишь на правила поэтики, и «никаких гвоздей». Его, литературоведа, на критика учили. А каково читателю, пусть хоть и поэту, написать рецензию на творчество коллеги литературного цеха? Да еще и не имея литературного образования?

Я как-то попросил знакомого мне поэта, члена СПР, написать рецензию на мою книжку стихов, которую подготовил к изданию. Но получил культурный и тактичный ответ, что это — не его дело писать рецензии, пусть критикой занимаются критики, а его назначение в жизни — писать стихи. А мог бы просто, по-человечески, подсказать, или поругать, или чего доброго — похвалить, не так, конечно, в бледных тонах: «нравится — не нравится»... А конструктивно, жестко, и главное, чтобы польза была — сказал все без обмана. Ведь еще Сергей Александрович Есенин говорил: «Поэзия не терпит лжи. За ложь всегда отомстит».

Я недавно вновь открыл страницы первого номера журнала «Приокские зори» за этот год. Алексей Афанасьевич Яшин назвал фамилии претендентов нынешнего года на литературную премию «Левша», вот и захотелось прочитать работы авторов в журнале. И не напрасно это сделал.

Читал стихи Валерия Владимировича Кулешова, и вдруг почувствовал что-то близкое, свое, в некоторой степени — родственное. Конечно, можно сказать, что если мы с ним ровесники, то прошли в дальнее советское время почти одну школу жизни, а значит и понятия о ней, о жизни, складывались может быть в чем-то одинаково. Но это роднящее душу тепло нельзя объяснить просто словами, а можно лишь пережить внутренним состоянием. Почувствовать близость в слове, в обороте речи, в мысли... Читаешь стихи и думаешь, что это же мое ощущение жизни, мое миропонимание. В этом и должна проявляться поэзия — в простоте слова достигая высоты мысли. Причем сразу же, с первого прочитанного стиха:

*Как проклятый, в реке забвенья
Ловлю размытые мгновенья,
Которым имя — тень.*

Кто оспорит, что поэты — люди проклятые, не от мира сего?

А кому из смертных (не только поэтам), не хотелось остановить то или иное мгновение жизни? «Остановись мгновенье — ты прекрасно!» Но какой образ нашел поэт Валерий Кулешов?

*...Иди же
Сожми спираль, замкни кольцо.*

Да, порой хочется сжать спираль, чтобы остановить движение по ней, остановить мгновение...

А как по-русски звучат слова поэта, пытающегося растопить «колючие льдинки» отчуждения с близким человеком:

*Все равно, чтоб оттаяли души,
Ты поплачь у меня на груди.*

Да разве нынешнему европейцу понять, что это такое — «поплачь у меня на груди»? Думаю, что только русский может почувствовать облегчение и тепло от слез на 290

груди у близкого и родного человека. Жалость — чувство доступное лишь русскому человеку. Ведь не зря же существует такое понятие, как русская душа. Что-то я ни разу не слышал выражения: английская или американская душа.

О стихотворении «Незабудки» так и хочется сказать словами самого поэта — Валерия Владимировича Кулешова: «И сколько светлой простоты» в этом стихотворении. Не зря на Руси девушки письма любимым подписывали словами «Твоя незабудка».

Окунувшись в поэзию Валерия Кулешова, мне захотелось пожелать ему: — «Несите, Валерий Владимирович, свою заботу и «выхаживайте в слове посеянный свет».

* * *

Доводилось ли вам, читая что-то такое, вдруг всколыхнувшее вашу душу, вспомнить тут же совсем другое, очень близкое к тому, о чем вы только что прочитали? Со мной это произошло, когда я закончил чтение рассказа писателя Виталия Кузнецова «Варвар». В памяти возникло стихотворение Сергея Есенина «Песнь о собаке», а именно вот эти строки:

*Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

Что же мы творим такое, люди? Подчиняем себе природу, покоряем и используем ее для удовлетворения человеческих потребностей — жадности, обжорства, хищничества. Как точно Виталий Кузнецов показал в своем рассказе разницу между человеком и животным. Стельная лосиха из последних сил ищет себе пищу для утоления голода, для продолжения рода своего, для будущих лосят, которых она вынашивает с таким трудом. Человек же утоляет свою гордыню, ведь он не остановится ни перед чем, чтобы доказать свое мнимое превосходство, сущность которого — пожирание других, убийство беззащитной комоловой лосихи. И в этом противостоянии вдруг видишь и понимаешь — кто из двоих, встретившихся в лесной чаще — животное. Происходит действие рассказа в цивилизованном мире, на ступени человеческого развития, следующего после варварства...

Но видно, не все еще из людей поднялись на ступень цивилизации? Как и другие охотники из рассказа «Поцелуй» медведицы», которые с упорством дикарей каменного века преследуют раненую мать-медведицу, убив, не раздумывая, ее маленького медвежонка.

Рассказы Виталия Кузнецова — это не просто повествование или описание таежных случаев, это — предостережения, полные любви к «братьям нашим меньшим», это боль за будущее, которое может случиться с нами со всеми, если мы и дальше будем продолжать свое хищническое и бездумное отношение к природе. Об этом же и рассказ-аллегория «Собачья смерть». Как я его понял — это рассказ-предостережение: собачья смерть — это смерть в одиночестве, когда, уничтожив все живое, истребив леса, испоганив реки и озера, человек будет задыхаться в зловонном мире, на пустынной планете с названием Земля. И как верно сказано в одной индейской мудрости: «Когда будет срублено последнее дерево, когда будет отравлена последняя река, когда будет поймана последняя птица — только тогда вы поймете, что деньги нельзя есть».

Вот так, о чём мне думалось, когда читал стихи Валерия Кулешова и рассказы Виталия Кузнецова, о том и написал. Ведь я только читатель, а не критик и не литературовед. Но написал искренно, без обмана.

*Сергей Лебедев — читатель литературно-художественного
и публицистического журнала ордена Г. Р. Державина
«Приокские зори».*

Поддерживаю своего земляка **Валерия Кулешова**

Лидия Савельева

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высыпает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

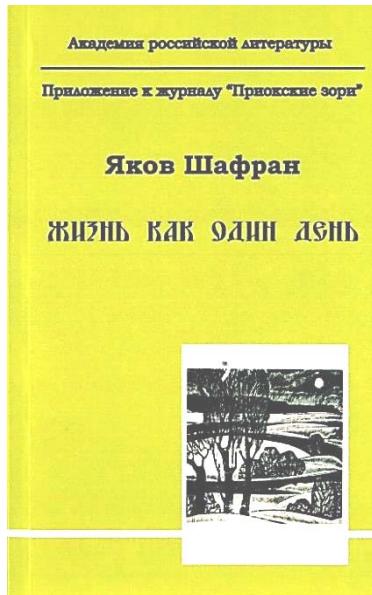
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь». Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, если автор об этом позаботится;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2017.— № 1—4.
2. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2017.— № 1—4.
3. *Общеписательская литературная газета*.— 2017.— №№ 1—10.
4. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2017.— №№ 1, 2 (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Огни над Бией*.— № 41 (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).
6. *Северо-Майские огни*.— 2017.— № 4(62) (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).
7. *Подъем*.— 2017.— №№ 8, 9 (в № 8 опубликован очерк Леонида Ханбекова о творчестве Алексея Яшина; в № 9 опубликована повесть Алексея Яшина «Лето юности минувшей»).
8. *Татьяна Шелепина. Стихотворения*. Избранное.— Тула: ТППО, 2017.— 368 с.
9. *Резцов В. В. Юра, Сережа и Бессмертие: Историко-документальная повесть*.— Тула: Неография, 2017.— 64 с., ил. (автор пишет о героях-молодогвардейцах Сергея Тюленине и Юрии Виценовском — дяде В. В. Резцова).
10. *Евгений Теслюк. Галактика Света и Любви: Стихи и воспоминания*.— М.: «ОБРАЗ», 2017.— 264 с.
11. *Николай Макаров. Записки батальонного врача*. 3-е изд.— Тула: Аквариус, 2017.— 264 с.
12. *Плавская осень. Сборник. О любви: Стихи и проза / Под ред. Ирины Пархоменко*.— Плавск — Тула: Папирус, 2016.— 240 с.
13. *Андрей Мокдаванов. Возвращение: Роман в стихах*.— М.: «ОБРАЗ», 2017.— 196 с.
14. *Демидов В. Г. Лоза и ветви: Религиозно-философские стихи*.— Тула: Папирус, 2009.— 272 с.
15. *Демидов В. Г. Образ и подобие: Религиозно-философские стихи*.— Тула: Папирус, 2012.— 256 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Сказки пряничного города: Сб. произв. молодых авторов / Под ред. А. А. Яшина; составитель О. В. Чмырь*.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 170 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Шафран Я. Н. Человек человеку: Сб. рассказов / Предисл. А. Яшина и И. Карлова*.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 216 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Яшин А. А. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова*.— Тула: Аквариус, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Николай Макаров. Суворовцы земли тульской*.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 286 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Валерий Виноградов. Истоки: Стихотворения и ноты*.— Тула: ТППО, 2017.— 204 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идеи и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2017-го года будут объявлены в первом номере «Приокских зорь» за 2018 год. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2018-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добный путь!

НОВОСТИ ПРЕМИИ «ЛЕВША»

Наградная символика всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации текущего года в журнале «Приокские зори» расширилась: теперь лауреату вместе с дипломом вручается лауреатская медаль и удостоверение к ней.

ИНФРАСТРУКТУРА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» РАСШИРИЛАСЬ!

Вышел в свет первый выпуск музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (редактор — профессиональный музыкант, композитор Сергей Владимирович Сенин).

Главный редактор нашего журнала А. А. Яшин написал напутствие новому альманаху журнала:

«Приветствую издание музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне», расширяющего инфраструктуру всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», куда входит литературный альманах «Ковчег», серии книг: «Приложение к журналу "Приокские зори"» и «Библиотека журнала "Приокские зори"», а также всероссийская литературная премия «Левша» им. Н. С. Лескова.

Новый альманах — это не чисто музыкальный сборник (только ноты и слова) и не чисто поэтический, а совмещающий в себе и песни, и стихи. Единственное условие — стихи должны принадлежать автору слов публикуемой песни. Эта структура отработана главным редактором альманаха на многочисленных выпущенных им в свет сборниках.

Еще одно отличие «На лирической волне» — высокий профессионализм. Во-первых, главный редактор профессиональный композитор, во-вторых, все песни с фортепианным сопровождением и, в-третьих, ноты грамотно оформлены. А также слова песен написаны в основном членами союзов писателей, то есть профессиональными поэтами.

Кроме того, такой альманах — это то, чего сейчас так не хватает на фоне жесткой глобализации, сопровождающейся политическим напряжением, экономическими трудностями, религиозной и национальной нетерпимостью, военными конфликтами и пр., и пр. Лирические песни о любви и дружбе, природе и красоте, семье и малой родине будут, как на поле боя, сопротивляясь расчеловечению, сопровождающему данный этап глобализации.

Альманах всероссийский, потому приглашаем авторов стихов и музыки из всех регионов России и Ближнего с Дальним Зарубежьем присыпать свои песни. Альманах сделает их известными не только на вашей земле, но и по всей России и в мире».

ЖУРНАЛЬНЫЙ МИР

Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов

Дорогие авторы и читатели! Теперь Вы можете найти номера нашего журнала в «Журнальном мире», созданном журналом «Сибирские огни» по ссылке:

<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>

и альманаха «Ковчег» по ссылке:

<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»!

В апреле этого года в FACEBOOK создана страница нашего журнала . Предлагаем вашему вниманию информацию о странице

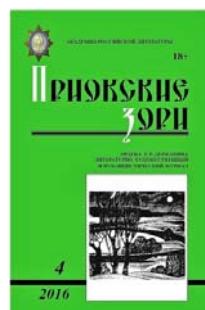

<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

Дата создания — 5 апреля 2017 г.

Страница «Журнал «Приокские зори» создала одноименную группу для того, чтобы друзья «Приокских зорь» общались друг с другом и с журналом.

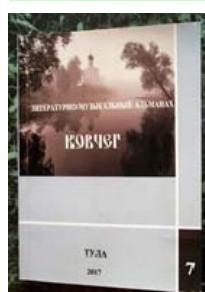
https://www.facebook.com/groups/1880365135535651/?source=create_flow

В августе 2017 г. в Фейсбуке создана также страница «Альманах «Ковчег»».

<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/>

На странице дана информация о выходе в свет альманаха за 2017 год (публикация Евгения Скоблова — зав. организационного отдела Академии российской литературы на странице АРЛ на Фейсбуке) и опубликованы **все материалы его авторов**.

ВНОВЬ ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

на трех дружественных страницах:

- Полная информация о 5-м Тульском областном слете молодых литераторов: информационное письмо и анкета участника (повторено на странице АРЛ на Файсбуке);
- Поздравление от гл. редактора и редакции журнала «Приокские зори» всех тульяков и жителей области с праздниками Дня Тулы и Дня Тульской области;
- Информация о выходе в свет сборника песен «Я родом с поля Куликова», посвященного юбилею Тульской губернии и Тульской области, и о концерте-представлении сборника (повторено на странице АРЛ на Файсбуке);
- Поздравление всех друзей журнала с Днем Рождения величайшего и тончайшего русского поэта Сергея Александровича Есенина (повторено на странице АРЛ на Файсбуке);
- На странице размещена ссылка на официальный сайт «Приокских зорь»;
- Поздравлением президента Академии российской литературы Леонида Васильевича Ханбекова с Юбилеем;
- Фоторепортаж о презентации сборника песен «Я родом с поля Куликова»;
- Отмечен День памяти Преподобного Сергия Радонежского.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 9 ОТ 02 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Уважаемые читатели и авторы Приокских зорь!

Близится к завершению 2017-й год. Имеем честь сообщить Вам следующее; в основном - оптимистическое.

1) Редакция и редколлегия поздравляет Вас со 100-летием свершения Великой Октябрьской социалистической революции! Совершенно не правы те, оглушенные СМИ, кто считает советский социализм ложным и тупиковым ходом Истории. Любая эволюция, тем более социальная, движется с использованием пробных, нащупывающих, опережающих ходов. Таким явился и опыт создания Советского, социально-ориентированного общества — государства. Советский опыт опередил волею Истории социальную эволюцию и подтвердил, увы, времененным отступлением перед империализмом, еще не исчерпавшим свою потенцию, правоту Маркса: к социально-ориентированному обществу все государства мира придут **одновременно**. Поэтому ни Коминтерн В. И. Ленина, ни «экспорт революции» Л. Д. Троцкого, ни гениальная стратегия Иосифа Виссарионовича Сталина, создавшая в итоге мир социализма на 1/3 земного ареала, не смогли кардинально изменить законы социальной эволюции. Поэтому для **одновременного** перехода к социально-ориентированному обществу История избрала опосредованный ход — через болезненный для человека период глобализации. Но опыт советского строительства бесценен. Слава Великому Октябрю!

2) Подведены итоги широкого, через Интернет, обсуждения кандидатур на всероссийскую премию «Левша» им. Н. С. Лескова за 2017-й год. Все предложенные номинанты получили одобрение. Называем их имена: в прозе — Виталий Кузнецов (г. Северомурск, Бурятия); в поэзии — Валерий Кулешов (г. Щекино, Тульская область); в литературной публицистике — Ольга и Наталья Артемовы (пос. Медвенка Курской области); в литературоведении — Вадимир Трусов (г. Мончегорск Мурманской области). От имени всех авторов и читателей поздравляем новых лауреатов: нашего полку прибыло! Вручение знаков премии (диплом, медаль, удостоверение к

медали) — в конце декабря 2017 года, в канун 95-летия образования СССР. На обложке № 1, 2018 журнала будут размещены фотографии лауреатов и их творческо-биографические справки.

3) С этого года инфраструктура «Приокских зорь» приросла новым альманахом журнала: музыкально-поэтический альманах (с нотами) «На лирической волне»; главный редактор Сергей Сенин.

4) В рамках компетенции нашего журнала 2018-й год объявляется годом чистоты русского литературного языка. Авторам журнала рекомендуем придерживаться библейского «Врачу исцелися сам». В течение года журнал принимает материалы по данной тематике для (возможной) публикации.

5) Сообщаем о создании (неформального) клуба лауреатов премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Обращаемся к таковым: присыпать свои размышления, предложения и пр., относящиеся к оценке и совершенствованию литературного процесса в рамках журнала и его (литературной) инфраструктуры. Объем каждого материала в пределах 3-х стандартных машинописных страниц. Материалы слать зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину на e-mail: markingennady@yandex.ru с указанием ФИО, места жительства, года получения премии и в какой номинации, а также девиза: «Мнение лауреата»!

С уважением, редакция «Приокских зорь»

ПУБЛИКАЦИИ СО СТРАНИЦЫ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФЭЙСБУКЕ:

Евгений Скоблов

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

— Информация о выходе в свет № 2 и № 3, 2017 «Приокских зорь» и полное представление № 3 журнала (публикация Евгения Скоблова — зав. организационного отдела Академии российской литературы на странице АРЛ на Фэйсбуке);

— Информация Евгения Скоблова о публикациях глав из проекта его новой книги «КОЛЛЕКЦИОНЕР БУДУЩЕГО» — «Икар ХВ-1» (публикация Евгения Скоблова — зав. организационного отдела Академии российской литературы на странице АРЛ на Фэйсбуке);

— Информация об изданиях: «Приокские зори» и «Ковчег», а также о том, где можно ознакомиться с ними (публикация Евгения Скоблова — зав. организационного отдела Академии российской литературы на странице АРЛ на Фэйсбуке);

— Материал Евгения Скоблова со страницы Академии российской литературы к

Юбилею выхода в свет романа-эпопеи Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» с текстом работы Алексея Яшина «СЛОВЕСНОЕ ЗОЛОТО СЕЛЬВЫ: ИСТОКИ ОДИНОЧЕСТВА», опубликованной в № 2, 2017 нашего журнала;

— Информация об общем собрании членов Академии российской литературы (московское отделение), подготовленная орготделом АРЛ на странице Академии в Фейсбуке;

— Все информационные письма «Приокских зорь» за период после выхода в свет № 2, 2017 журнала;

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ с начала создания:

Членами группы стали **64 чел.**

Всего вместе (страница и группа) охваченных пользователей на Фейсбуке стало **964 чел.**

Всего просмотров материалов — **218**

149 человек отметили страницу как понравившуюся.

151 человека подписались на публикации страницы.

176 отметок о понравившихся отдельных публикациях страницы и группы. Наиболее активными оказались: Евгений Скоблов, Ольга Карагодина, Олеся Янгол, Валентина Гончарова, Тамара Соловьева, Нина Волченкова, Валерий Савостьянов, Светлана Макеева, Игорь Топоров, Андрей Коровенков, Дмитрий Мурзин, Евгений Заболотный, Нина Гаврикова, Владимир Мазин, Лариса Литвинова, Людмила Попова, Наталья Макеева, Владимир Пономарев, Gala Hermann, Наталья Сляднева, Лев Воросцов, Слава Кобзев, Helja Rebane, Ирина Мадрига, Андрей Сутоцкий, Василий Тищенко, Валерий Богушев, Сергей Одноков, Лариса Мерзлякова, Ибн Ильяс, Сергей Сенин.

На странице «Альманах «Ковчег»»:

Членами группы стали **51 человек**.

Также много просмотров, комментариев и отметок «Нравится»

Наиболее активными оказались: Евгений Скоблов, Ольга Карагодина, Тамара Соловьева, Валентина Гончарова, Людмила Попова, Слава Кобзев, Нина Гаврикова, Наталья Петухова, Галина Зеленкина, Лидия Родионова, Рагим Мусаев, Ольга Кутлина, Василий Титов.

О НАС ПИШУТ

Литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» — Тула, 2017 — № 2 <http://www.pz.tula.ru>

«Он лихо носил корону короля поэтов (Литературный фон творчества Игоря Северянина) — так называется «Редакционная колонка» номера. И тон ей задает автограф — отрывок из стихотворения поэта «Бывают дни...»; ночь под 1930 год:

*Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!*

Замечательные стихи И. Северянина опубликованы в следующей рубрике, посвященной его 130-летию.

В этом году отмечается 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В соответствующей рубрике опубликованы главы из романа-размышления Алексея Яшина о И. В. Сталине «Катехизис идеалиста». Это — данные в авторской интерпретации раздумья вождя по ряду вопросов, как то: о цели цивилизации и эволюции жизни, о науке, об индустриализации и коллективизации, о роли личности в истории, о смертельной схватке с затаившимся врагом, о союзных республиках как мине замедленного действия, о сферах влияния и развитии... Этому же юбилею посвящена III часть большой, замечательной по исторической правдивости и художественности поэмы Владимира Резцова «Песня о Гришке Отрепьеве» «Дежавю». Время охвата событий — от смещения Хрущева до позорного акта в Вискулях о развале СССР.

«Крупный литературный жанр» представлен в номере киноповестью Игоря Немеса «Бородатые боги». Приведем выдержку из аннотации к ней: «Киноповесть рассказывает о судьбе подростка... которому было десять лет на дату <чернобыльской> аварии. Кубинские медики вылечили и его, и всех остальных <20 419 пострадавших> детей... Эта киноповесть — свидетельство совместного подвига кубинских медиков и советских детей, зримый символ дружбы между нашими народами...» В этой же рубрике — венок сонетов (15 стихотворений) Якова Шафрана «Россия». Последнее из них — магистрал — завершает цикл и является как бы сжатым содержанием всего венка:

*Великая земля моя, Россия!
Твои озера, реки и моря,
Леса, поля свободны ль от насилия?
Здоров народ, традиции храня?
Как жемчуга в прекрасном ожерелье,
Стоят здесь — храмы, церкви, города.
Но повод для спокойного веселья
О детских судьбах будет лишь тогда,
Когда придут потомки к состраданию,
И справедливость будет к назиданию,
И патриоты встанут, как стена.
Тогда как прежде будешь суверенной,
Незыблемой и неприкосновенной,
Великой станешь вновь, моя страна!*

Завершает рубрику «Дважды краснознаменная повесть имени Генерального Секретаря ЦК КПСС, Президента СССР Горбачева М. С.» Игоря Карлова. Как пишет сам автор в «Предисловии»: «название повести никак не связано с ее содержанием... М. С. Горбачев не является действующим лицом повести, и даже упоминается в ней, кроме названия, кажется, всего только один или два раза... автору, видите ли, захотелось действие своего сочинения отнести к последним месяцам существования Советского Союза, а М. С. Горбачев, безусловно, является ярким персонажем того драматичного и напряженного времени...».

Рубрика «Современный русский рассказ» открывается замечательным произведением Виктора Еремина «Событие». С удовольствием читаем рассказы Виталия Кузнецова «"Поцелуй" медведицы», «Варвар» и аллегорию «Собачья смерть»; «Сказки о паровозике» Николая Макарова, очерки разных лет Ольги и Натальи Ар-

темовых «Герои, которых мы знали» с приложением очень интересных и познавательных фотографий и третью книгу саги «Побережье наших грез» «Голубую лавочку с видом на закат» Олеси Янгол и Виталия Ковалева.

«Образы и тропы поэзии» открываются удивительными, как всегда, стихами Анатолия Аврутиня. Это цикл стихов «Осенние плачи».

*Лишь утлая лужа звездами полна
Да клекот сменил соловыное пенье.
А были ведь песни на все времена...
Но то времена... А теперь безвременье...*

Душа Игоря Лукьяннова в замечательных стихах болеет о народе:

*Куда, родимая страна,
Отринув истину о братстве,
Без цели ты устремлена
При узаконенном богатстве
Одних и нищете других.
Какую долю выбираешь,
Когда иудам позволяешь
Стоять у алтарей твоих.*

А как прекрасно сказал казахский поэт Бахытжан Канапьянов:

*Ведь в мире этом не все как надо.
И ты причастен к тому,
Что завтра должно свершиться
И что свершилось в огромном мире...*

«Бушуй волна! С тобой одной Природы / Мой русский дух до капли и до дна!» — говорит замечательный поэт Севера Андрей Сутоцкий. Песней любви звучат стихи алексинского поэта Валерия Виноградова:

*Глаголы сердце жгут,
Слова слагают песни,
И вдвоем легче путь,
Когда идем мы вместе!*

Хороши стихи Елизаветы Барановой, Валерия Акимова, Виктора Злобина, Владимира Сорочкина, Сергея Редкова, Владимира Поповича и Николая Почтовалова.

В рубрике «Публицистика, литературоведение...» читаем статью Евгения Новицкого о высоком «градусе гражданственности, ...внимания к общественной жизни, к проблемам своей страны...» в книге Игоря Лукьяннова «Вечная быль». Замечательная работа Владимира Трусова «По своему дышать...» о новых именах в поэзии Русского Севера. Орготдел Академии Российской литературы (президент Леонид Ханбеков) во главе с Евгением Скобловым создал интересную информативную страницу на Фэйсбуке. На ней ранее был опубликован отзыв Бориса Рябухина на талантливый, богатейший смыслами роман Алексея Яшина «Зато мы делали ракеты: воспоминание о будущем». Отзыв полностью приводится в рубрике журнала. Хорошо написана рецензия «Евгений и Евгения» Валентины Гончаровой на «интересную, ...наполненную глубокими

подтекстами», романтическую книгу Евгения Скоблова «Декабрьская серенада». Завершает рубрику интервью с Эдуардом Георгиевским, высокопрофессионально взятое Геннадием Маркиным. Его название — «Если ты только для себя, то зачем ты?» — само говорит за себя.

ЗЕРКАЛО ЭПОХИ РАСТЕРЯЕВШИНЫ

В № 8, 2017 всероссийского литературно-художественного журнала «Подъем» опубликован отзыв известного российского критика, президента Академии российской литературы Леонида Ханбекова на прозу Алексея Яшина.

<http://podiemvrn.ru/zerkalo-epoxi-rasteryaevshhiny>

Вышел в свет биографический словарь «Писатели земли тульской» (составитель Н. А. Макаров)

НАГРАДЫ

2 августа — День Воздушно-десантных войск — гвардии майор медицинской службы, член Союза писателей России, член редколлегии журнала «Приокские зори» МАКАРОВ Николай Алексеевич награжден знаком «Ветеран Воздушно-десантных войск России», № 2798.

В День города (09.09.2017) член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана награжден медалью Тульской городской Думы «ЗА ЗАСЛУГИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА».

В День города (09.09.2017) в Тульском государственном музее оружия состоялось торжественное собрание, посвященное 20-летию региональной общественной организации «Тульское землячество».

На собрании выступил член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана Н. А. Макаров, рассказав о своих выпущенных и готовящихся к выпуску книгах, посвященных патриотическому воспитанию молодежи.

НАМ ПИШУТ

Министерство культуры Тульской области

«11» сентября 2017 г.

№ 205

**Государственное учреждение культуры
«ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА»**

Редакциям
газеты «Тульская правда»,
журнала «Приокские зори»

Государственное учреждение культуры «Тульская областная универсальная научная библиотека» благодарит Алексея Афанасьевича Яшина, Марину Григорьевну Баланюк, Якова Наумовича Шафрана за помочь в пополнении фонда краеведческими и местными изданиями, в соответствии с Законом Тульской области «Об обязательном экземпляре документов».

В соответствии с Законом (№ 319-ЗТО) производители документов (издательства и издающие организации, редакции средств массовой информации, организации и лица, осуществляющие подготовку и публикацию изданий) обязаны доставлять в Тульскую областную универсальную научную библиотеку необходимое количество изданий, издаваемых на территории области,— как депозитарного хранилища местного обязательного экземпляра, установленное Законом. Но практика работы показывает, что принятие Закона не гарантирует обязательности его выполнения со стороны производителей документов. Обеспечение полноты поступления местного обязательного экземпляра в фонд библиотеки остается очень актуальным.

Ни одна издающая организация области не дает информацию о готовящихся к печати изданиях, не печатает каталогов, издательских планов. Невыполнение обязательств со стороны производителей мотивируется высокой стоимостью изданий, иногда заказчик требует от типографии выдачи всего тиража, не считаясь с требованиями Закона. Приходится разыскивать заказчиков и убеждать их передать обязательный экземпляр. Библиотека использует различные возможности: информацию на радио, телевидении, в местной печати, просматривает наличие местных изданий в книжной торговле, киосках Роспечати, устанавливает связи с местными авторами и составителями сборников, участвует в презентациях новых книг.

Сведения о вновь вышедших изданиях фиксируются в базе данных «Краеведение» и каталоге местных изданий. Если книги по каким-либо причинам не поступили в фонд библиотеки, для формирования каталога местных изданий проверяются «Книги Российской Федерации» и др., электронные каталоги Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, ресурсы центра Либнет, фонды районных библиотек Тульской области; в местной печати тщательным образом выявляются все анонсы новых книг и статьи о вышедших в свет изданиях (отдельное спасибо редакции журнала «Приокские зори» за рубрику «Библиография»). Все полученные издания находят отражение в печатных и электронных каталогах и картотеках библиотеки, библиографических указателях. С 2003 г. библиотека готовит ежегодный библиографический указатель местных изданий. Подготовка такого ука-

зателя вменена в обязанность библиотеки Законом Тульской области «Об обязательном экземпляре документов».

Благодаря нашей совместной работе, в 2017 году фонд библиотеки пополнился электронными и печатными вариантами литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», литературно-музыкального альманаха «Ковчег», газеты «Тульская правда», а также вновь вышедшими книгами тульских авторов. Все эти издания можно найти в нашем фонде в бумажном и электронном виде. С текстами книг можно познакомиться в Полнотекстовой базе на сайте ГУК «ТОУНБ» (www.tounb.ru).

В этом году с новыми произведениями тульских писателей могут познакомиться и жители ближайших и отдаленных районов Тульской области в своих центральных библиотеках.

Отдельные слова благодарности хочется выразить в адрес уже практически нашей коллеге — Марине Григорьевне Баланюк. Продолжая традиции прошлого года, она остается активным организатором и координатором наших совместных действий. Благодаря ее усилиям восполняются лакуны печатных изданий, налаживаются контакты с тульскими авторами.

И в заключении хочется процитировать призыв из рубрики «Библиография» журнала «Приокские зори»: «Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг...» и дополнить от имени нашей библиотеки: «участвуйте в создании регионального библиотечного фонда, а мы, в свою очередь, не только сохраним ваши издания для потомков, но и оповестим о них современников!».

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

С уважением,

Директор

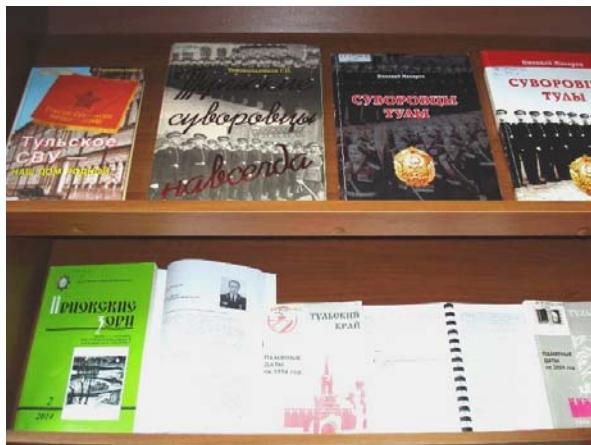
ГУК «Тульская областная универсальная
научная библиотека»

T. B. Тихоненкова

Россия, 300044, Тула, Туровская ул., 40. Тел/Факс: (4872)36-41-29 E-mail: guk.tounb@tula-region.ru

НАШИ ИЗДАНИЯ НА ПОЛКАХ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

* * *

 ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕДЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
 «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
 «МУЗЕЙ УСАДЬБЫ Л. Н. ТОЛСТОГО»
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Шафрану Я. Н.

300040 г. Тула, ул. Калинина,
д. 26, к. 2, кв. 210

Из № 1491
от 11.10.2017

Уважаемый Яков Наумович!

Благодарим Вас за литературно-музыкальный альманах «Ковчег»
(Тула, 2017, №7).

Особый интерес вызвали публикации, связанные с именем Л.Н. Толстого: В. Маслова «Гений мировой литературы» и С. Одинокова «Функции нетранслитерированных французских элементов в драматургии Л.Н. Толстого». Приятно было увидеть среди авторов альманаха сотрудника нашего музея К. Прудкого со стихотворением «Сомнение» (пусть и не связанного с именем писателя).

В целом «Ковчег» очень разнообразен по своему содержанию, что делает его интересным литературным изданием для широкого круга читателей. Альманах будет храниться в фондах научной библиотеки музея. Желаем вам творческих успехов и всего самого доброго.

С уважением научный сотрудник
отдела книжных фондов Лапина Л.Н.

Россия, 301214, Тульская обл., Щекинский р-н, п/о Ясная Поляна
тел.: (4872) 50-29-32, 50-29-47; тел./факс: (48751) 76-1-18, 76-0-86
e-mail: yaspol@yptmus.ru; www.yptmus.ru

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич.

Направляю Вам, как обещала, обсуждение на ЛИТО Вашей книги «Беседы», получившей высокую оценку всех выступавших. В конце июля направила материал на дискуссию. Всего Вам доброго. Самые искренние пожелания успехов от мужа.

Людмила Авдеева. 15 августа 2017 г.

**Обсуждение романа А.А. Яшина
«ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ ОБ УМОЗАМЕЩЕНИИ»**

Традиционная встреча московского ЛИТО «Вдохновение», открывшая новый 15-ый сезон работы студии, вызвала неподдельный интерес у посетителей досугового центра при ТЦСО Басманный, собравшихся в просторном актовом зале. Программа действительно была насыщенной: презентация нескольких сборников, обсуждение книги А. А. Яшина «Задушевные беседы об умозамещении», литературно-музыкальные выступления.

В первом отделении программы собравшимся был представлен 20-ый, юбилейный, коллективный сборник ЛИТО, изданный в серии «Современная литература» в издаельстве «У Никитских ворот». Составитель альманаха «Преодоление», автор поэтического предисловия, руководитель ЛИТО, член СПРФ Людмила Авдеева рассказала о работе над сборником, состоящем из трех разделов — «Книга в книге», «Поэзия» и «Проза». В альманах вошли произведения военной тематики, пейзажная и любовная лирика, философские эссе, басни, эпиграммы, стихи для детей, воспоминания, часть из которых авторы, как профессиональные, так и самодеятельные, прочитали со сцены. Затем состоялась презентация новых книг членов ЛИТО. Евгений Кузнецов представил свой первый философский роман «Апрель в Крыму», в котором через восприятие молодого человека из глубинки, поступившего в Литературный институт, показал картины постсоветской России, перерождение людей, занимающихся творчеством, их алчность, гордыню, зависть, эгоизм. Людмила Авдеева представила две свои последние книги из серии «Восточный калейдоскоп», вошедшие в цикл, посвященный КНДР. (Восемь книг этого цикла изданы ранее и за них автор награждена корейским серебряным Орденом Дружбы). Поэтическая книга «Азалия - цветок любви» посвящена легендарной героине антияпонской войны Ким Чен Сук. В книге «Пою Корею» автор передает свои впечатления от поездки в страну и языком поэзии описывает увиденное: трудовые будни, природу, достопримечательности, богатую культуру, встречи с людьми, дружественную атмосферу, возвращающую в молодые годы, полные веры в идеалы справедливости. В ходе презентации автор отвечала на вопросы, связанные с малой информированностью о действительном положении в КНДР и ситуацией в связи с введением американских санкций.

Вторая часть программы была посвящена обсуждению новой книги известного ученого, писателя, члена правления Академии российской литературы, Алексея Афанасьевича Яшина «Задушевные беседы об умозамещении». Творчество писателя-философа хорошо знакомо не только членам ЛИТО, но и многим пришедшим на встречу, так как широко обсуждалось ранее в разных аудиториях. Тем не менее, Л. Е. Авдеева напомнила об основных произведениях А. Яшина, его романах патристической, авантюрной, философской направленности, таких, как «Историк и его История», «Любовь новоуральского периода», «Катехизис идеалиста», «Сны и явь полковника Хмурова», «Зато мы делали ракеты», «Административный восторг». Так же она познакомила с содержанием новой книги, отметив, что «Беседы...» — восьмая

книга в «серии рассказов Николая Андриановича». В заголовке автор использует новояз «умозамещение» по аналогии с популярным ныне термином «импортозамещение», что отвечает основной теме бесед — «повреждение нравов и ума» в современном мире. В новой книге герой ведет свои задушевные беседы с другом, тоже знакомым читателям преподавателем вуза Скородумовым. Зимними четвергами они собираются у камина в загородном доме тоже ранее появлявшегося персонажа Прокофьевича и его хлебосольной жены и кота Мичмана, родственника кота Матроскина из мультфильма. Герои беседуют обо всем — о великих ученых с мировыми именами, о политике, экономике, современной медицине и образовании, литературе и выборах в Думу, безденежье простых людей, об отношениях в профессорско-преподавательской среде, о нынешней молодежи и ее будущем, о работе и отдыхе. В книге 10 новелл, названия которых продуманы и манят читателя скорей открыть книгу. К каждой новелле точно подобраны эпиграфы, среди которых поэтические строки Языкова, Рубцова, Талькова, частушки, мудрые мысли прозаиков. А заканчиваются все новеллы прекрасными иллюстрациями из книг 19—20 вв. и короткими, яркими, с юмором и сарказмом написанными текстами автора — своеобразными диагнозами чиновникам, демагогам, стукачам-доносителям и прочим окружающим нас фигурам, порожденным временем глобализации.

Людмила Авдеева подчеркнула, что Алексей Яшин неординарный человек и писатель, с большим жизненным и творческим опытом, твердыми убеждениями, гражданской позицией, нравственными ориентирами, энциклопедическими знаниями. При этом он умелый рассказчик, мастер слова со своим сложившимся колоритным литературным языком, изобретатель захватывающих сюжетов и диалогов, в творчестве которого первостепенна морально-философская составляющая. Ведущая предложила высказать свои мнения всем, кто прочитал роман.

Евгений Кузнецов, актер драматического театра и кино, окончивший ГИТИС в мастерской народного артиста СССР В. Андреева, сказал, что с большим интересом прочитал роман и его удивил масштаб тем, которые поднимает автор. «Поражает эрудиция, объем знаний Яшина, одинаково хорошо знающего проблемы оборонной, медицинской, пищевой промышленности, системы высшего и среднего образования. Поразило меня и то, что учений-исследователь детально знает психологию работников сценической и кинематографической сферы, очень точно подметил эффект «последнего кадра», финальных сцен, как особенно запоминающихся, что сегодня ловко используется при составлении концертных программ, в различных шоу и зачастую приводит к ловкачеству, зависти, неблагонамеренным поступкам в творческой среде».

Молодой преподаватель вуза А. Архипов отметил, что «автор четко раскрыл чиновничий мир, так называемых патриотов, берущих взятки в рублях. В книге много сатирических страниц, хороший литературный язык, короче, есть чему поучиться, что запомнить и взять на вооружение». Он также подробно остановился на новелле «Паранойя за клавиатурой», отметив, что и сам относится к компьютерному поколению, которое поселилось в Интернете, и эта тема интересна для обсуждения с молодежью.

Присутствовавший на встрече Г. П. Авдеев, д-р ист. наук, политолог, сказал, что хорошо знаком с творчеством Алексея Яшина, перечитал все его романы, повести, рассказы, колонки редактора в журнале международного значения «Приокские зори». «Яшин — писатель-энциклопедист с уникальным мышлением, твердым мировоззрением, писатель, проницательный взгляд которого ловит малейшие детали современного мира, фиксирует события, факты, коллекционирует характеры», — отметил Г. Авдеев. Он также подчеркнул, что «Беседы», как и предыдущие книги Яшина, «сочетают красоту русского языка, яркость художественного повествования, острую публицистичность, философию гуманизма». Вспомнив статью Яшина в «ПЗ» о Дмит-

рии Мережковском и его роли в духовной жизни России, Г. П. Авдеев отметил, что своей литературной деятельностью Яшин вносит значительный вклад в духовную жизнь современной России. «Яшин сверхчувствителен к происходящему, обостренно чувствует окружающий мир, размышляет о самых разных аспектах бытия, хорошо зная культурно-исторический код России, его творчество писателя-патриота дает возможность понять читателю, что в современном мире глобализма стержнем должны стать морально-нравственные основы состоятельной человеческой личности, что недопустима замена творческого мышления потребительским. Новая книга Яшина — летопись, дневник, история болезни современного общества».

Член СПРФ А. В. Маркович обратил внимание собравшихся на новеллу «Зеркало эпохи...», в которой автор с горькой иронией и сарказмом пишет о современном информационном потоке, о непод素养ной роли СМИ, дает интересные диалоги редактора, авторов, читателей, размышляет о состоянии нынешних толстых журналов, книгопечатанье, литературных студиях. «Очень тонко подмечено автором в надписи к иллюстрации, сказал выступающий,— что А. С. Пушкину сейчас бы редакторы предложили переделать стихи в рэп, и добавить в роман эротические сцены, после чего он сам бы попросил Дантеса себя пристрелить».

После этого выступления прозвучали реплики об изданиях низкопробной литературы, изъятии из школьных программ классики, о пресловутом ЕГЭ. Библиотекари Центра посетовали, что больше не получают журнал «Приокские зори», который пользовался популярностью у читателей и все номера которого обсуждались совместно с ЛИТО «Вдохновение».

Член ЛИТО «Вдохновение» Н. Е. Кругликова, дав высокую оценку книге, отметила, что ее, как бывшего преподавателя школы и вуза, наиболее задели беседы о современном образовании, о необходимости должного воспитания, чтобы, говоря словами Яшина, не выросло поколение «уродов американо-европейского образца», равнодушных к стране, с убогим мышлением. Она призвала беречь русский язык, классическую литературу и помогать молодежи выбирать правильные книги для чтения, чтобы изучать жизнь во всех ее проявлениях, во всем многообразии и делать правильные выводы.

Экскурсовод Т. Минаева отметила, что книга Яшина своеобразная экскурсия по временам прошедшем и нынешним и автор создал немало ностальгических страниц, вызывающих воспоминания о стране, которую мы потеряли. Ее поддержала инженер Н. Степанова, сказавшая, что страницы книги о времени СССР, о работе совета экономической взаимопомощи — СЭВ, о просветительской роли профессорско-преподавательского состава советской школы вызвали у нее, как и у других людей старшего поколения, прочитавших «Беседы», глубокую грусть о потерянном. «Мы, люди, вложившие свой труд, свои знания и большую часть жизни в процветание государства и его достижения, как и автор, испытываем глубокую боль, наблюдая неблаговидные явления современной жизни».

Подводя итог обсуждению, Л. Е. Авдеева отметила, что действительно в книге А. А. Яшина немало страниц, отразивших негативные стороны современной жизни, которые автор описывает с болью и горечью, приправленными юмором, иронией, сарказмом. «Но заключительная новелла все-таки оптимистична и недаром названа «Россия не Европа...»

«Все мы, пишущие о сегодняшнем дне нашей родины, о происходящем в мире, делаем это для того, чтобы наша страна стала «страной гениев, а не дураков», как пел Тальков, и это возможно, если мы не допустим, чтобы творческое мышление было заменено утилитарным, потребительским. И такой пример истинного патриотизма — творческая, литературная, научная, преподавательская, издательская деятельность

замечательного человека, писателя с большой буквы Алексея Яшина. Новая книга Яшина — это несомненная новая удача автора».

Закончилась встреча традиционным чаепитием, а, как пишет в своей книге А. А. Яшин, «чай, с сахаром в прикуску и с лимоном из тонкостенного стакана распологает к обстоятельным и приятным беседам», которые еще долго продолжались в тот вечер.

*Людмила Авдеева,
член Союза писателей России,
Междуннародной федерации журналистов.
Руководитель ЛИТО.*

ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТУЛЫ По материалам сайта <http://tro&spr.ru>

16 сентября 2017 года состоялось общее собрание Тульского регионального отделения Союза писателей России. Были избраны делегаты на съезд Союза писателей России: председатель Тульского отделения Союза писателей России, поэт Николай Алексеевич Жуков, заместитель председателя, прозаик Валерий Яковлевич Маслов. Избран Творческий совет во главе с В. В. Киреевым в составе Г. Н. Маркина, В. Г. Виноградова, Н. В. Сорокина, О. В. Пантиухина. После собрания писатели посетили Почетную аллею на Смоленском кладбище и возложили цветы памяти Н. Д. Парыгиной и В. Ф. Пахомова — тульских писателей, оставивших заметное творческое наследие в XX веке.

НОВОСТИ ОРЕНБУРЖЦЕВ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРТАЛ

ЕФИМ ГАММЕР: «ВРЕМЯ ТЕБЯ САМОГО ПЕРЕКЛЮЧИТ, ЕСЛИ НАЗРЕЛА ОПРЕДЕЛЕННАЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ В НАСТОЯЩЕМ, И ТЫ НЕ ИЗРАСХОДОВАЛ СВОЮ ЖИЗНЕННУЮ ЭНЕРГИЮ НА ПУСТЯКИ»

18.09.2017

Ефим Гаммер,
Земляки Оренбуржцы, интервью.

Ефим Гаммер. Этого человека знает весь Израиль. Его там называют уникальным. В 1998 году в возрасте 53 лет наш бывший соотечественник Ефим Гаммер вернулся в бокс после 18-летнего пере-

рыва, и тридцать раз подряд, до семидесяти лет, становился чемпионом Иерусалима, став самым высоковозрастным действующим боксером в мире на любительском ринге.

— Люди инстинктивно боятся возраста. Почему?

— Когда после 50-ти повышается вес, надо опасаться сахарного диабета. Когда начинаешь худеть, приходится опасаться рака.

Не жизнь, а медицинский лабиринт: туда ли, сюда ли, везде натыкаешься на визитку Минотавра.

А не проще ли подумать о том, что в детстве и двадцатилетнюю девушку называли тетенькой?

— Тетенька, сколько сейчас времени? — Вот именно, сколько сейчас времени на наших биологических часах? И убеждаемся, минуту подумав, отнюдь не то время, что было у наших ровесников в предыдущую эпоху. Можно приводить примеры из Пушкина, Толстого, Достоевского, называющих своих, молодых на наш нынешний взгляд героев тридцати-сорока лет пожилыми людьми, а то и стариками. Отсюда — и самовнушение или внутренняя установка: наше время иное — и мы под стать ему. В Израиле проще, тут до 50, порой и дольше, остаешься солдатом-резервистом, дважды в году ходишь на месячные армейские сборы. Волей-неволей, находишься в форме. А тут еще и дети подрастают, и тоже — с 18 лет — уходят в армию. Подчас оказывается рядом в боевых порядках матушки-пехоты. И что? На глазах собственного ребенка выглядеть слабаком? Простите, это не для нас! Я, например, в 1998 году, 53 лет от роду, в день, когда мой сын Рони был призван в армию, решил вернуться после 18-летнего перерыва в бокс, чтобы «в случае чего» встать ему на замену. Так что о беспомощности говорить не приходится, да и о ненужности тоже. Ведь на пенсию у нас выходят в 67 лет, из бокса — по собственному желанию. А из творчества — никогда, в особенности, когда уже изначально осознал: если будешь самим собой, все остальное приложится.

— Надо ли на что-то переключаться, когда приближается пенсия? И надо ли так уж торопиться на этот самый «заслуженный отдых»?

— Жизни нет, а смерть приближается. Притом, незаметно, будто ее нет в наличии. А нет, так нет! И радуемся куску хлеба, рюмке водки, свежему воздуху и приятной встрече с любимой. Жизнь — вот она, хоть ее и нет. А смерть... кто ее видел?

Никто не откликается.

Что ж, придется черпать из собственного опыта. В 1980 году, в августе, сдавая кровь, я отключился от жизни, и ушел в небеса. Поднимаюсь все выше и выше, небо тянет подобно магниту, при этом выглядит как редкие снежные хлопья. Они медленно сближаются, скрепляются в одно целое, и вот уже передо мной плотный снежный наст. Пробью его головой, и окажусь там, в неимоверно притягательном мире. Эйфория, непередаваемое счастье.

Однако — главное! — о чем я подумал в этот момент?

«А кто издаст мои книги?» — подумал я, и тотчас по касательной ушел в свое тело и очнулся на каталке, чуть ли не объятиях медсестры, добывающей мою кровь стахановским методом.

Вскоре я внезапно стал художником. Не просил об этом, не помышлял. Просто — взял в руки рапидограф, и пошло-поехало, как по велению свыше. Первая коллективная выставка не где-нибудь, а в Кнессете — израильском парламенте, среди лучших художников-репатриантов из разных стран. И призы — медали и грамоты — с международных выставок: из Франции, США, Канады, Австралии, теперь уже 15.

К чему я об этом? Да к тому, что время тебя самого переключит, если назрела определенная неудовлетворенность в настоящем, и ты не израсходовал свою жизненную энергию на пустяки. А во мне в тот момент жизни — назрело. Печататься было негде, не то, что ныне. Советский Союз был закрыт для наших произведений. Книги

нужно было издавать за свой счет, а денег у нового репатрианта не очень. Вот душа и рвалась к равнозначенному заменителю, дающему творческую удовлетворенность, к какому-то эсперанто, в данный момент визуального толка, не требующему перевода на иврит или английский. Разуй глаза — смотри на картину, и все тебе понятно, будь ты еврей, русский, англичанин, француз или китаец.

— Что делать, чтобы оставаться трудоспособным, в тонусе? И в состоянии ли человек и «в годах» сохранять «форму»? Как у вас это получается? — Старость не побеждают. С ней борются. Побеждает она, если в это соревнование не вмешивается предварительно смерть.

Если от старости все тело болит и ноет без всякой причины, то значит, пора боксом заниматься.

Будет тело наконец-то болеть и ныть по причине вполне объяснимой. И о старости думать не захочется.

Но если только боксом заниматься, то вскоре появится и душевная боль: что ты понапрасну себя гробишь, где твои законченные рукописи, написанные картины? В голове? Так зачем ты ее подставляешь под шальные кулаки? Ах, затем, чтобы накопились свежие мысли? И где же они? Покажи.

Смотри, не жалко: моя картинная галерея, мои стихи и проза, моя галерея творческих наград.

С молодых лет я создал для себя понятие творческой спирали. Вот это и позволяет мне находиться в тонусе и быть исключительно работоспособным. В чем секрет? Представьте себе, вы пишите роман, и где-то на 120-й странице застопорились, вдохновение ушло, музу отправили в помощь студентам на уборку картошки. И что? Пить горькую? Впадать в депрессию? Зачем? Берешь какой-нибудь подвернувшийся под руку литературный журнал, открываешь и, смеясь, читаешь чью-то нетленку, умершую под пером своего создателя. Тут же само собой сочиняется:

*Она лежала на диване
И думала о Дяде Ване.*

Включаясь в юмористический настрой, и тонус уже зашкаливает. То ли он хочет, то ли ты сам. Но бумага все терпит, и на нее в сопровождении карикатурного толка рисунков вываливаются неуловимые «Засланцы» — герои моего юмористического романа.

А устанешь от юмора, переходишь к детским стихам, чтобы затем вновь обратиться к серьезной прозе, а коли еще не созрел, отправляешься проветрить мозги на ринге. Вот такая творческая спираль — спасительница, с ней не соскучишься и не проиграешь, если ты по натуре творческий человек. Человек со стороны, досужий теоретик от искусства, подобный тем, кто когда-то, в годы развитого соцреализма, проповедовал узкую специализацию, вряд ли поймет проверенное мной до мелочей: разносторонность привносит нечто новое, когда переключаешься в иные сферы творчества. Предположим, ты переходишь со стихов на прозу, от прозы на юмор, с юмора на детскую поэзию или живопись. Элементарный разброс таланта? Или? Это способствует — во всяком случае, во мне так и было — рождению новых жанров. У меня это: стихография — соединение стихотворения и рисунка в одно неразъемное целое, стиходжаз, а также повесть и роман ассоциаций, о чем писала в журнале «Знамя» № 8 — 2007 критик Анна Кузнецова.

В живописи у меня вообще собственное направление — гаммеризм, название включено в Лексикон израильских художников, изданный в начале девяностых в Тель-Авиве. Под этим названием прошла и моя персональная выставка в Доме художников Иерусалима.

— А какие лично вы можете назвать плюсы возраста, когда считаешься уже абсолютно зрелым?

— Вчерашний день мы помним. Завтрашний предвидим. О послезавтрашнем задумываемся. И все бы хорошо, но на самом деле, пусть вчерашний день мы помним, но завтрашний никак не предвидим, даже если собираемся проводить вечеринку и заранее радуемся предстоящему удовольствию.

21 июня 1941.

5 августа 1945.

10 сентября 2001.

Отсюда и китайская мудрость: не радуйся заранее.

Впрочем, мудрость ли это?

Так что плюс нашего возраста, когда мы становимся уже зрелыми и не подвластными идеологическим обманам политических вертихвосток, вчера — ярых атеистов, сегодня — верующих, в том, что мы хорошо знаем прошлое и, попадая на знакомые кочки, тотчас понимаем: нет, это болото не для нас. Мне вспомнился забавный случай, недавно случившийся со мной на фейсбуке. По какой-то причине я упомянул об ушедших в утиль книгах Леонида Брежнева, некогда издаваемых миллионными тиражами. И сказал, что в честь того, чтобы генсека принять в Союз писателей СССР и ему выдать членский билет за номером 00001, провели обмен этих билетов, напечатали тираж, и вручили. И вот мой frenнд на фейсбуке, сотрудник «Литературной газеты» первого десятилетия 21 века, не доверяя моим воспоминаниям, попросил ссылку. Какая ссылка, написал я, если это вручение Брежневу писательского билета видели по телевизору миллионы советских граждан, часть из которых вздыхало из-за впустую растрченных средств на красные корочки, когда в магазинах очереди, а зарплата — дожить бы до получки.

Вот вам и реальная разница в возрасте. Следующее за нами поколение не знает реально прошлого своих старших братьев и родителей. А ведь — вспомним! — 2012 год был объявлен в России Годом российской истории. И в эфире то и дело звучали слова Максима Горького: «у человека, который не знает своего прошлого — нет будущего».

— Ефим, о вас говорят, что вы — уникальный человек. В Израиле вы знамениты не только литературными произведениями, выставками в Доме художников Иерусалима, но и своими спортивными достижениями. Пожалуйста, расскажите, как все происходило? С чего началось? Как долго вы к этому шли, когда достигли пика славы? И как сохраняете физическую форму?

— Ученые доказали, что 2 миллиона лет назад человек начал есть рыбу и морепродукты. В них, как доказали те же ученые, присутствуют жирные кислоты, за счет которых стал увеличиваться человеческий мозг, и в результате венец творения умнел раз за разом, пока, наконец, не достиг нынешнего интеллектуального развития.

— Ох, уж эти ученые,— набегает шальная мысль.— Все бы им показать свою образованность. Нет, чтобы поинтересоваться уровнем интеллекта у акулы. А ведь она начала употреблять жирные кислоты вместе с телом рыбы задолго до человека.

В чем отличие человека от акулы? Акула — самодостаточна: все при ней, океан и живое мясо, плавающее поблизости. И без всяких тренировок она набирает вес и убойную мощь. Человеку же от природы дается только желание — быть. А еврейскому мальчику, которому беспардонно тыкали в лицо, что евреи воевали в Ташкенте, хотя его старшие двоюродные братья сражались с фашистами, приходилось, подражая тем же старшим братьям, быть, чтобы быть. Уже в первом классе, в 1952 году, я повел своих друзей в бокс. Но нас не приняли. Сказали — маловаты. Пришлось подрасти. К тринадцати годам я пришел со значительным перевесом — долго болел, лежал в постели, вот и набрал лишних 5 кг. Как войти в форму? Решение одно —

бокс. И я кинулся в бокс без оглядки, согнав на пути в чемпионы излишки веса, и к 17 годам уже обладал многими титулами, самые приятные из них — победитель первенства Латвии и Прибалтики. Дальше — больше. Но после демобилизации из советской армии, где я тоже был чемпионом, я оставил бокс из-за того, что учился в институте. При этом совершенно не предполагал, что в 1978 году, готовясь к репатриации в Израиль, опять надену кожаные перчатки, сгоню в этот раз 19 кг веса с 70 до 51 и вновь поднимусь на пьедестал почета первенства Латвии, чтобы в Израиле попасть в сборную страны и приехать на Московскую олимпиаду 1980 года. Однако, в связи с вторжением советских войск в Афганистан, западные страны проигнорировали московскую олимпиаду. И я повесил свои боевые перчатки на крючок, опять-таки не думая, что спустя 18 лет вновь брошусь в бокс, согнав на этот раз 15 кг. С 69 до 54.

Что поразительно в этом боксерском марафоне? Каким-то образом, не сговариваясь с самим собой, я обращался к боксу в 13—33—53 года, возвращался, согласно этой формуле дважды, через каждые 20 лет. То ли это заданная потребность организма омолаживаться каждые двадцать лет, то ли какая-то пунктирная ориентировка свыше. Но одно я знаю точно: и в 33, и 53 бокс мне спасал жизнь, вытачивая скелетное тело из бесформенной массы, отягощенной всякими хворями, калорийной пищей, конъячными напитками, сигаретным дымом.

1 июля 1998 года, провожая сына в израильскую армию, я выпил последнюю рюмку коньяка, и пошел в бокс, попутно бросив курить. А как я боксировал в этаком пенсионном для спортсмена возрасте, тридцать раз становясь чемпионом Иерусалима, лучше всего расскажет известный израильский комментатор, мастер спорта и тренер Элияху Бен-Мордехай. (Журнал «Заметки по еврейской истории» № 6(153) июнь 2012 года):

«В первой паре жеребьевка свела легенду израильского бокса Ефима Гаммера с молодым Лироном Розенталем — (оба из столичного клуба, вес полулегкий, воспитанники Эли и Гershона Люксембург).

Уму непостижимо, в этом году Гаммеру исполняется шестьдесят семь! У него толпы зрителей, которые приходят болеть исключительно за него. Гаммеру в этом возрасте делать бы ставку на опыт и технику. Но нет, вопреки здравому смыслу, он добывает свои победы неутомимостью ураганных атак, гоняя противников по всем углам и канатам.

Месяц назад Лирон впервые стал чемпионом Иерусалима. И вот — решил у Фимы добыть победу. Но до победы не дотянул. Опыта и воли ему не хватило. Золотая медаль и Кубок за лучшую технику достались Гаммеру — «бородатому динозавру».

— Долголетие — особенности наших генов или это зависит еще и от себя самого?

— Кто признанный долгожитель на земле нашей — матушке? Попугай! Но почему-то, будь пернатому аксакалу хоть за сто лет, это не мешает его хозяину говорить своему любимцу: «Попка-дурак».

Однажды я наблюдал довольно забавную картину, находясь в гостях у потомка одного из посольских работников, покинувших Израиль из-за разрыва дипломатических отношений в связи с Шестидневной войной.

— Скажи, попка-дурак, — спрашивал этот потомок, стоя у клетки и хитро подмигивая мне. — Чего нам ожидать в ближайшей исторической перспективе?

— Кар-р! — взволнованно и громко провозглашал попугай.

— Вот дурак! — смеялся наследник собственного папы. — Остолопу за сто лет, а по-человечески говорить не научился под вашими пальмами. Каркает, как будто его мама-ворона родила.

— А он не каркает! Он предостерегает! — встал я на защиту мудрой птицы.

— От чего же он предостерегает?

— От нового ледникового периода. Почитай, пятьдесят лет вас предостерегает, а вы насмехаетесь над ним, дураком называете за прозорливое карканье.

— Это как же?

— А так, что на иврите «кар» — это «холод». Следовательно, когда спрашивают, чего ожидать, он дает прогноз погоды на ближайшее будущее — «похолодание».

— А выживем?

— По попугаю, все зависит от генетики. Допустим, если ваши родители, деды и бабушки жили до глубокой старости, то и вам предстоит. — Мои жили. Молотов — 96, Ворошилов — 88, и примкнувший к ним Каганович — 98. Значит, и мне? Что ж, тогда выпьем за здоровье.

Только налил, только пригубил, как тут, откуда ни возьмись, прилетела пуля террориста.

И долголетие, не начавшись, кончилось, как и советская власть, которая, казалось бы, навсегда.

— Дети — это наше продолжение. Но почему-то, при всей взаимной любви, постоянно и почти у всех возникает этот вековой конфликт под «номером» «отцы и дети». Как вести себя взрослому родителю с подросшими детьми, чтобы сгладить острые углы противоречий? Надо ли идти на принцип, или стоит как-то постараться сохранить мир и тепло? И надо ли так уж рассчитывать на детей, на их материальную помочь и так далее?

— Маленькие паучата спрашивают у мамы:

— Каким был папа?

— Вкусным! — отвечает мама.

А я скажу так: самое правильное — это думать о детях еще до их рождения. Дело в том, что мы передаем свой генетический код нашим потомкам. Следовательно, необходимо быть в отличной форме, чтобы передать по эстафете здоровье, родовое долголетие, разнообразные таланты, тягу к творческой работе и отсутствие зависти — самого страшного хищника, уничтожающего в человеке все перечисленное выше. Например, мой папа Арон Гаммер, 1913—2001, обладающий всевозможными талантами — музыканта, изобретателя, жестянщика, художника, поэта, но не раскрывшийся полностью по вине обстоятельств той жизни, когда, если не война, так погром, передал мне, моей сестре Сильве — музыкальному педагогу, моему брату Борису — известному джазовому саксофонисту, очень многое. И мы, в свою очередь, это передаем нашим детям. Мой сын Рони, например, закончил израильский ВГИК, сегодня он режиссер кино и преподаватель киноискусства. Моя дочь Белла специалист по психологии, работает над докторской диссертацией. Надо ли им помогать? Разумеется. Чем могу, помогаю. Как никак я теперь не только папа, но и дедушка, у меня четыре孙女, три от Беллы, один от Рони, все мальчики, мал мала меньше. Стихи еще не пишут, но рисунки в подарок от старших я уже получил. Так что эстафета, начатая от царя Давида — музыканта, поэта, певца и победителя Голиафа — продолжается. И никаких конфликтов.

— И напоследок несколько философских вопросов. Что такое, на ваш взгляд, счастье?

— После кораблекрушения вынесло его приливной волной на берег. Счастье? Счастье!

В ближайшем лесу он натолкнулся на раскопанный клад. Счастье? Счастье!

Смотрит-радуется: груды золота и брильянтов. И никого вокруг, ни одной живой души, то бишь грабителя.

Через две недели другой искатель приключений, выброшенный приливной волной на берег, обнаружил его обглоданные койотами кости. А рядом — раскопанный предшественниками клад. Когда же обрадовался везенью, подоспели и койоты.

Так что счастье — это не подарок судьбы. Счастье мы носим в себе. И оно в полной красе проявляется в момент исполнения желаний.

Не желай — и не встретишь счастья.

Пожелай — и оно выйдет к тебе навстречу. Но не сразу. Не в первый момент. На то оно и счастье, чтобы материализоваться лишь тогда, когда нужно оно позарез. Иначе надейся на сказки, где дуракам — счастье.

— Любовь всем возрастам покорна? Какая она, очень взрослая любовь?

— На эту тему есть у меня очень короткий рассказ. Любовь ушла. Утром он не проснулся.

А если ближе к реальной жизни, что ж... В пору, когда семейная лодка дала трещину, что обычно случается накануне пятидесятилетия, я пригласил в студию на интервью израильскую поэтессу Лиору, с которой был хорошо знаком. После эфира мы поехали к ней, чтобы пообщаться с ее парнем, прибывшим из России в гости. Я привез с собой бутылку израильского коньяка, чтобы заморский гость почувствовал себя в Израиле как дома. Потом оказалось, что надо было брать водку. Но дело не в напитках, сорок градусов там, сорок градусов здесь, и ни в одном глазу.

Почему? Дело в том, что глаза мои затмила подруга моей израильской поэтессы Белла, аспирантка Ерейского университета Иерусалима, пришедшая к ней за письмами от родных, которые она получала на ее адрес, так как своей квартиры не имела, а жила в университете общежитии. Кроме того, она была тоже поэтесса, известная на Украине, в России — печаталась в «Юности», и в США — переводилась на английский язык.

— Откуда ты такая? — спросил я.

— Из Одессы.

— Вот это да! Ты мне и нужна! У меня все предки из Одессы!

С тех пор и не расстаемся.

А вы говорите: какая она, любовь в возрасте? Да такая же, как всегда, если она есть. А если нет, то можно писать:

*Любовь удалилась по малой нужде
И большие домой не явилась.
А ты в телевизор смотри на вождей,
Роняя из глаз своих сырость.*

— В каком порядке по значимости вы бы расставили такие понятия, как деньги, здоровье, любовь, счастье, слава, карьера... И как этот порядок выглядел в вашей юности?

— Славой сочтемся. Так считал и в юности, и сейчас. С молодых лет внутри меня сработалась система антизависти, как в творчестве, так и в спорте. В самом простом представлении это выглядит так.

Мопассан? Хотел бы его славу? Но ведь при этом надо взвалить на себя и его жизнь. И угасание в психушке, и смерть от сифилиса. Нет, это не по мне. Перечислять имена великих можно и дальше. И каждый раз, как мысленно назовешь имя, внезапный стопор: то у них жизнь была слишком короткой, то умерли, не дописав главного своего произведения, то наявили, если отбросить хрестоматийный глянец, творили всяческие безобразия.

Карьера? В советские времена развитых в социализме семидесятых годов я закончил отделение журналистики Латвийского университета. К тому времени выпустил уже документально-художественную повесть «В прицеле — свастика», которая — даже в 2015! — оказалась не только востребованной, но и получила диплом «Лучшая книга» года на международном конкурсе в Германии. Но работы по журналистике не нашел, хотя уже был членом Союза журналистов СССР и работал до это-

го в газетах. Почему? Можете не верить, но это — правда. Не брали на работу в редакцию из-за пятого пункта, потому что по национальности еврей. В лучшем случае, если бы устроился, ни о какой карьере не пришлось бы мечтать. Потому что я не собирался вступать в партию, как и все члены моей многочисленной семьи — от дедушек до родителей и старших братьев и сестер. Тогда-то я и уехал в Сибирь, работал в районе взрыва Тунгусского метеорита, в районной газете, где даже не подозревали о квоте для евреев при приеме на работу в газете. В результате родились роман «Один на все четыре родины», принесший мне Бунинскую премию в 2008 году, повести «Укрылась женщина в снегу» и «Тунгуска». Словом, вместо карьеры обогатился новым жизненным материалом для произведений, что мне дороже всего. Следовательно, могу утверждать, глядя из Риги 1975-го и Иерусалима 2016 годов: первое — здоровье, второе — взаимная любовь, все остальное в свободном расположении по ранжиру, желательно, конечно, в том объеме, чтобы внутренне осознавать, что жизнь прошла не зря. Для меня это главное: внутреннее осознание того, что сделано.

— Что вас сейчас больше всего беспокоит и к чему вы абсолютно равнодушны?

— Голда Меир: сорок лет Моисей водил евреев по пустыне, чтобы привести в единственное место на Ближнем Востоке, где нет нефти.

От себя добавим: а почему? Наверное, затем, чтобы отыскать самое незавидное место на земле, чтобы евреям никто не завидовал и не претендовал на их Израиль.

Однако...

Вот это и беспокоит.

А равнодушие? Об этом можно говорить разве что со статуей царя Давида в Санкт-Петербурге, которой, по требованию возмущенных представителей взрослого населения, необходимо прикрыть тряпкой в отсутствии фигового листка половой орган, дабы не возмущал детишек, шагающих в школу. На самом деле, этот половой орган, прицепленный к телу еврейского царя, может возмутить только евреев, так как он не обрезанный — не прошел брит-мила, если вспоминать об иврите.

Беседовала Елена Серебрякова

Для справки:

Ефим Гаммер — родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге, закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, автор 25 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них — Бунинская серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», Москва, золотой знак — 2005 и золотая медаль «Лучшему автору» — 2010, «Петербург. Возрождение мечты», 2003». В 2012 году стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. Живет в Иерусалиме. Член редколлегий журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия), широко печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки.

http://www.50plus.ru/be_in_the_plus/lichnost/121/5404.xml

Евгений Скоблов

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

19 октября, в библиотеке Мандельштама, прошел творческий вечер Игоря Нехамеса. Автор рассказал о своем литературном творчестве и представил поэтический сборник «Прописи времени», а также книгу прозы «Кубинский привет», где помещен прекрасный рассказ «Боги Барбудки» — о помощи кубинских врачей Советскому Союзу и России в излечении детей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Благодарность Кубе — это знаковое событие, тем более, что 14 октября в Москве открылся 19 Всемирный Фестиваль молодежи и студентов, посвященный лидерам кубинской революции Эрнесто Че Гевара и Фиделю Кастро Рус.

**Ушел из жизни после продолжительной болезни
ВИКТОР ИВАНОВИЧ ЕРЕМИН,**

главный редактор тульской областной газеты «Тульская правда» (орган Тульского обкома КПРФ), верный друг и частый автор нашего журнала — как прекрасный рассказчик и драматург.

Где бы он ни был — в редакции тактичным и бескомпромиссным руководителем или на страницах газеты — умным и профессиональным журналистом, каждое его слово доходило до сердца слушателей и читателей. Он жил и дышал чаяниями и заботами, проблемами и перспективами своей Родины и своей малой родины. Любой его шаг был соизмерим с главным направлением развития нашего общества

Каждый, кто с ним сталкивался, был потрясен его энциклопедическими знаниями и душевной чистотой. И потому он притягивал людей, авторов, единомышленников. Виктор Иванович успел застать знаменательную дату — 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции, празднование события мирового значения, дела, которому он посвятил всю свою жизнь. И уходя, знал, что дело будет продолжено его товарищами.

Его работа, его душевые помыслы, направленные на благо людей, Отечества, останутся жить в наших сердцах.

*Редакция ордена Г. Р. Державина
литературно-художественного и
публицистического журнала
«Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов

Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка и изготовление

оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

*В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом от 29 де-
кабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информа-
ции, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал
предназначен для читателей старше 16 лет.*

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2017
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственное, чем вы можете посильнее помочь редакции,— это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присыпать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

*Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru
С признательностью — редакция журнала.*

К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ
ТУЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ И ГОРОДА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ
Из собрания Тульского областного художественного музея

Вагин Б. И. (1920—2002). Праздник в Туле. 1973 г. Холст, масло. 70×107

*Шурлапова Э. В. (род. 1937), Путятин И. М. (род. 1934).
На Поле Куликовом. 1980 г. Холст, масло. 108×160*

**95 ЛЕТ ОБРАЗОВАНИЯ СССР.
ИСТОРИЯ ИСКУССТВА. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**
Цикл выставок из собрания Тульского областного художественного музея

Тоидзе Г. В. (род. 1932). Осень в лесу. 1987 г. Холст, масло. 140×150

Шважкас И. К. (1925—1976). Вечер. 1965 г. Холст, темпера, масло. 130×150